

Альфред ВАН ВОГТ

СЛЭН

Альфред

ВАН ВОГТ

СЛЭН

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА**

XX века

**Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джеймс БАЛЛАРД
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стэнли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ**

A. Van Vogt

Slan. 1946

The silkie. 1969

The book of Ptath. 1947

Альфред ВАН ВОГТ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

СЛЭН

Амбер, Лтд.
1993

ББК 84.7 США
В 65

Перевод с английского

В 4703010100—21 без объявления
И22 (03)—93

ISBN 5—88358—020—3

© Амбер, Лтд.

СЛЭН

ГЛАВА 1

Рука матери, сжимавшая его руку, была холодной. Они торопливо шли по улице, и страх ровными быстрыми толчками передавался от ее мозга к нему. В его мозгу теснились тысячи чужих мыслей, шедших из толпы по обеим сторонам и из зданий, мимо которых они проходили. Но только мысли его матери были связными, четкими — и испуганными.

«Они следят за нами, Джомми, — сообщил ее мозг. — Они не до конца уверены, но они подозревают. Мы слишком часто рисковали, приезжая в столицу, хотя в этот раз я очень надеялась показать тебе древний путь слэнов в катакомбы, где скрыт секрет твоего отца. Джомми, если случится самое худшее, ты знаешь, что делать. Мы достаточно часто тренировались. И, Джомми, не бойся и не волнуйся. Хотя тебе всего девять лет, ты такой же умный, как пятнадцатилетнее человеческое существо».

«Не бойся». Легко сказать, подумал Джомми и спрятал эту мысль от нее. Ей не понравится эта скрытность, этот щит между ними. Но есть мысли, которые нужно держать про себя. Она не должна знать, что ему тоже страшно.

Все было внове и возбуждало интерес. Он очень волновался каждый раз, когда они появлялись в сердце Центрополиса из тихого пригорода, в котором жили. Огромные парки, километры небоскребов, толпы людей всегда казались еще более прекрасными, чем рисовало его воображение — но от столицы мира можно было ожидать больших размеров. Здесь находилась резиденция правительства. Где-то здесь жил Кир Грей, абсолютный диктатор всей планеты. Давным-давно — сотни лет назад — слэны владели Центрополисом в недолгий период их царствования.

«Джомми, ты чувствуешь их враждебность? Ты уже чувствуешь на расстоянии?»

Он напрягся. Непрерывная волна неопределенности, которая накатывала из толпы, вертелась и стучала в мозг. Откуда-то появился заблудившийся обрывок мысли:

«Говорят, в городе до сих пор есть живые слэны, несмотря на все меры предосторожности. По приказу их надо расстреливать на месте».

«Но разве это не опасно? — появилась другая мысль, очевидно, вопрос, заданный вслух, хотя Джомми уловил лишь ее мысленный образ. — Я имею в виду, что по ошибке может быть убит совершенно невинный человек».

«Поэтому они редко стреляют сразу. Они пытаются их отлавливать, а потом исследуют. Их внутренние органы не такие, как у нас. Ты знаешь, а на голове у них...»

«Джомми, ты чувствуешь их, за квартал позади от нас? В большой машине! Они ждут подкрепления, чтобы зайти на нас спереди. Они торопятся. Ты можешь уловить их мысли, Джомми?»

Он не мог! Как бы сильно ни напрягал он свой мозг, даже вспотев от усилия. Здесь ее зрелая сила превосходила его не по годам развитые инстинкты. Она могла преодолевать большие расстояния и собирать отдаленные мысли в четкую картину.

Ему хотелось обернуться и посмотреть, но он не отваживался. Он почти бежал на своих маленьких, хотя достаточно длинных ногах, стараясь не отстать от широкого, возбужденного шага своей матери. Как ужасно быть маленьким и беспомощным, молодым и неопытным, в то время как жизнь требовала зрелой силы и бдительности взрослого слэна.

В его раздумья вклинилась мысль его матери: «Некоторые из них впереди нас, Джомми, а другие переходят через дорогу. Тебе нужно уходить, дорогой мой! Помни, о чем я тебе говорила. Ты живешь ради одного — дать возможность слэнам жить нормальной жизнью. Я думаю, тебе придется убить нашего величайшего врага, Кира Грея, даже если ради этого нужно будет пробраться в правительственный дворец. Помни, будут крики и неразбериха, но держи голову выше. Удачи, Джомми».

До тех самых пор, пока она не отпустила его руку, крепко пожав ее, он не осознавал, что тон ее мыслей изменился. Страх пропал. От ее мозга исходило убаюкивающее спокойствие, умиряющее его натянутые нервы и замедляющее биение двух его сердец.

Джомми спрятался за спинами проходящих мимо мужчины и женщины и увидел человека, направлявшегося в сторону высокой фигуры его матери, которая была очень похожа на обычных людей, в брюках и красной блузке, с волосами, собранными туго повязанным платком. Мужчины, одетые в гражданское, переходили улицу, их темные лица выражали необходимость выполнить неприятный долг. Отвратительная мысль об их ненависти, которая облаком висела над их сознаниями, бросилась на Джомми. Она озадачивала его даже

в тот момент, когда он подготавливал путь к бегству. Почему он должен обязательно умереть? Он и его прекрасная, отзывчивая, интеллигентная мама! Это было абсолютно неправильно.

Автомобиль, сверкающий на солнце, как продолговатый драгоценный камень, внезапно появился у тротуара. Хриплый мужской голос выкрикнул за спиной Джомми:

— Стойте! Там мальчишка. Не упустите мальчишку! Остановите его!

Люди останавливались и глазели. Он чувствовал удивительную мягкость их мыслей. Тут он забежал за угол и понесся по Кэпитал-авеню. От тротуара тронулся автомобиль. Ноги Джомми мелькали с сумасшедшей скоростью. Необычайно сильными пальцами он вцепился в задний бампер, подтянулся и повис на машине, а та повернула на оживленную улицу и начала набирать скорость. Откуда-то издалека пришла мысль: «Удачи, Джомми».

Все девять лет она готовила его к этому моменту, но ком встал у него горле, когда он ответил: «Удачи, мама».

Машина шла слишком быстро, молниеносно накручивая километры. Слишком много людей останавливались и смотрели на маленького мальчика, крепко вцепившегося в сверкающий бампер. Джомми чувствовал напряженность их взглядов, мысли, которые проносились в их мозгу и исторгали резкие крики из их глоток. Крики водителю, который ничего не слышал.

Пелена мыслей преследовала его, — мыслей людей, которые бежали в телефоны-автоматы и сообщали в полицию о беспомощном мальчике на бампере. Джомми прищурился, ожидая увидеть пристраивающуюся сзади патрульную машину, которая остановит его несущийся автомобиль. Встревоженный, он впервые сосредоточил свой мозг на пассажирах машины.

На него полились мысленные потоки двух сознаний. Как только он разобрался в них, то невольно вздрогнул и опустился ниже к дороге, приготовившись прыгать. Он посмотрел вниз, но у него закружилась голова, и Джомми подтянулся обратно. Дорога тошнотворно быстро неслась вниз, искаженная скоростью машины.

Нерешительно его мозг вновь нащупал контакт с сознанием людей в машине. Мысли водителя были сосредоточены на управлении машиной. Один раз он мельком вспомнил про пистолет висевший в наплечной кобуре. Его звали Сэм Эндерс, и он работал шофером и телохранителем у человека,

сидевшего рядом с ним, — Джона Петти, начальника секретной полиции всемогущего Кира Грея.

Личность шефа полиции пронзила Джомми как удар тока. Знаменитый охотник за слэнами сидел расслабившись, его мозг работал в медленном, задумчивом режиме.

Какое необычное сознание! В нем ничего невозможно прочитать, кроме неясных поверхностных пульсаций. Джомми с удивлением подумал о том, что Петти не мог осознанно прятать свои мысли. Но они были укрыты щитом, не менее эффективным, чем у любого слэна. Но он был другим. Полутона выдавали безжалостный характер, высокодисциплинированный и одаренный мозг. Внезапно он поймал хвост мысли, вынесенной на поверхность всплеском эмоций, который нарушил спокойствие этого человека: «Надо прибить эту девчонку-слэна, Кэтлин Лэйтон. Только так можно подорвать могущество Кира Грея...»

С панической быстротой Джомми попытался проследить эту мысль, но она пропала в тени, вне пределов досягаемости. Но все равно он уловил суть. Девочка-слэн по имени Кэтлин Лэйтон должна быть убита для того, чтобы подорвать могущество Кира Грея.

«Босс, — пришла мысль Сэма Эндерса, — поверните вон тот выключатель. Красный огонек — это тревога».

Мозг Джона Петти остался безразличным. «Пускай суетятся, — огрызнулся он. — Это все делишки для баранов».

— Почему бы не посмотреть, что там? — сказал Сэм Эндерс.

Машина чуть-чуть притормозила, пока он дотягивался до дальнего края панели; и Джомми, который осторожно пробрался на край бампера, в отчаянии ждал возможности прыгнуть. Его глаза видели впереди только размытую полосу дороги, не окаймленную травяными газонами, жесткую и угрожающую. Спрыгнуть сейчас означало разбиться насмерть о бстонку. Безнадежно. Он подтянулся обратно, и его окатил шторм мыслей Эндерса, когда тот принимал сигнал тревоги:

— ...Всем машинам на Кэпитал-авеню и ее окрестностях разыскивать мальчика, по подозрению слэна, по имени Джомми Кросс, сына Патриции Кросс. Миссис Кросс была убита десять минут тому назад на перекрестке Главной и Кэпитал. Мальчик запрыгнул на бампер машины, которая, по сообщениям свидетелей, быстро уехала.

— Вы слышите, босс, — сказал Сэм Эндерс. — Мы на Кэпитал-авеню. Лучше остановимся и поможем его искать. За слэнов дают награду в десять тысяч долларов.

Тормоза взвизгнули. Машина затормозила так сильно, что Джомми распластался на багажнике. Он вырвался из-под навалившейся на него силы, и до того как машина остановилась, опустился на дорогу. Ноги сразу же понесли его. Он проскочил мимо старухи, которая жадно попыталась схватить его. Потом он оказался на пустыре, с другой стороны которого высились длинные ряды закопченных кирпичных и бетонных зданий, начало района оптовой торговли и фабрик.

Вслед за ним из машины со злобой понеслась мысль: «Эндерс, ты соображаешь, что это мы выехали с перекрестка Главной и Кэпитал десять минут тому назад? Этот мальчишка — вот он! Стреляй же, придурок!»

Ощущение того, как Эндерс вытаскивал пистолет, было настолько отчетливым в сознании Джомми, что он почувствовал, как металл скребет по коже кобуры. Он почти видел, как тот прицеливался, настолько ясной в его сознании была картина, соединившая их на расстоянии в полтора фута.

Джомми отпрыгнул в сторону, когда пистолет с глухим звуком выстрелил. Он почувствовал легкий удар, затем взбежал по ступенькам и через дверь проскочил в огромный, плохо освещенный пакгауз. Позади себя он уловил неясную мысль:

«Не волнуйтесь, босс, мы этого маленького мерзавца измотаем».

«Дурак, ни один человек не сможет измотать слэна». Казалось, в этот момент он выкрикивал приказания по радио: «Необходимо оцепить район 57-й улицы... Сосредоточить все полицейские машины, вызвать солдат на...»

Как сильно все перемешалось! Джомми пробирался по плохо освещенному складу, помня только о том, что, хотя его мускулы и не знали усталости, взрослый человек мог бежать вдвое быстрее. Мир вокруг него состоял из теней на длинных рядах ящиков, уходящих в неразличимую полутьму. Дважды его посещали спокойные мысли людей, которые грузили ящики где-то слева от него, но они не знали о его присутствии и не подозревали о суматохе снаружи. Далеко впереди себя, с правой стороны, он увидел освещенное отверстие — дверь. Он пошел в том направлении. Дойдя до нее, он удивился собственной усталости. На боку висело что-то мокрое и липкое, мускулы с этой стороны затекли. Его мозг работал медленно и неохотно. Он остановился и выглянул из дверей.

На него смотрел мир, очень отличающийся от Кэпитал-авеню. Это была грязная улочка со щербатой мостовой, на противоположной стороне стояли ряды домов, которые были построены из пластика больше сотни лет назад. Хотя этот материал

был практически вечен и несмываемая расцветка домов была в основном такой же яркой и свежей, как во время строительства, все равно были видны отметины времени. Сажа и копоть, как пиявки, пристали к сверкающему материалу. Газоны были сухоожжены, и вокруг лежали кучи мусора.

Улица казалась пустынной. Смутный шорох мыслей доносился из закопченных домов. Он слишком устал, чтобы определить, только ли из домов исходит этот шорох.

Джомми перегнулся через перила складской эстакады и прыгнул на твердый бстон. Его заполнила боль в боку, и тело обессилело, исчезла обычная упругость, которая позволяла ему без труда прыгнуть с такой высоты. От удара о тротуар у него внутри все болезненно сжалось.

Когда он перебежал через улицу, ему показалось, что все вокруг потемнело. Джомми потряс головой, чтобы прояснить картину, но это не помогло — он мог только ковылять на налитых свинцом ногах мимо сверкающих, но закопченных двухэтажных коттеджей и высокого, цвета морской волны жилого дома. Он не увидел и не почувствовал женщину на веранде у себя над головой, пока она не ударила его шваброй. Она промахнулась, потому что он вовремя заметил тень и увернулся.

«Десять тысяч долларов, — закричала она ему вслед. — По радио говорили — десять тысяч. Вы слышите, они будут мои! Не трогайте его! Он мой. Я первая его увидела».

Он понял, что она кричала на других женщин, которые выскакивали из дома. Слава Богу, все мужчины были на работе!

Ужас преследовал его, и он бежал с удвоенной от страха силой по узкому тротуару перед домом. Джомми старался укрыться от их отвратительных мыслей и вздрагивал от самого ужасного в мире звука: резких, скрежещущих голосов отчаянно нищих людей, которые дюжинами устремлялись за богатством, превосходящим пределы всех их жадных мечтаний.

Он испугался, что его избьют швабрами и тяпками, метлами и граблями, проломают голову, переломают кости, превратят в месиво. Шатаясь, мальчик обогнул дальний угол дома. Кричащая толпа бежала позади него. Он чувствовал нервозность в их заплывших мозгах. Они слышали истории о слэнах, которые внезапно перевесили их желание завладеть десятью тысячами долларов. Но стадный инстинкт придавал сил каждому в отдельности. Толпа продолжала двигаться.

Он вбежал в маленький задний дворик, по обеим сторонам которого стояли высокие ряды ящиков. Они возвышались над

ним темной массой, неразличимой отчетливо даже при ярком солнечном свете. В его затуманенном мозгу мелькнула идея, и в следующее мгновение он уже карабкался на составленные ящики.

Ему показалось, что от напряжения боль еще сильнее вцепилась зубами ему в бок. Джомми осторожно прошмыгнул по верху ряда и наполовину влез, наполовину упал в пространство между двумя старыми ящиками. Пространство было свободно до самой земли. Почти в полной темноте его глаза различили еще более темное пятно пластиковой стены дома. Он протянул руку и ощупал края отверстия в гладкой стене.

В следующий момент мальчик протиснулся внутрь и бессиленно повалился на влажную землю. Под собой он почувствовал обломки камня, но в тот момент он был слишком усталым, чтобы что-то делать, поэтому просто лежал, почти не дыша, а снаружи неистовствовала в безуспешных поисках толпа.

Темнота успокаивала, как мысли матери перед тем, как она сказала, чтобы он уходил. Кто-то поднялся по лестнице прямо над его головой, и это подсказало ему, где он находился: в небольшом пространстве под черной лестницей. Джомми подумал о том, как же удалось проломить твердый пластик.

Он лежал в холодном поту от страха и думал о своей матери, которая теперь мертва, как сказали по радио. Мертва! Конечно, она не испугалась. Он слишком хорошо знал, как она ждала этого дня, когда сможет присоединиться к своему мужу в покое могилы. «Но мне нужно вырастить тебя, Джомми. Было бы так легко, так приятно расстаться с жизнью; но мне нужно сохранить тебя живым до тех пор, пока ты не вырастешь. Твой отец и я отдали все, что имели в жизни, на разработку этого великого изобретения, и это все пойдет впустую, если ты не сможешь пойти дальше».

Он отогнал от себя эту мысль. Его мозг теперь не был так затуманен. Краткий отдых пошел на пользу. Но от этого камни, на которых он лежал, казались еще более неудобными. Джомми пытался пошевелиться, но места было слишком мало.

Автоматически Джомми ощупал камни под собой и сделал открытие. Это были не камни, а куски пластика. Пластика, который провалился внутрь, когда кто-то проломил небольшой участок стены и сделал это отверстие. Странно было думать об этой дыре и понимать, что кто-то еще кроме него думал об этой же самой дыре. Внезапность этой размытой мысли, пришедшей снаружи, пронзила Джомми как молния.

Напуганный, он попытался выделить мысль и мозг, от которого она исходила, но вокруг было слишком много мыслей, слишком много возбуждения. Аллея была запружена солдатами и полицейскими, которые обыскивали каждый коттедж, каждый квартал, каждый дом. Один раз, пробиваясь над кутерьмой мозгового шума, он поймал ясную, холодную мысль Джона Петты:

«Вы говорите, его последний раз видели здесь?»

«Он забежал за угол, — сказала женщина, — а потом пропал!»

Трясущимися пальцами Джомми начал выковыривать обломки из влажной земли. Он заставил себя успокоиться и осторожно и быстро начал закладывать дыру, используя землю как раствор. От осознания того, что его работа вблизи сразу будет заметна, у него сосало под ложечкой.

Пока Джомми работал, он все время чувствовал мысли другого человека, лукавые, все понимающие мысли, смешанные с бешеным приливом других мыслей, которые бились о его мозг. Ни на секунду этот другой не переставал думать об этой дыре. Джомми не был уверен, мужчина это или женщина.

Мысль все еще присутствовала, темная и угрожающая, когда мужчины наполовину оттащили коробки на другую сторону и заглядывали в промежутки между ними, а затем медленно она удалилась вместе с затихающими криками и кошмаром других мыслей. Охотники ушли охотиться в другое место. Долгое время Джомми еще мог их слышать, но в конце концов жизнь успокоилась, и Джомми понял, что наступает ночь.

Суматоха дня все еще висела в воздухе. Шепот мыслей доносился из коттеджей и квартир в большом доме, люди обдумывали, обсуждали то, что произошло сегодня. В конце концов он побоялся ждать дольше. Где-то неподалеку находился человек, который знал о том, что он здесь, но ничего не сказал. Это был недобрый мозг, который наполнял его нехорошими предчувствиями и желанием как можно быстрее убраться из этого места. Трясущимися, но быстрыми пальцами он убрал обломки пластика. Затем, изнемогший от долгого бодрствования, он осторожно протиснулся наружу. От движения у него опять начал болеть бок, и волна слабости затуманила мозг, но он боялся оставаться здесь. Медленно он подтянулся вверх. Его ноги почти достали до земли, когда он услышал быстрые шаги и ощутил присутствие человека, который поджидал его.

Тошная рука схватила его за шиколотку, и торжествующий женский голос произнес:

— Вот и хорошо, иди к Бабушке. Бабушка о тебе позаботится, это точно. Бабушка сообразила. Она все время знала, что ты мог залезть только в эту дыру, а эти дураки ничего не подозревали. О да, Бабушка умная. Она ушла, потом вернулась обратно и, из-за того что слэны умеют читать мысли, держала свои мысли подальше и думала только о стряпне. И она одурачила тебя, правда? Она знала, что тебя одурачит. Бабушка присмотрит за тобой. Бабушка тоже ненавидит полнейших.

С внезапным унынием Джомми узнал мозг хищной старухи, которая пыталась схватить его, когда он бежал от машины Джона Петти. Один мимолетный взгляд впечатал эту злую старуху в его мозг. И теперь от нее веяло таким ужасом, так страшны были ее намерения, что он тихо вскрикнул и пул ее.

Тяжелая палка в ее руке опустилась на его голову. Удар был страшным. Тело Джомми свела судорога, его тело обмякло и упало на землю.

Он чувствовал, как ему связали ноги, а потом то ли несли, то ли тащили несколько десятков футов. В конце концов его втащили в скрипучий старый фургон и закрыли тряпками, которые пахли конским потом, смазкой и мусорницами.

Фургон двигался по грубой мостовой на задней улочке, и Джомми услышал, как старуха, перекрывая грохот колес, сказала:

— Какая бы была Бабушка дура, если бы позволила им тебя поймать. Награда в десять тысяч — фу! У меня никогда не было ни цента. Бабушка знает жизнь. Когда-то она была известной актрисой, а теперь так, отброс общества. Они никогда не дали бы мне, старой побирушке, и сотни долларов, не говоря о сотне сотен. Фу на всех них! Бабушка покажет им, что надо делать с молодыми слэнами. Бабушка наживет огромное состояние на этом дьяволенке...

ГЛАВА 2

О пять появился этот маленький противный мальчишка. Кэтлин Лэйтон нервно напряглась, потом расслабилась. От него невозможно спрятаться там, где она стояла, на пяти-сотфутовой крепостной стене, окружавшей дворец. Но, прожизив долгис годы во враждебном окружении, легко противостоять чьему угодно, даже Дэви Динсмору, одиннадцатилетнему мальчишке.

Она не отвернется. Она не даст ему никакого намека на то, что знает о его приближении к ней по широкому, крытому стеклом прогулочному коридору. Замерев, она продолжала поддерживать лишь легкий контакт для того, чтобы он не появился перед ней внезапно. Надо было продолжать рассматривать город так, как будто ничего не происходило.

На небольшом расстоянии от нее раскинулся город: громадный массив домов и зданий, их пестрая расцветка то вспыхивала яркими красками, то пропадала совсем в сгущающихся сумерках. Равнина за чертой города выглядела темной, и обычно голубая, струящаяся вода реки, вытекающей из города, казалась черной, матовой в этом мире, почти лишенном солнца. Даже горы на отдаленном, темнеющем горизонте приняли очертания, тяжелый характер которых соответствовал печали в ее собственной душе.

— А-а-а! Смотри хорошенько. В последний раз это видишь.

Грубый голос проскрежетал по ее нервам, как сильный бесполезный шум. На мгновение слова казались настолько неразличимыми, что смысл их не дошел до ее сознания. Потом, не желая того, она повернулась к нему лицом.

— В последний! Что ты имешь в виду?

В ту же секунду она пожалела о сказанном. Дэви Динсмор стоял в шести футах от нее. На нем были надеты длинные шелковые брюки зеленого цвета и открытая на груди желтая рубашка. На лице мальчика было написано выражение: «Я крутой мужик», а его губы изогнулись в презрительной усмешке, что сильно напомнило ей о том, что даже ее безразличие к нему означало его победу. Но все же — почему он сказал это? Трудно было поверить, что эти слова он выдумал сам. Ее охватило желание покопаться в его мозгу. Она вздрогнула и решила не делать этого. Войти в этот мозг в его теперешнем состоянии означало на месяц потерять остроту восприятия.

В течение долгих месяцев она разрывала свой мозговой контакт с потоком человеческих мыслей, людских надежд и людской ненависти, которые превращали атмосферу дворца в ад. Лучше наказать мальчишку сейчас, так же как она это делала прежде. Она повернулась к нему спиной, и легчайший из легких контактов с его мозгом принес ей полутона гнева, который прокатился сквозь него. И вновь она услышала его прерывистый голос:

— Да-а-а, последний раз. Я это сказал, и я это сделаю. Завтра тебе исполняется одиннадцать лет, так?

Кэтлин не ответила, притворившись, что не расслышала. Но за маской равнодушия она скрыла пронзившее ее ощущение

ние надвигающейся катастрофы. В его голосе было слишком много злорадства, слишком много уверенности. Возможно ли, что вокруг нее происходили ужасные вещи, строились ужасные планы в те месяцы, когда она изолировала свой мозг от мыслей этих людей? Совершила ли она ошибку, заперев себя в своем собственном мире? Атеперь реальный мир пробил ее защитную броню.

Дэви Динсмор бросил:

— Думаешь, ты умная? Больше не будешь так думать, когда тебя завтра станут убивать. Может быть, тебе об этом неизвестно, но мамочка говорит, что по дворцу ходят слухи, что, когда тебя привезли сюда, мистеру Киру Грею пришлось пообещать кабинету, что тебя убьют на твой одиннадцатый день рождения. И даже не думай, что они этого не сделают. Позавчера на улице они убили женщину-слэна. Понятно! Что ты на это скажешь, умница?

— Ты сумасшедший! — слова сами собой слетели с ее губ. Она до конца не поняла, что это произнесла она, потому что она думала совершенно другое. Кэтлин не сомневалась, что он говорит правду, — это совпадало с огромной массой их ненависти. Это было настолько логично, что ей внезапно показалось, что она всегда об этом знала.

Странно, что именно упоминание о том, что Дэви об этом рассказала его мать, захватило сознание Кэтлин. Впамяти она вернулась на три года назад, в тот день, когда этот мальчишка напал на нее под покровительствующим взглядом своей матери, надеясь поугубить маленькую девочку. Сколько удивления, сколько крика и страха увидела Кэтлин, когда подняла Дэви в воздух, а его разгневанная родительница подскочила к ним, изрыгая угрозы и обещания того, что она сделает с «грязным, подлым маленьким слэном».

И вдруг появился Кир Грей, серьезный, высокий и мощный, и миссис Динсмор вся сжалась перед ним.

— Мадам, на вашем месте я бы не поднял руки на этого ребенка. Кэтлин Лэйтон принадлежит государству, и в нужное время государство избавится от нее. Что касается вашего сына, то я случайно стал свидетелем происшедшего. Он получил как раз то, чего заслуживает каждый задира, и, я надеюсь, он получил хороший урок.

Какое необыкновенное удовольствие доставило ей то, что он ее защищал. После этого она поместила Кира Грея в другую категорию людей в своем сознании, несмотря на его безжалостность, несмотря на то, что про него рассказывали ужасные

истории. Но теперь она знала правду, и что он не сказал ничего лишнего тогда: «...государство избавится от нее».

Она вздрогнула, вышла из задумчивого состояния и увидела, что город внизу изменился. Вся огромная его масса величественно засверкала мириадами огней, раскинувшихся широкой панорамой. Превратившись в чудесное зрелище, он лежал перед ней, как громадный, сверкающий драгоценный камень, сказочная страна домов, которые поднимались вверх к небесам и горели, являя картину величественной мечты. Как хотелось ей войти в этот загадочный город и увидеть самой все те удовольствия, которые представлялись ей в воображении. Теперь, конечно, она никогда не увидит его. Целый мир останется неувиденным, неиспробованным, не принесящим наслаждения.

— Ага! — вновь послышался нервный голос Дэви. — Смотри хорошенько. В последний раз.

Мороз пробежал по коже Кэтлин. Она не могла вынести присутствия этого... этого испорченного мальчишки более ни секунды. Не сказав ни слова, она повернулась и спустилась во дворец, в одиночество своей комнаты.

Сон не приходил, а было уже поздно. Кэтлин точно знала, что было поздно, потому что рокот мыслей снаружи утих и все давно были в постели, кроме охранников, неврастеников и любителей поздних вечеринок.

Странно, но уснуть она не могла. На самом деле ей легало, когда она узнала обо всем. Будничная жизнь была ужасной, ненависть слуг и всех остальных людей почти невыносимой. В конце концов она, должно быть, задремала, потому что резкая мысль, которая пришла к ней снаружи, исковеркала сон, который ей снился.

Кэтлин встрепенулась. Усики, которые были у всех слэнов (тонкие золотистые нити, отсвечивающие в полутьме на фоне ее темных волос, окаймлявших тонкое детское лицо), поднялись из волос и мягко раскачивались, как будто легким ветерком. Мягко, но настойчиво.

Внезапно угрожающая мысль, которую чувствительные антенны выловили из укутанного темнотой дворца Кира Грея, дошла до ее сознания. Дрожа, Кэтлин проснулась окончательно.

Мысль задержалась в ее сознании на мгновение, отчетливая, жестокая, хладнокровно убийственная, стряхивая с нее остатки сна, как холодный душ. А потом она исчезла, как будто ее вовсе не существовало. Осталась только неразбериха образов, которые, как прибой, накатывали нескончаемым потоком из бесчисленных комнат огромного дворца.

Кэтлин лежала не шевелясь, и из глубин ее собственного сознания появилось понимание того, что все это значило. Кто-то не хотел ждать до завтра. Кто-то сомневался, что ее казнят. И он намеревался поставить Совет перед свершившимся фактом. Такой человек был только один, обладающий достаточной властью, чтобы не бояться никаких последствий: Джон Петти, глава тайной полиции, фанатик-антислэн Джон Петти, ненавидевший ее с такой силой, которая даже среди своих, тоже ненавидящих слэнов, была пугающей. Убийцей должен был быть один из его подручных.

Усилием воли она успокоила нервы и попыталась обозреть в своем мозгу пространство вокруг, дальше, насколько хватало сил. Секунды тянулись, а она все лежала, разыскивая мозг, мысли которого на краткий миг угрожали ее жизни. Шепот посторонних мыслей превратился в рев, который оглушал ее. Прошло несколько месяцев с тех пор, как она в последний раз исследовала этот мир неконтролируемых мыслей. Ей показалось, что воспоминания об ужасе, который они приносили, не померкли. Но реальность оказалась еще хуже воспоминаний. Решительно, с почти зрелой настойчивостью, она держалась в этом шторме мозговых вибраций, пытаясь вычленивать каждую отдельную мысль по очереди. Появилось предложение:

«О Господи, надеюсь, что обман не обнаружится. Сегодняшний, с овощами».

Это, должно быть, жена шеф-повара, несчастная богобоязненная женщина, которая смертельно боялась того дня, когда мелкое воровство ее мужа обнаружится.

На краткий миг Кэтлин почувствовала симпатию к замученной маленькой женщине, которая не спала, лежа рядом со своим мужем в темноте. Но не слишком сильную симпатию, потому что однажды эта маленькая женщина ни с того ни с сего остановилась, когда Кэтлин проходила мимо нее в коридоре, и без мысленного предупреждения влепила ей сильную пощечину.

Мозг Кэтлин продолжал работать, подгоняемый растущим нетерпением. Сквозь ее сознание проносились разные картины, как в калейдоскопе, которые она отталкивала в момент их появления, как неподходящие, не имеющие отношения к угрозе, от которой она проснулась. Во дворце был целый мир, с его интригами, бесчисленными личными трагедиями, великими амбициями. Пролетали психологические сны, сны тех, кто ворочался в постели. И появлялись мысли тех, кто сидел и что-то замышлял.

Потом внезапно появился обрывок целенаправленной жестокости, твердое намерение убить ее! В мгновение ока он вновь исчез, как непоседливая бабочка, только совершенно на нее непохожий. От него дышало смертью, и это привело ее в отчаяние, потому что вторая вспышка угрожающей мысли была слишком мощная, а значит, ее источник находился не где-нибудь, а вблизи, в ужасной, опасной близости.

Странно, что его оказалось так трудно снова найти. Ее мозг болел: ее бросало то в жар, то в холод; а потом странная картина появилась в третий раз, и ей удалось поймать ее. Теперь Кэтлин поняла, почему этому мозгу так долго удавалось избегать ее. Его мысли были так намеренно расплывчаты, мельком пропуская в себе тысячи других предметов, что казались просто полутонами в общей суматохе мысленного шума вокруг.

Он учился этому, но все же это был не Джон Петти и не Кир Грей, которые могли твердо придерживаться одной мысли, ни разу не споткнувшись. Ее будущий убийца, несмотря на всю свою сообразительность, выдал себя. Как только он войдет в комнату, она...

Мысль исчезла. Ее мозг взмыл в разрушенное пространство. Шокированный правдой, которая свалилась на нее. Этот человек был в ее спальне и в этот момент пробирался на четвереньках к ее кровати.

Кэтлин лежала на кровати, а внутри ее нарастало ощущение, что время остановилось. Оно вырастало из темноты, из того, как одеяло покрывало ее с руками. Она знала, что от малейшего движения накрахмаленные простыни зашелестят. Тогда он набросится на нее, прежде чем она успеет пошевелиться, прижмет ее под одеялом, и она будет в его власти.

Двигаться было нельзя. Нельзя было смотреть. Можно было только чувствовать растущее возбуждение, которое прокатывалось в мозгу убийцы. Его мысли бежали быстрее, и он забывал маскировать их. В нем горел убийственный огонь, такой жестокий и сильный, что ей пришлось отодвинуть часть своего сознания от него: внезапно ей стало почти физически больно.

Сейчас его мысли проявились полностью, и Кэтлин смогла прочитать всю историю нападения. Этот человек был охранником, который стоял за дверью. Но он не был обычным охранником. Странно, что она не заметила перемены. Должно быть, они сменились, пока она спала. Или она была слишком расстроена собственными мыслями.

Кэтлин уловила его план действий, когда он встал и нагнулся над кроватью. Первый раз она заметила тусклый отблеск ножа, когда он занес руку для удара.

Сделать можно было только одно — быстрым сильным движением она набросила одеяло на голову и плечи растерявшегося человека. Затем Кэтлин выскользнула из кровати — тень среди теней в комнате.

Позади нее человек тихо вскрикнул, когда одеяло, брошенное ее маленькими, необычайно сильными руками, укрыло его. В этом низком крике слышалось разочарование и первый страх того, что будет, если его обнаружат.

Она ловила его мысли, слышала, как он двигался, когда он одним прыжком перескочил через кровать и стал размахивать руками, обыскивая темные углы комнаты. Странно, но в тот момент ей показалось, что не нужно было оставлять кровать. Если завтра все равно придет смерть, зачем оттягивать ее? Но Кэтлин узнала ответ на этот вопрос в страстном желании жить, которое прокатилось по ней, и в мысли о том, что этот ночной посетитель служил доказательством, что кто-то, кто хотел ее смерти, боялся, что казни не будет.

Девушка глубоко вздохнула. Ее собственное возбуждение тонуло в первой волне презрения к неуклюжим попыткам убийцы.

— Дурак ты, — сказала она, и в ее детском голосе слышалось пренебрежение, хотя в нем звучала не по-детски железная логика, — ты действительно думаешь, что сможешь поймать слэна в темноте?

Жалко было смотреть, как этот человек прыгнул в направлении, откуда пришли слова, размахивая кулаками во все стороны. Жалко и ужасно, потому что теперь его мысли изуродовал страх. В этом страхе виделось что-то нечистое, и от этого Кэтлин содрогнулась.

Еще раз она заговорила своим высоким детским голосом:

— Тебе лучше убраться, пока кто-нибудь не услышал, как ты тут возишься. Я не расскажу ничего мистеру Киру Грею, если ты уйдешь немедленно.

Она увидела, что непрощенный гость ей не поверил. В нем было слишком много страха, слишком много подозрительности и, неожиданно, хитрости! Невнятно выругавшись, он прекратил искать ее и бросился к двери, где находился выключатель. Кэтлин почувствовала, как охранник достает пистолет и одновременно ищет руками выключатель. И она поняла, что он предпочитал попробовать улизнуть от охранников, которые прибегут сюда на звук выстрела, чем встретиться со своим начальником и признаться в поражении.

— Дурак ты набитый! — сказала Кэтлин.

Она знала, что ей делать, хотя ни разу не делала этого прежде. Бессшумно девушка скользнула вдоль стены, ощупывая ее пальцами. Затем она открыла дверь за панелью, прошмыгнула в нее, заперла за собой и побежала по плохо освещенному тайному коридору к двери на другом его конце. От ее прикосновения дверь раскрылась, и она попала в большую, роскошно обставленную приемную.

Внезапно испуганная собственной дерзостью, Кэтлин замерла в дверном проеме, глядя на огромного мужчину, который сидел за столом и писал при свете настольной лампы с абажуром. Кир Грей не поднял глаза немедленно. Через секунду она поняла, что он знал о ее присутствии, а молчание было разрешением разглядывать его.

В этом властителе было что-то величественное, что вызывало у нее восхищение даже сейчас, когда страх перед ним камнем лежал у нее на сердце. Сильные черты лица придавали ему аристократическое выражение.

Пока он писал, она могла проследить его поверхностные мысли, но не более. Потому что Кир Грей, как она обнаружила давным-давно, имел — вместе с Джоном Петти, самым ненавистным ей человеком, — способность думать в ее присутствии так, что прочитать его мысли было невозможно. Поймать можно было только поверхностные мысли, слова письма, которое он писал. Ее возбуждение и нетерпение пересилили всякий интерес к его письму. Она выпалила:

— Там у меня в комнате человек. Он пытался меня убить.

Кир Грей поднял глаза. Теперь, когда он смотрел на нее, на его лице появилось более серьезное выражение. Аристократические черты пропали, затененные решительностью и властью, появившейся на лице. Кир Грей, властитель людей, холодно смотрел на нее. Когда он заговорил, его мозг заработал с такой точностью, а голос и сознание были так четко скоординированы, что она не была уверена в том, сказал ли он какие-нибудь слова на самом деле.

— Гм, убийца? Продолжай.

Рассказ срывался с дрожащих губ Кэтлин потоком слов, в которых она рассказала обо всем, что произошло с того момента, когда Дэви Динсмор дразнил ее.

— Думашь, за этим стоит Джон Петти? — спросил он.

— Он единственный, кто мог это сделать. Мои охранники находятся в ведении тайной полиции.

Он медленно кивнул, и она почувствовала едва заметное напряжение в его мозгу. Но мысли текли медленно, спокойно и глубоко.

— Итак, время пришло, — мягко сказал он. — Джону Петти захотелось верховной власти. Мне его почти жалко, настолько он не критичен по отношению к себе. Ни один шеф тайной полиции не вызывал доверия у народа. Меня обожают и боятся, его только боятся. И он думает, что это важно. — Карис глаза Кира Грея серьезно посмотрели в глаза Кэтлин. — Он намеревался убить тебя до срока, назначенного Советом, потому что я ничего не смог бы изменить, раз это свершилось. А моя беспомощность перед ним, он это знал, понизит мой престиж в глазах Совета. — Теперь его голос звучал очень низко, как будто он забыл о присутствии Кэтлин и высказывал мысли вслух. — И он был прав. Совету не понравилось бы, если бы я попытался кого-то подвергнуть наказанию за смерть слэна. Хотя они не предприняли бы никаких действий, чтобы доказать, что я испугался. И это бы означало начало конца. Распад, раскол на группы, которые постепенно будут становиться все враждебнее друг другу, когда так называемые реалисты ухватились бы за существующее положение дел и выбрали возможного победителя или начали бы играть в приятную игру, известную как игра обоих концов против середины. — Мгновение он молчал, потом продолжил: — Как ты видишь, Кэтлин, очень деликатная и опасная ситуация. Потому что Джон Петти, с целью дискредитировать меня перед Советом, очень усердно распространял слухи о том, что я хочу спасти тебя. — Он снова улыбнулся. — Хорошо. Что ты думаешь о нашей политической ситуации?

Ноздри Кэтлин раздулись от презрения.

— Он дурак, раз выступает против вас, вот что я думаю. И я буду помогать вам, чем смогу. Я могу помочь, читая мысли...

Кир Грей широко улыбнулся, его лицо осветилось, и с него исчезли жесткие линии. Он сказал:

— Знаешь, Кэтлин, мы, человеческие существа, должны казаться слэнам очень странными время от времени. Например, то, как мы обращаемся с вами. Ты знаешь причину этого, так?

Кэтлин покачала головой:

— Нет, мистер Грей. Я читала мысли людей об этом, и, кажется, никто не знает, почему вы нас ненавидите. Я что-то слышала о войне между слэнами и людьми много лет назад, но до этого тоже были войны, и люди не испытывали друг к другу ненависти после этого. И все эти ужасные истории, которые слишком абсурдны для того, чтобы быть хотя бы похожими на правду.

Он сказал:

— Ты слышала истории о том, что слэны делают с человеческими младенцами?

— Это глупая ложь, одна из многих, — презрительно ответила Кэтлин.

Он усмехнулся:

— Я вижу, что ты слышала о них. И это может тебя шокировать: такое действительно случается с младенцами. Что ты знаешь о мировоззрении взрослого слэна, чье умственное развитие на двести-триста процентов выше, чем у нормального человека? Ты знаешь только то, что ты бы никогда не стала делать этого, но ты ребенок. Но не будем об этом. Ты и я боремся за наши жизни. Преступник, наверно, уже убежал из твоей комнаты, но тебе стоит лишь заглянуть в его мозг, чтобы опознать его. Им не понравится, что их пробудят от их прекрасных снов, но к черту их! Оставайся здесь. Я хочу, чтобы ты читала их мысли, а потом рассказала мне, о чем они думали, пока шло расследование.

Он нажал на кнопку на своем столе и произнес в аппарат, похожий на маленькую коробочку:

— Попросите капитана моей личной охраны зайти ко мне в офис.

ГЛАВА 3

Сидеть под включенными ослепляющими огнями было не-
Слегко. Люди слишком часто смотрели на нее, их мысли — смесь нетерпения и безжалостности и никакого сочувствия к ней. Их ненависть камнем лежала на ее душе и подавляла ее. Они ненавидели ее. Они хотели, чтобы она умерла. Испугавшись, Кэтлин закрыла глаза, «отвернула» свое сознание и попыталась распластаться на стуле, как будто просто усилием воли она могла стать невидимой.

Но на карту было поставлено слишком многое, и она не осмеливалась пропустить хотя бы одну мысль или умственный образ. Ее глаза и мозг открылись, и все вернулось снова — комната, люди, вся угрожающая ситуация.

Джон Петти резко поднялся и сказал:

— Я протестую против присутствия этого слэна на нашем собрании из-за того, что ее невинный детский вид может вызвать у кого-нибудь совсем ненужную жалость.

Кэтлин с интересом смотрела на него. Шеф тайной полиции был крепко сложенным мужчиной среднего роста, а его лицо, скорее воронье, нежели орлиное, и чуть-чуть слишком мяси-

стое, не носило и следа доброты. Кэтлин подумала: действительно ли он верил в то, что говорил? Кто-то из этих людей проявит милосердие, с какой стати! Она попыталась прочитать то, что было скрыто за его словами, но его мысли были намеренно размыты, его темное, властное лицо ничего не выражало. Она уловила тончайший полутон иронии и осознала, что Джон Петти полностью понимал ситуацию. Настал его черед властвовать, и все его тело и мозг были настороже, в необычайном напряжении от этого неподъемного знания.

Кир Грей сухо усмехнулся, и внезапно Кэтлин ощутила сияние этой притягательной личности. Было что-то тигриное в их вожде, невыразимо очаровывающее, какая-то пламенеподобная аура, которая делала его живее всех тех, кто находился в комнате. Он сказал:

— Я не думаю, что нам стоит волноваться насчет... насчет наших добрых побуждений, затемняющих наш здравый смысл.

— Совершенно верно, — откликнулся Мардью, министр транспорта. — Судья должен заседать в присутствии обвиняемого. На этом он остановился, но его мозг продолжил предложение: «...особенно если судья заранее знает, что приговором будет смерть». Про себя он тихонько усмехнулся, но глаза его остались холодными.

— Тогда я хочу, чтобы ее здесь не было, — проворчал Джон Петти, — потому что она слэн и, клянусь небом, я не хочу, чтобы в одной комнате со мной сидел слэн!

Ответная волна всеобщей эмоциональной реакции на этот популярный призыв оглушила Кэтлин, как физический удар. В гневе возвысились голоса:

— Проклятье, он прав!

— Выкинуть ее вон!

— Грей, у тебя крепкие нервы, раз ты нас будишь посреди ночи.

— Совет решил все это одиннадцать лет тому назад. До недавнего времени я вообще об этом ничего не знал.

— Ее приговорили к смерти, разве не так?

Шум голосов вызвал тяжелую улыбку на лице Джона Петти. Он глянул на Кира Грея: взгляды мужчин скрестились, как рапиры перед смертельным уколом. Кэтлин было ясно видно, что Петти пытался внести сумятицу в обсуждение, но если вождь и чувствовал, что проигрывает, этого не было заметно по его безразличному лицу: ни малейшего намека на сомнение не закралось в его сознание.

— Джентльмены, вы неправильно информированы. Кэтлин Лэйтон, слэн, здесь не на суде. Она здесь для того, чтобы давать показания против Джона Петти, и вполне понятным становится его желание вывести ее из зала.

Удивление Джона Петти было чуть-чуть преувеличенным, проанализировала Кэтлин. Его мозг оставался слишком спокойным, слишком холодно-внимательным, когда он заревел, как бык:

— Ладно, нервы у нас крепкие! Вы разбудили нас всех посреди ночи для того, чтобы устроить неожиданный суд над мной по показаниям слэна! Но у тебя, пожалуй, нервы будут покрепче, Грей. И раз и навсегда, мне кажется, что нам надо прямо сейчас сесть и решить юридическую проблему — могут показания слэна быть уликой или нет.

Вот и опять он взывал к глубинной ненависти. Кэтлин вздрогнула перед волной ответных эмоций находившихся перед ней людей. У нее не было шансов, не было надежды, ничего, кроме смерти.

Голос Кира Грея звучал почти флегматично, когда он сказал:

— Петти, я думаю, вам известно, что сейчас вы разговариваете не с толпой крестьян, мозги которых накалены пропагандой. Ваши слушатели — реалисты и, несмотря на ваши явные попытки запутать дело, они понимают, что их собственные политические, а возможно, и физические жизни поставлены на карту в этом кризисе, в который вы, а не я, нас загнали. — Его лицо превратилось в каменную маску с тонкими, вытянутыми чертами, в его голосе послышались резкие нотки. — Я надеюсь, что все присутствующие проснутся от различных степеней сна, эмоциональности и нетерпения в достаточной степени, чтобы понять одно: Джон Петти бросил вызов, чтобы сместить меня, и, независимо от того, кто из нас победит, некоторые из вас умрут до наступления утра.

На нее они больше не смотрели. Во внезапно притихшей комнате у Кэтлин возникло ощущение, что она присутствует, но невидима.

В комнате с дубовыми панелями стояла тишина в воздухе и тишина в умах. На мгновение мысли мужчин были затуманены, потеряли интенсивность. Как будто между ее сознанием и их поставили барьер, потому что их умы работали глубоко-глубоко внутри себя, прикидывая, оценивая возможности, анализируя ситуацию, напрягшись перед лицом внезапно осознанной смертельной опасности.

Кэтлин вдруг ощутила внезапный перерыв в неясности мыслей, ясную, резкую телепатическую команду себе: «Сядь на стул в углу, там они не смогут тебя увидеть, не поворачивая голову. Быстро!»

Кэтлин бросила быстрый взгляд на Кира Грея. Она увидела, что его глаза почти горели, столь неистов был огонь в них. Потом она беззвучно соскользнула со стула, подчиняясь ему.

Люди не хватились ее, не поняли, что она делает. А Кэтлин почудилось сияние, когда она догадалась, что Кир Грей, даже в такие напряженные моменты, играет в свою игру и ничего не упускает. Он сказал вслух:

— Конечно, нет необходимости Совершать казнь, при условии, что Джон Петти раз и навсегда выбросит из головы это сумасшедшее желание встать на мое место.

Теперь когда люди в задумчивости усталились на Кира Грея, стало невозможно прочитать их мысли. На мгновение каждый был предельно внимателен; недолго их сознание контролировалось так же сильно, как у Джона Петти и Кира Грея, все их существо сосредоточено на том, что они должны сказать и что они должны сделать.

Кир Грей продолжал говорить с едва заметной ноткой раздражения в голосе:

— Я говорю «Сумасшедшее» потому, что, хотя это может выглядеть просто как борьба за власть между двумя людьми, за этим кроется большее. Человек, который владеет верховной властью, представляет стабильность и порядок. Человек, который жаждет власти, обязан в тот момент, когда он ее получит, прочно занять это положение. Это означает казни, ссылки, конфискации, тюрьму, пытки — все, конечно, примененное против тех, кто противостоял ему, или кому он не доверяет.

Бывший лидер не может просто перейти на роль подчиненного. Его престиж никуда не исчезнет — примером тому Наполеон и Сталин, таким образом, он представляет постоянную опасность. Но будущий лидер не может быть просто убран и отправлен обратно на свою работу. И таков мой план для Джона Петти.

Кэтлин видела, что он взывает к их чувству самосохранения, их боязни того, что принесут с собой перемены. Ее мысли переключились, когда Джон Петти вскочил на ноги. На мгновение он потерял контроль над собой, но его бешенство было так велико, что совершенно невозможно было прочи-

тать его мысли, так же как если бы он полностью контролировал свое сознание.

— Я думаю, — выпалил он, — я никогда не слышал такого необычного заявления от предположительно нормального человека. Он обвинил меня в том, что я путаю дело. Джентльмены, вы понимаете, что он еще не представил никакого доказательства, никаких улик? Все, что у нас есть, — его утверждения и этот скоропалительный суд, который нам навязали посреди ночи, когда он знал, что большинство из нас одурманено сном. Должен признаться, что я не до конца проснулся, но, мне кажется, я проснулся достаточно, для того чтобы понять, что Кира Грея поразила эта ужасная болезнь диктаторов всех эпох — мания преследования. У меня нет сомнений в том, что в течение какого-то времени он всматривался в каждое наше слово и дело как в угрозу своему положению.

Я с трудом нахожу слова, чтобы выразить свое разочарование. Положение со слэнами отчаянное, и как он мог даже предположить, что один из нас может планировать раскол? Я заверяю вас, господа, мы не можем себе позволить даже намек на раскол в настоящее время. Публика на грани широкой всемирной кампании против слэнов в защиту человеческих младенцев. Их попытка слэнизировать человеческую расу и вытекающие из этого ужасные последствия является сложнейшей проблемой из тех, с которыми сталкивалось правительство.

Он повернулся к Киру Грею, и у Кэтлин по коже пробежал холодок от совершенства его лицедейства, его великолепной актерской игры.

— Кир, мне бы очень хотелось забыть то, что ты сделал. Сначала этот суд, потом угрозы, что некоторые из нас умрут еще до рассвета. Учитывая эти обстоятельства, единственное, что я могу предложить, чтобы ты вышел в отставку. По крайней мере, у меня ты больше доверия не вызываешь.

С тонкой улыбкой Кир Грей произнес:

— Итак, джентльмены, вы видите, что мы подошли к сути проблемы. Он хочет, чтобы я подал в отставку.

Высокий, худой, моложавый человек с орлиным профилем хрипло произнес:

— Я согласен с Петти. Ваши действия, Грей, показали, что вы более не дееспособны. Подавайте в отставку!

— В отставку! — выкрикнул другой голос, и внезапно нестройным хором зазвучало: «В отставку! В отставку! В отставку!»

Для Кэтлин, которая следила за речью Джона Петти, сконцентрировав все внимание на словах и резких мыслях, которые

ее сопровождали, это прозвучало как конец. Прошла долгая томительная пауза, прежде чем она поняла, что весь крик исходил только от четырех из десяти присутствовавших.

Ее мозг болезненно напрягся. Так оно и было. Многократными выкриками «В отставку!» они надеялись посеять панику в рядах сомневающихся, но в данный момент им это не удалось. Ее мозг и глаза повернулись в сторону Кира Грея, само присутствие которого удерживало остальных от паники. Одно-го взгляда на него было достаточно, чтобы вернулось мужество. Он просто сидел, немного распрямившись в кресле, и выглядел выше, больше, сильнее; на его лице играла ироничная, уверенная улыбка.

— Разве не странно, — спокойно спросил он, — как четверо мужчин помоложе митингуют в поддержку нашего молодого мистера Петти? Я надеюсь, что для присутствующих здесь джентльменов постарше очевидно, что мы имеем дело с организованным передовым отрядом и еще до рассвета появятся те, кто будет расстреливать, потому что эти молодые смутьяны откровенно не могут терпеть нас — отсталых стариков — потому что, хоть я и нахожусь в одной с ними возрастной категории, они действительно считают меня отсталым стариком. Им не терпится сбросить путы, которыми мы будто бы их связали и, естественно, совершенно уверены в том, что, расстреляв «старичков», они лишь ускорят на несколько лет то, что в любом случае совершила бы с течением времени сама природа.

— Расстрелять их! — прорычал Мардью, самый старый из присутствующих.

— Проклятые молодые выскочки! — огрызнулся Харлихан, министр воздушных сообщений.

Среди стариков прокатился шепот, который, может быть, и стоило послушать, если бы Кэтлин не воспринимала так четко импульсы их мыслей. В них была ненависть и страх, и сомнение, и упрямство, и растерянность, и решительность — в них было все, в этой перепуганной нищете ума.

Чуть побледнев, Джон Петти обратился в сторону шепота, но Кир Грей вскочил на ноги, с горящими глазами и сжатыми кулаками:

— Сядь, дурак набитый! Как осмелился ты столкнуть нас в этом конфликте теперь, когда, возможно, придется изменить всю политику в отношении слэнов? Мы проигрываем, ты слышишь? У нас нет ученых, равных суперученым слэнам. Я бы отдал все, чтобы иметь одного из них на нашей стороне! Например, слэна, как Питер Кросс, которого прикончили три

года назад, потому что полиция, схватившая его, была заражена менталитетом толпы. Да, я сказал «толпы». В наши дни все люди — толпа. Толпа — зверь, которого мы выкормили на нашей пропаганде. Они боятся, смертельно боятся за своих младенцев, а у нас нет ученого, который бы мог объективно обдумать эту проблему. На самом деле, у нас нет людей, достойных называться учеными: какой резон человеку проводить всю жизнь в исследованиях, когда про себя он хранит убийственное знание того, что все открытия, которые он надеется сделать, давным-давно доведены до совершенства слэнами? И что они ждут где-то в тайных пещерах или записаны на бумаге, приготовленные для того дня, когда слэны предпримут следующую попытку завоевать мир?

Наша наука — это издевка, наше образование — поток лжи. И с каждым годом разрушенные человеческие надежды и стремления громоздятся выше и выше вокруг нас. С каждым годом экономика все больше приходит в упадок, растет бедность, увеличиваются страдания. Нам ничего не остается, кроме ненависти, а этого недостаточно. Нам нужно или окончательно уничтожить слэнов, или договориться с ними и прекратить это сумасшествие.

Лицо Кира Грея потемнело от напряжения, которое он вложил в свои слова. Но Кэтлин видела, что все это время его мозг был спокоен, осторожен, наблюдателен. Мастер демагогии, правитель людей, когда он заговорил вновь, его голос звучал глуше в сравнении с его прежним великолепным баритоном, чистым и мягким.

— Джон Петти обвинил меня в том, что я хотел сохранить жизнь этому ребенку. Я хочу, чтобы вы все вспомнили, что происходило в течение нескольких последних месяцев. Не упоминал ли Петти в вашем присутствии, возможно в шутку, о том, что я хочу сохранить ей жизнь? Я знаю, что упоминал, до моих ушей доходит все. Вы видите, чем он занимался — утонченным распространением яда. Ваш политический рассудок подскажет вам, что он насильно поставил меня в это положение: убив ее, я бы подтвердил, что поддался, и таким образом потерял престиж. Поэтому я намереваюсь выступить с заявлением, в котором скажу о том, что Кэтлин Лэйтон не будет казнена. Учитывая недостаток наших знаний о слэнах, ей будет сохранена жизнь как объекту изучения. Лично я намерен извлечь максимальную выгоду из ее жизни, наблюдая за превращением ребенка в зрелого слэна. Я уже сделал огромное количество записей по этому вопросу.

Джон Петти продолжал стоять.

— Не пытайся орать на меня! — закричал он. — Ты зашел слишком далеко. Следующим номером ты передашь весь континент слэнам, и они будут разрабатывать свои суперизобретения, о которых мы все много слышали, но никогда не видели. Что же касается Кэтлин Лэйтон, она останется в живых только через мой труп. Женщины-слэны наиболее опасны. Они поддерживают род, и, черт бы их подрал, они знают, как это делать!

Слова расплылись в сознании Кэтлин. Вместо этого в него проник настойчивый вопрос Кира Грея: «Сколько из присутствующих поддерживают меня безоговорочно? Покажи на пальцах».

Она бросила на его один озадаченный взгляд, а потом ее сознание погрузилось в круговорот эмоций и мыслей, исходящих от людей. Было трудно, потому что мыслей много, они мешали друг другу. И кроме этого, ее мозг внезапно ослабел, когда она обнаружила правду. Почему-то она была уверена, что все люди постарше поддерживают лидера, но поддерживали не все. В их мыслях присутствовал страх, растущая убежденность в том, что дни Кира Грея сочтены и что им лучше играть в команде помоложе, посильнее.

В конце концов, напуганная, она показала три пальца. Трое из десяти за, четверо определенно против и поддерживают Петти, трое сомневающихся. Она не могла показать ему эти две последних цифры, потому что его мозг больше ничего не просил. Его внимание было сосредоточено на ее трех пальцах, глаза немного расширены и встревожены. На краткий миг ей показалось, что в его мыслях проскользнуло беспокойство. Потом он равнодушно закрыл свое сознание и лицо. Он сидел на стуле, как высеченная из камня скульптура, холодный, сосредоточенный и смертельно опасный.

Она не могла отвести глаз от вождя.

Внезапно появилось убеждение, что его загнали в угол и что он ломал голову, выискивая в своем прошлом опыте способ превратить надвигающееся поражение в победу. Она пыталась проникнуть в его мысли, но он поставил непроницаемый барьер между ними.

Но в его поверхностных мыслях она прочитала сомнения, странную неуверенность, в которой почему-то отсутствовал страх, колебания относительно того, что нужно сделать в следующий момент. Казалось, это говорило о том, что он не предполагал кризиса такого масштаба, организованной оппозиции, затаенной ненависти к себе, ждущей любой возможности

опрокинуть и уничтожить его. Ее мысль оборвалась, когда Джон Петти сказал:

— Думаю, нам сейчас надо провести по этому вопросу голосование.

Кир Грей рассмеялся продолжительно, глубоким циничным смехом, который закончился на поразительно добродушной ноте.

— Значит, вы хотите проголосовать по вопросу, о самом существовании которого, как вы еще секунду назад говорили, я даже не представил доказательств. Естественно, я отказываюсь взывать к разуму тех, кто здесь присутствует. Время разума проходит, когда имеющий уши не слышит, но для соблюдения протокола требовать сейчас голосования — значит, косвенно допуская свою вину, продолжать открыто упорствовать. Я раскрою вам еще одну карту: уже в течение некоторого времени я знал об этом бунте и подготовился к нему.

— Ой! — сказал Петти. — Ты блефуешь. Я наблюдал за каждым твоим движением. Когда мы впервые собрали Совет, мы опасались таких ситуаций, когда один человек захочет обойтись без голосов других, и предохранительные механизмы до сих пор действуют. У каждого из нас есть личная армия. Мои собственные охранники там — патрулируют в коридоре, так же как и охранники всех остальных членов Совета, готовые схватить друг друга за горло, как только поступит приказ. Мы готовы отдать его и рискнуть быть убитыми в последующем сражении.

— Ага, — мягко сказал Кир Грей, — теперь маски сброшены.

В комнате послышалось шарканье ног, повисли студёные брызги мыслей; а потом, к испугу Кэтлин, Мардью, один из трех, о ком она подумала, что они безоговорочно поддерживают Кира Грея, прокашлялся. Она уловила ослабление его решимости буквально перед тем, как он заговорил.

— Действительно, Кир, ты совершаешь ошибку, если считаешь себя диктатором. Ты лишь избранник Совета, и у нас есть полное право избрать кого-то другого на твое место. Возможно, кого-то, кто более преуспеет в организации уничтожения слонов.

Такова оказалась месть персебжчика. Крысы покидали тонущий корабль, и Кэтлин видела, как они отчаянно старались убедить новую власть в ценности своей поддержки.

В мозгу Харлихана ветер тоже подул в новом направлении. «Да, да. Ваши разговоры о том, чтобы договориться со слонами, — это измена, чистая измена. Это один из непри-

касаемых предметов относительно нашей тол... относительно нашего народа. Надо что-то делать, чтобы уничтожить слэнов, возможно, более агрессивная политика, проводимая более агрессивным человеком...».

Кир Грей криво усмехнулся; а в его мозгу до сих пор была неопределенность, — что делать, что делать? Присутствовал тонкий намек на что-то еще: не обострение ситуации, а усиливающаяся решимость испытать судьбу. Но ничего осязаемого, ничего ясного не доходило до Кэтлин.

— Итак, — продолжал все еще мягким голосом Кир Грей, — вы передадите место председателя в этом совете человеку, который лишь несколько дней назад позволил Джомми Кроссу, девятилетнему мальчику, возможно, самому опасному на сегодня слэну, бежать в своей машине .

— По крайней мере, — сказал Джон Петти, — есть один слэн, который не убежит. — Он зло уставился на Кэтлин, потом торжествующе повернулся к остальным. — Вот что мы можем сделать — казнить ее завтра, а на самом деле прямо сейчас, и выпустить заявление, что Кир Грей был освобожден от занимаемой должности, потому что он вступил в тайный сговор со слэнами, и его отказ казнить Кэтлин Лэйтон послужил этому доказательством.

Нет ничего более странного, чем сидеть, слушать собственный приговор о смерти и ничего не чувствовать, как будто разговор шел не о ней. Казалось, ее сознание находится где-то далеко отсюда, и общий шорох согласия, который исходил от людей, казался странно искаженным расстоянием.

Улыбка исчезла с лица Кира Грея.

— Кэтлин, — сказал он вслух, — можно прекратить играть в прятки. Сколько человек против меня?

Невидящими глазами она посмотрела на него и сквозь слезы услышала собственный ответ:

— Они все против вас. Они всегда ненавидели вас за то, что вы гораздо умнее их, и за то, что им кажется, что вы не давали им ходу, и держали в тени, и выставляли их ничего не значащими личностями.

— Значит, он использует ее, чтобы за нами шпионить, — зарычал Джон Петти, но в его голосе слышался триумф. — Хорошо, по крайней мере приятно узнать, что мы все согласились на одном, с Киrom Греем покончено.

— Вовсе нет, — мягко сказал Кир Грей. — Я до такой степени с этим не согласен, что всех одиннадцать присутствующих поставят к стенке в течение десяти минут. Я не был уверен в том, стоит ли предпринимать столь решительные

действия, но альтернативы нет, и назад вернуться невозможно, потому что я только что предпринял необходимые меры. Я нажал на кнопку, сообщающую одиннадцати офицерам — командирам вашей охраны, вашим наиболее преданным советникам и вашим наследникам, что час пробил.

Они глупо таращились на него, а он продолжал:

— Понимаете, джентльмены, вам не удалось учесть одно решающее свойство человеческой природы. Стремление подчиненных к власти так же велико, как ваше собственное. Решение ситуации, подобной той, в которой мы сегодня оказались, было предложено мне некоторое время назад главным помощником мистера Петти. Моя политика состояла в том, чтобы исследовать представившиеся возможности далее, и, придя к чрезвычайно удовлетворительным результатам, я позаботился о том, чтобы к одиннадцатому дню рождения Кэтлин на сцене появились новые персонажи — а, вот и новые члены совета!

Дверь распахнулась, и одиннадцать серьезного вида молодых людей с револьверами в руках вошли в комнату. Джон Петти закричал:

— Где ваши пистолеты!

Один из членов совета взвизгнул:

— Я оставил свой дома!

Комната наполнилась перескакивающимся от стены к стене грохотом револьверных выстрелов.

На полу в судорогах корчились люди, захлебываясь в собственной крови. Сквозь пелену Кэтлин увидела, что один из прежних членов совета остался на ногах, с дымящимся револьвером в руке. Она узнала Джона Петти. Он выстрелил первым. Человек, который хотел занять его место, был мертв и неподвижно лежал на полу. Шеф тайной полиции крепко держал оружие, направив его на Кира Грся со словами:

— Я пристрелю тебя прежде чем вы убьете меня, если мы не договоримся. Естественно, теперь я пойду на уступки, раз ты так здорово умеешь переворачивать столы.

Главный офицер вопросительно посмотрел на Грся.

— Нам его прикончить, сэр? — спросил он.

Это был подтянутый брюнет, с орлиным профилем и резким баритоном. Несколько раз Кэтлин уже видела его во дворце. Его звали Джем Лорри. Она никогда прежде не пробовала читать его мысли, но сейчас она осознала, что тот обладал такой силой сдерживать свое сознание, состязаться с которой она не могла. Тем не менее, на поверхности его сознания было видно достаточно черт характера, чтобы понять,

кто он на самом деле: твердый, расчетливый человек с большими амбициями.

— Нет, — задумчиво ответил Кир Грей. — Джон Петти будет нам полезен. Ему придется согласиться с тем, что все остальные были казнены в результате расследования его полиции и обнаружения секретного сговора со слэнами.

— Так мы и объясним — это всегда срабатывало для нищей, растерянной массы дураков за этими стенами. Мы обязаны этой идеей самому мистеру Петти, но мне кажется, что мы бы и сами до этого додумались. Но его влияние будет полезным, чтобы положить всему этому конец. На самом деле, — цинично заявил он, — мне кажется, что наилучшим способом будет возложить на Петти ответственность за казнь. То есть он был настолько возмущен, когда раскрыл их вероломство, что действовал по собственной инициативе, а затем отдался на мою милость, которую, принимая во внимание серьезность представленных им улик, я ему, естественно, дарую немедленно. Как вам это?

Джем Лорри вышел вперед:

— Отлично сработано, сэр. А теперь мне бы хотелось выяснить один вопрос, и я говорю от лица всех новых участников совета. Вы нужны нам, ваша громадная репутация, ваш ум, и мы готовы помочь вам сделаться богом на земле — иными словами, помочь вам укрепить свое положение и сделать его непоколебимым, но вам не кажется, что у вас есть возможность договориться с нашими главными офицерами и убить нас. Это больше не пройдет.

Кир Грей ответил холодно:

— Вряд ли есть необходимость говорить столь очевидные вещи. Уберите эту пададь, а затем нам предстоит кое-что спланировать. А ты, Кэтлин, отправляйся спать. Теперь ты только помешаешь.

Она поторопилась уйти, вся дрожа от наступившей реакции, размышляя про себя: «Помешаешь? Он что, просто хотел сказать, или он имел в виду, что после свершившихся на ее глазах убийств она не могла быть уверена ни в нем и ни в ком другом. Прошло много, много времени, прежде чем она уснула.

ГЛАВА 4

Джомми Кросс долгое время находился в периодах темноты и мысленной опустошенности, сквозь которые в конце концов блеснул серо-стальной свет, в котором неясные мысли постепенно сплелись в реальность. Он открыл глаза, чувствуя безмерную слабость.

Он лежал в маленькой комнате, глядя в закопченный, грязный потолок, с которого осыпалась штукатурка. Стены были неровного серого цвета, местами пожухшего от старости. Стекло в единственном окне было грязное и треснутое; свет, который пробивался сквозь него, еле освещал железную кровать и угасал, будто устав от напряжения.

На постели в куче валялось тряпье, которое когда-то было серыми одеялами. Из старого матраса выбивалась солома, в комнате стояла затхлая, годами не проветривавшаяся вонь. Хотя слабость не покидала его, Джомми откинул вонючие одеяла и попытался слезть с кровати. Угрожающе звякнула цепь, и он ощутил боль в правой щиколотке. Он повалился назад, тяжело дыша от напряжения, плохо понимая, что с ним произошло. Джомми был прикован к этой отвратительной кровати!

Из забытья его вывели тяжелые шаги. Он открыл глаза и увидел стоявшую в двери высокую изможденную женщину в бесформенном сером платье, которая смотрела на него блестящими, как полированный камень, глазами.

— Ага, — сказала она, — у нового бабушкиного постояльца кончился жар, и теперь мы можем познакомиться. Вот и славно! Вот и славно! — Быстрым движением она потеряла сухие руки: — Мы отлично поладим, правда? Но тебе надо заработать на свое содержание. Никто не привязывается к Бабушке на халяву. Нет, сэр. Нам нужно об этом поговорить по душам. Да, да, — скалилась она на него из-за сложенных рук, — поговорить по душам.

Джомми рассматривал старуху с интересом и отвращением одновременно. Когда это тощее, сутулое существо, кряхтя, уселось на краю кровати, он подтянул ноги под себя, насколько хватало цепи. Его поразило то, что он никогда прежде не видел лица, на котором был бы более ясно выражен злой умысел, скрывающийся под маской постаревшей плоти. С растущим отвращением он сравнивал ее маленькую, морщинистую, вытянутую в форме яйца голову с сознанием внутри, и все совпа-

дало. Каждая морщина на изможденном лице соответствовала злему изгибу сознания. Целый мир, цепкий, как пиявка, покоился внутри этого пронизательного ума.

Должно быть, его мысли были написаны у него на лице, потому что она с неожиданной яростью произнесла:

— Да, да, посмотрев на Бабушку, не скажешь, что когда-то она была известной красавицей. Никогда не подумаешь, что мужчины в свое время боготворили ее. Но не забывай, что эта старая попрошайка спасла тебе жизнь. Никогда не забывай об этом, а то Бабушка отдаст твою неблагодарную шкуру полицейским. А как бы им хотелось тебя заполучить! Как бы им хотелось! Но Бабушка добра к тем, кто добр к ней, и делает так, как захочет.

Бабушка! Разве кто-нибудь когда-нибудь так насмехался над этим нежным словом, как эта старуха!

Он рылся в ее мыслях, пытаясь в глубине отыскать ее настоящее имя. Но виден был лишь смутный рой картин глупой, свихнувшейся на сцене девчонки, растратившей свое очарование, затасканной, деградировавшей и выброшенной на улицу, закаленной и уничтоженной в бедствиях. Ее настоящая личность была спрятана в омуте зла, которое она замышляла и делала. Линия воровства не прекращалась. Крутился темный калейдоскоп болес страшных преступлений. Было даже убийство...

Дрожа, неимоверно устав теперь, когда начальный стимул от ее появления угасал, Джомми отодвинулся — от отращения, которое приносили ему мысли Бабушки. Старуха наклонилась к нему, ее глаза впились в него, как буравчики.

— Это правда, — спросила она, — что слэны могут читать мысли?

-- Да, — ответил Джомми, — я вижу, о чем ты думаешь, но какой от этого толк?

Она мрачно усмехнулась:

— Значит, ты не можешь прочесть всего, о чем думает Бабушка. Бабушка не дура. Бабушка умная; она соображает, что нечего даже думать о том, чтобы заставить слэна остаться и работать на нее. Для того чтобы ему делать то, что ей нужно, ему необходимо быть свободным. Ему нужно просто понять, что, так как он слэн, здесь он будет в наибольшей безопасности, пока не вырастет. Что, разве Бабушка не умная?

Джомми сонно вздохнул:

— Я вижу, о чем ты думаешь, но разговаривать с тобой я сейчас не могу. Когда мы, слэны, болеем, а это нечасто, мы просто спим и спим. То, что я проснулся, означает, что мое

подсознание было обеспокоено и разбудило меня, так как решило, что мне грозит опасность. У нас, слэнов, много таких защитных свойств. А теперь мне нужно опять заснуть, чтобы выздороветь.

Угольно-черные глаза широко раскрылись. Жадный мозг отпрянул, на момент осознав недостижимость своей главной цели — немедленно составить состояние при помощи своей добычи. Жадность на время уступила место жуткому любопытству.

— А правда, что слэны делают из людей чудовищ?

Гнев прокатился в сознании Джомми. Усталость спала с него. В ярости он сел на кровати.

— Это ложь! Это одна из тех ужасных сказок, которые люди рассказывают для того, чтобы показать, что мы негуманные, чтобы все нас ненавидели и убивали. Это... — Он откинулся в изнеможении, его гнев стихал. — Мои мать и отец были самыми лучшими из живущих, — мягко сказал он, — и они были ужасно несчастны. Однажды они повстречались на улице и в мыслях друг друга прочитали, что они слэны. До того они жили в совершенном одиночестве и никому не причиняли вреда. Люди — вот главные преступники. Папа не стал бороться за свою жизнь изо всех сил, когда его загнали в угол и застрелили в спину. А он бы мог сражаться. И надо было! Потому что у него было самое страшное оружие, какое когда-либо видел мир, такое ужасное, что он даже не носил его с собой из-за боязни применить его. Когда мне исполнится пятнадцать, мне надо будет...

Он остановился, испугавшись собственного неблагоразумия. На секунду почувствовал себя таким слабым, таким усталым, что его мозг не сумел сдержать груза собственных мыслей. Он знал лишь то, что выдал величайший секрет в истории слэнов, и если эта старая побирушка передаст его полиции, в его теперешнем ослабленном состоянии, все будет потеряно. Медленно он перевел дыхание. Он увидел, что до ее сознания не дошло по-настоящему значение огромных последствий его откровенности. Она на самом деле не слышала его, когда он упомянул про оружие, потому что это прозорливое сознание слишком долго находилось в стороне от своей главной цели. И теперь, как гриф, оно спикировало на жертву, которая совершенно выбилась из сил.

— Бабушка рада узнать, что Джомми такой хороший мальчик. Бедной, голодной, старой Бабушке нужен молодой слэн, чтобы зарабатывать деньги для себя и для него. Ты ведь не откажешься поработать для усталой старой Бабушки, ведь

нет? — Ее голос приобрел твердую интонацию: — Знаешь, попрошайки не выбирают.

Знание того, что его секрет не был раскрыт, действовало как наркотик. Его глаза закрылись сами собой. Он сказал:

— Я действительно не могу с тобой сейчас разговаривать; мне надо спать.

Он увидел, что она не собиралась его отпустить. В ее сознании уже оформилась мысль о том, как можно его растряссти. Она разговаривала резко, не потому, что ей было интересно, а для того, чтобы он не уснул.

— Что такое слэн? Почему вы другие? Откуда появились слэны? Их ведь сделали — так же как машины?

Странно, какая волна ответного гнева поднималась в его сознании, когда он видел, что это и было ее целью. Смутно он сознавал, что физическая усталость отняла у его мозга обычные сдерживающие механизмы. Он ответил возмущенно:

— Это еще одна ложь. Я родился как все остальные. Мои родители тоже. Кроме этого я ничего не знаю.

— Твои родители должны были знать! — подначивала его старуха.

Джомми покачал головой. Его глаза закрылись.

— Нет, мама говорила, что папа был слишком занят для того, чтобы исследовать загадку слэнов. А теперь оставь меня в покое. Я знаю, что ты пытаешься сделать, и я знаю, что ты хочешь, но это нечестно, и я этого не сделаю.

— Это глупо, — сердито огрызнулась старуха, наконец вернувшись к предмету разговора. — Разве нечестно грабить людей, которые живут грабежом и обманом? Должен ли ты и Бабушка есть корки, когда мир так богат, что каждое казначейство лопается от золота, каждый элеватор переполнен зерном, а по улицам течет мед? Фу на твою честность. Вот что тебе Бабушка скажет. Как может слэн, на которого охотятся, как на крысу, говорить о честности?

Секунду Джомми молчал, и не только потому, что ему хотелось спать. Такие мысли появлялись и у него самого. Старуха продолжала:

— Куда ты пойдешь? Что ты будешь делать? Ты что, будешь жить на улице? А когда придет зима? Куда в этом мире деться маленькому мальчику-слэну? — Ее голос понизился, пытаясь выразить симпатию: — Твоя бедная несчастная мама сказала бы тебе делать то же, что я тебе говорю. Она не любила людей. Я сохранила газету, чтобы показать тебе, что они ее пристрелили как собаку, когда она пыталась убежать. Хочешь посмотреть?

— Нет, — сказал Джомми, но в его голове все перепуталось.

Грубый голос продолжал:

— Разве тебе не хочется сделать все, что ты сможешь, с этим миром, который так жесток? Заставить их заплатить? Заставить их пожалеть о том, что они сделали? Ты ведь не боишься?

Он молчал. В голосе старухи послышалось хныкание:

— Жизнь слишком жестока к старой Бабушке, слишком тяжела. Если ты не поможешь Бабушке, ей придется дальше заниматься всякими другими делами. Ты прочитал в ее мозгах, какими. Но она обещает больше этого не делать, если ты ей поможешь. Подумай об этом. Она больше не будет делать злых дел, которые ей приходилось делать, чтобы прожить в этом холодном, жестоком мире.

Джомми почувствовал себя побежденным. Медленно он произнес:

— Ты испорченная, несчастная старая злодейка, и когда-нибудь я тебя убью!

— Значит, ты остаешься до этого когда-нибудь, — торжествуя произнесла Бабушка. Ее морщинистые пальцы потерлись друг о друга, как высохшие чешуйчатые змеи. — И ты будешь делать то, что скажет Бабушка, а то она быстренько передаст тебя полиции... Добро пожаловать в наш маленький дом, Джомми. Добро пожаловать. Бабушка надеется, что, когда ты проснешься в следующий раз, тебе будет получше.

— Да, — слабо сказал Джомми. — Мне будет получше.

Он уснул.

Через три дня Джомми прошел за старухой через кухню к задней двери.

Кухня представляла собой маленькое пустое помещение, и Джомми закрыл мозг, чтобы не видеть грязи и неаккуратности. Он подумал: старуха была права. Хотя жизнь обещала быть ужасной, эта халупа, утонувшая в океане нищеты, будет идеальным убежищем для мальчика-слэна, которому нужно прождать шесть лет, прежде чем он сможет посетить тайное место, в котором спрятан секрет его отца, и которому надо было вырасти, прежде чем надеяться выполнить великие дела, которые его ждали.

Мыслям стало тесно, когда дверь открылась. и он увидел, что лежало перед глазами. Он встал как вкопанный, пораженный видом, который открылся перед ним. Никогда в жизни он не надеялся увидеть ничего подобного.

Сначала был двор, засыпанный разнородным металлоломом. В этом дворе не было ни деревьев, ни травы, ничего прекрасного, просто несуразный, гремящий железками кусочек бесплодия, окруженный ржавым, покореженным забором из проволоки на гнилых столбах. Маленький покосившийся сарай приютился в дальнем углу двора. Изнутри пришел размытый образ лошади. Сама лошадь чуть виднелась сквозь открытую дверь.

Но взгляд Джомми перенесся за пределы двора. Мимолетным взглядом он уловил лишь неприятные детали, и все. Его мозг, его зрение стремились за забор, за покосившийся сарай. Вдали виднелись небольшие рощицы и трава: приятная зелень луга, полого спускающегося к широкой реке, которая тускло блестела в сумерках, когда лучи солнца более не касались ее своим сверкающим огнем.

Но даже луг (часть площадки для гольфа, рассеянно заметил он) задержал его взгляд лишь на мгновение. На противоположном берегу реки начиналась сказочная страна, в которой все росло, — настоящий рай для садовника. Деревья заслоняли панораму, поэтому ему было видно только узкую полоску этого Эдема, с сияющими брызгами фонтанов и квадратными милями цветов, террас и красоты. И на узкой видимой части петляла белая тропинка.

Тропинка! Мысли Джомми перепутались, невыразимое волнение охватило его. Тропинка убегала геометрически правильной линией в сторону, противоположную его взгляду. Она терялась в полумраке, как светящаяся лента, пропадала в дымке. И на самом предделе видимости, далеко за обычным горизонтом, он увидел дворец.

Лишь часть основания этого величественного, невообразимого сооружения поднималась над обратной стороной небосвода. Оно возвышалось на тысячу футов, а затем переходило в башню и взмывало еще на пятьсот футов в небеса. Изумительная башня! Полтысячи футов драгоценного кружева, которое, казалось, вот-вот сломается и которое сверкало всеми цветами радуги — полупрозрачная, сияющая конструкция, построенная в аристократическом стиле прежних времен; предназначенная не просто для украшения — по своему дизайну, по своему тонко выкованному великолепию, она была шедевром сама по себе.

Здесь во славу триумфа архитектуры создали слэны свой шедевр, который попал в руки победителей после катастрофической войны.

Он был слишком прекрасен. От одной мысли о нем у Джомми начинали болеть глаза, мозг. Только подумайте, девять лет он прожил так близко от города и ни разу не видел это великодушное достижение своей расы! Причины, по которым его мать не хотела ему это показывать, он счел несущественными теперь, когда увидел это сооружение в действительности. «Это огорчит тебя, Джомми, когда ты поймешь, что дворец слэнов теперь принадлежит Киру Гресю и его отвратительной компании. Кроме того, в той части города против нас применяются особые меры предосторожности. Ты скоро это увидишь».

Но случилось это не скоро. Чувство того, что он что-то потерял, жгло его изнутри огнем. В черные дни это бы придало ему мужества, если бы он знал об этом памятнике своему народу.

Его мать говорила: «Люди никогда не узнают всех секретов этого здания. В нем много тайн, забытых комнат и переходов, скрытых чудес, о которых теперь не знают даже слэны, разве лишь смутно. Кир Грей не понимает, но все оружие и техника, которые люди так отчаянно искали, похоронены прямо в этом здании».

Резкий голос заскрежетал в его ушах. С неохотой Джомми оторвал взгляд от открывшегося за рекой величия и обратил внимание на Бабушку. Он увидел, что она запрягла свою старую лошадь в мусорную телегу.

— Прскрати грезить наяву, — скомандовала она. — И не бери себе в голову никаких глупостей. Дворец и территория вокруг не для слэнов. А теперь полезай под эти одеяла и лежи тихо. На том конце улицы озабоченный полицейский, которому бы лучше тебя пока не найти. Надо торопиться.

Последним долгим взглядом Джомми окинул дворец. Значит, этот дворец не для слэнов! Он почувствовал нервную дрожь. Когда-нибудь он отправится туда искать Кира Грея. И когда день придет... — мысль остановилась; он весь трясся от гнева и ненависти к тем людям, которые убили его отца и мать.

ГЛАВА 5

Грохочущая старая телега оказалась в центре города. Она качалась и тряслась по неровной мостовой на задних улочках, пока Джомми, полулежа-полусидя позади, не почувствовал, что его сейчас вытрясет из одежды. Дважды он пытался встать, но каждый раз старуха тыкала его палкой.

— Не высовывайся! Бабушка не хочет, чтобы кто-нибудь увидел, как ты хорошо одет. Не вылезай из-под этой дерюги!

Разодранная в клочья старая рогожа воняла Биллом, так звали лошадь. От вони у Джомми начались приступы тошноты. В конце концов мусорная телега остановилась.

— Вылезай, — резко скомандовала Бабушка, — и иди в этот универсальный магазин. Посмотри, внутри твоей куртки я пришила большие карманы. Набей их, только чтобы они не отдувались.

Джомми слез на бетонку, у него кружилась голова. Он стоял, раскачиваясь, ожидая, что быстрый огонь его силы прогонит необычную слабость. Потом он сказал:

— Я вернусь примерно через полчаса.

Ее жадное лицо склонилось к нему, глаза блеснули.

— Смотри, чтобы тебя не поймали, и соображай, что берешь.

— Не волнуйся, — уверенно ответил Джомми. — Прежде чем что-нибудь брать, я прочитаю мысли и увижу, если за мной кто-то наблюдает. Все очень просто.

— Хорошо! — На ее узком лице появилась усмешка. — И не беспокойся, если Бабушки здесь не будет, когда ты вернешься. Она пойдет сходит в винный магазин за лекарством. Теперь, когда у нее есть молодой слэн, она может позволить себе немножко лекарства, а оно ей ой как нужно — согреть старые кости. Да, у Бабушки должен быть хороший запас лекарства.

Носящийся в воздухе страх охватил его, когда он протискивался сквозь толпу, вливающуюся и выливающуюся из многоэтажного универсального магазина, — ненормальный, преувеличенный страх. Он широко открыл свое сознание и держал его так несколько долгих мгновений. Волнение, напряженность, страх и неуверенность — огромный, темный фонтан страха схватил его и понес его сознание в самую стремнину.

Но пока продолжалось это погружение, он уловил основу этого массового страха. Казни во дворце! Джон Петти, глава тайной полиции, поймал десятерых участников Совета на заключении секретной сделки со слэнами и убил их. Но в это не очень верили — все боялись Джона Петти и не очень ему доверяли. Слава богу, Кир Грей был на месте, твердый как скала, готовый защитить мир от слэнов — и от угрожающего Джона Петти.

Внутри магазина было еще хуже. Там было больше людей. Их мысли стучали в его мозг, когда он проходил вдоль рядов сверкающих продовольственных витрин, под ярким

светом с потолка. Роскошный мир товаров в огромных количествах громоздился вокруг него, и взять что хочешь оказалось легче, чем он предполагал.

Он прошел до конца длинного, сверкающего ювелирного отдела и взял подвеску ценой пятьдесят пять долларов. Он хотел войти в сам отдел, но поймал мысли продавщицы — это было раздражение, неприязнь оттого, что в ювелирный отдел может зайти маленький мальчик. Дети не были желанными гостями в мире великолепных драгоценных камней и благородных металлов.

Джомми повернул, чуть не зацепившись за высокого, красивого мужчину, который прошел мимо, даже не посмотрев на него. Джомми сделал еще несколько шагов и остановился. Его как будто ударило током, да так сильно, как никогда не было в жизни. Но это ощущение не было неприятным. Удивление, радость, потрясение — все это он испытал в одно мгновение, когда повернулся и посмотрел вслед удаляющемуся мужчине.

Этот красивый, хорошо сложенный незнакомец был слэном, взрослым слэном! Значение этого открытия было так велико, что после того, как прошло первое удивление, мысли Джомми завертелись. Присущая слэнам твердость ума не была поколеблена, и он более не находился во власти эмоций, как было во время болезни. Но в его мозгу поднялась дикая радость, равной которой он не знал.

Джомми быстро пошел вслед за мужчиной, его мысли вылетели наружу, пытаясь установить контакт с мозгом другого человека, — но тот отпрянул! Джомми нахмурился. Он был совершенно уверен, что это существо — слэн, но он не мог проникнуть в глубь сознания незнакомца. А на поверхности не было видно того, что он знал о присутствии Джомми, ни малейшего намёка на то, что он понимал какие-нибудь внешние мысли.

Это становилось загадочным. Несколько дней назад было невозможно прочитать в глубине сознания Джона Петти. Но вопрос о том, человек Петти или не человек, никогда даже не возникал. Самому себе он объяснить эту разницу не мог. Разве что когда его мать защищала свои мысли от постороннего вторжения, он всегда мог дать о себе знать прямым импульсом.

Выводы были потрясающие. Выходит, существовали слэны, которые не умели читать мысли, но могли охранять свои собственные мысли от вторжения. Вторжения кого? Других слэнов? И что это за слэны, которые не умеют читать мысли? Теперь они вышли на улицу, и было бы легко при ослепи-

тельном свете уличных фонарей пуститься бегом и через несколько мгновений догнать слэна. Кто заметит бегущего ребенка в этой спешащей толпе?

Но вместо того, чтобы сократить расстояние, отделявшее его от слэна, он увеличил его. Все логически мыслимые корни его существования были поставлены под угрозу ситуацией с этим слэном; и все гипнопедическое образование, которое отпечатал в его мозгу отец, всплыло и воспротивилось предполагаемому действию.

За два квартала от магазина слэн свернул на широкую боковую улицу. Джомми озадаченно следовал за ним на безопасном расстоянии — озадаченно из-за того, что знал: эта улица кончается тупиком, это не жилой район. Они прошли один, два, три квартала. Потом его сомнения исчезли.

Слэн направлялся в Воздушный Центр, который со всеми своими зданиями и заводами и летным полем раскинулся в этой части города на целую квадратную милю. Это было невозможно. Ведь никто не мог попасть даже близко к самолету, без того чтобы не снять шляпу и показать, что у них на голове нет усиков, как у слэнов.

Слэн направился прямо в направлении огромной светящейся надписи «ВОЗДУШНЫЙ ЦЕНТР» — и без колебаний растворился за вращающейся дверью под вывеской.

В дверях Джомми задержался. Воздушный Центр, который доминировал во всей авиационной промышленности по всему земному шару! Возможно ли, что в нем работали слэны? Что в самом центре человеческого мира, который ненавидел их с непередаваемой свирепостью, слэны, несмотря ни на что, контролировали самую крупную транспортную систему во всем мире?

Он прошел через двери в выложенный мрамором длинный коридор, из которого вели бесчисленные двери. Некоторое время в коридоре было пусто, но он улавливал слабые ручейки мыслей, которые увеличивали его удивление и радость.

Здание кишело слэнами. Их были десятки, сотни!

Прямо перед ним открылась дверь, из нее вышли два бородатых молодых человека и пошли в его сторону. Они тихо разговаривали между собой и какое-то время не замечали его. Он успел уловить их поверхностные мысли, их спокойную уверенность в себе, отсутствие страха. Два слэна на пороге зрелости, и без головных уборов!

Без головных уборов. Это наконец дошло до Джомми. Без головных уборов — и без усиков.

На секунду ему показалось, что его подвели глаза. Взглядом он лихорадочно искал золотистые нити усиков, которые обязаны были там быть. Слэны без усиков! Вот в чем дело! Это объясняло их неспособность читать мысли. Мужчины находились лишь в десяти футах, когда увидели его.

— Мальчик, — сказал один из них, — тебе надо отсюда уходить. Детям здесь нельзя. Беги.

Джомми глубоко вздохнул. Мягкость упрека вселяла уверенность, особенно теперь, когда тайна была раскрыта. Как здорово, что, удалив свои предательские усики, они могли спокойно жить и работать в самом логове своих врагов! Широким, почти мелодраматическим жестом он протянул руку к своей фуражке и снял ее.

— Все в порядке, — начал он. — Я...

Слова застыли у него на губах, расширенными от страха глазами он смотрел на двух мужчин. За кратким неконтролируемым миготанием удивления их умственные щиты вновь сомкнулись. Они дружески улыбались. Один сказал:

— Да, ну и сюрприз!

Другой откликнулся:

— Чрезвычайно приятный сюрприз. Добро пожаловать, сынок!

Но Джомми не слушал. Его мысли перепутались от удара мыслей двух этих людей, которые взорвались у них в головах в краткий миг, когда они увидели блестящие золотистые усики в его волосах: «Господи, — подумал первый, — это змея!»

Другой подумал совершенно холодно, совершенно безжалостно: «Убить проклятую тварь!»

ГЛАВА 6

С того момента, в который Джомми уловил мысли двух мужчин, вопрос состоял не в том, что ему делать, а в том, было ли у него на это время. Опустошающее удивление от их убийственной враждебности не помешало ему анализировать ситуацию.

Даже не думая об этом, он начал искать выход: бежать обратно по коридору, стараясь преодолеть сотню футов открытого мраморного пространства означало самоубийство. Ноги девятилетки никогда не сравнятся с железной выносливостью двух крепких слэнов, оставалось только одно, и он так и поступил. С мальчишеским проворством он отпрыгнул в сторону. Перед ним была дверь — одна из сотен в этом коридоре.

К счастью, она была не заперта. Под его напором она открылась с удивительной легкостью, но его самоконтроль был настолько силен, что он позволил себе открыть дверь ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь. Он мельком увидел другой освещенный пустынный коридор и в следующий момент закрыл дверь, его смуглые, сильные и чувствительные пальцы нащупывали замок. Задвижка замка закрылась с резким, тяжелым звуком.

В следующее мгновение послышался тупой удар, когда двое взрослых навалились на дверь; она даже не шелохнулась.

Джомми понял: дверь была сделана из сплошного железа, построена в расчете на удары тарана, но так прекрасно сбалансирована, что казалась невесомой. На некоторое время он был в безопасности!

Его мозг расслабился и начал искать контакт с мыслями двух слэнов за дверью. Вначале казалось, что их щиты сомкнуты слишком плотно, но потом его мозг уловил полутона досады и тревоги — такой сильной, что она, как ножом, резала по поверхности их мыслей.

— Боже милосердный! — прошептал один. — Включай секретную тревогу, быстрее! Если змси узнают, что мы контролируем авиалинии...

Джомми не терял ни секунды. Каждый атом любопытства в нем понуждал его остаться, разрешить непонятную загадку ненависти слэна без усиков к настоящему слэну. Но любопытство отступило перед здравым смыслом. Он побежал изо всех сил, точно зная, что надо делать.

Он знал, что никоим образом этот коридор нельзя было считать безопасным. В любой момент могла открыться дверь, обрывок мысли мог предупредить его о людях, бегущих из-за поворота. Мгновенно приняв решение, он приостановил свой безудержный бег и подергал несколько дверей. Четвертая дверь поддавалась, и Джомми переступил порог с ощущением триумфа. На другой стороне комнаты было высокое широкое окно.

Он распахнул окно и вскочил на широкий подоконник. Низко пригнувшись, он выглянул из-за выступа. Из других окон здания струился слабый свет, и в его мерцании он увидел нечто похожее на узкую подъездную дорожку, вклинившуюся между двумя кирпичными стенами.

Секунду он колебался, потом, как муха, полез вверх по кирпичной стене. Лезть было достаточно легко; его необычайно сильные пальцы с легкостью находили неровности на стене. Сгущающиеся сумерки затрудняли подъем, но с каждым ша-

гом вверх его уверенность росла. На мили вокруг простирались крыши, и, если он правильно помнил, здание аэропорта соединялось с другими зданиями на каждой стороне. У слэнов, которые не умели читать мысли, не было шансов против слэна, который это умел и мог избежать всех их ловушек.

Тридцатый, последний этаж! Со вздохом облегчения Джомми выпрямился и пошел по плоской крыше. Было почти совсем темно, но ему были видны крыши соседних зданий, которые почти касались той, по которой он шел. Расстояние максимум в два ярда, перепрыгнуть легко. С громким «бум-м-м!» часы на стоящей неподалеку башне начали отбивать время. Раз... два... пять... десять! И с последним ударом Джомми услышал низкий скрипящий звук, и внезапно, в скрытом тению центре крыши напротив него раскрылась огромная черная дыра. Застигнутый врасплох, он упал ничком, боясь вздохнуть.

А из темного отверстия в усеянное звездами небо выскочил похожий на торпеду силуэт. Он двигался быстрее и быстрее и затем, на дальнем пределе видимости, сзади у него появился маленький сверкающий огонек. На мгновение он мелькнул и пропал, как будто упавшая звезда.

Джомми лежал очень тихо, пытаясь проследить взглядом, куда улетел этот странный корабль. Он был готов поклясться, что это был космический корабль. Значит, слэны реализовали вековую мечту — управляемые полеты к другим планетам. Если так, то как им удалось удержать это в секрете от людей? И что делали истинные слэны?

Он снова услышал скребуший звук и подполз к краю крыши посмотреть напротив. Джомми успел увидеть, как зияющая чернота уменьшилась, когда два огромных металлических листа сдвинулись и крыша вновь стала целой.

Джомми переждал несколько мгновений, затем напряг мускулы и прыгнул. Теперь у него была одна цель: побыстрее вернуться к Бабушке самым окольным путем. Задние дворы, боковые улочки — вот его дорога, потому что легкость, с которой он убежал от слэнов, вдруг стала казаться подозрительной. Если, конечно, они не отважились выставить охрану из боязни выдать свой секрет людям.

Какова бы ни была причина, стало ясно, что он отчаянно нуждался в Бабушкином маленьком безопасном домике. У него не было желания впутываться в столь сложную проблему, которой стал треугольник: человек — слэн — слэн без усиков. Нет, нет, пока он не вырастет и не сравняется по остроте ума с теми, кто сражались в этой непрекращающейся смертельной схватке.

Обратно к Бабушке и по дороге заскочить в магазин. Надо было торопиться. В одиннадцать магазин закроется.

В магазине Джомми не решился идти мимо ювелирного отдела, потому что продавщица, которая не любила маленьких мальчиков, была до сих пор на работе. На других прилавках тоже был богатый ассортимент, и он быстро выбрал что получше из их мелкой розницы. Тем не менее он заметил про себя, что ему стоит приходить пораньше, до пяти часов, когда на работу выходила вечерняя смена. Иначе эта продавщица могла оказаться помехой.

Набив карманы ворованным товаром, он осторожно направился к ближайшему выходу, потом остановился, когда мужчина средних лет, с брюшком, задумчиво прошел мимо. Он был главным бухгалтером магазина, и он думал о четырехстах тысячах долларов, которые на ночь останутся в сейфе. В его мыслях был также шифр сейфа.

Джомми поспешил дальше, но ему стало противно от собственной недалекости. Как глупо воровать вещи, которые потом надо продать с огромным риском для обеих сторон, по сравнению с простым делом — взять столько денег, сколько хочешь.

Бабушка все еще ждала там, где он ее оставил, но ее мысли так смешались, что Джомми пришлось ждать, пока она заговорит, прежде чем он понял, что от него хотят.

— Быстрее, — хрипло сказала она, — залезай под одеяла. Здесь только что был полицейский и велел Бабушке убираться.

Они отъехали по крайней мере милю, когда она остановила телегу и, рыча, сорвала с него одеяло.

— Неблагодарная скотина, где ты шляется?

Джомми не стал тратить слов. Его презрение к ней было слишком велико, чтобы разговаривать дольше, чем нужно. Он вздрогнул, когда увидел, с какой жадностью она набросилась на сокровища, которые он вывалил ей на колени. Быстро она оценила каждый предмет и бережно сложила их в двойное дно, приделанное под телегой.

— По крайней мере двести долларов для старой Бабушки! — весело сказала она. — Столько даст Бабушке за это Старый Финн. Да, Бабушка поступила умно, когда поймала молоденького слэна. Он заработает не десять, а двадцать тысяч долларов в год для нее. Подумать только, они предлагали всего десять тысяч долларов в награду за него! Лучше бы дали миллион.

— Я могу поработать еще лучше, чем теперь, — начал разговор Джомми. Ему было все равно, когда рассказывать ей о сейфе в магазине, и что больше не нужно было зани-

маться кражами по магазинам. — В этом сейфе около четырехсот тысяч, — закончил он. — Я могу их взять сегодня ночью. Я заберусь с обратной стороны здания к какому-нибудь окну, вырежу отверстие в нем... у тебя есть где-нибудь стеклорез?

— Бабушка достанет стеклорез! — в экстазе выдохнула старуха. От радости она раскачивалась в разные стороны. — Ох, ох, Бабушка рада. Но теперь Бабушке понятно, почему люди стреляют слэнов. Они слишком опасны. Конечно, ведь они могут украсть весь мир. Они уже пробовали, в самом начале.

— Я об этом... мало знаю, — медленно произнес Джомми. Как ему хотелось, чтобы Бабушка знала об этом все, но он видел, что она не знает. В ее мозгу было лишь смутное представление о том времени, когда слэны (в этом их обвиняли люди) пытались завоевать мир. Она знала не больше, чем он, не больше, чем остальная масса невежественного народа.

Какова же правда? Была ли когда-нибудь война между слэнами и людьми? Или это была та же пропаганда, как эти ужасные рассказы о том, что слэны делали с младенцами? Джомми увидел, что мысли Бабушки опять перескочили на деньги в магазине.

— Всего лишь четыре тысячи! — резко сказала она. — Не может быть. Они должны каждый день выручать сотни тысяч, миллионы!

— Они не хранят все деньги в магазине, — солгал Джомми, и, к счастью, старуха приняла это объяснение.

Пока телега катилась дальше, он думал о лжи. Джомми солгал почти автоматически. Теперь он видел, что сделал это из самосохранения. Если бы старуха сразу разбогатела, вскоре она начала бы думать, как бы предать его.

Было совершенно необходимо, чтобы в течение последующих шести лет он жил в безопасности в домике Бабушки. Таким образом, вставал вопрос: сколь малым она будет удовлетворена? Каким-то образом ему было необходимо найти среднее между ее ненасытной жадностью и собственными нуждами.

Страшно подумать, насколько это увеличивало опасность. В этой женщине жил невообразимый эгоизм и достаточная доля трусости, которая могла взметнуться панической волной страха и уничтожить его, прежде чем он до конца поймет грозящую опасность. Это было несомненно. Среди неизвестных факторов, висящих над шестью годами, отделяющими его от могучей науки его отца, эта мрачная мошенница вы-

ступала как наиболее опасный и наиболее непредсказуемый фактор.

ГЛАВА 7

Поступающие деньги окончательно испортили Бабушку. Она стала пропадать на несколько дней подряд, и из ее бессвязных рассказов он понимал, что она в конце концов добралась до курортных удовольствий, которые ее всегда привлекали. Когда она была дома, то почти никогда не расставалась с бутылкой. Она была нужна ему, поэтому Джомми готовил ей еду, и таким образом Бабушка оставалась жива, несмотря на все излишества. Возникла необходимость — когда у нее кончались деньги — совершать вместе с ней грабительские набеги, но все остальное время ему удавалось избегать ее.

Свое значительное свободное время он использовал для самообразования, но это было нелегко. Этот район был до крайности нищим, и большинство его обитателей были необразованными, даже неграмотными, но среди них встречались люди с острым умом. Джомми разыскивал их, узнавал, кто они, чем они занимались и что они знали, расспрашивая их и расспрашивая о них. Для этих людей он был внуком Бабушки. Как только это было принято как должное, многие трудности разрешились.

Конечно, находились люди, которые относились к родственнику старьевщицы с недоверием, считая его ненадежным человеком. Некоторые, которым когда-либо пришлось попасть на острый Бабушкин язык, были откровенно враждебны, но такие просто игнорировали его. Некоторые были слишком заняты, чтобы беспокоиться о Бабушке или о нем самом. От некоторых же он настойчиво, хотя по возможности как можно более ненавязчиво, требовал внимания к себе.

Молодой студент-инженер называл его «этот чертов хвост», но объяснял ему премудрости инженерии. В его мыслях Джомми прочел, что студенту казалось, что он проясняет собственные мысли и лучше понимает предмет, и иногда он хвастался тем, что знает инженерное дело так хорошо, что может объяснить его принципы десятилетнему мальчишке. Он даже не подозревал, какой не по годам развитый был этот мальчишка.

Женщина, которая до замужества много путешествовала, а сейчас была в стесненных обстоятельствах, жила за полквартила от них и, скармливая ему одно за другим печенье,

охотно рассказывала о мире и людях так, как они ей представлялись.

Приходилось принимать взятки, иначе, если бы он отказался есть печенье, его бы неправильно поняли. Но ни у одного рассказчика не было более внимательного слушателя, чем у миссис Харди. Измученная женщина, с тонким профилем, муж которой проиграл все ее состояние, она путешествовала по Европе и Азии, и ее острый взгляд замечал массу деталей. Более смутно она представляла себе прошлое этих стран.

Одно время — так она слышала — Китай был густо населен. По рассказам, давным-давно несколько кровавых войн уничтожили жителей в наиболее населенных местах. Казалось, что эти войны были определенно начаты не слэнами. Лишь в последнее столетие слэны обратили внимание на младенцев китайского и иного восточного происхождения и таким образом навлекли на себя гнев людей, которые до этого терпели существование слэнов.

По объяснениям миссис Харди, это было еще одним бессмысленным действием слэнов. Джомми слушал и запоминал эти сведения, убежденный в том, что это имело иное, нежели существующее, объяснение, и, ломая голову над тем, что же было правдой, твердо решил, что в один прекрасный день он выведет всю эту ужасную ложь на чистую воду.

Студент-инженер, миссис Харди, бакалейщик, который некогда был пилотом ракеты, мастер по ремонту телерадиоаппаратуры и старик Дарретт — эти люди давали ему образование, сами не подозревая об этом, в первые два года, что он провел с Бабушкой. Из них всех Дарретт был просто подарком для Джомми: большой, широкий в кости, одинокий, циничный человек за семьдесят, он когда-то был профессором по истории — но это был лишь один из предметов, по которым у него был почти неистощимый запас сведений.

Было очевидно, что рано или поздно старик подымет вопрос о войнах со слэнами. Это было настолько очевидно, что Джомми пропустил несколько случайных замечаний об этом, как будто ему было неинтересно. Но однажды зимним днем этот разговор возник снова, как он и ожидал. На этот раз Джомми сказал:

— Ты все говоришь о войнах. Не могло быть никаких войн. Эти люди просто вне закона. С теми, кто стоит вне закона, не воюют; их просто уничтожают.

Дарретт напрягся.

— Вне закона, — сказал он. — Молодой человек, это были великие дни. Я тебе говорю, что сто тысяч слэнов практически завладели миром. Они все великолепно спланировали и провели эту акцию с невероятной дерзостью. Тебе нужно понять, что люди в своей массе всегда играют в чужую игру, а не в свою собственную. Они попадают в ловушки, из которых не могут выбраться. Они принадлежат группам; они члены организаций; они верны идеалам, личностям, географическому положению. Если удастся захватить институты, которые они поддерживают, — вот тебе и метод.

— И слэны это сделали? — Джомми задал вопрос с горячностью, удивившую его самого; слишком уж это обнаруживало его чувства. Более спокойно он добавил: — Это похоже на сказку. Это просто пропаганда, чтобы нас напугать. Вы ведь часто говорили так о всяких других событиях.

— Пропанганда! — взорвался Дарретт. Потом он замолчал. Его большие, выразительные, черные глаза были наполовину скрыты длинными темными ресницами. В конце концов он медленно произнес:

— Я хочу, чтобы ты представил себе это, Джомми. Мир был в смятении и потрясении. Везде человеческие младенцы подвергались интенсивному влиянию слэнов, для того чтобы сделать еще больше слэнов. Цивилизация начала разваливаться. Сильно возросло количество сумасшедших. Самоубийства, убийства, преступность — кривая хаоса взметнулась на новую высоту. И в одно прекрасное утро, до конца не понимая, что произошло, человеческая раса проснулась и обнаружила, что за одну ночь враг захватил власть. Пробираясь изнутри, слэны захватили бесчисленные ключевые организации. Когда ты поймешь жесткость структуры нашего общества, тебе станет ясно, как беспомощны были люди вначале. По моему мнению, слэны могли остаться безнаказанными, если бы не одна вещь.

Джомми молча ожидал продолжения. У него было нехорошее предчувствие. Старик Дарретт снова заговорил:

— Они безжалостно продолжали попытки делать слэнов из человеческих младенцев. В ретроспективе это выглядит немного глупо.

Дарретт и другие были только началом. На улице он ходил по пятам за учеными, стараясь проникнуть в их мысли. Спрятавшись, он лежал на территории высших учебных заведений, телепатически слушая лекции. Он много читал, но просто книги не устраивали его. Их нужно было растолко-

вать, объяснить. Математика, физика, химия, астрономия — его интересовали все науки. Его желаниям не было предела.

За шесть лет между его девятым и пятнадцатым днями рождения он приобрел то, что его мать называла основами знаний взрослого слэна.

В течение этих лет он осторожно наблюдал за слэнами без усиков. Каждый вечер в десять часов их космические корабли исчезали в небе, и этот график соблюдался с безупречной точностью. Каждую ночь в два часа тридцать минут следующий похожий на акулу монстр появлялся из космоса, темный и бесшумный, и проваливался, как призрак, сквозь крышу того же самого здания.

Только дважды в течение этих лет движение временно прекращалось, и каждый раз на месяц, и каждый раз, когда Марс, следуя своей причудливой орбите, улетал на самый дальний край Солнечной системы.

Он держался в стороне от Воздушного Центра, потому что с каждым днем его уважение к могуществу слэнов без усиков росло. Казалось, что только случай спас его, когда он открылся двум взрослым слэнам. Случай и внезапность.

Он ничего не узнал о главных загадках слэнов. Чтобы убить время, он много занимался физическими упражнениями. Прежде всего ему был нужен тайный выход, на случай, если придется бежать, — тайный от Бабушки и всего остального мира; и во-вторых, он просто не мог жить в Бабушкином доме в том виде, в котором тот был. Потребовались месяцы для того, чтобы выкопать сотни ярдов тоннеля, также месяцы, чтобы перестроить их дом внутри, сделать панели на стены, выложить потолок сверкающим пластиком и перестелить пластиковые же полы.

Ночами Бабушка заносила мебель через заваленный старьем двор в неизменившийся, даже некрашенный снаружи дом. Но для этого потребовался ровно год — из-за Бабушки с ее бутылкой.

Пришел пятнадцатый день рождения... В два часа дня Джомми отложил книгу, которую читал, снял тапочки и надел ботинки. Пробил час решительных действий. Сегодня он должен попасть в катакомбы и овладеть секретом отца. Из-за того, что ему не были известны тайные переходы слэнов, ему придется рискнуть и войти туда через общественный вход.

Об опасности он подумал лишь мельком. День настал — давным-давно это было зафиксировано в его сознании, еще когда отец занимался его гипнопедическим образованием. Но

тем не менее казалось важным, выскользнуть из дома так, чтобы старуха его не услышала.

На краткий миг он вошел с ней в мысленный контакт и не без отвращения проанализировал поток ее сознания. Она не спала, но металась на кровати. Ее мысли текли свободно и яростно, широким потоком замышляемого зла.

Джомми Кросс на секунду нахмурился. В настоящий ад старушечьих воспоминаний (потому что она почти полностью жила в своем восхитительном прошлом, когда бывала пьяна) пришла стремительная, прозорливая мысль: «Надо избавляться от слэна... теперь это опасно для Бабушки, раз у нее появились деньги. Не дать ему заподозрить... не думать об этом, иначе...»

Джомми Кросс безрадостно улыбнулся. Не в первый раз он уловил мысли о предательстве в ее сознании. С внезапной целеустремленностью он завязал шнурок на ботинке, встал и прошел в ее комнату.

Бабушка лежала, распластавшись под простыней, на которой виднелись коричневые пятна от вина. Провалившиеся глаза тупо смотрели из морщинистого, словно пергаментного, лица. Глядя на нее сверху вниз, Джомми почувствовал порыв жалости. Какая бы злая и ужасная ни была прежняя Бабушка, он предпочитал ее такой, какая она была, этой старой немощной алкоголичке, которая лежала, как средневековая ведьма, непонятным образом оказавшаяся на серебряно-голубой кровати из будущего.

Казалось, она впервые ясно увидела его. С ее губ сорвалась целая тирада кровожадных ругательств. Потом:

— Че те надо? Бабушка хочет побыть одна.

Его жалость улетучилась. Он холодно посмотрел на нее:

— Я просто хотел предупредить тебя. Скоро я уйду, и тебе больше не придется тратить время на обдумывание, как меня предать. Тем более что ты не сможешь это сделать без вреда для себя. За твою старую шкуру никто не даст десяти центов, если они меня поймают.

Черные глаза хитро смотрели на него.

— Думаешь, ты умный, да? — пробормотала она. Казалось, от этого слова началась новая цепь рассуждений, которую он не мог проследить мысленно. — Умный, — злорадно повторила она, — самое умное, что Бабушка когда-либо сделала, это поймала молодого слэна. Хотя сейчас уже опасно... надо от него избавиться...

— Дура ты старая, — безразлично сказал Джомми. — Не забывай о том, что тот, кто укрывает слэнов, автоматически

приговаривается к смерти. Ты хорошо смазала себе шею, так что скрипеть она не будет, когда тебя вздернут, но своими тощими ногами ты вдоволь поболтаешь.

Сказав это, он резко повернулся и вышел из комнаты, а затем из дома. В автобусе он подумал: «Надо за ней проследить и как можно скорее убираться от нее. Ни один человек, рассуждающий категориями возможного, не доверит ей ничего ценного».

Даже в центре города улицы были пустынные. Джомми Кросс вылез из автобуса, остро чувствуя тишину на месте привычного бедлама. Город был слишком тих; само движение жизни как будто отсутствовало. В нерешительности он стоял на тротуаре, мысль о Бабушке совершенно испарилась. Он широко раскрыл свое сознание. Вначале не было ничего, кроме шума в полупустой голове водителя автобуса, который исчезал, удалялся по дороге, на которой не было других машин. Солнце жарило пустой тротуар. Мимо торопливо проскочило несколько человек, в их мыслях присутствовал лишь страх, такой непрерывный и неизменный, что он не смог за ним ничего прочитать.

Тишина углублялась, и тревога пробралась в сердце Джомми Кросса. Он исследовал здания вокруг себя, но не обнаружил никакого движения мысли, совершенно ничего. Внезапно на боковой улице взревел мотор. За два квартала впереди выехал тягач с огромной пушкой, угрожающе направленной в небо. Тягач прогрехотал на середину улицы, от него отцепили пушку, и он исчез в той же боковой улочке. Вокруг пушки копошились люди, подготавливая ее, а потом заняли свои места, глядя в небо, напряженно ожидая чего-то.

Джомми Кросс хотел подойти ближе, почитать их мысли, но он не решился. Ощущение того, что он находится в незащищенном и опасном положении, переросло в пугающую уверенность. В любую минуту мимо могла проскочить полицейская или военная машина, а ее пассажиры спросить его, что он делает на улице. Его могли арестовать или попросить снять кепку и показать волосы и золотые нити, которые были усиками.

Готовилось что-то грандиозное, и лучшим убежищем были катакомбы, где его никто не увидит, хотя там будут подстерегать другие опасности. Он торопливо направился в сторону входа в катакомбы, куда он стремился с того самого момента, когда вышел из дома. Он поворачивал на боковую улицу, когда на углу ожил громкоговоритель. Мужской голос хрипло взревел:

— Последнее предупреждение — убирайтесь с улиц! Убирайтесь вообще. Таинственный воздушный корабль слэнов приближается к городу с ужасной скоростью. Есть мнение, что корабль направляется к дворцу. На всех волнах включено глушение для предотвращения лживого вещания слэнов. Расходитесь по домам! Вот и корабль!

Джомми замер. В небе появилась серебристая вспышка, а потом продолговатая торпеда с крыльями, сверкая металлом, пронеслась по прямой в вышине. Он услышал прерывистый грохот пушки на улице и эхо других орудий, а потом корабль превратился в сверкающую точку, направляющуюся в сторону дворца.

Странно, но солнечный свет теперь больно бил в глаза. Он чувствовал смятение. Крылатый корабль! Бесчисленными ночами в течение этих последних шести лет он наблюдал, как космические корабли взмывали из здания Воздушного Центра, принадлежавшего слэнам без усиков. Бескрылые корабли-ракеты и что-то еще. Что-то, что делало огромные металлические машины легче воздуха. Казалось, что реактивный двигатель использовался лишь для продвижения. Невесомость; их манера взмывать вверх, как будто под действием центробежной силы, должно быть, антигравитации. А это был крылатый корабль, со всем, что ему положено: реактивными двигателями, жесткой привязанностью к земной атмосфере, обыкновенностью. Если это лучшее, что могут сделать истинные слэны, тогда...

Глубоко разочарованный, он повернулся и пошел вниз по длинному лестничному пролету, который вел в общественный туалет. Там было так же пусто, как на улицах наверху. И для него, прошедшего через множество запертых дверей, было простым делом открыть замок на железной решетчатой двери, ведущей в катакомбы.

Он почувствовал напряженность в своем сознании, когда заглянул за двери. Впереди смутно виднелся бетонный пол, потом темнота, в которой угадывалось множество лестничных пролетов. У него перехватило горло, он медленно и глубоко задышал. Джомми нагнулся вперед, как бегун-спринтер на старте. Потом он открыл дверь, проскочил внутрь и со всей скоростью понесся по душным, темным ступеням.

Где-то впереди монотонно зазвенел звонок, приведенный в действие фотоэлементом, световой барьер которого Джомми пересек, когда вошел в двери, — сигнализация была установлена много лет тому назад против слэнов и других любопытствующих.

До звонка оставалось совсем немного, но все еще не чувствовалось никакого движения мысли в разверзшемся перед ним коридоре. Очевидно, никто из охранников не услышал сигнала. Он увидел звонок — высоко на стене, блестящий металлический предмет, из которого несло оглушительное з-з-з. Стена была гладкая как стекло, на нее невозможно было взобраться, звонок висел более чем в двенадцати футах от земли. Он звенел и звенел, но шума приближающихся людей все не было слышно, ни малейшего намека на чьи-либо мысли.

«Это вовсе не значит, что они не придут, — напряженно подумал Джомми. — Эти каменные стены здорово рассеивают мысленные волны».

Он разбежался и прыгнул с отчаянной силой вверх, пытаясь достать звонок. Его рука вытянулась, пальцы скользнули по мраморной стене на добрый фут ниже звонка. Он приземлился, зная, что проиграл. Звонок продолжал звенеть, когда он завернул за угол. Он слышал, как звон становится все тише, исчезая вдали. Но даже когда он стих, его отзвук продолжал звенеть в мозгу, как настойчивое предупреждение об опасности.

Странно, но ощущение того, что звонок продолжает звенеть, усиливалось до тех пор, пока ему не стало казаться, что звонок снова оказался рядом. Ощущение усиливалось, пока до него внезапно не дошло, что это был другой звонок, звеневший так же оглушительно, как первый. Это значило (он почувствовал испуг), что существовала целая длинная линия таких звонков, звонящих по тревоге, и где-то в огромном лабиринте тоннелей должны быть уши, которые его услышат, и люди вскочат с мест и посмотрят друг на друга сузившимися глазами.

Джомми Кросс продолжал торопливо идти вперед. Он не имел четкого представления о своем маршруте и знал только то, что его отец под гипнозом внушил ему и что ему нужно было лишь следовать подсказкам своего подсознания. Немедленно он услышал резкую внутреннюю команду: «Направо!»

Он пошел по болсе узкому из двух разветвляющихся коридоров — и в конце концов вышел к потайному месту. Все было очень просто. Один блок в мраморной стене был не закреплен и легко выскользнул из своего гнезда, когда он с силой его потянул. Под ним открылось темное отверстие. Джомми просунул руку внутрь, нащупал металлический ящичек и подтянул его к себе. Он весь дрожал, его пальцы тряслись. Секунду Джомми постоял спокойно, вновь обретая контроль над собой; пытаясь представить своего отца, стоящего на этом месте перед

этим блоком мрамора, чтобы спрятать свои секреты для сына, если с ним самим что-нибудь случится.

Джомми казалось, что в истории слэнов наступил исторический момент, когда работа погибшего отца была передана пятнадцатилетнему мальчику, который ждал столько тысяч минут, часов и дней, чтобы этот момент наступил.

Ностальгическое настроение моментально испарилось, как только в его мозгу раздался шепот посторонних мыслей. «Чертов звонок! — думал кто-то. — Наверное, кто-то заскочил, когда прилетел корабль слэнов, хотел спрятаться от возможной бомбардировки».

«Может быть, но не рассчитывай на это. Ты знаешь, какие строгости с этими катакомбами. Кто бы ни включил тревогу, он до сих пор здесь. Наверное, нужно передать сигнал тревоги в полицейское управление».

Появилась третья мысль: «Может, кто-то просто потерялся?»

«Вот и посмотрим. Пойдем к первому звонку, и держите оружие наготове. Неизвестно, что там. Раз нынче слэны уже по небу летают, то, может, кто-то из них и сюда заглянул».

Торопливо Джомми осматривал металлический ящичек, ища секретный замок. Под гипнозом ему было внушено, что нужно забрать содержимое и положить ящичек обратно в тайник. Повинуясь этому приказу, он не мог даже подумать о том, чтобы схватить ящичек и убежать.

Казалось, что замок и ключ отсутствуют вовсе. Но все равно, ведь что-то держало крышку. Быстрее, быстрее! Через несколько минут приближающиеся солдаты пройдут прямо мимо того места, где он стоял.

Полумрак длинных, облицованных бетоном и мрамором коридоров, спертый воздух, толстые кабели, которые проходили по потолку, неся миллионы вольт в раскинувшийся наверху город, весь мир катакомб, который его окружал, и даже его воспоминания — такие мысли мелькали в голове Джомми, пока он смотрел на металлический ящичек. Он думал о пьяной Бабушке и тайне слэнов, и все это перемешалось с приближающимися шагами солдат. Теперь он их отчетливо слышал, три пары сапог, приближающихся к нему.

Не издав ни звука, Джомми Кросс рванул крышку ящичка, напрягшись каждым мускулом. Он чуть не потерял равновесие, так легко поднялась незапертая крышка.

Он стоял и смотрел на толстый металлический прут, который лежал поверх кипы бумаг. Он не удивился, увидев его. Напротив, он почувствовал облегчение, что тот был на месте,

и он знал, что он должен был там быть. Очевидно, это тоже был гипноз отца.

Металлический прут был довольно толстым, примерно в два дюйма толщиной в середине, но сужающийся к концам. Один конец был грубо зачищен, несомненно, для того, чтобы удобнее было держать в руке. В начале утолщения была маленькая кнопка, на которую удобно было нажимать большим пальцем. Весь этот инструмент слабо светился собственным светом. Этого свечения и рассеянного света из коридора было достаточно, чтобы прочитать на листе бумаги:

«Это оружие. Используй его только в случае абсолютной необходимости».

На мгновение Джомми был настолько поглощен, что не заметил, как солдаты оказались прямо напротив него. Его осветили фонариком.

— Что такое... — взревел один солдат. — Руки вверх!

Первый раз за шесть лет ему грозила настоящая, реальная опасность, и поэтому она казалась нереальной. Он медленно подумал о том, что человеческие существа имели не очень быструю реакцию. Потом он протянул руку за оружием в коробке перед ним. Сознательно не торопясь, он нажал на кнопку.

Если кто-то из солдат и успел выстрелить, звука не было слышно из-за рева белого пламени, которое сверкнуло с необыкновенной яростью из открытого конца этой могучей трубки. Только что они были живы, — крепко сбитые, высокие фигуры, угрожающе нависшие над ним, а в следующий момент они исчезли, сметенные стеной яростного пламени.

Джомми посмотрел на свою руку — она дрожала. Изнутри подступала тошнота оттого, что он уничтожил троих живых людей. К нему постепенно возвращалось зрение, глаза вновь привыкли к полумраку после ослепительной вспышки. Когда Джомми посмотрел вдаль, он увидел, что коридор был совершенно пуст. Ни костей, ни кусочка плоти, ни обрывка одежды не осталось, чтобы напомнить, что здесь когда-то были живые люди. На полу образовалась небольшая впадина — там, где испепеляющее пламя выжгло углубление. Но небольшое, полное понижение пола никто никогда не заметит.

Усилив воли Джомми унял дрожь в пальцах; медленно отступала тошнота. Какой толк от переживаний. Убивать людей — непростое дело, но эти солдаты тоже убили бы его без сожаления, как уже были убиты его мать, и отец, и множество других слэнов, умерших страшной смертью из-за того, что

люди продолжали потчевать друг друга ложью, которая проглатывалась без сопротивления. К черту их всех!

На мгновение гнев затмил его рассудок. Он подумал: возможно ли, что с возрастом все слэны накапливали такую горькую обиду, что переставали чувствовать сожаление, убивая людей, так же, как люди без сожаления убивали слэнов?

Его взгляд упал на лист бумаги, где его отец написал:

«...Оружие. Используй его только в случае абсолютной необходимости».

Его захлестнула волна воспоминаний о тысячах других случаях, когда его родители проявляли благородное качество понимания. Он до сих пор не забыл вечер, когда отец сказал ему: «Запомни: как бы сильны ни стали слэны, проблема того, что делать с людьми, останется препятствием для овладения миром. До тех пор, пока эта проблема не будет решена справедливо и разумно, применение силы останется черным преступлением».

Джомми почувствовал себя лучше. Доказательство было при нем. Его отец даже не носил с собой этого оружия, которое смогло бы спасти его от врагов. Он принял смерть, но не применил его.

Джомми Кросс нахмурился. Благородство — это хорошо, и возможно, он прожил слишком долго среди людей, чтобы считаться настоящим слэном, но он никуда не мог деться от убеждения, что лучше сражаться, чем умереть.

Мысль остановилась, вместо нее появилась тревога. Нельзя было терять времени. Нужно было выбираться отсюда, и побыстрее! Он засунул оружие в карман пальто, быстро схватил бумаги из ящичка, запихал их в другой карман. Потом он бросил бесполезный теперь ящичек в тайник и задвинул блок мрамора на место. Он пустился бежать по коридору в ту сторону, откуда пришел, вверх по лестнице, и остановился недалеко от выхода в общественный туалет. Незадолго перед этим он был тих и пуст. Теперь же он кишел народом. Он ждал, напряженно, но нерешительно, надеясь, что людей станет меньше.

Но люди заходили и выходили, толпа не уменьшалась, и круговерть звуков и мыслей не утихала. Возбуждение, страх, беспокойство; здесь были маленькие люди, в умах которых грохотали попытки осознать то большое, что сейчас происходило. И эхо этого понимания проникало сквозь железную решетку двери туда, где в полумраке ждал Джомми. Вдалеке продолжал звонить звонок. Его непрекращающееся тревожное з-з-з в конце концов подсказало единственный возможный путь. Стиснув оружие в кармане, Джомми решительно

ступил вперед и распахнул дверь. Он мягко закрыл ее за собой, напряженно ожидая малейших признаков тревоги.

Но плотная масса людей не обратила на него никакого внимания, и он, протиснувшись сквозь толпу, вышел на улицу. Улица кишела народом. По тротуарам и просежей части расплывались толпы людей. Отрывисто звучали полицейские свистки, рычали громкоговорители, но ничто не могло повлиять на анархию толпы. Транспорт увяз намертво. Потные, ругающиеся водители бросали свои машины посреди улицы и присоединялись к слушателям, стоящим напротив громкоговорителей, из которых доносился лишь звук пулеметной стрельбы.

— Ничего доподлинно не известно. Никто точно не знает, приземлился ли корабль слэнов во дворце или сбросил сообщение и улетел. Никто не видел, как он приземлялся, никто не видел, как он исчез. Возможно, что он сбит. Также возможно, что в данный момент слэны совещаются с Киrom Греем во дворце. Об этом уже распространились слухи, несмотря на уклончивое заявление, выпущенное несколько минут назад самим Киrom Греем. Для тех, кто не слышал, повторяем его еще раз. Дамы и господа, Кир Грей заявил следующее:

«Не волнуйтесь и сохраняйте спокойствие. Необычное появление корабля слэнов ни в кося мере не повлияло на относительную расстановку сил между слэнами и людьми. Ситуация полностью под нашим контролем. Они ничего не смогут сделать, кроме того, что они делали, и то в строгих пределах. Люди численно превосходят слэнов, возможно, один к миллиону, и при подобных обстоятельствах они никогда не посмеют вести открытую, организованную кампанию против нас. Да водворится покой в ваших сердцах...»

Дамы и господа, это было заявление, выпущенное Киrom Греем после сегодняшнего необычайного происшествия. Я повторяю, более точной информации не поступало. Неизвестно, приземлился ли корабль слэнов. Никто в городе не видел, как он улетел. Никто, кроме властей, не знает наверняка, что же произошло, а вы только что слышали единственное заявление по этому поводу, выпущенное самим Киrom Греем. Был ли корабль слэнов сбит или...

Болтовня по радио не прекращалась. Заявление Кира Грея повторялось снова и снова. У Джомми заломило затылок от бессмысленного рева громкоговорителей, извергавших монотонный шум. Но он не уходил, ожидая дополнительных сведений, сгорая от желания, которое мучило его целых пятнадцать лет, узнать о других слэнах.

Очень медленно пламя возбуждения угасло. Ничего нового сообщено не было, и в конце концов он залез в автобус и отправился домой. Теплый весенний день клонился к вечеру. Городские часы показывали семнадцать минут восьмого.

Джомми подошел к заваленному старьем дворику с обычной осторожностью. Его мысли проникли внутрь обманчивого, выглядевшего как настоящая развалина домика и прикоснулись к мозгу Бабушки. Он вздохнул. До сих пор пьяна! Как же эта искалеченная пародия на организм до сих пор существовала? Такое количество спиртного должно было иссушить ее давным-давно. Он открыл дверь, вошел и закрыл ее за собой — и встал как вкопанный!

Его мозг, все еще в легком контакте с мыслями Бабушки, принял сигнал.

«Не дать ему понять, что я позвонила в полицию. Не думать об этом... не могу держать слэна в доме... слэн — это опасно... полиция перекрест улицы...»

ГЛАВА 8

Кэтлин Лэйтон сжала маленькие крепкие смуглые кулачки. Ее стройное молодое тело содрогнулось от отвращения, когда она узнала мысли, дошедшие до нее из одного из коридоров. Ее искал семнадцатилетний Дэви Динсмор, он шел в направлении мраморного парапета, на котором она стояла, осматривая город, окутанный мягкой дымкой теплого, влажного весеннего полудня.

Дымка поднималась, узор ее все время менялся. Она была похожа на кружевные облака, которые наполовину скрывали здания и плавилась в мареве, в тонкой текстуре которого едва просматривались оттенки небесно-голубого цвета.

Странно, но ей было больно смотреть, хотя это не вызвало неприятных ощущений. Из всех дверей на нее дышала прохлада дворца, отгоняя жар солнца. Но свет солнца отогнать невозможно.

Обрывки мыслей Дэви Динсмора усиливались, приближались. Кэтлин прочитала в них, что он снова собирался уговаривать ее стать своей любовницей. Вздвогнув еще раз, Кэтлин отключилась от его мыслей и ждала, когда же этот юнец появится. Она совершила ошибку, будучи вежливой с ним, хотя избежала множества неприятностей от других молодых людей при его помощи. Теперь она предпочла бы его враждебность любовным помышлениям, которые роились в его голове.

— А, — сказал Дэви Динсмор, выходя из дверей, — вот ты где.

Кэтлин смотрела на него без улыбки. В семнадцать Дэви Динсмор представлял собой долговязого юнца, лицом очень похожего на свою мамашу, у которой были лошадиные челюсти, отчего улыбка ее всегда выходила глумливой. Он подошел к ней с решительностью, в которой отражались его противоречивые чувства: с одной стороны — желание физически овладеть ею, а с другой — неподдельное стремление хоть как-то сделать ей больно.

— Да, — сухо сказала Кэтлин, — я здесь. Я надеялась хоть раз побыть одной.

Под всей внешней респектабельностью у Дэви Динсмора лежала крепкая подложка, и он не принимал подобные замечания на свой счет. Она знала об этом. Мысли, извергавшиеся из его сознания на столь коротком расстоянии, сообщили Кэтлин о том, что «эта дамочка опять играет в застенчивость. Но она еще оттаст».

За этим холодным убеждением лежал леденящий душу опыт. Кэтлин закрыла свое сознание чуть плотнее, чтобы избежать дстелей воспоминаний, которые всплывали из глубины подсознания юнца.

— Я не хочу, чтобы ты ко мне вообще подходил, — с холодной решимостью сказала Кэтлин. — Твои мысли как сточная канава. Я очень сожалею, что заговорила с тобой в самом начале, когда ты явился ко мне и начал строить глазки. Надо было догадаться об этом раньше, и я надеюсь, ты понимаешь: я говорю с тобой откровенно, иначе ты не поверишь, что я на самом деле хотела это сказать. Но я действительно имею это в виду — каждое слово, в особенности про сточную канаву. А теперь уходи.

Лицо Дэви было белесоватым, но на нем отразились гнев и напряжение, которые ударили по ее прикрытому щитом мозгу. Мгновенно Кэтлин закрыла свое сознание еще плотнее, отсекая брань, изливающуюся из него. Внезапно ей пришло в голову, что этому существу невозможно было досадить ничем, кроме унижения.

Она резко бросила:

— Ничего не выйдет, размазня несчастный!

— А-а-а! — закричал Дэви и бросился на нее.

На секунду она была поражена его решимостью, потому что она была гораздо сильнее его. Затем, сжав губы, она схватила его, легко увернувшись от его болтающихся рук, и подняла его в воздух. Слишком поздно она поняла, что именно

на это он и рассчитывал. Его грубые пальцы вцепились в ее голову и ухватили прядь волос и все тонкие, как шелк, усики, которые блестящими золотыми нитями лежали в волосах.

— Хорошо, — выдохнул он. — Теперь ты попалась. Не опускай меня вниз! Я знаю, что ты хочешь сделать. Опустить меня, потом схватить за запястья и давить, пока я не отпущу. Если ты опустишь меня хотя бы на дюйм, я так дерну за эти твои драгоценные усики, что выдерну половину. Я знаю, что ты можешь держать меня и не устанешь — так держи!

От страха Кэтлин застыла на месте. Дэви сказал: «Драгоценные усики». Такие драгоценные, что впервые в жизни ей пришлось подавить крик. Такие драгоценные, что Кэтлин беспечно считала, что никто не посмеет к ним притронуться. Она от страха была в полубоморочном состоянии, словно ночью на нее налетел ужасный шторм.

— Что тебе надо? — выдохнула она.

— Вот теперь поговорим, — сказал Дэви. Но слова были ей не нужны. Его мысли вливались в ее сознание.

— Хорошо, — слабо произнесла она. — Я сделаю.

— И опускай меня помедленнее, — сказал юнец. — А когда мои губы коснутся твоих, поцелуй должен продолжаться по крайней мере минуту. Я тебе покажу, как обращаться со мной как с грязью.

Его губы висели над ее губами на расплывающейся перед ее глазами глумливой роже с жадными глазами, когда резкий, привыкший командовать голос с удивлением и гневом прозвучал позади нее:

— Что это все значит?

— Ах, — пробормотал Дэви Динсмор.

Она почувствовала, как его пальцы отпустили ее волосы, потом она резко выдохнула и бросила его на землю. Динсмор пошатнулся, потом выпрямился и забормотал:

— Я... прошу прощения, мистер Лорри. Я... я...

— Ничего не вышло, пес несчастный! — сказала Кэтлин.

— Да, иди! — сухо сказал Джем Лорри.

Кэтлин наблюдала, как Дэви Динсмор заковылял прочь, а его мозг испускал импульсы испуга из-за того, что он обидел одного из влиятельных людей в правительстве. Но когда он пропал из виду, она не повернулась к вновь пришедшему. Она почувствовала, как ее мускулы инстинктивно напряглись, и не рискнула поворачивать голову и смотреть на этого мужчину, обладавшего наибольшей властью советника в кабинете Кира Грея.

— Что это было? — послышался сзади его довольно приятный голос. — Очевидно, я подошел в удачный момент.

— Не знаю, — холодно ответила Кэтлин. Она была настроена на совершенную откровенность. — Ваши ухаживания мне так же отвратительны.

— Г-м-м! — Он подошел ближе к ней, и девушка краем глаза увидела резко очерченную линию его профиля, когда он переступил через ограждение.

— Никакой разницы, на самом деле, — настойчиво продолжала Кэтлин. — Вы оба хотите одного и того же.

Минуту он стоял молча, но его мысли имели такое же свойство ускользать, как мысли Кира Грея. Годы сделали его настоящим мастером в искусстве избегать ее способности читать мысли. Когда он в конце концов заговорил, его голос изменился. В нем слышались жесткие нотки.

— Без сомнения, ваше мнение на этот счет изменится после того, как вы станете моей наложницей.

— Этого никогда не будет! — огрызнулась Кэтлин. — Я не люблю людей, вы мне не нравитесь.

— Ваши возражения не имеют значения, — холодно сказал молодой человек. — Единственная проблема в том, чтобы я смог овладеть вами, не будучи обвиненным во вступлении в тайный сговор со слэнами. До тех пор, пока я не придумаю решение этого вопроса, вы можете идти своей дорогой.

От его уверенности холодок пробежал по коже Кэтлин.

— Вы совершенно заблуждаетесь, — твердо сказала она. — Причина, по которой все ваши планы рухнут, проста. Кир Грей защищает меня. Даже вы не осмелитесь пойти против него.

Джем Лорри задумался над этим. Потом произнес:

— Защищает вас, да. Но его моральные представления о женской чести весьма низки. Я не думаю, что у него возникнут возражения против того, чтобы вы стали моей наложницей, но он будет настаивать на том, чтобы я нашел этому объяснение, пригодное для пропагандистских целей. Он стал ярким антислэном за эти несколько лет. Я всегда думал, что он за слэнов. Но теперь он просто фанатик, он не желает иметь с ними ничего общего. Он и Джон Петти единодушны в этом вопросе как никогда. Забавно!

Несколько мгновений он обдумывал это, потом сказал:

— Но не беспокойтесь, я найду приемлемую формулировку. Я...

Его оборвал рев радиорепродуктора:

— Тревога! Неизвестный летательный аппарат был замечен несколько минут назад в районе Скалистых Гор. Он дви-

жется в западном направлении. Самолеты преследования быстро отстали, и корабль, похоже, направляется курсом на Центрополис. Приказ расходиться по домам, так как судно — с большой долей вероятности принадлежащее слэнам — будет здесь через час, судя по теперешним измерениям. Улицы нужны для военных целей. Расходитесь по домам».

Громкоговоритель выключился, и Джем Лорри повернулся к Кэтлин с улыбкой на красивом лице.

— Пусть это не будит в вас никакой надежды на спасение. Один корабль не может нести серьезного оружия, если за ним не стоит множество фабрик и заводов. Старомодная атомная бомба не может быть сделана в пещере, и к тому же, если быть откровенным, слэны не пользовались ею в войне с людьми. Катастрофы этого столетия были вызваны слэнами, но не таким образом. — Минуту он молчал, потом продолжил: — Все думали, что эти первые бомбы разрешили загадку атомной энергии... — он остановился. Потом добавил: — Мне кажется, что это путешествие было затеяно для того, чтобы запугать людей попроще перед тем, как начать переговоры.

Часом позже Кэтлин Лэйтон стояла рядом с Джемом Лорри и смотрела, как серебристый корабль спикировал в сторону дворца. Он приближался, двигаясь с необычайной скоростью. Ее мысли унеслись в сторону корабля, стараясь нащупать контакт с теми, кто был внутри.

Корабль снизился, подлетел ближе, но экипаж не отвечал. Внезапно из него выпала металлическая капсула. Она упала на дорожку в саду за полмили и лежала, сверкая, как драгоценный камень, на полуденном солнце.

Кэтлин подняла голову, но корабль исчез. Нет, не исчез. Краткий миг она видела серебряное сверкание в отдалении, почти прямо над дворцом. На мгновение он блеснул как звезда. И пропал. Ее глаза перестали напрягаться, ее мысли вернулись из высот, и Кэтлин вновь почувствовала присутствие Джема Лорри. Он выдохнул:

— Что бы это ни значило, мы этого ждали — случая представить аргумент, который сделает возможным для меня привести вас в свой дом этим же вечером. Я предполагаю, что собрание Совета состоится незамедлительно.

Кэтлин глубоко вздохнула. Она видела, что это могло у него на самом деле получиться, и решила, что настало время бороться всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. Она откинула голову, ее глаза заблестели, и она гордо произнесла:

— Я попрошу разрешения присутствовать на заседании Совета на том основании, что я вступила в мысленный контакт с капитаном корабля слэнов. — Она лгала, но закончила совершенно невозмутимо: — Я могу разъяснить некоторые моменты послания, которое будет обнаружено в капсуле.

Она отчаянно обдумывала положение. Каким-то образом ей удалось прочесть в их мыслях, о чем было это сообщение, и на этом она могла попытаться построить полуправдивую историю о том, что ей передал вожак слэнов. Если ее поймут на лжи, то со стороны этих слэноненавистников можно ждать неприятностей. Но ей нужно было добиться, чтобы они не отдали ее Джему Лорри.

Когда она вошла в зал заседаний Совета, ее охватило чувство поражения. Присутствовало всего семь человек, включая Кира Грея. Она рассматривала их одного за другим, читала, что могла, в их мыслях и нигде не находила для себя помощи.

Четверо членов Совета помоложе были друзьями Джема Лорри. Шестой, Джон Петти, один раз с ненавистью взглянул в ее сторону и равнодушно отвернулся.

В конце концов ее взгляд остановился на Кире Грее. По Кэтлин пробежала нервная дрожь, когда она увидела, что Грей смотрел на нее, многозначительно подняв брови, и чуть заметная издевательская усмешка играла на его губах. Он посмотрел ей в глаза и заговорил.

— Значит, ты вступила в мысленный контакт с вожаком слэнов? — Он хрипло рассмеялся. — Пока оставим это.

Столько недоверия было в его голосе и выражении лица, так враждебно было само его отношение, что Кэтлин вздохнула с облегчением, когда он отвел свой холодный взгляд. Он продолжал разговаривать с другими:

— К сожалению, пять членов Совета находятся в отдаленных уголках мира. Лично я не очень приветствую дальние отлучки — пусть это делают подчиненные. Но у нас нет возможности отложить обсуждение такого важного вопроса, как этот. Если мы семсро придем к решению, нам их помощь не потребуется. Если наши мнения разделятся, нам придется вести долгие переговоры по радио.

Вот коротко то, что содержалось в металлической капсуле, сброшенной с корабля слэнов. Они заявляют, что в мире насчитывается миллион организованных слэнов...

Джем Лорри сардонически прервал его:

— Мне кажется, что наш шеф тайной полиции провалил работу, несмотря на его широко рекламируемую ненависть к слэнам.

Петти выпрямился на стуле и бросил на него ненавидящий взгляд:

— Может, мы поменяемся работами на год, и тогда посмотрим, что вам удастся сделать. Я бы не стал возражать против того, чтобы годик побить баклуши на посту государственного секретаря.

Слова Кира Грея резанули в тишине, наступившей после леденящих слов Джона Петти.

— Позвольте мне закончить. Далее заявляют, что в дополнение к организованным слэнам есть еще громадное количество неорганизованных слэнов мужского и женского пола, оцениваемое примерно в десять миллионов. Что вы на это скажете, Петти?

— Несомненно, существует некоторое количество неорганизованных слэнов, — осторожно допустил шеф тайной полиции. — По всему миру мы ловим примерно по сотне в месяц таких, которые явно не участвовали ни в какой организации. В огромных неразвитых районах земли в людях невозможно вызвать антипатию к слэнам, на самом деле они воспринимают их как людей. Несомненно, существуют большие колонии слэнов в Азии, Африке, Южной Америке и Австралии. Прошло много времени с тех пор, когда такие колонии действительно обнаруживали, но можно предположить, что они до сих пор существуют и что за прошедшие годы они в высокой степени развили свою самозащиту. Хотя я бы с большой долей уверенности сбросил со счетов возможность каких-либо действий из этих отдаленных источников. Цивилизация и наука — искусственные организмы, основанные на достижениях, физических и умственных, сотен миллионов существ. В тот момент, когда слэны отступили в отдаленные регионы земли, они нанесли поражение самим себе, оказавшись отрезанными от книг и от всякого контакта с цивилизованным интеллектом, который является единственным основанием для последующего развития.

Опасность не исходит и никогда не исходила от этих отдаленных колоний слэнов, но от тех, которые живут в больших городах, где они имеют возможность вступать в контакт с величайшими умами человечества и иметь, несмотря на все наши меры предосторожности, некоторый доступ к книгам. Очевидно, что воздушный корабль, который мы видели сегодня, был построен слэнами, живущими в опасной близости от центров цивилизации.

Кир Грей кивнул.

— Многое из того, что вы говорите, возможно, справедливо. Но, вернемся к письму. В нем далее сказано, что эти несколько миллионов слэнов искренне желают положить конец периоду напряженности, существовавшему между ними и человеческой расой. Они отказываются от притязаний на мировое господство, которое двигало первыми слэнами, объясняя эти притязания ложной концепцией превосходства, опровергнутой последующим опытом, убедившим их, что они не превосходят нас, а просто отличаются. Они также обвиняют Сэмюэла Ланна, человека, ученого-биолога, который создал первых слэнов и по имени которого они называются — Сэмюэл Ланн — С.Ланн — Слэн, — что он заложил в свои детища веру в то, что они должны править миром. И что эта вера, а не какое-либо внутреннее стремление к превосходству, послужила поводом для катастрофических притязаний ранних слэнов.

Развивая эту идею, они указывают на то, что ранние изобретения слэнов были лишь небольшими усовершенствованиями уже существующих идей. Они заявляют, что слэнами не было проведено никакой истинно творческой работы в области физических наук. Они также утверждают, что их философы пришли к заключению, что у слэнов отсутствует научный образ мышления как таковой, они настолько сильно отличаются в этом смысле от современного человека, как древние греки и римляне, которые, как нам всем хорошо известно, не создали никакой науки.

Он продолжал говорить, но некоторое время Кэтлин слушала его невнимательно. Неужели это правда? У слэнов нет научного мышления? Невозможно. Наука была простым накоплением фактов и выяснением выводов, вытекающих из этих фактов. А кто мог лучше вывести божественный порядок из ложной действительности, чем мощно мыслящий, взрослый, зрелый слэн? Она увидела, как Кир Грей взял со стола лист серой бумаги, и мысленно вернулась к тому, что он говорил.

— Я прочитаю тебе последнюю страницу, — произнес он бесцветным голосом. — Невозможно преувеличить значение сказанного. Это значит, что слэны никогда не представляли серьезной угрозы для военной мощи людей. Какие бы усовершенствования ни были сделаны на существующих машинах и вооружениях, они не повлияют серьезно на исход войны, если еще раз такое произойдет.

По нашему мнению, нет ничего более бессмысленного, чем теперешнее тупиковое состояние, которое, ничего не разрешая, ведет лишь к тому, что мир продолжает находиться в

положении нестабильности, порождающей экономический хаос, от которого все в большей степени страдают сами люди.

Мы предлагаем заключить честный мир, и единственной основой для переговоров должно быть право слэнов на жизнь, свободу и стремление к счастью.

Кир Грей положил лист бумаги обратно на стол, холодно пробежал взглядом по лицам и произнес низким хриплым голосом:

— Я абсолютно против какого бы то ни было компромисса. Раньше я думал, что что-то можно сделать, но больше я так не думаю! Каждый слэн там, — он значительно развел руками, охватив половину пространства вокруг, — должен быть уничтожен.

Кэтлин казалось, что мягкий свет в комнате померк, как будто на ее глаза опустилась тень. В наступившей тишине даже пульсирование мыслей этих людей вызывало в ее мозгу равномерные толчки, как будто волны бились о далекий дикий берег. Целая пропасть шокового состояния отделяла ее сознание от смысла этих раздумий — шока от того, как сильно изменился Кир Грей.

Но изменился ли он? Возможно ли, что в своих взглядах он был так же безжалостен, как Джон Петти? Причина, по которой он сохранил ей жизнь, вероятно, была столь же проста, как он ее сформулировал: в целях изучения. И конечно, было время, когда он считал, правильно или неправильно, что его политическая карьера была связана с ее существованием. Но ничего более. Никакого сочувствия или жалости, никакого интереса к беспомощному молодому существу ради самого этого существа. Ничего, кроме самого что ни на есть материалистического взгляда на жизнь. Таков был правитель людей, которым она восхищалась, которого почти боготворила в течение стольких лет. Это был ее заступник!

Правдой было, конечно, и то, что слэны лгали. Но как еще могли они общаться с людьми, привыкшими только ко лжи и ненависти? По крайней мере, они предлагали мир, а не войну; а этот человек отвергал, даже не разобравшись как следует, предложение, которое могло бы положить конец четырехсотлетнему преступному преследованию ее расы.

Внезапно она поняла, что взгляд Кира Грея устремлен на нее. Его губы скривились в саркастически-дружелюбную усмешку, когда он произнес:

— А теперь давайте послушаем так называемое сообщение, которое ты получила в своем... Э... мысленном контакте с командиром слэнов.

Кэтлин в отчаянии смотрела на него. Он не поверил ни одному ее слову, и, находясь перед лицом его острейшего скептицизма, она знала, что лишь наиболее продуманное утверждение может быть предложено его безжалостной логике. Ей нужно было время.

— Я... — начала она. — Это было...

Внезапно она поняла, что поднялся Джем Лорри. Он хмурился.

— Кир, — сказал он, — это чрезвычайно выигрышная тактика: предлагать безоговорочное отрицание по такому важному поводу, даже не дав возможности Совету обсудить его. Памятуя об этом, мне не остается ничего другого, как заявить, хотя и с оговорками, что я склонен принять это предложение. Основная оговорка такова: слэны должны согласиться на ассимиляцию человеческой расой. В целях этого слэнам нельзя будет заключать браки между собой, а только с людьми.

Кир Грей беззлобно посмотрел на него.

— Отчего ты решил, что от брака человека и слэна будет потомство?

— Это я и собираюсь выяснить, — произнес Джем Лорри настолько равнодушным голосом, что только Кэтлин уловила в нем напряженность. Она нагнулась вперед, стараясь не дышать. — Я решил взять Кэтлин в наложницы, и мы увидим, что получится. Надеюсь, никто не возражает?

Члены Совета помолже пожали плечами. Кэтлин не нужно было читать их мысли, чтобы увидеть, что у них не было ни малейших возражений. Она заметила, что Джон Петти вовсе не обращал на разговор никакого внимания, а Кир Грей, казалось, был погружен в собственные мысли, как будто он тоже не слышал.

Вздохнув, она открыла рот, чтобы заговорить. Потом закрыла. Внезапно в ее мозгу появилась мысль: что если смешанные браки были единственным решением проблемы слэнов? Вдруг Совет примет предложение Джема Лорри! Хотя она знала, что его предложение целиком основано на его страсти к ней, могла ли она защищаться от него, если существовала хоть малейшая возможность, что слэны согласятся на этот план и таким образом закончатся столетия горя и убийств?

Она откинулась назад на стуле, смутно сознавая, насколько смешным было ее положение. Она пришла в палату заседаний Совета, чтобы защищать себя, и не осмелилась произнести ни слова. Кир Грей заговорил снова:

— В решении, предложенном Джемом, нет ничего нового. Сам Сэмюэл Ланн был заинтригован возможным результа-

том такого союза и убедил одну из своих внучек выйти замуж за человека. Детей от этого брака не было.

— Мне нужно убедиться в этом самому! — упрямо сказал Джем Лорри. — Это слишком важно, чтобы полагаться на результаты одного брака.

— Кроме того брака, были еще и другие, — мягко произнес Кир Грей.

В разговор нетерпеливо вступил еще один член Совста: «Важно то, что путем ассимиляции действительно можно добиться результата, и нет сомнений в том, что в результате человеческая раса будет доминировать. Нас более трех с половиной миллиардов на, скажем, пять миллионов, что может быть более точной оценкой. И даже если в результате не получится детей, это послужит в нашу пользу, потому что в пределах двухсот лет — учитывая, что их нормальная продолжительность жизни сто пятьдесят, — не останется ни одного живого слэна».

Кэтлин была шокирована тем, что Джем Лорри отстоял свою точку зрения. Она смутно видела на поверхности его мыслей, что он не собирается опять поднимать этот вопрос. Вечером он отправит за ней солдат; и никто после не сможет сказать, что кто-то в Совете был против. Их молчание означало согласие.

Несколько минут она осознавала лишь нестройный шум голосов и еще более нестройные мысли. В конце концов ее внимание привлекла одна фраза. С усилием она вновь опять сосредоточила свое внимание на присутствующих. Фраза «Можно уничтожить их и так!» заставила ее сконцентрироваться на том, как же далеко ушли от первоначального плана за эти несколько минут.

— Давайте проясним положение, — деловито сказал Кир Грей. — Появление идеи использования какого-либо очевидного соглашения со слэнами для того, чтобы их уничтожить, похоже, задела ответные струны, что вновь, как представляется, изгнало из ваших помыслов всякое допущение правдивого и честного соглашения, основанного, например, на идее ассимиляции.

Планы вкратце таковы. Номер один: позволить им смешиваться с людьми до тех пор, пока их личности не будут точно установлены, затем ударить, застать их врасплох, а потом выследить тех, кому удастся уйти, в самое непродолжительное время.

План номер два: заставить всех слэнов поселиться на острове, например где-нибудь на Гавайях, и когда они все бу-

дут там, окружить его кораблями и самолетами и уничтожить.

План номер три: обращаться с ними беспощадно с самого начала, настаивать, чтобы были их фотографии и отпечатки пальцев и чтобы они время от времени отмечались в полиции, что будет сочетать в себе элементы строгости и справедливости. Эта третья идея может понравиться слэнам, потому что, если разнести ее во времени, будет казаться, что таким образом охраняются все, кроме небольшого процента, который будет являться в полицию в каждый конкретный день. Ее строгость будет иметь дальнейшие психологически ценные последствия — даст им понять, что мы строгие, но заботливые, и может впоследствии, как ни парадоксально, но изменить их отношение.

Голос продолжал звучать, но почему-то во всем этом отсутствовало ощущение реальности. Как могли они сидеть и обсуждать предательство и убийство таких масштабов — семь человек, решающих за всю человеческую расу такой вопрос — важнее вопроса жизни и смерти.

— Какие же вы дураки, — горько сказала Кэтлин. — Вы что, думаете хоть на минуту обмануть слэнов вашими глупыми махинациями? Слэны могут читать мысли, и кроме того, все это шито такими белыми нитками и так смешно, все ваши хитрости настолько прямолинейны и голы, что мне странно, как это я раньше думала, что некоторые из вас интеллигентны и умны.

Они повернулись в ее сторону и молча, холодно уставились на нее. На губах Кира Грея показалась едва заметная довольная усмешка.

— Боюсь, что ошиблась ты, а не мы. Мы предполагаем, что они умны и подозрительны, и поэтому не предлагаем сложных идей, а это еще и элемент успешной пропаганды. Что же касается чтения мыслей, то мы никогда не встретимся с вожаками слэнов. Мы передадим мнение большинства оставшимся пяти членам Совета, которые будут проводить переговоры, будучи в полной уверенности, что мы играем в честную игру. Никому из подчиненных не будет дано никаких инструкций, кроме того, что все должно быть честно. Теперь ты понимаешь...

— Подождите минуту, — сказал Джон Петти, и в его голосе звучало такое торжество, что Кэтлин резко повернулась в его сторону. — Главная опасность для нас исходит не от нас самих, а от того, что эта девчонка-слэн услышала наши планы. Она сказала, что вступила в мысленный контакт с командиром слэнов на борту корабля, который приближался

к дворцу. Другими словами, они знают, что она здесь. А что если рядом пролетит еще один корабль; тогда она сможет сообщить врагу о наших планах. Естественно, ее надо немедленно убить.

Отупляющий страх накатил на Кэтлин. Логика аргумента была непоколебима. Она увидела, как осознание этого заполняло мысли членов Совета. Отчаянно пытаясь избежать ухаживаний Джема Лорри, она попала в смертельную ловушку.

Остановившийся взгляд Кэтлин не сходил с лица Джона Петти. А тот светился от огромного удовольствия, которого он не мог скрыть. Несомненно, он не ожидал такой победы. Ее внезапность лишь усиливала ужас Кэтлин.

С трудом она оторвала взгляд от него и сосредоточилась на остальных. Неясные мысли, исходившие от них, теперь имели более концентрированную форму у каждого в отдельности. Не было сомнений относительно того, что они думали. Их решение не доставляло особенного удовольствия молодым членам Совета, у которых, в отличие от Джема Лорри, не было к ней личного интереса. Но их мнение было неизменно. Смерть.

Кэтлин казалось, что неотвратимость приговора была написана на лице Джема Лорри. Когда он повернулся к ней, на его лице был написан страх.

— Дура проклятая! — сорвалось у него.

С этими словами он начал отчаянно кусать губу, сильно согнувшись на стуле и раздраженно глядя в пол.

Теперь она находилась в состоянии совершенного изумления. Долго она смотрела на Кира Грея, но не видела его. С ужасом Кэтлин наблюдала, как по его лицу пробежала тень, а в глазах появилось изумленное выражение, и это придавало ей немного уверенности: он не хотел, чтобы она умерла, иначе он бы не был так встревожен.

Уверенность и надежда, которая появилась, исчезли, как исчезает за облаком звезда. Самый его страх показывал, что у него нет решения проблемы, которая упала в комнату, как бомба. Медленно его лицо приняло равнодушное выражение, но у нее не было надежды, пока он не сказал:

— Смерть, возможно, была бы необходимым решением, если бы то, что она вступила в контакт со слэнами на борту корабля, было правдой. К счастью для нее самой, она лгала. На корабле не было слэнов. Корабль управлялся роботом.

В разговор вступил один из членов Совета:

— Мне казалось, что корабли, управляемые роботами, могут быть захвачены путем вмешательства в их механизм при помощи радиоволн?

— Это действительно так, — сказал Кир Грей. — Вероятно, вы помните, как быстро корабль слэнов взмыл вверх и исчез. Диспетчеры-слэны, которые управляли им, дали ему такую команду, когда поняли, что мы успешно пытаемся перехватить их корабль. — Вождь безрадостно улыбнулся. — Нам удалось посадить корабль на болота в сотне миль к югу отсюда. По сообщениям, он был сильно поврежден, и его еще не вытащили, но через некоторое время его перевезут на большой машиностроительный завод, где, несомненно, его механизм будет изучен. — Он добавил: — Причиной того, что нам так долго не удавалось посадить корабль, послужил несколько иной принцип управления, для овладения которым потребовалась новая комбинация радиоволн.

— Важно лишь то, — нетерпеливо вступил Джон Петти, — что этот слэн присутствовал в комнате, слышал наши планы уничтожения ее народа и таким образом может представлять опасность для нас, потому что будет изо всех сил стараться информировать других слэнов о том, что мы задумали. Ее надо убить.

Кир Грей медленно поднялся, и, когда он повернулся к Джону Петти, на его лице было серьезное выражение. Когда он заговорил, в его голосе слышались металлические нотки: «Я вам уже сообщал, сэр, что я провожу социологическое исследование этого слэна, и буду очень благодарен вам, если вы воздержитесь от дальнейших попыток убить ее. Вы говорили, что вы ловите и казните примерно по сотне слэнов в месяц, а слэны утверждают, что до сих пор их существует еще одиннадцать миллионов. Я надеюсь, — в его голосе проскользнул сарказм, — я надеюсь, что мне будет позволено держать одного слэна для научных целей, которого, очевидно, вы ненавидите более всех остальных, вместе взятых...

Джон Петти резко ответил:

— Это все очень здорово, Кир. Но мне бы хотелось узнать, почему Кэтлин Лэйтон лгала насчет того, что она была в мысленном контакте со слэнами?

Кэтлин глубоко вздохнула. Холод нескольких минут смертельной опасности по каплям уходил из нее, но эмоционально она все еще была оглушена. Неровным голосом она сказала:

— Потому что я знала, что Джем Лорри собирался сделать меня своей наложницей, и я хотела, чтобы вы знали — я против этого.

Она почувствовала, как волны мыслей прокатились по комнате — сначала понимание, потом недовольство.

— Ради Бога, Джем, — воскликнул один, — почему бы тебе не заниматься любовными делишками за пределами заседаний Совета?

Другой сказал:

— При всем моем уважении к Киру Грсю невозможно терпеть, когда слэн возражает против чего-то, что приготовил для него человек, облеченный властью. Мне было бы интересно посмотреть, какое потомство может появиться в результате подобного союза. Твои возражения не принимаются; а теперь, Джем, пусть твои охранники тащат ее к тебе домой. Я надеюсь, что на этом дискуссия закончена!

Впервые за семнадцать лет Кэтлин пришло на ум, что есть предел нервного напряжения, которое может выдержать слэн. Внутри она ощущала натянутость, как будто что-то очень важное должно было вот-вот сломаться. Кэтлин не осознавала ни одной собственной мысли. Она просто сидела, до боли вцепившись в пластмассовые ручки кресла. Внезапно она поняла, что в ее сознании появилась резкая, хлестнувшая наотмашь мысль Кира Грея: «Дурочка! Как же тебя занесло в такую переделку?»

Тогда она посмотрела на него, впервые заметив, что он сидел, откинувшись на стуле, полузакрыв глаза и плотно сжав губы. В конце концов он сказал:

— Все это было бы очень хорошо, если бы подобные союзы нуждались в исследовании. Но это не нужно. Подробные описания более чем сотни совместных попыток слэнов и людей произвести потомство можно прочитать в архивах под грифом «Ненормальные браки». Причины бесплодия трудноопределимы, потому что люди и слэны не различаются в значительной степени. Причиной удивительно сильной мускулатуры слэнов является не иной тип мышцы, а повышение скорости нервных импульсов, которые ими управляют. Также отмечается увеличение количества нервных окончаний во всех частях тела, которое делает его гораздо более чувствительным.

Два сердца — это на самом деле не два сердца, а сочетание двух частей, которые могут работать независимо друг от друга. Также важно то, что эти две части вместе не слишком превосходят оригинал по размеру. Они просто лучше настроены.

Далее, усики, которые принимают и отправляют мысли, являются выростами из малоизвестных ранее формирований на коре головного мозга, которые, очевидно, служили источником всех телепатических явлений, известных людям раньше, и которые до сих пор практикуются людьми.

Итак, вы видите, то, что сделал Сэмюэл Ланн при помощи мутационной установки со своей женой, которая принесла ему трех первых младенцев-слэнов — одного мальчика и двух девочек — более шестисот лет тому назад, не прибавило ничего нового в человеческом теле, но лишь изменило или подвергло мутации уже существовавшее.

Кэтлин казалось, что он говорил, чтобы выиграть время. Его быстрая мысленная вспышка содержала в себе полутона полного понимания ситуации. Он должен был отдавать себе отчет, что никакие резонные соображения не охладят пыл такого человека, как Джем Лорри. Она слышала, как его голос продолжал звучать:

— Я даю вам эту информацию потому, что совершенно очевидно, что никто из вас никогда не побеспокоился о том, чтобы исследовать действительное положение вещей и сравнить с расхожими представлениями. Возьмем, к примеру, так называемый превосходящий интеллект слэнов, о котором говорится в полученном сегодня от них письме. На этот счет давным-давно был проведен старый опыт, в котором Сэмюэл Ланн, этот необычайный человек, воспитывал детеныша обезьяны, человеческого младенца и младенца-слэна в строго научных условиях. Обезьяна оказалась наиболее способной, за несколько месяцев научившись тому, на что младенцам человека и слэна потребовалось гораздо больше времени. Затем человек и слэн научились говорить, и обезьяна безнадежно отстала. Человек и слэн продолжали развиваться примерно одинаковыми темпами до тех пор, пока в возрасте четырех лет не начала работать телепатическая способность слэна. На этом этапе ребенок-слэн вырвался вперед.

Тем не менее впоследствии Ланн обнаружил, что путем интенсификации обучения человеческого ребенка ему представилась возможность догнать слэна и оставаться примерно вровень с ним, особенно в остроте ума. Огромным преимуществом слэна является способность читать мысли, что дает ему непревзойденную возможность заглянуть в психологию и таким образом иметь более ранний доступ к знаниям, которые человеческий ребенок может получить только с помощью уха и зрения...

Джон Петти прервал его низким хриплым голосом:

— То, что ты говоришь, мне было известно давным-давно, именно из-за этого мы не можем рассматривать предложения о мирных переговорах с этими... этими чертовыми искусственными созданиями. Для того чтобы стать равным слэну, человеку приходится напрягаться в течение долгих лет, а слэнам

это дается с чрезвычайной легкостью. Другими словами, все, кроме мизерной части населения, никогда не смогут быть чем-то большим, чем просто рабами, по сравнению со слэнами. Джентльмены, нужно говорить не о мире, а об усилении методов уничтожения. Мы не можем позволить себе риск этих макиавеллевских планов, которые мы сейчас обсуждали, потому что опасность, что что-то может пойти неправильно, слишком велика.

Один из членов Совета добавил:

— Он прав!

Несколько голосов откликнулось в поддержку; и внезапно исчезли сомнения относительно того, каким будет приговор. Кэтлин заметила, как Кир Грей пробежал пристальным взглядом по лицам. Он сказал:

— Если таково будет наше решение, то я буду считать серьезной ошибкой, если кто-то из нас возьмет сейчас ее в наложницы. Можно быть неправильно понятым.

Тишина, которая за этим наступила, была тишиной согласия, и взгляд Кэтлин перескочил на лицо Джема Лорри. Он холодно встретил ее взгляд, вяло поднялся на ноги и направился к двери. Когда она проходила мимо, он пошел с ней в ногу.

Лорри открыл ей двери и низким голосом произнес: «Это ненадолго, моя дорогая. Поэтому не строй напрасных надежд», — и самоуверенно усмехнулся.

Но не об этой угрозе думала Кэтлин, когда медленно шла по коридору. Она вспоминала удивление на лице Кира Грея, когда Джон Петти потребовал ее смерти.

Концы не сходились с концами: это не сочеталось с его вкрадчивыми словами, которые он произнес минутой спустя, когда проинформировал остальных о том, что корабль слэнов управлялся роботом и был посажен в болотах. Если это было так, почему он был так испуган? А если это было не так, значит, Кир Грей пошел на ужасный риск и солгал из-за нее и, вероятно, даже сейчас волновался на этот счет.

ГЛАВА 9

Джомми Кросс быстро, но внимательно смотрел на развалину, которую представляла собой Бабушка. Он не держал зла на нее за предательство, хотя в результате он оставался бездомным и будущность его была неясна.

Сперва нужно было решить, что делать со старухой.

Она сидела на стуле, и ее богатый экстравагантный разноцветный халат висел как мешок на ее высохшем теле. Она захихикала:

— Бабушка кое-что знает... да, Бабушка знает... — Ее слова перешли в бессмыслицу, потом: — Деньги, о Господи. Да! У Бабушки много денег на старость. Смотри!

С доверчивостью старой спившейся попрошайки она вытащила туго набитый черный мешок из-за пазухи, потом, со здравым смыслом устрицы, втащила его обратно.

Джомми Кросс был потрясен. Впервые он видел деньги своими глазами, хотя всегда знал все ее потаенные места. Но то, что она их вытащила сейчас, когда надвигалась облава, — такая глупость заслуживала крайнюю степень наказания.

Он продолжал стоять в нерешительности, слегка напрягшись от первого легкого давления мыслей снаружи, которое почти невесомым грузом легло на его сознание. Десятки людей приближались, держа перед собой тупые стволы ручных пулеметов. Он нахмурился. Джомми имел полное право оставить предательницу на милость разгневанных охотников, которые представляют ее пред лицом закона, гласившего, что любой человек без исключения, давший приют слэну, «должен быть повешен за шею до наступления смерти».

В его воображении разворачивалась ужасная картина того, как Бабушку волокут на виселицу, как она молит о пощаде, как вырывается и пытается сбросить веревку с шеи, пинается, царапается, ругает своих палачей.

Он протянул руку и схватил ее за голые плечи, с которых свалился халат. Он тряс ее с холодной, злой решимостью, пока у нее не застучали зубы, пока она не начала всхлипывать от ужасной боли и в ее глазах не появился осознанный огонек. Он хрипло произнес:

— Тебе смерть, если ты останешься здесь. Ты что, не знаешь закона?

— Ох! — сказала она. Старуха села, на мгновение озадаченная, потом вновь впала в бессознательное состояние.

Быстрее, быстрее, думал он, и насильно проник в путаницу ее сознания, чтобы посмотреть, внесли ли его слова какую-нибудь ясность. Он уже собирался оставить свои попытки, когда обнаружил озадаченный, напуганный, настороженный маленький участок, почти похороненный под расплывающейся мешаниной ее мыслей.

— Все в порядке, — бормотала она. — У Бабушки много денег. Богатых не вешают. И это правильно.

В нерешительности Джомми отступил от нее. Мысли солдат грузом давили на его сознание. Они приближались, стягивая сужающееся кольцо. Их количество напугало его. Даже могучее оружие в его кармане могло оказаться бесполезным, если шквал пуль ударит по тонким стенам домика. А для того, чтобы уничтожить все мечты его отца, потребовалась бы всего одна пуля.

— Ради Бога, — произнес он вслух. — Какой я дурак! Что я буду с тобой делать, даже если вытащу тебя отсюда? Все дороги в городе будут перекрыты. Есть только одна реальная надежда, но и это будет безнадежно трудно сделать даже без пьяной старухи. Я не представляю себе, как я заберусь на тридцатый этаж по стене с тобой на шее.

Логика подсказывала, что он должен оставить ее. Он наполовину повернулся; но внезапно в его воображении еще раз возникла картина Бабушкиной казни во всех ужасных подробностях. Как бы она ни была плоха, само ее существование позволило ему остаться в живых. Этот долг нужно было отплатить. Быстрым движением он выхватил черный мешок у Бабушки из-за пазухи. Она пьяно заворчала, потом начала приходить в себя, когда он издевательски протянул руку с мешком прямо перед ее глазами.

— Смотри, — насмеялся он, — все твои деньги, все твое будущее. Ты умрешь от голода. Тебя заставят мыть полы в ночлежке для бездомных. Тебя высекут.

Через пятнадцать секунд она протрезвела и поняла, что произошло, с ясностью закоренелого преступника.

— Бабушку повесят! — просипела она.

— Так-то лучше, — ответил Джомми Кросс. — На, забери свои деньги. — Он мрачно усмехнулся, когда она выхватила их у него. — У нас есть тоннель, по которому мы уйдем. Он ведет из моей спальни в частный гараж на углу 407-й улицы. У меня есть ключ от машины. Мы подьдем к Воздушному Центру и украдем один из...

Он остановился, чувствуя ненадежность этой последней части плана. Казалось невозможным, чтобы эти слэны без усиков были настолько плохо организованы, что ему на самом деле удастся завладеть одним из прекрасных космических кораблей, которые ежедневно отправляли в космос. Правда, однажды ему удалось убежать от них с необъяснимой легкостью, но...

Резко выдохнув, Джомми Кросс опустил старуху на плоскую крышу здания, в котором находились космические корабли. Он тяжело опустился рядом с ней и лежал, тяжело

дыша. Впервые в жизни он почувствовал мышечную усталость, вызванную чрезвычайным напряжением.

— О Господи, — выдохнул он, — кто бы мог подумать, что старуха такая тяжелая?

Она заворчала, когда до нее наконец начал доходить страх. Его сознание уловило первые признаки взрыва брани, его усталые мускулы мгновенно напряглись. Одним быстрым движением он зажал ей рот.

— Заткнись, — сказал он, — а то я сброшу тебя с крыши, как мешок картошки. Это все из-за тебя получилось, тебе и расхлебывать.

Его слова действовали на нее, как ушат холодной воды. Он восхитился, как быстро отошла она от терзавшего ее страха. У нее явно еще был запас сил. Она отстранила его руку ото рта и угрюмо спросила:

— Что дальше?

— Нам нужно проникнуть в здание как можно скорее и... Он взглянул на часы и в испуге вскочил на ноги. Без двенадцати десять! Через двенадцать минут ракета взлетит. Нужно овладеть кораблем за двенадцать минут!

Он резко поднял Бабушку на ноги, закинул ее на плечо и побежал к центру крыши. Не было времени искать двери, и на таких дверях обязательно будет сигнализация, а на то, чтобы изучить и отключить ее, потребуется еще больше времени. Оставался один путь. Где-то должна быть мачта, по которой взлетали корабли, направляющиеся в отдаленные уголки межпланетного пространства.

Под ногами он почувствовал легкий подъем. Он встал как вкопанный, балансируя на носках, чуть было не потеряв равновесие от внезапной остановки. Осторожно он нащупал обратный путь к началу выступающего участка. Здесь должна быть верхушка мачты. Джомми быстро вытащил атомный пистолет своего отца из кармана. Разрушительный огонь рванул с вниз.

Он заглянул через образовавшееся круглое отверстие примерно четырех футов в диаметре в тоннель, который уходил вниз под углом ровно шестьдесят градусов. Сто, двести, триста ярдов, и затем неясные очертания корабля, который Джомми увидел, когда его глаза привыкли к полумраку. Он увидел заостренный, как у торпеды, нос и сопла двигателей обратной тяги, которые нарушали впечатление от закругленных, мягких форм корабля. Корабль казался угрожающим, хотя в эту минуту был неподвижен и тих.

У него возникло впечатление, что он смотрит в ствол огромной пушки на снаряд, который вот-вот должен был выстрелить. Сравнение настолько поразило его, что долгие секунды его мозг отказывался обдумывать, что же нужно теперь делать. Появилось сомнение. Хватит ли у него смелости соскользнуть вниз по гладкой как стекло стене, когда в любую секунду ракета могла взлететь в небо, сокрушая все на своем пути?

Он почувствовал холодок. С усилием он оторвал взгляд от парализующей глубины тоннеля и уперся взглядом, сначала невидящим, а потом все более и более очарованным, в отдаленный, высоко вознесшийся великолепный дворец. Его мысли внезапно улстучились, напряжение в его теле ослабло. Несколько долгих мгновений он просто стоял, упиваясь величием огромного, сверкающего драгоценного камня, каким был ночной дворец.

Он был хорошо виден из-за двух небоскребов, и он ослепительно сверкал. Его сверкание не ослепляло, не потрясало. Он горел мягким, живым, прекрасным светом, который каждую секунду менял цвет, восхитительным лучистым светом, который играл и переливался тысячами сочетаний, и каждое сочетание было иногда тонким и незаметным, иногда поразительно отличным от предыдущего. Сочетания ни разу не повторялись.

Сверкание продолжалось, и казалось, что дворец был живой! Один раз башня, этот полупрозрачный сказочный терем, осветилась бирюзовым цветом. И в эту же секунду видимая нижняя часть двора стала глубокого рубиново-красного цвета. Один миг — и потом рассыпалась на миллион оттенков: голубой, красный, зеленый, желтый. Все цвета, все возможные оттенки присутствовали в этом бесшумном взрыве огней.

Тысячу ночей его душа насыщалась этой красотой, и сейчас он вновь почувствовал ее волшебное воздействие. Она вливалась в него силу. Мужество вернулось к нему, он почувствовал, как прежде, что его не сломить, не уничтожить. Он стиснул зубы и угрюмо посмотрел в уходящий под острым углом тоннель, такой гладкий, что спуск вниз, на стальное дно, обещал быть сумасшедше быстрым.

Опасность спуска была символом всего его будущего — неопределенного будущего, предсказать которое сейчас было еще труднее, чем когда-нибудь. Было бы лишь справедливо считать, что слэны без усиков прекрасно знали о его присутствии здесь, на крыше. Должны же быть системы сигнализации — просто обязаны.

— Что ты тарачишься в эту дыру? — заныла Бабушка.
— Где тут двери. Времени мало...

— Времени! — воскликнул Джомми Кросс. Его часы показывали без четырех десять, и по его телу пробежала дрожь. Восемь минут ушло на то, чтобы завоевать крепость, осталось всего четыре. Он уловил мысль Бабушки и понял, что та догадалась о его намерениях. В ту же секунду он зажал ей рот, и ее испуганный крик заглох. В следующее мгновение они оба уже падали, и пути назад не было. Они почти не почувствовали касания о стенку тоннеля, как будто движение замедлилось. Казалось, что стенка мягко поддается под его телом, и ощущение движения было очень слабым. Но его глаза и мозг не обманулись. На них стремительно надвигался тупой нос корабля. Впечатление, что корабль на полной скорости летит на них, было настолько сильно, что усилием воли ему пришлось подавить внезапное паническое чувство.

— Быстрее! — прошипел он Бабушке. — Тормози! Как можешь тормози!

Старухе не пришлось повторять дважды. Из всех инстинктов в ее изношенном теле инстинкт самосохранения был самым сильным. Кричать, чтобы спасти свою душу, она не могла, но даже сейчас ее губы тряслись от страха, когда она боролась за свою жизнь. Ее похожие на бусинки глаза блестели от страха — но она боролась! Она цеплялась за блестящий металл, вытягивая костлявые руки, упиралась ногами в металлическую поверхность; и хотя результат был мизерным, но это помогло.

Стремительно корпус корабля вознесся над головой Джомми Кросса, гораздо выше, чем он ожидал. Отчаянным усилием он подтянулся, стараясь достать первое толстое кольцо ракетных дюз. Его пальцы коснулись рубчатой, обожженной поверхности металла, соскользнули — и мгновенно отцепились.

Он оторвался и только тогда понял, что падает в полный рост. Он тяжело приземлился, почти теряя сознание, но тут же, благодаря особой силе мускулов слэна, вскочил на ноги. Его пальцы ухватились за одну из больших дюз во втором кольце мертвой хваткой, и неконтролируемая часть пути кончилась. Его поташнивало от перенапряжения, он отпустил руки и, согнувшись, сел, потряс головой, пытаясь отогнать головокращение, как вдруг увидел освещенный круг внизу, под огромным корпусом корабля.

Корабль стоял под таким острым углом к полу тоннеля, что ему пришлось согнуться пополам, чтобы иметь возможность медленно продвигаться по направлению к свету. Про себя он размышлял: открытая дверь, здесь, за несколько се-

кунд до взлета огромного корабля? Это на самом деле дверь! Отверстие примерно два фута в диаметре в металлической стенке футовой толщины, и крышка на петлях.

Он нерешительно просунул голову в отверстие, держа наготове свой ужасный пистолет, настороженно ожидая малейшего движения. Но никого не было.

С первого взгляда он заметил, что это была рубка управления. В ней стояли стулья, и панель со множеством сложных приборов, и еще большие, изогнутые, блестящие панели по обе стороны от нее. Виднелась еще одна открытая дверь, ведущая во второй отсек корабля. За какую-то секунду он вскочил внутрь и затащил паникующую старуху за собой. Затем он легко подскочил ко второй двери.

Джомми осторожно остановился на пороге и заглянул вовнутрь. Во втором помещении стояли такие же глубокие, удобные кресла, как и в первом. Но больше половины пространства было занято привязанными цепями упаковочными ящиками. Виднелись еще две двери. Одна, очевидно, вела в третий отсек длинного корабля. Она была приоткрыта, и за ней тоже виднелись ящики и, смутно, еще одна дверь, ведущая в четвертый отсек. Но то, что он увидел в другой двери, заставило Джомми замереть на месте.

Дверь была позади стульев и вела наружу. Через нес в корабль лился свет из огромного зала снаружи и виднелись мужские фигуры. Он широко раскрыл свое сознание. Мгновенно он уловил нахлынувшие мысли многих людей, их было бесчисленное множество, они не были полностью укрыты щитом, и он воспринимал эти просочившиеся, угрожающие, настороженные обрывки мыслей, и ему казалось, что сотни слонов без усов снаружи чего-то ждали.

Он оборвал мысленный контакт и подбежал к приборной панели, которая занимала всю переднюю часть рубки управления. Сама панель была примерно ярд в ширину, два ярда в длину, и представляла собой множество светящихся лампочек и сверкающих рычажков на металлической подставке. Рычажков было больше десятка, до всех было легко дотянуться со стоявшего напротив стула.

По обеим сторонам приборной панели располагались большие, изогнутые, блестящие, похожие на металлические пластины, которые он уже видел. Их выпуклые поверхности светились мягким светом. Невозможно было разобраться в незнакомой системе управления за несколько секунд. Сжав губы, он сел на стул напротив панели, быстро, намеренно грубо, вклю-

чил все переключатели и передвинул все рычажки в верхнее положение.

Раздался звук закрывающейся двери. Наступило чудесное ощущение легкости, потом стремительное, почти давящее чувство движения вперед и затем тихий, ритмичный, низкий рев, и тут же назначение больших выпуклых экранов стало понятным. На правом появилось изображение неба впереди. Джомми была видна земля и огни внизу, но корабль поднимался слишком круто вверх, и земля была видна лишь в искаженной нижней части экрана.

Но на левом экране было все великолепие освещенного города, такого огромного, что оставалось только удивляться, когда он проплывал внизу. Далеко в стороне он заметил ночное великолепие дворца.

Потом город исчез вдаль. Осторожно он отключил механизмы, которые запустил, наблюдая за результатом каждого своего действия. В течение двух минут ему стало ясно предназначение панели и тех механизмов, которыми она управляла. Назначение четырех выключателей оставалось непонятным, но этим можно было заняться позже.

Он выровнял корабль, потому что не планировал выход в безвоздушное пространство. Это требовало близкого знакомства с каждым винтиком машины, а его целью было создать новую, безопасную базу для дальнейших действий. А потом, когда корабль понесет его, куда он захочет...

Его мысли унеслись вдаль. У него внезапно возникло странное ощущение силы. Многие нужно было сделать, но в конце концов он вырвался из клетки, достаточно взрослый и сильный, физически и умственно, чтобы жить безопасной, защищенной жизнью. Должны пройти годы, долгие годы, отделявшие его от зрелости. Нужно было овладеть наукой отца, научиться пользоваться ею. И прежде всего нужно было тщательно обдумать реальный план обнаружения истинных слэнов и сделать первые пробные шаги в этом направлении.

Мысль пропала, когда он внезапно вспомнил о Бабушке. Мысли старухи легонько стучались в его сознание все это время. Он знал, что она прошла в соседнюю комнату, и в его мозгу разворачивалась картина того, что она видела. И вдруг — так просто — картинка медленно исчезла, как будто она внезапно закрыла глаза.

Джомми Кросс выхватил пистолет и одновременно повернулся и отпрыгнул в сторону. В дверном проеме сверкнула вспышка огня, который пролетел как раз там, где только что была его голова. Пламя коснулось приборной панели и по-

гасло. Высокая, взрослая женщина слэн без усиков, стоящая в дверном проеме, мгновенно навела ствол своего небольшого серебристого пистолета в его сторону. Все ее тело окаменело, когда она увидела, что за оружие направлено на нее. Долгое мгновение они не двигались. Глаза женщины засверкали.

— Ах ты — проклятая змея!

Несмотря на гнев, а может быть, из-за него, ее голос звенел, как золотой колокольчик, и внезапно Джомми Кросс почувствовал себя побежденным. Ее вид и ее голос внезапно пробудили мучительные воспоминания о матери, и он беспомощно понимал, что никогда не сможет убить такое прекрасное существо, так же как он не смог бы убить свою собственную мать. Несмотря на то, что он держал ее на прицеле своего могучего оружия, а она держала на прицеле его, он был полностью в ее власти. И то, что она выстрелила ему в спину, указывало на ее решимость, которая сверкала в блестящих серых глазах. Убийство! Сумасшедшая ненависть слэнов без усиков к истинным слэнам хотя Джомми Кросс и был напуган, рассматривал ее и все больше очаровывался. Она была сложена просто, изящно, но крепко. Она стояла, вскинув голову, насторожившись, наклонившись вперед и отставив ногу, как бегун, готовый к старту. Ее правая рука, в которой она держала пистолет, была точкая, с изящными пропорциями, с красивым загаром, но в ней чувствовалась и сила. Левая рука была наполовину спрятана за спиной, как будто она быстро шла, свободно размахивая руками, а потом замерла на месте, содной рукой, поднятой кверху, а другой — за спиной.

Она была одета в простой мундир, туго перетянутый в талии. Как гордо она наклонила голову с блестящими темно-каштановыми волосами, коротко подстриженными и завитыми. Ее лицо под каштановой короной волос несло выражение чувственной красоты, не слишком полные губы, тонкий, правильной формы нос, нежные щеки. Но в линиях ее лица неуловимо проглядывала властность, недюжинный ум. Ее кожа была мягкой и чистой, цвет лица — безукоризненным, а в глубине серых глаз сверкали искры.

Нет, он не мог стрелять; он не мог убить эту изысканно красивую женщину. Но все же — все же ему нужно было заставить ее поверить, что он сможет это сделать. Джомми стоял и изучал мысли на поверхности ее сознания, маленькие обрывки, которые мелькали в нем. Она не могла полностью скрыть их, ее защита отличалась той же неполнотой, которую он заметил у других слэнов без усиков, возникающей, возмож-

но, из неспособности читать мысли и таким образом определить, что же на самом деле значила полная защита.

В данный момент он не мог позволить себе проследить слабые вибрации воспоминаний, которые пульсировали в ней. Имело значение лишь то, что он стоял лицом к лицу с этой чрезвычайно опасной женщиной, оружие у обоих наготове, каждый нерв и мускул натянут до предела.

Женщина заговорила первой:

— Это чрезвычайно глупо, — сказала она. — Нам нужно сесть, положить оружие на пол перед собой и обсудить. Это снимет невыносимое напряжение, но в конце концов наше положение останется таким же, как сейчас.

Джомми Кросс был озадачен. Это предложение означало слабость перед лицом опасности, которая не была заметна на этом мужественном лице. Тот факт, что она сделала такое предложение, прибавил ему уверенности в своем положении, но он испытывал подозрения и был убежден, что ее предложение надо обдумать на случай неожиданного подвоха. Джомми медленно произнес:

— За вами будет преимущество. Вы взрослый слэн, ваши мускулы лучше координированы. Вы можете схватить ваш пистолет быстрее, чем я.

Она деловито кивнула:

— Это правда. Но на самом деле у тебя есть преимущество, ты можешь читать по крайней мере часть моих мыслей.

— Напротив, — не моргнув глазом соврал он, — когда вы укрываете мысли щитом, вы защищаете их настолько, что мне никак не удастся угадать ваши намерения.

Когда Джомми произнес последние слова, он понял, насколько же неплотно были на самом деле укрыты ее мысли. Несмотря на то, что его мысли были сосредоточены на грозившей опасности и он не совался в ручеек ее мыслей, до него дошло достаточно, чтобы представить себе краткую, но связную биографию этой женщины.

Ее звали Джоанна Хиллори. Она была профессиональным пилотом Марсианского Пути, но это был ее последний рейс на многие месяцы. Причиной тому было ее недавнее бракосочетание с инженером, работающим на Марсе, и она ждала ребенка — поэтому ее переводили на другую работу, где ее организм не будет подвергаться постоянным перегрузкам, которые неизбежны в космических путешествиях.

Джомми Кросс почувствовал облегчение. Недавно вышедшая замуж женщина, ждущая ребенка, не ползет на рожон. Он сказал:

— Хорошо, давайте одновременно положим оружие на пол и сядем.

Когда оружие оказалось на полу, Джомми Кросс взглянул на женщину-слэна и удивился довольной усмешке, в которой скривились ее губы. Улыбка становилась все шире, все более отчетливо она смеялась над ним.

— А теперь, когда ты разоружился, — мягко сказала она, — приготовься к смерти!

Очень напуганный, Джомми Кросс уставился на миниатюрный пистолет, который блеснул в ее левой руке. Должно быть, она прятала это игрушечное оружие все время, пока они напряженно стояли друг против друга, с издевательской уверенностью ожидая возможности воспользоваться им. Ее голос звенящий как музыка золотого колокольчика, послышался вновь:

— Значит, ты проглотил всю эту чушь про то, что я — бедная незащищенная невеста, которая ждет ребеночка, а ее саму ждет не дождется любящий муж! Взрослая змея не была бы так доверчива. Но раз так, то маленькая змея, которая стоит передо мной, сейчас умрет за свою невероятную глупость.

ГЛАВА 10

Джомми Кросс смотрел на маленький пистолет, который Женщина-слэн крепко держала в руке. Сквозь пелену изумления и страха он внезапно ощутил, что фоном к его невезению служило мягкое, очень быстрое движение корабля. Ускорения не чувствовалось — лишь неустойчивое продвижение, миля за милей непрерывного полета, и было совершенно непонятно, находятся они все еще в земной атмосфере или уже в космосе.

Напуганный, он стоял и не шевелился. В его сознании не было панического ужаса, но в нем не было и никакого плана. Любая мысль о действии улетучилась из его головы в тот момент, когда он с удивлением осознал, что его жестоко обманули. Женщина использовала свои недостатки, чтобы победить его.

Должно быть, она знала, что ее мысленный щит был непрочным, и поэтому, с почти животной хитростью, она позволила этой маленькой душщипательной истории просочиться наружу, а она была предназначена для того, чтобы показать Джомми, что эта женщина никогда, нет, никогда не найдет в

себе мужества бороться до конца. Теперь было ясно видно, что ее мужество было прочнее закаленной стали и помериться с ней силами он смог бы только через несколько лет.

Джомми покорно отошел в сторону, куда она угрожающе указала стволом, и настороженно наблюдал за ней, пока Джоанна нагибалась, чтобы поднять с пола два пистолета — сначала свой, потом его. Но она ни на секунду не спускала с него глаз, и ни разу ствол пистолета, направленный в его сторону, не шелохнулся.

Джоанна убрала пистолет поменьше, которым она обманула его, а пистолет покрупнее взяла и, даже не взглянув, заперла его в ящике под приборной панелью.

Ее внимательность не оставляла надежд на то, что мальчику удастся отвлечь ее и заставить отвернуть оружие в сторону. То, что она не застрелила его на месте, должно было означать, что она вначале хотела с ним поговорить. Но Джомми не хотел бросать эту возможность на произвол судьбы. Он хрипло произнес:

— Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов, прежде чем вы меня убьете?

— Вопросы буду задавать я, — холодно ответила она. — Нет смысла в том, чтобы ты удовлетворял свое любопытство. Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

Она кивнула.

— Значит, ты находишься в той стадии умственного и эмоционального развития, когда будешь благодарен за отсрочку смерти даже на несколько минут; и, как взрослому человеку, тебе, возможно, будет приятно услышать, что, пока ты отвечаешь на мои вопросы, я не нажму на курок этого электрического пистолета, хотя конечный результат все равно будет тот же.

Джомми Кросс не стал тратить время даже на обдумывание ее слов, а сразу сказал:

— Как вы узнаете, что я говорю правду?

Женщина самоуверенно улыбнулась:

— Правда присутствует в самой изощренной лжи. Нам, слэнам без усиков, не имеющим возможности читать мысли, пришлось до предела развить психологические способности. Но это так, к слову. Тебя отправили, чтобы захватить корабль?

— Нет.

— Тогда кто ты?

Он спокойно и кратко поведал ей свою биографию. Когда он рассказывал, то заметил, что глаза женщины сузились, а на лице отразилось удивление.

— Значит, ты мне пытаешься доказать, — резко перебила она, — что ты и есть тот самый мальчишка, который пришел в здание Воздушного Центра шесть лет назад?

Он кивнул:

— Я был поражен, когда обнаружил там таких убийц, что они могли прикончить и ребенка...

Он замолчал, потому что в ее глазах сверкнул огонь.

— Ну вот и договорились наконец, — медленно сказала она. — Шесть долгих лет мы обсуждали и анализировали, правы ли мы были, когда дали тебе уйти.

— Вы... дали... мне... уйти?! — выдохнул Кросс.

Она не обратила на него никакого внимания и продолжала говорить как ни в чем не бывало:

— И с тех самых пор мы с нетерпением ждали реакции змей. Мы были совершенно уверены в том, что они нас не предадут, потому что не захотят, чтобы наше величайшее изобретение — космический корабль — попало в руки людей. Главный вопрос, который мы себе задавали, был такой: что стояло за этим разведывательным маневром? Теперь, когда ты попытался украсть космический корабль, у нас есть ответ.

Потеряв дар речи, Джомми Кросс слушал ее рассказ, заключавший в себе неверный анализ, и в нем рос испуг. Этот испуг не имел ничего общего с грозившей ему лично опасностью — это было невероятное сумасшествие войны слэнов против слэнов. Масштабность этой катастрофы невозможно было себе представить. Звнящий голос Джоанны Хиллори продолжал звучать в его ушах, но теперь в нем слышался триумф.

— Хорошо, когда есть возможность убедиться в том, о чем давно подозревал, а улики теперь более чем достаточно. Мы исследовали Луну, Марс и Венеру. Мы дошли до спутников Юпитера и ни разу не встретили вражеского космического корабля, ни малейшего намека на змей.

Вывод напрашивается сам собой. По какой-то причине, возможно потому, что их предательские усики вынуждают их все время перемещаться с места на место, им не удалось изобрести антигравитационные экраны, которые позволяют строить космические корабли. Но, какова бы ни была причина, логическая цепочка приводит к выводу, что они не могут совершать космических полетов.

— Вы с вашей логикой, — сказал Джомми, — просто убиваете меня. Просто невероятно, что слэн может так ошибаться.

На секунду подойдите к этому здраво и представьте, просто представьте, что мой рассказ — правда.

Она улыбнулась тонкой улыбкой, которая лишь мгновение была видна на ее губах:

— С самого начала существовало две возможности. О первой я тебе уже рассказала. Другая же — то, что у тебя действительно не было контактов со слэнами, — беспокоила нас долгие годы.

— Понимашь, если ты был послан слэнами, то получается, что они уже знали, что мы контролируем авиалинии. Но если ты был независимым слэном, значит, у тебя оказался секрет, который рано или поздно, когда ты действительно встретишься со змеями, стал бы опасен для нас. Короче, если твой рассказ — правда, то мы должны убить тебя, чтобы предотвратить передачу им твоего секрета, так как мы придерживаемся политики не испытывать судьбу по отношению к змеям. В любом случае ты уже покойник.

Ее слова звучали грубо, тон был ледяной. Но гораздо страшнее, чем ее тон, было то, что правота или неправота, правда или ложь не имели значения для этой женщины-слэна. Он был потрясен до глубины души мыслью, что, если такая аморальность означала справедливость для слэнов, тогда слэнам будет нечего предложить миру — тому миру, где царили симпатия, доброта и всенаполняющая нежность, которую он так часто встречал в сознании человеческих существ. Если все взрослые слэны были таковы, тогда надежды не было.

В его голове вертелась картина страшной, вызывающей головокружение пропасти бессмысленной вражды между слэнами, людьми и слэнами без усиков, и мысли чернее черной ночи полностью поглотили его. Возможно ли было, что великие мечтания его отца и еще более великие его труды будут уничтожены, сметены этими безумными братоубийцами? Бумаги по секретной науке его отца, которые он лишь недавно вытащил из катакомб, лежали у Джомми в кармане; ими будут пользоваться, и ими будут злоупотреблять жестокие, безжалостные слэны без усиков, если эта женщина убьет его. Вопреки логике, вопреки очевидности того, что у него не было надежды заставить взрослого слэна врасплох, ему нужно было остаться в живых, чтобы ничего этого не произошло.

Джомми сосредоточенно посмотрел ей в лицо, заметив морщинки раздумья у нее на лбу, задумчивость, которая, однако, ничуть не ослабляла ее настороженности. Морщинки разгладились, когда она произнесла:

— Я обдумывала эту ситуацию. Конечно, у меня достаточно полномочий, чтобы уничтожить тебя, не консультируясь с нашим Советом. Весь вопрос в том, достойна ли твоя проблема их внимания, или будет достаточно краткого сообщения... Вопрос о помиловании не стоит, поэтому не надейся напрасно.

Но надежда появилась. Пройдет время, прежде чем его представят перед Советом, а время значило жизнь. Он произнес взволнованно, хотя прекрасно осознавал необходимость спокойствия:

— Надо сказать, что эта вражда между слэнами и слэнами без усиков просто не укладывается у меня в голове. Разве вы не понимаете, насколько бы улучшилось положение, если бы вы жили в согласии со «змеями», как вы их называете. Змеи! Само слово говорит об интеллектуальном банкротстве, предполагает наличие пропагандистской кампании, переполненной лозунгами и эмоциями.

В ее глазах опять засверкал серый огонь, а в голосе звучала ядовитая насмешка:

— Небольшой экскурс в историю позволит тебе лучше понять проблему согласия слэнов. Слэны без усиков существуют около четырехсот лет. Как и истинные слэны, они представляют собой отдельную расу, рождаются без усиков, что является их единственным отличием от змей. Из соображений безопасности они образовывали коммуны в отдаленных районах, где опасность быть обнаруженными была сведена до минимума. Они были готовы к самым дружественным отношениям с истинными слэнами в борьбе против общего врага — рода человеческого!

Каков же был их ужас, когда они подверглись нападению, когда их стали убивать, разрушать огнем и мечом их тщательно построенную цивилизацию, и кто — истинные слэны! Они отчаянно пытались установить контакт, подружиться с ними, но это оказалось невозможным. В конце концов они обнаружили, что смогут выжить, найти безопасное место только в контролируемых людьми больших городах. Истинные слэны из-за своих предательских усиков не отваживались появляться там.

— Змеи! — В ее голосе больше не было насмешки. Осталась только горечь. — Как же их по-другому назвать? У нас нет к ним ненависти, но мы испытываем чувство разочарования и недоверия. Наша решимость уничтожить их — чистая самооборона, но она превратилась в жесткий, неизменный курс.

— Но конечно же, ваши руководители могли бы переговорить с ними?

— Переговорить с кем? За последние триста лет мы не обнаружили ни одного места, где бы укрывались истинные слэны. Мы поймали нескольких, которые нападали на нас. Некоторых убили при попытке к бегству. Но ничего нового о них мы не узнали. Они существуют, но где, как и какова их цель — об этом у нас нет ни малейшего представления. Нет на земле большей загадки, чем эта.

Джомми напряженно перебил:

— Если это правда, если вы не лжете, пожалуйста, мадам, опустите на некоторое время ваш мысленный щит, чтобы я мог убедиться в том, что ваши слова правдивы. Мне эта вражда тоже стала казаться безумной с тех пор, как я обнаружил, что существуют два вида слэнов и что они воюют друг с другом. Если бы я мог абсолютно убедиться в том, что это безумие одностороннее, я бы мог...

Ее слова, когда она его прервала, хлестнули Джомми, как пощечина:

— А что ты можешь сделать? Помочь нам? По-моему, у тебя создалось неправильное впечатление, что мы можем поверить в такое намерение и отпустить тебя. Чем больше ты говоришь, тем более опасным ты мне кажешься. Мы всегда предполагали, что змеи, с их умением читать мысли, превосходят нас, и поэтому им нельзя давать времени и возможности сбежать. Твоя молодость выручила тебя в прошлый раз, но теперь, когда я знаю про тебя все, нет резона оставлять тебя в живых. Тем более что нет причины, по которой тебя бы было необходимо представить Совету. Еще один вопрос — и потом ты умрешь!

Джомми Кросс со злостью смотрел на женщину. В нем не осталось дружелюбия, никакого ощущения родства между этой женщиной и своей матерью. Если она говорила правду, то ему придется обратить свои симпатии к слэнам без усиков, а не к таинственным, ускользающим истинным слэнам, которые действовали с такой невозможной жестокостью. Но главным сейчас были не его симпатии, а то, что из каждого слова, которое она произнесла, становилось все более понятно, насколько опасно позволить самому могучему оружию в мире упасть в это адское варево ненависти. Он должен одолеть эту женщину, должен спасти себя. Обязан. Он быстро сказал:

— Прежде чем вы зададите этот последний вопрос, подумайте серьезно о том, какая беспрецедентная возможность представилась вам. Возможно ли, что вы позволите ненависти затуманить ваш рассудок? По вашим словам, вы впервые за историю слэнов без усиков поймали слэна с усиками, ко-

торый абсолютно убежден, что двум типам слэнов необходимо сотрудничать, а не воевать.

— Не будь глупцом, — сказала Джоанна. — Все слэны, которых мы ловили, могли наобещать все что угодно.

Слова летели как камни, и Джомми Кросс сжался, почувствовав себя побежденным, а свои аргументы ничтожными. В своих самых сокровенных мыслях он всегда представлял себе взрослых слэнов благородными существами, достойными, презрительно относящимися к своим палачам, полным сознания собственного превосходства. Но наобещать что угодно... Он торопливо заговорил вновь, отчаянно пытаясь спасти свое положение:

— Данная конкретная ситуация от этого не меняется. Вы можете проверить все, что я рассказывал о себе. То, что мои мать и отец были убиты. То, что мне пришлось бежать из дома старухи-попрошайки, которая лежит в соседней комнате. Все совпадет, и будут доказательства того, что я тот, за кого себя выдаю: истинный слэн, который никогда не был связан ни с какой тайной организацией слэнов. Разве можете вы легко отбросить такое предложение? Первым делом вы и ваши люди должны помочь мне найти слэнов, а потом я смогу выступить в качестве посредника, установить с ними контакт впервые за всю вашу историю. Скажите, вам удалось узнать, почему истинные слэны так ненавидят ваш народ?

— Нет, — сказала она. — У нас были смехотворные утверждения от пойманных слэнов относительно того, что они просто не выносят существования других видов слэнов и что право на жизнь имсет только совершенный результат, полученный на машине Сэмюэла Ланна.

— Машине... Сэмюэла... Ланна! — Джомми Кросс внезапно почувствовал почти физическую боль, как будто его мысли были вырваны с корнем. — Вы что, на самом деле, вы действительно хотите сказать, что слэны были первоначально сделаны на машине?

Он увидел, что женщина уставилась на него, нахмутив брови. Она медленно произнесла:

— Я почти начинаю верить твоим рассказам. Мне казалось, что каждому слэну известна история того, как Сэмюэл Ланн испытывал на своей жене мутационную установку. Позднее, в течение неизвестного времени, следующего за войной слэнов, на мутационной установке был произведен новый вид слэнов — слэны без усиков. Разве твоим родителям не удалось ничего об этом выяснить?

— Это должно было достаться мне, — безрадостно произнес Джомми. — Я должен был заниматься исследованиями, искать контакты, пока мать и отец готовили...

Он замолчал, чрезвычайно рассерженный на самого себя. Время и место не подходили для того, чтобы откровенничать относительно своего отца, который посвятил науке всю свою жизнь и не хотел терять ни одного дня на поиски, которые, как он считал, будут долгими и трудными. Первое же упоминание о науке может подтолкнуть эту несомненно неглупую женщину к тому, чтобы изучить его пистолет. Сейчас она, очевидно, была уверена, что он представлял собой разновидность ее собственного электрического оружия. Он продолжил:

— Если эти машины до сих пор существуют, значит, все обвинения людей, что слэны делают из человеческих младенцев чудовищ, справедливы.

— Я видела несколько таких чудовищ, — кивнула Джоанна Хиллори. — Неудачи неизбежны. Так много неудач.

Джомми Кроссу показалось, что больше его ничем невозможно будет удивить. Все, во что он так долго верил, верил искренне и гордо, рассыпалось как карточный домик. Ужасная ложь не была ложью. Люди боролись с макиавеллевской напастью, бесчеловечность которой было трудно себе представить. Он наконец заметил, что Джоанна Хиллори продолжает говорить.

— Нужно допустить, что, несмотря на мое убеждение, что Совет тебя уничтожит, вопросы, которые ты поднял, действительно ставят нас перед очень щекотливой ситуацией. Я решила, что представлю тебя перед Советом».

Потребовалось какое-то время, чтобы до него дошло значение ее слов; потом по нему прокатилась волна дикого, безудержного облегчения. Казалось, что невыносимый груз становится легче, легче... Потом появилось странное ощущение невесомости. Наконец у него появилось то, что ему было так отчаянно нужно: время, драгоценное время! Если у него будет время, то чистая случайность может помочь ему бежать.

Он наблюдал за Джоанной, пока она осторожно настраивала приборную панель. Когда она нажала на кнопку, раздался щелчок. Ее слова улетели вдаль, туда, где покоились его надежды, а потом ввергли его в пропасть. Она сказала:

— Вызываю членов Совета... Срочно... Пожалуйста, настройтесь на волну 7431 для вынесения немедленного приговора по особому случаю.

Немедленный приговор! Он рассердился сам на себя за то, что у него еще возникла какая-то надежда. Нужно было сообразить, что не потребуется его физического присутствия перед Советом при таком уровне развития радиотехники. В случае, если выводы Совета не отличаются от тех, которые высказала Джоанна Хиллори, с ним было покончено.

Тишина ожидания, следовавшая за этим, казалась более настоящей, чем реальность. Был слышен непрекращающийся, пульсирующий высокий рев реактивных двигателей, чувствовалось сопротивление атмосферы, можно было уловить настойчивый поток мыслей от Бабушки — все это вместе было далеко не тишиной.

Картина разбилась на кусочки. Бабушка. Активный, осознанный поток Бабушкиных мыслей. Джоанна Хиллори, встретив сначала его отпор, а потом начав расспрашивать его вместо того, чтобы убить его на месте, дала Бабушке время очнуться от удара, чтобы неслышно подкрасться к нему сзади. Легкого удара хватило ненадолго. Старая перечница очухалась. Джомми широко открыл свое сознание навстречу потоку Бабушкиных мыслей:

«Джомми, она убьет нас обоих. Но у Бабушки есть план. Поддай какой-нибудь знак, что ты меня слышишь. Постучи ногой, Джомми. У Бабушки есть план, как сделать так, чтобы она нас не убила».

Снова и снова он читал одно и то же настойчивое сообщение, которое никогда не повторялось в мелких деталях, всегда сопровождаемое побочными мыслями и неконтролируемыми отклонениями. Ни один человеческий мозг, особенно такой недисциплинированный, как у Бабушки, не мог держать линию рассуждений абсолютно прямо. Но главный смысл был один и тот же. Бабушка была жива. Бабушка понимала опасность. И Бабушка была готова на все, чтобы избежать этой опасности.

Как бы ненароком Джомми Кросс начал притопывать ногой по полу, сильнее, громче, до тех пор, пока...

— Бабушка слышит. — Он остановился. Ее возбужденные мысли побегали дальше: — На самом деле у Бабушки есть два плана. Первый такой: Бабушка громко зашумит. Это тоже застанет женщину враспloh и даст тебе время наброситься на нее. Потом Бабушка подбежит и поможет. Второй план такой: Бабушка поднимется с пола, на котором она сейчас лежит, подкрадется к двери, потом набросится на женщину, когда она будет проходить мимо. Это застанет ее враспloh, и в ту же секунду ты тоже сможешь наброситься на нее. Ба-

бушка скажет: «один», потом «два». Постучи ногой после того плана, который тебе больше нравится. Обдумай их минутку».

Думать было незачем. План номер один был немедленно отброшен. Никакой громкий звук не сможет по-настоящему отвлечь невозмутимого слэна. Физическое нападение, нечто конкретное, было единственной надеждой.

«Один!» — мысленно произнесла Бабушка. Он ждал, иронично наблюдая за напряженными полутонами в ее мыслях, оставленной надеждой, что он найдет план номер один удовлетворительным и уменьшит опасность, грозящую ее драгоценной шкуре. Но старуха была практичной женщиной, и глубоко в ее мыслях сидело убеждение, что план номер один был слабоват. В конце концов ее мозг с неохотой выдал слово «Два!»

Джомми Кросс постучал ногой. Одновременно он услышал, что Джоанна Хиллори разговаривала по радио, передавая его биографию и его предложение о сотрудничестве, и в конце высказала собственное мнение о том, что его необходимо уничтожить.

Джомми Кроссу пришла отдаленная мысль, что еще несколько минут назад он сидел бы, затаив дыхание, и слушал ответы, которые один за одним слышались из скрытого громкоговорителя. Глубокие, низкие мужские голоса, трепещущие красивые голоса женщин. Но теперь он почти не следил за ходом их спора. Джомми понимал, что между ними возникли разногласия. Одна из женщин захотела узнать его имя. Долгое мгновение до него не доходило, что к нему обращались напрямую.

— Твое имя? — произнес голос по радио.

Джоанна отошла от радио к двери. Она резко сказала:

— Ты что, глухой? Она хочет узнать твое имя.

— Имя? — сказал Джомми Кросс, и часть его сознания отметила удивление от этого вопроса. Но ничто по-настоящему не могло отвлечь его в этот великий момент. Сейчас или никогда. Когда он постучал ногой, из его головы улетучились все посторонние мысли. Он знал только одно: Бабушка стояла за дверью, он читал ее мысли. Она напряглась, приготовилась действовать и в последний момент испугалась. Он беспомощно ждал, пока она стояла, как парализованная.

Но тысячи противозаконных набегов, которые она совершила за свою черную карьеру, поднялись в ней и придали сил. Она ворвалась в комнату. Со сверкающими глазами и оскаленными зубами, она бросилась на спину Джоанне Хиллори. Ее тонкие руки обхватили руки и плечи женщины слэна.

Блеснуло пламя, когда пистолет в руках Джоанны Хиллори в бессмысленном гневе разрядился в пол. Затем, как зверь, молодая женщина развернулась. Какой-то отчаянный момент Бабушка еще смогла удержать ее за плечи, но этот единственный момент и был нужен. В это мгновение Джомми Кросс прыгнул.

В это же мгновение послышался визг Бабушки. Ее руки разжались, и высохшая фигура покатилась по полу.

Джомми Кросс не стал тратить время на состязание в силе, которое, он был уверен, ему в настоящее время не удастся выиграть. Когда Джоанна Хиллори развернулась в его сторону, как тигрица, он нанес один сильный, быстрый удар ребром ладони по горлу. Это был опасный удар, для него требовалась идеальная координация мышц и нервов. Он мог легко сломать ей шею, но, напротив, оказалось, что он умело и эффектно отправил ее в нокаут. Он поймал ее на лету, и, пока опускал ее на пол, его мысли проникали в ее, мимо бездействующего теперь щита, пытаясь что-то выискать. Но пульсации ее бессознательных мыслей были слишком медленными и однообразными.

Джомми начал осторожно трясти ее, наблюдая за меняющимся ходом ее мыслей. Но времени на детали не было, и, так как мысленные очертания приобретали угрожающий характер, он быстро оставил ее и подбежал к радио. Как можно более спокойным голосом он сказал:

— Я все равно хочу мирно обсудить происходящее. Ямогу помочь слэнам без усиков. — Ответа не было. Он повторил свои слова более настойчиво и добавил: — Мне бы очень хотелось прийти к соглашению с такой мощной организацией, как ваша. Я бы даже вернул вам корабль, если бы вы указали мне, как я могу вырваться на свободу, не попав в ловушку.

Тишина! Он выключил радио и, обернувшись, серьезно посмотрел на Бабушку, которая полусидела, полулежала на полу.

— Ничего не выйдет, — сказал он. — Все это — этот корабль, эта женщина-слэн — только часть западни, в которой нет места случайности. В этот самый момент нас преследуют семь тяжеловооруженных стотысячетонных космических крейсеров. Их системы слежения реагируют на наши антигравитационные панели, значит, нас не спасет даже темнота. С нами покончено.

Ночь тянулась час за часом, и с каждым мгновением положение становилась все более безнадежным. Из четырех живых существ в черно-синем небе только Бабушка спала тяжелым

бы слэну-подростку предполагать, что из этой западни может быть выход. Я испытываю огромное уважение к интеллекту взрослого слэна, но я не забываю о том, что ваши уже потерпели несколько поражений. Почему, например, если мое уничтожение настолько неизбежно, эти корабли медлят? Зачем ждать?

Джоанна Хиллори улыбалась, на ее красивом, сильном лице было выражение спокойствия:

— Ты ведь не думаешь, что я на самом деле буду отвечать на твои вопросы?

— Нет, думаю. — Джомми Кросс усмехнулся, но невесело. Он продолжал говорить сдавленным, отрывистым голосом: — Понимаете, я стал немного взрослее за истекшие несколько часов. До вчерашнего вечера я был слишком наивен, слишком идеалистичен. Например, в те несколько минут, когда мы стояли с наведенными друг на друга пистолетами, вы могли меня уничтожить, не встретив с моей стороны никакого сопротивления. Для меня вы были частью расы слэнов, а все слэны должны объединиться. Я бы не смог нажать на курок, чтобы спасти свою душу. Вы медлили, потому что вам хотелось допросить меня. Такого положения вещей больше не существует.

Идеальные губы женщины скривились от внезапной, пугающей мысли:

— Кажется, я начинаю понимать, куда ты клонишь.

— На самом деле это очень просто, сосредоточенно кивнул Джомми Кросс. — Вы или будете отвечать на мои вопросы, или я ударю вас по голове и получу от вас информацию в бессознательном состоянии.

Женщина начала:

— Откуда ты узнаешь, что я скажу правду... — Она замолчала, ее глаза расширились, когда она поняла, и зло посмотрела на Джомми. — Ты что, думаешь...

— Да, думаю! — Он насмешливо смотрел в ее горящие ненавистью глаза. — Вы должны опустить ваш мысленный щит. Конечно, я не ожидаю, что получу абсолютно свободный доступ к вашему сознанию. У меня нет возражений против того, чтобы вы контролировали свои мысли, не относящиеся к предмету. Но вы должны опустить щит немедленно!

Она сидела, не шевелясь, напрягая каждый мускул, а в ее серых глазах горело отвращение. Джомми Кросс с любопытством рассматривал ее.

— Я чрезвычайно удивлен, — сказал он, — какие странные комплексы развиваются в умах, не имеющих прямого контакта с другими умами. Возможно ли, что слэны без уси-

ков строят внутри себя маленький, тщательно охраняемый мирок и, как любой чувствительный человек, стыдятся того, что кто-то еще его увидит? Здесь достаточно материала для психологического исследования, которое может обнаружить первопричину войн слэнов против слэнов. Хотя это к делу и не относится, — он помолчал немного, — не забывайте, что я уже был в вашем сознании. Также помните о том, что, в соответствии с вашей же логикой, через несколько часов я исчезну навсегда в вихре огня электронных пушек.

— Конечно, — быстро сказала она, — это так, тебя ведь убьют. Хорошо, я отвечу на твои вопросы.

Сознание Джоанны Хиллори было похоже на книгу, толщину которой невозможно измерить: почти бесконечное число страниц, невероятно богатых, невероятно сложных структур, обрамленные несметным множеством впечатлений, собранных на протяжении долгих лет чрезвычайно наблюдательным существом. Джомми уловил обрывки впечатлений того, что с ней недавно произошло. На миг появилась картинка невыразимо блеклой планеты, с низкими горами, занесенной песком, где все было заморожено, — Марс! Мелькали картинки роскошного, построенного под стеклянным колпаком города, мощных машин, роющих землю при ослепительном электрическом свете. Где-то шел снег — неистовый, неземной снег, — и на краткий миг сквозь толстое стекло был виден силуэт сверкающего, как самоцвет на солнце, космического корабля.

Неразбериха мыслей кончилась, когда она заговорила. Джоанна говорила медленно, но он не торопил ее, несмотря на свое убеждение, что на счету каждая секунда и в любой момент смерть могла обрушиться с небес на его беззащитный корабль. Ее слова и мысли, которые их подтверждали, были яркими, как драгоценные камни, и такими же завораживающими.

С того самого момента, когда он начал взбираться по стене, слэнам без усиков стало известно, что в Центре находится посторонний. Заинтересованные в основном его целью, они не стали останавливать его, хотя без труда могли уничтожить Джомми. Они оставили для него несколько открытых путей, чтобы попасть в корабль, и он воспользовался одним из них, хотя — и здесь присутствовал неизвестный фактор — системы сигнализации на этом конкретном пути не сработали.

Причина, по которой боевые корабли не торопились его уничтожать, состояла в том, что они колебались, использовать ли оружие над столь густонаселенным континентом. Если бы он забрался повыше или вылетел в море, тогда корабль был бы

быстро уничтожен. С другой стороны, если он будет крутить над континентом, примерно через двенадцать часов у него кончится топливо, а еще до этого времени наступит рассвет, что позволит использовать электронные пушки лишь временно, но с таким же смертельным эффектом.

— Предположим, я приземлюсь в центре крупного города. У меня будет возможность скрыться в лабиринте улиц, домов и людей.

Джоанна Хиллори покачала головой:

— Если скорость этого судна упадет до двухсот миль в час, он будет уничтожен, несмотря на риск, несмотря на то, что они пытаются спасти мою жизнь, захватив этот корабль в целости и сохранности. Видишь, я совершенно откровенна с тобой.

Джомми Кросс молчал. Она убедила его, подавила неизбежностью гибели. В их плане не было ничего сверхъестественного. Они просто и грубо рассчитывали на большое количество пушек крупного калибра.

— И все это, — удивился он, — из-за одного несчастного слэна, одного корабля. Насколько же силен страх, если он толкает на такие усилия, на такие расходы, которые почти не окупятся!

— Мы поставили змей вне закона, — холодно ответила Джоанна. Ее серые глаза горели ровным огнем, ее мозг сосредоточился только на одном. — Суд у людей не выпускает заключенных, потому что осудить их стоит больше, чем стоимость украденного ими. Кроме того, то, что украл ты, настолько бесценно, что, если тебе удастся бежать, это будет величайшей катастрофой в нашей истории.

Внезапно он почувствовал нетерпение.

— Вы напрасно так уверены, что истинные слэны не владеют секретом антигравитации. Моей задачей на ближайшие годы был анализ и обнаружение тайного убежища истинных слэнов; и я скажу вам, что практически все, что вы мне рассказали, я использую как улики. Сам факт того, что эти сведения так надежно спрятаны, указывает на то, что у них огромные возможности.

Джоанна Хиллори сказала:

— Наша логика очень проста. Мы не видели слэнов в космических кораблях — значит, у них нет космических кораблей. Даже вчера, этот смехотворный полет к дворцу. Их корабль, хоть и очень симпатичный, приводился в движение импульсными реактивными двигателями, а мы от этого типа двигателя отказались сотни лет назад. Логика, как и наука, является выводом на основе наблюдений, таким образом...

Джомми Кросс нахмурился. Все, что он думал о слэнах, было неправдой. Они оказались глупцами и убийцами. Они начали бессмысленную, безжалостную братоубийственную войну против слэнов без усиков. Они шныряли по стране, испытывая свои дьявольские мутационные машины на женщинах — и чудовища, которые рождались, уничтожались медицинскими властями. Сумасшедшее, бесцельное уничтожение! Все это просто не укладывалось у него в голове!

Это не укладывалось в благородный характер его матери и отца. Это не укладывалось в гений его отца, или в то, что он сам шесть лет прожил в обществе Бабушки, с ее понятиями и жизненными принципами, и остался нетронутым, неиспорченным. И в конце концов, это не укладывалось в то, что он, подросток, вырвался из западни, о которой даже не подозревал, что из-за одной дырки в их сети, одного неизвестного фактора ему пока еще удавалось избежать их мести.

Атомный пистолет! Единственный фактор, о котором они не подозревали. Конечно, он будет бесполезен против боевых крейсеров, которые бродили в темноте позади него. Потребуется год или больше, чтобы построить достаточно большую пушку, чтобы достать до этих кораблей и разнести их на куски. Но сейчас он мог сделать одно — то, чего он мог достать, его пожирающий огонь разложит на составляющие атомы.

И, Боже праведный, у него есть ответ, если у него будет немного времени и чуть-чуть повезет.

По экрану рванулся огонь. В тот же миг корабль подпрыгнул, как игрушка, которую пнули изо всей силы. Металл затрещал, обшивка корабля завибрировала, свет мигнул, и потом, когда звук от удара превратился в еле слышный угрожающий шепот, он выскочил из глубокого кресла, куда его вдавило, и рывком включил реактивный двигатель.

Корабль рванулся вперед, от ускорения закружилась голова. Поборов силу тяжести, он протянул руку и включил радио.

Битва началась, и, если ему не удастся убедить их воздержаться от нее, его шансы привести в действие свой единственный план никогда не станут реальностью.

Красивый, переливающийся голос Джоанны Хиллори эхом откликнулся на мысли, которые роились у него в голове.

— Что ты собираешься делать — отговорить их от того, что они спланировали? Не будь глупцом. Раз они в конце концов решили пожертвовать мной, с чего ты взял, что они хоть на минуту задумаются о твоём благополучии?

ГЛАВА 11

Снаружи ночь была темна. Россыпь звезд холодно блестела в безлунном небе. Не было никаких признаков вражеского корабля, никакой тени, никакого движения, лишь глубина темного синего-синего свода.

Внутри напряженная тишина была нарушена хриплым захлебывающимся криком из соседней комнаты. За ним последовала рассерженная брань. Бабушка очнулась.

— В чем дело? Что происходит?

Короткое молчание, потом внезапный конец гнева и начало сумасшедшего страха. Немедленно ее перепуганные мысли полились отчаянным потоком. Грязные ругательства, рожденные страхом, наполнили воздух. Бабушка не хотела умирать. Убейте всех слэнов, только не Бабушку. У Бабушки были деньги, чтобы...

Она была пьяна. Сон дал возможность алкоголю вновь завладеть ею. Джомми Кросс экранировал ее мысли и голос напряженно он заговорил по радиосвязи:

— Вызываю командира боевых кораблей! Вызываю командира! Джоанна Хиллори жива. Я хочу опустить ее на расвете, и мое единственное условие — чтобы мне дали снова подняться в воздух.

Наступила тишина, затем в комнату проник спокойный женский голос:

— Джоанна, ты там?

— Да, Марианна.

— Очень хорошо, — продолжил невозмутимый голос другого человека, — мы принимаем предложение при следующих условиях: вы сообщите нам за час до посадки, в каком месте она произойдет. Точка посадки должна быть по крайней мере в тридцати милях — то есть по пять минут на торможение и разгон — от ближайшего крупного города. Мы предполагаем, что ты веришь в свое спасение. Очень хорошо. У тебя будет еще два часа, чтобы попробовать. А у нас будет Джоанна Хиллори. Честный обмен!

— Условия приняты, — сказал Джомми.

— Подождите! — закричала Джоанна Хиллори.

Но его реакция была достаточно быстрой. За мгновение до того, как слово сорвалось с ее губ, его палец нажал на выключатель, и радио замолчало.

Он развернулся в ее сторону.

— Не следовало поднимать мысленный щит. Другого предупреждения мне не потребовалось. Но конечно, у вас бы так или иначе ничего не получилось. Если бы вы не подняли щит, я бы прочитал ваши мысли. — Его глаза подозрительно сузились. — Что это за странное, сумасшедшее желание пожертвовать собой просто для того, чтобы отнять у меня два часа жизни?

Она молчала. Ее серые глаза были более задумчивыми, чем до сих пор. Он незло посмеялся над ней:

— А может, вы действительно даруете мне возможность бежать?

— Я вот подумала, — сказала она, — почему сигнализация в космическом центре не сработала и не предупредила нас, в каком конкретно направлении ты подходил к этому кораблю. Этот фактор мы совершенно очевидно не приняли во внимание. А если тебе действительно удастся бежать на этом корабле...

— Я спасусь, — тихо сказал Джомми, — и я останусь жив, несмотря на людей, несмотря на Кира Грея и Джона Петти, эту мрачную команду убийц, которая поселилась во дворце. Я останусь жив, несмотря на всю мощь организации слэнов без усиков и их убийственные намерения. А однажды я найду истинных слэнов. Не сейчас, потому что ни одному подростку не преуспеть там, где неудача постигла тысячи слэнов без усиков. Но я найду их, и в этот день... — Он замолчал, потом серьезно добавил: — Мисс Хиллори, я хочу заверить вас, что ни этот, никакой другой корабль никогда не будет повернут против вашего народа.

— Ты говоришь слишком поспешно, — с внезапной горечью ответила она. — Как ты можешь заверять в чем бы то ни было от имени этих безжалостных существ, которые доминируют в Совете змей?

Джомми Кросс смотрел на женщину сверху вниз. В ее словах была правда. Но вот какая-то доля величия, которая должна была принадлежать ему, пришла к нему в тот момент, когда он сидел в отлично сконструированной рубке управления с ее сверкающей приборной панелью, блестящими экранами, глубоко утонув в удобном кресле. Он был сыном своего отца, наследником отцовского гения. Через некоторое время он мог бы стать хозяином несокрушимой силы. Осознание этого придало его голосу непривычную твердость и уверенность, когда он сказал:

— Мадам, при всей моей скромности, я могу сказать одно — из всех слэнов в мире на сегодня нет более важной персоны,

чем сын Питера Кросса. Куда бы я ни пошел, мое слово и моя воля будут иметь влияние. В тот день, когда я найду истинных слэнов, война против вашего народа закончится навсегда. Вы сказали, что мое спасение было бы катастрофой для слэнов без усиков, но похоже, что это будет их величайшей победой. Настанет день, когда вы и они поймете это.

— Ну, а пока, — невесело усмехнулась женщина, — у тебя есть два часа, чтобы спастись от семи тяжелых крейсеров, которыми владеют истинные хозяева Земли. Мне кажется, что ты не понимаешь, что мы не боимся ни людей, ни змей и что наша организация гораздо обширнее, чем ты можешь себе представить. В каждом городе, в каждой деревне есть какая-то часть слэнов без усиков. Мы знаем нашу силу, и в один прекрасный день мы выйдем из подполья, захватим власть и...

— Это означает войну! — закричал Джомми.

Ее ответ был холодным:

— Мы разнесем все, что у них есть, на куски за два месяца.

— И что потом? А люди в этом новом мире? Вы что, в перспективе планируете четыре миллиарда рабов?

— Мы стоим безмерно выше их. Так что же, мы должны бесконечно прятаться, терпеть лишения на холодных планетах, в то время как мы стремимся на зеленую Землю к свободе от этой бесконечной борьбы с природой и людьми, которых ты так рьяно защищаешь? Мы им ничего не должны, кроме бедствий. Обстоятельства вынуждают нас заплатить с процентами!

Джомми Кросс сказал:

— Я продвигу всеобщую катастрофу...

Джоанна пожала плечами и продолжила:

— Фактор, который сработал в твою пользу в Воздушном Центре, когда мы не ожидали, что тебе удастся сделать задуманное, теперь тебе никак не поможет, когда наше отношение к тебе прямо противоположно и мы считаем, что тебя необходимо как можно скорее уничтожить. Одна минута огня превратит этот корабль в пепел, который тонкой пылью осядет на землю.

— Минуту! — воскликнул Джомми. Он остановился на полуслове. Он не думал о том, каким кратким окажется отпущенное ему время, и теперь ему придется зависеть от слабой надежды, что скорость его корабля усыпит их подозрения. Он хрипло произнес: — Хватит этих проклятых разговоров. Мне придется перенести вас в другую комнату. Мне нужно прикрутить зажимной патрон с внутренней стороны в носу корабля, но я могу вам позволить подсмотреть, что я туда вложу.

За секунду перед приземлением Джомми Кросс увидел огни города на западе. Легкий как перышко космический корабль коснулся земли и повис с неземной непринужденностью, когда Джомми Кросс установил антигравитационные экраны в положение равновесия. Он открыл дверь, потом развязал женщину-слэна.

С ее элсктрическим пистолетом в руке (его собственное оружие было укреплено в тисках), он наблюдал, как Джоанна Хиллори на мгновение замерла на пороге. Над восточными холмами вставал рассвет, и свет, все еще бледно-серый, вырисовывал странный силуэт ее сильной, статной фигуры. Не сказав ни слова, она спрыгнула на землю. Когда он подошел к порогу, ее голова виднелась в нижней части дверного проема и на нее падал свет из корабля.

Она повернулась к нему лицом, и он увидел, что на нем лежала печать глубокой задумчивости. Она сказала:

— Как ты себя чувствуешь?

Он пожал плечами.

— Немного трясет, но смерть кажется отдаленной и не имеющей никакого отношения ко мне.

— И даже более того, — честно ответила она, — нервная система слэна — почти неприступная крепость. Она не подвержена сумасшествию, или нервным срывам, или страху. Когда мы убиваем, то решение приходит в результате логических размышлений. Когда смерть приходит к нам, мы принимаем это как должное и боремся до конца в надежде, что какой-либо непредсказуемый фактор поможет нам, и в конце концов умираем, понимая, что прожили жизнь не зря.

Он с любопытством смотрел на нее, пытаясь прочесть ее мысли, чувствуя игру полутонов, странную полудружелюбную интонацию, которая была слышна в ее голосе и чувствовалась в ее мыслях. Его глаза сузились: что за цель таилась в ее настороженном, чувствительном, нисколько не сентиментальном сознании? Она продолжала:

— Джомми Кросс, это может тебя удивить, но я поверила твоему рассказу, и не только тому, что ты собой представляешь, но и тому, что ты действительно придерживаешься тех идеалов, о которых говоришь. Ты — первый истинный слэн, которого я видела собственными глазами, и впервые в жизни я почувствовала, что напряженность во мне ослабла, как будто после сотен лет беспросветная темнота начала рассеиваться. Если тебе удастся избежать наших пушек, я умоляю тебя сохранить свои идеалы, когда ты вырастешь, и, пожалуйста, не предай нас! Не стань орудием в руках существ, которые

знали только уничтожение и убийство все эти долгие годы. Ты читал мои мысли, и ты знаешь, что я тебе не солгала. Какова бы ни была их философия, она неверна, потому что негуманна. Она обязательно неверна, потому что в результате получается лишь нескончаемое горе.

Если бы ему удалось спастись, они бы зависели от его доброй воли, и она сейчас играла на эту карту.

— Но запомни одно, — продолжала Джоанна Хиллори, — ты не можешь ожидать от нас никакой помощи. Мы обязаны, из соображений безопасности, считать тебя врагом. Слишком многое поставлено на карту, жизни слишком многих людей зависят от этого. Поэтому не рассчитывай на пощаду в будущем, Джомми Кросс, из-за того, что я сейчас сказала, или из-за того, что ты меня отпускаешь. Не подходи близко к нам, потому что это будет означать немедленную смерть.

Понимаешь, мы признаем, что истинные слэны интеллектуально превосходят нас, или, точнее, превосходят нас по уровню развития интеллекта благодаря их способности читать мысли. Мы никогда не поверим, что они не способны на какую-то хитрость, что они не дошли до какой-то степени жестокости. Планировать на тридцать или даже сто лет вперед вполне им по силам. Таким образом, даже несмотря на то, что я поверила в твой рассказ, неопределенность твоего будущего заставила бы меня убить тебя сия же секунду, если бы это было в моей власти. Никогда не испытывай наше великодушие. Нами правит подозрительность, а не терпимость. А теперь прощай, и, как ни парадоксально это звучит, удачи тебе!

Он смотрел ей вслед, пока она легко, быстро удалялась в темноту, которая глубокой тенью лежала на западе долины, в сторону города, — ему тоже было в ту сторону. Ее фигура расплылась в утренней дымке и она скрылась за холмом. Он быстро захлопнул дверь, пробежал в комнату, где хранились космические костюмы, и выдернул два из гнезд. Старуха слабо сопротивлялась, когда он засунул ее в один из них. Джомми надел другой костюм на себя и выскочил в рубку управления.

Он захлопнул дверь в тот момент, когда Бабушкино лицо за прозрачным стеклом шлема начало принимать осмысленное выражение, и через секунду сидел в кресле, напряженно уставившись в экран с изображением неба. Он потянулся к ручке, управляющей антигравитационными экранами; но потом начал сомневаться: возможно ли, что его простой план на самом деле сработает?

Джомми Кроссу были видны корабли — маленькие темные точки высоко в небе над головой. Сияло солнце, в россыпи

лучей которого натянутые силуэты кораблей казались маленькими мухами на огромном синем потолке. Облака и туман в долине рассивались необычно быстро, и если на экране была верная картина, то тогда даже погода была не в его пользу. Он все еще был скрыт в тени маленькой, уютной долины, но скоро его могут заметить.

Его мозг был так напряжен, что на мгновение искаженная мысль, хлынувшая в его сознание, показалась ему своей собственной:

«...Не о чем беспокоиться. Старая Бабушка избавится от слэна. Найдет грим и сделает себе другое лицо. Какой толк из того, что она была актрисой, если она не сможет изменить свою внешность. Бабушка сделает себе белое, прекрасное тело, такое, как у нее было раньше, и изменит эту старую рожу. Ха!»

Казалось, что ее просто разрывает при мысли о своем лице, и Джомми Кросс перестал концентрироваться на ее мыслях, но эти слова засели в нем. Его родители пользовались париками, но неизбежная стрижка волос доставляла массу неудобств. Но все равно истинным слэнам, должно быть, приходится заниматься этим все время, и теперь он был достаточно взрослым, чтобы самому делать все довольно умело, и, с Бабушкиной помощью и советом, это могло здорово помочь.

Странно, но теперь, когда появился план на будущее, его неуверенность исчезла. Легкий как пушинка, его корабль оторвался от Земли и полетел с огромной скоростью, когда он включил реактивный двигатель. Пять минут на разгон и торможение, сказал командир слэнов. Джомми Кросс мрачно усмехнулся. Он не собирался тормозить. С неумещающей скоростью он спикировал на реку, широкой, темной лентой разлившуюся за чертой города, который он избрал именно из-за реки. В самый последний момент он включил торможение.

И в этот последний момент, когда уже было поздно, уверенность командира слэнов была поколеблена. Они забыли о своем нежелании использовать пушки и показывать корабли в такой близости от города. Корабли спикировали, как огромные хищные птицы; из всех семи крейсеров сверкнул огонь... Джомми Кросс легонько потянул за проволоку, которая была привязана к спусковому крючку его пистолета, укрепленного в тисках на носу корабля.

Страшный удар снаружи прибавил скорости его кораблю, и так пролетавшему триста миль в час, но он не обратил внимания на вражеский огонь: все внимание Джомми было сосредото-

точно на его собственном оружии. Когда он потянул за проводку, вспыхнул белый огонь. В ту же секунду в носу корабля образовалась двухфутовое отверстие. Белый, страшный огонь всером прыгнул вперед, вода в реке моментально испарилась, и в этот тоннель корабль проскользнул, тормозя на максимальном режиме передних двигателей, вгрызаясь все глубже в землю под дном реки.

Остекленевшим взглядом Джомми Кросс наблюдал за стрелкой своих часов: десять, двадцать, тридцать... минута. Он начал задираť нос корабля вверх, но ужасное давление от торможения сделало это невозможным. Прошло еще тридцать секунд, прежде чем он уменьшил режим двигателя. После двух минут двадцати секунд подземного полета корабль остановился. Он должен был находиться под центром города, и позади него осталось около восьми миль тоннеля, который заливало водой из истерзанной реки. Вода закроет отверстие, но слэнам без усиков не нужно будет долго объяснять, что произошло. Кроме того, их приборы должны были указывать положение его корабля.

Джомми Кросс весело рассмеялся: пусть знают! Они не смогут с ним сейчас ничего сделать. Впереди ждала опасность, конечно, — огромная опасность, особенно тогда, когда они с Бабушкой выберутся на поверхность. Вся организация слэнов без усиков будет к этому времени предупреждена. Но это в будущем. В настоящий момент победа была за ним, после стольких отчаянных, изматывающих часов. Теперь должен вступить в действие Бабушкин план, который предполагал, что они разделятся и будут маскироваться.

Смех застрял у него в горле. Он сидел, задумавшись, потом вышел в соседний отсек. Черный мешок с деньгами, который ему был нужен, лежал у нее на коленях, и она прикрывала его рукой. Прежде чем Бабушка поняла его намерения, Джомми выхватил его. Бабушка взвизгнула и набросилась на него. Холодно он отстранил ее.

— Не переживай. Я решил принять твой план. Я хочу попробовать замаскироваться под человека, и мы разделимся. Я дам тебе пять тысяч. Остальные ты получишь примерно через год. Вот что надо сделать: мне нужно где-то жить, поэтому ты отправишься в горы и купишь ранчо или что-нибудь другое. Когда ты будешь на месте, дай объявление в местной газете. Я дам объявление в ответ, и мы встретимся. Прости, но ты меня первая поймала, поэтому тебе придется меня потерять еще. Теперь мне нужно вернуться, чтобы заблокировать тоннель. Когда-нибудь я оборудую этот корабль атомной уста-

новкой, поэтому не хочу, чтобы кто-нибудь из них появился за это время здесь.

Нужно было как можно скорее выбраться из этого города и начать путешествовать по континенту. Там он должен встретить других истинных слэнов. Точно так же, как случайно встретились его мать и отец, чистая случайность может помочь ему встретить хотя бы одного истинного слэна. И кроме того, нужно было провести первое исследование по пока туманному, но великому плану, который осуществлялся: Джомми планировал мысленно найти дорогу к истинным слэнам.

ГЛАВА 12

Он искал — и он работал. В спокойной лаборатории на Бабушкином горном ранчо проекты, которые его отец внушил ему, медленно претворялись в жизнь. Сотнями способов Джомми учился управлять безграничной энергией, которую он держал про запас для слэнов и для людей.

Он обнаружил, что эффективность изобретения его отца исходила из двух основных факторов: источник энергии может быть чрезвычайно мал, а выходящая энергия не обязательно должна иметь форму тела.

Она может быть превращена в движение или колебания, в радиоактивное излучение или в электричество.

Джомми начал строить свой арсенал. Он превратил гору неподалеку от ранчо в крепость, зная, что этого будет недостаточно при серьезном нападении, но лучше, чем ничего. По мере накопления им научных знаний поиски стали более определенными.

Казалось, Джомми обречен на вечные разъезды по дорогам, ведущим к далекому горизонту, или в незнакомых, далеких городах, в каждом из которых кишел бесконечный людской муравейник. Солнце вставало и садилось и снова вставало и садилось, и были пасмурные дни, когда моросил дождь, и бесчисленные ночи. Хотя Джомми всегда был один, это не трогало его, потому что его душа жила впечатлениями от этого огромного спектакля, который ежедневно разворачивался у него на глазах. Где бы он ни оказался, везде его взгляд натывался на признаки организаций слэнов без усиков, и он все больше и больше недоумевал: где же прятались истинные слэны?

Этот вопрос был для него загадкой, которая не оставляла его. Она и сейчас мучила его, когда он медленно шел по улице сотового — или тысячного — по счету города.

Ночь окутала город, освещенный бесчисленными витринами и сотнями миллионов сверкающих огней. Джомми подошел к газетному киоску и купил все местные газеты, потом пошел обратно к машине, которая выглядела совершенно обыкновенно, а на самом деле представляла собой настоящий боевой корабль на колесах, который он никогда не выпускал из виду. Джомми встал рядом со своей вытянутой, низко сидящей машиной. Холодный ночной ветер вырывал газету из рук, когда он перелистывал страницы, быстро скользя по ним взглядом.

Пока он стоял, ветер похолодел, принес с собой сладкий, сырой запах дождя. Порыв ветра охватил страницу, секунду бешено трепетал ее, оторвал и с победным свистом погнал по пустой улице. Он решительно сложил газеты, спрятался от усиливающихся порывов в машине. Часом позже Джомми выбросил семь местных газет в урну на тротуаре, и, глубоко погруженный в собственные мысли, он сел обратно за руль.

Та же самая история. Две газеты принадлежали слэнам без усиков. Его мозг легко замечал едва уловимые нюансы, особую окраску статей, то, как они использовали слова, обнаруживая явное различие между газетами, которыми владели люди, от газет слэнов. Две из семи. Но у этих двух были самые высокие тиражи. В среднем так было повсюду.

И, в который раз, на этом все кончалось: люди и слэны без усиков, никакой третьей прослойки, никакого намека, который безошибочно скажет, если газету выпускают истинные слэны, если его теория была справедлива. Оставалось только купить еженедельные газеты и провести вечер так же, как он провел день, колеся по улицам, обшаривая каждый дом, сознание каждого прохожего; а потом ехать к отдаленному горизонту на востоке. Позади него ночь и буря поглотили еще один город: еще одно поражение.

Прошло три года. Темная и тихая вода стояла вокруг космического корабля, когда Джомми Кросс наконец вернулся к тоннелю. Он барахтался в грязи, направляя энергию своих атомных машин на раненую железяку.

Отверстие, вырезанное в носу корабля в тот день, когда он спасся от крейсеров слэнов, было заварено легированной сталью. И потом целую неделю плотно прилегающее, вытянутое в форме пиявки металлическое чудовище дюйм за дюймом ползло по поверхности корабля, меняя структуру атомов до тех пор, пока четырехфутовой толщины стенки корабля не превратились в легированную сталь от носа до хвоста.

Несколько недель потребовалось ему для того, чтобы исследовать антигравитационные экраны и их электрические

колебания и сделать их копию, которую, по горькой иронии судьбы, он оставил в тоннеле, потому что именно их засекали поисковые приборы слэнов. Пусть думают, что их судно до сих пор находится там.

Он вкалывал три месяца, и затем холодной октябрьской ночью корабль прошел обратно шесть миль тоннеля на атомном приводе без трения и взлетел, разрывая пелену холодного дождя.

Дождь внезапно превратился в дождь со снегом, потом просто в снег; и тут Джомми неожиданно оказался над облаками, за пределами мелочных земных погодных неурядиц. Над ним простирался небосвод, усеянный яркими звездами, которые весело подмигивали его единственному в своем роде кораблю. Были видны Сириус — самый яркий из этой драгоценной диадемы — и красный Марс. Но пока он не собирался на Марс. Это был лишь краткий пробный полет, осторожное путешествие на Луну, испытательный полет для приобретения опыта, который он использует как основу для долгого, опасного путешествия: оно становилось неизбежным с каждым новым месяцем поисков, которые не приносили никаких результатов. В один прекрасный день ему придется лететь на Марс.

Внизу постепенно исчезал во мраке земной шар. Он наблюдал, как с одного края сияние становилось все более ослепительным, и внезапно его ожидание рассвета было прервано резким сигналом тревоги. Беспорядочно замелькал огонек, указывающий на верхнюю часть экрана переднего обзора. Начав торможение на полной скорости, он наблюдал за меняющимся положением огонька. Внезапно огонек пропал, и далеко-далеко впереди показался космический корабль.

Боевой корабль двигался немного в стороне от корабля Джомми. Он увеличивался, становился более отчетливым, нырнул в тень и мгновенно пропал. Через полчаса сигнал тревоги перестал звенеть.

Потом, десять минут спустя, он зазвенел снова. Другой корабль пролетал дальше, под прямым углом по направлению к полету первого. Этот корабль был поменьше, размером с космического охотника, и следовал не строгим курсом, а шел зигзагом.

Когда второй корабль растаял вдали, Джомми Кросс в нерешительности полетел вперед, испытывая почти благоговейный страх. Большой боевой корабль и охотник! Зачем? Похоже, это означало патруль. Но против кого? Конечно же, не против людей. Они даже не знали о существовании слэнов без усиков и их кораблей.

Он затормозил корабль, потом остановился: Джомми пока не был готов пройти сквозь строй хорошо оборудованных боевых кораблей. Осторожно он развернул свой корабль на сто восемьдесят градусов и, пока поворачивал, заметил маленький темный предмет, похожий на метеорит, со страшной скоростью летевший в его сторону.

Мгновенно он бросил корабль в сторону. Предмет повернул за ним, как живое космическое чудовище. Его было видно на заднем экране — темный металлический шар, примерно ярд в диаметре. Джомми Кросс отчаянно попытался увести корабль с его пути, но прежде чем он успел повернуть, раздался оглушительный взрыв.

От взрыва Джомми растянулся на полу, получив легкое сотрясение мозга, и лежал, побитый, но живой, понимая, что стенки корабля выдержали почти невыносимый удар. Корабль раскачивался и летел со страшным ускорением. У Джомми кружилась голова, но он поднялся и сел в кресло перед приборной панелью. Корабль подорвался на mine, плавучей mine! Какие же меры предосторожности были предприняты — и для чего?!

Задумавшись, он направил свой разбитый, почти не поддающийся управлению корабль в тоннель под дном реки, который проходил через Бабушкино ранчо и оканчивался в самом сердце горной вершины, куда не доходила вода, ревущая за кораблем. Он даже не мог себе представить, как надолго ему придется оставить корабль там. Наружная сторона была смертельно радиоактивной, поэтому он временно не мог пользоваться кораблем хотя бы из-за этого. Более он ни в чем не был уверен. Пока он не был готов противостоять или перехитрить слэнов без усиков.

Двумя днями позже Джомми Кросс стоял в дверях покосившегося дома на ранчо и наблюдал, как их ближайшая соседка, миссис Ланахан, сжав губы, приближалась по тропинке, которая вела между двух садов. Это была полная блондинка, под чьим круглым, детским лицом скрывался въедливый, недобрый ум. Ее голубые глаза с подозрением рассматривали высокого, с карими глазами и темно-каштановыми волосами Бабушкиного внука.

Джомми Кросс с интересом наблюдал за ней, открывая ей дверь и проходя за ней в дом. В ее мыслях можно было прочитывать все невежество, присущее тем, кто жил в отсталых сельских районах мира, в котором образование стало лишь блеклой, бесхарактерной тенью официального цинизма. Миссис Ланахан не знала точно, что такое слэн, но она подозревала,

что он и есть слэн, и пришла об этом разузнать. Она предоставила ему интересную возможность испытать свой метод гипноза. Было очень увлекательно смотреть, как она время от времени бросала взгляд на маленький кристалл, который он положил на стол рядом со стулом, на котором она сидела, наблюдая за тем, как она говорила, совершенно связно, так и не поняв, когда она перестала быть свободной и превратилась в его раба.

В конце концов она ушла, когда полыхающее осеннее солнце клонилось к закату, внешне не изменившись. Но она забыла, зачем приходила в дом, потому что в ее сознании появилось новое отношение к слэнам. Никакой ненависти — на ближайшее будущее, которое Джомми Кросс мог предвидеть; и никакого одобрения — для ее же собственной безопасности в мире слэноненавистников.

На следующий день он встретил ее мужа, чернобородого гиганта, работающего далеко в поле. Спокойный разговор, иная настройка кристалла — и он тоже оказался под контролем.

В те месяцы, пока он отдыхал с гипнотически расслабленной старухой, какой была теперь Бабушка, он установил умственный контроль над каждым из нескольких сот сельскохозяйственных рабочих, которые жили внизу, в идеальном климате долины, под вечнозелеными холмами. Сперва ему были нужны кристаллы, но по мере того, как он узнавал человеческую психологию, Джомми обнаружил, что может совсем расстаться с этим кусочком стекла.

Он рассуждал так: даже при количестве две тысячи загипнотизированных в год, не принимая во внимание новые поколения, ему бы удалось загипнотизировать четыре миллиарда людей за два миллиона лет. Наоборот, два миллиона слэнов смогли бы сделать это за год, если бы владели секретом его кристалла.

Требовалось два миллиона, а он не мог найти даже одного-единственного слэна. Но где-то же должен быть истинный слэн. И все предстоящие годы, которые пройдут, прежде чем он сможет логически применить свой разум для решения интеллектуальной задачи поиска организации истинных слэнов, ему нужно было искать и искать этого единственного слэна.

ГЛАВА 13

Она попала в западню. На мгновение Кэтлин Лэйтон внутренне сжалась. Ее стройное, молодое тело напряглось, склонившись над ящиком стола Кира Грея, содержимое которого она изучала. Ее мысли испуганно потянулись туда, где Кир Грей и еще один человек открывали дверь, ведущую из ее комнаты через коридор, и еще одну комнату сюда, в личный кабинет диктатора.

Она почувствовала досаду. Несколько недель она ждала заседания Совета, на котором потребуется присутствие Кира Грея, и это даст ей свободный доступ в кабинет — а теперь эта дикая случайность. Впервые за все время Кир Грей прошел в ее комнату, вместо того чтобы вызвать ее к себе. Все другие выходы охранялись, и единственный путь к бегству для нее был отрезан.

Она попала в ловушку, хотя Кэтлин не жалела о том, что пришла сюда. У лишнего свободы слэна не может быть иной цели, кроме того, чтобы вырваться. С каждым мгновением серьезность ее положения осознавалась ею все больше: быть пойманной здесь с поличным, — она резко перестала складывать бумаги обратно в ящик. Нет времени. Мужчины стояли прямо за дверью.

С внезапной решительностью она закрыла ящик, отодвинула бумаги в кучу на край стола и, как молодая лань, подбежала к креслу. В этот момент открылась дверь и вошел Джон Петти, а за ним Кир Грей. Мужчины остановились, увидев ее. Красивое лицо шефа полиции потемнело, глаза сузились в щелочки, потом его вопросительный взгляд перескочил на диктатора. Брови вождя недоуменно поднялись, и в его улыбке промелькнула тонкая ирония.

— Здравствуй, — сказал он. — Что ты здесь делаешь?

Кэтлин уже решила, что ей делать, но прежде чем она успела открыть рот, ее прервал Джон Петти. У него был прекрасный голос, когда ему этого хотелось, и сейчас начальник полиции им воспользовался. Он мягко произнес:

— Совершенно очевидно, что она за тобой шпионила.

Что-то было в нем, в его пронзительной логике такое, отчето у нее все внутри похолодело от беспокойства. Присутствие шефа полиции в самые ответственные моменты ее жизни было похоже на руку судьбы-злодейки, и, собрав все свое мужество, она поняла, что настанет такой момент, когда из всех людей

Джон Петти со всей силой своей ненависти будет желать ее смерти.

Глава полиции спокойно продолжил:

— Посмотри, Кир, нам ведь пришлось невольно вернуться к тому, о чем мы говорили. На следующей неделе этой девочке-слэну исполнится двадцать один год, и она по закону станет взрослой. Ей что, жить здесь до тех пор, пока она не умрет от старости через сто пятьдесят, или что-нибудь вроде этого, лет? Или что?

Лицо Кира Грея приняло более серьезное выражение.

— Кэтлин, разве ты не знала, что я на заседании Совета?

— Держу пари, что знала, — вмешался Джон Петти, — и такой финал был для нее неприятным сюрпризом.

Кэтлин холодно сказала:

— Я отказываюсь отвечать на любые вопросы этого человека. Он пытается держать ровный тон, но, несмотря на то, что он прячет свои мысли, из него льется поток ненависти. И на поверхности его сознания уже появилась мысль о том, что наконец настал тот момент, когда он сможет убедить вас в необходимости моего уничтожения.

Лицо вождя было странно враждебным, когда он задумался над ее словами. Ее мозг осторожно прикоснулся к поверхности его мыслей и обнаружил там формирующуюся идею, какое-то решение, которое было невозможно прочитать. В конце концов он сказал:

— Если вспомнить прошлое, ее обвинение против тебя справедливо, Джон. Твое желание ее смерти оказалось... э... конечно, и данью твоему антислэновому рвению, но и странным фанатизмом для такого одаренного человека.

Казалось, что Джон Петти нетерпеливым жестом просто стряхнул только что сказанные слова.

— Правда то, что я и хочу ее смерти, и не хочу ее смерти. Для меня она представляет серьезную угрозу государству, пока она сидит здесь, во дворце, владея способностью читать мысли. Я просто хочу, чтобы она убралась с дороги, и, не обольщаясь относительно слэнов, я считаю, что смерть будет наиболее эффективной в этом плане. Тем не менее, я бы не стал настаивать на таком приговоре, имея в виду мое мнение по этому вопросу. Но я серьезно считаю, что мое предложение на сегодняшнем заседании наиболее оптимальное. Ее нужно перевести в другое место заключения.

Кэтлин, к сожалению, не смогла прочитать ни одной мысли Кира Грея, он просто смотрел на нее остановившимся взглядом. Кэтлин едко произнесла:

— В момент, когда меня увезут из дворца, я буду убита. Как сказал мистер Грей десять лет назад, после того, как твой наемник пытался меня убить: когда слэн мертв, к расследованию такого дела относятся подозрительно.

Она увидела, как Кир Грей качнул головой в ее сторону. Он заговорил самым мягким тоном, какой она когда-либо слышала:

— Ты напрасно полагаешь, Кэтлин, что я не смогу тебя защитить. В общем, я считаю, что это наилучший план.

Она смотрела на него, замерев от страха. Он закончил свой фактически смертный приговор уже не мягким, а ровным и решительным тоном:

— Ты соберешь свои вещи и пригодишься к отъезду через двадцать четыре часа.

Шоковое состояние прошло. Ее сознание было вновь спокойно. Кэтлин отчетливо поняла, что Кир Грей прекратил свою опеку, и взрывы эмоционального отчаяния были здесь ни при чем.

Поразило Кэтлин, что пока не было улики против нее. Он даже не взглянул на бумаги, которые она так торопливо сгребла на угол стола. Значит, решение было принято на основании ее присутствия и обвинений Джона Петти.

Это было удивительно, потому что в прошлом он защищал ее от Джона Петти при гораздо более угрожающих обстоятельствах. И она безнаказанно, беспрепятственно входила в его кабинет по крайней мере полдюжины раз.

Кэтлин осознала, что решение было принято заранее и поэтому все аргументы, которые она могла предложить, были бесполезны. Она обнаружила, что в мыслях Джона Петти тоже прочитывалось удивление. Он хмурился от столь легко одержанной победы. На поверхности его сознания проскользнул ручеек неудовлетворенности, потом быстрое решение не возвращаться к этому вопросу. Его взгляд внимательно пробежал по комнате и остановился на письменном столе. «Вопрос в том, что ей удалось узнать, пока она была одна в кабинете? Что это за бумаги?» Он не испытывал ложной скромности и, даже еще недоговорив, направился к столу. Когда вождь подошел к нему сзади, Джон Петти рылся в бумагах. «Хм-м-м, список старых явок слэнов, которые мы до сих пор используем, чтобы отлавливать неорганизованных слэнов. К счастью, их так много, что она не смогла бы запомнить даже их названия, уже не говоря про описание их расположения».

Но не ложность его заявления занимала Кэтлин в этот момент; очевидно, ни один из них не подозревал, что не только

расположение всех укрытий слэнов было навечно впечатано в ее память, но и то, что у нее было почти фотографическое изображение систем сигнализации, которую секретная полиция установила в каждой точке для того, чтобы заранее знать о приходе ничего не подозревающего слэна. Согласно одному из анализов, должен был существовать какой-то передатчик мыслей, который давал возможность истинным слэнам находить свои убежища. Но сейчас это было неважно.

Важен был лишь Кир Грей. Вождь с любопытством рассматривал бумаги. «Это более серьезно, чем я думал, — медленно произнес он, и душа Кэтлин ушла в пятки. — Она рылась в моем столе».

Кэтлин напряженно думала: необязательно было давать это понять Джону Петти. Прежний Кир Грей не предоставил бы ее злейшему врагу ни намек на улики, которые тот мог бы использовать против нее.

Глаза Кира Грея были холодными, когда он повернулся к ней. Странно, но сознание ее было спокойно, как всегда. Он не был, поняла она, сердит на нее, но с ледяной бесповоротностью он расставался с ней.

— Отправляйся в свою комнату, собирай вещи — и жди дальнейших указаний.

Девушка уже почти повернулась, когда Джон Петти сказал: — Сэр, по разным поводам вы говорили, что держите ее в научных целях. Если вы отдаляете ее от себя, эта цель теряет смысл. Таким образом, я предлагаю, чтобы она была помещена под охрану тайной полиции.

Кэтлин закрыла свое сознание от их мыслей, захлопнула за собой дверь и побежала по коридору в свою комнату. Она не чувствовала никакого интереса к деталям плана их лицемерного убийства, который будет выработан между вождем и его приспешником. Направление ее действий было ясно. Она открыла дверь, ведущую из ее комнаты в один из главных коридоров, кивнула охраннику, который сухо кивнул ей в ответ, и спокойно пошла к ближайшему лифту.

Теоретически ей разрешалось выходить только на этаж, находящийся на высоте пятисот футов, а никак не к самолетным ангарам, которые располагались пятьюстами футами выше, но крепко сложенный молодой солдат, работавший лифтером, не устоял против удара, который по кривой попал ему в челюсть. Как у большинства других мужчин, прочитала в мыслях Кэтлин, у него никогда не появлялось даже намек, что эта высокая, стройная девушка может представлять опасность для всящего двести фунтов мужчины в самом расцвете сил. Он

уже был без сознания, прежде чем обнаружил свою ошибку. Это было жестоко, но она связала его руки и ноги проволокой и той же проволокой привязала кляп, который был у него во рту.

Оказавшись на крыше, она провела быстрый и тщательный умственный обзор пространства в непосредственной близости от лифта. Потом она открыла дверь и быстро захлопнула ее за собой. Меньше чем в тридцати футах от нее стоял самолет. За ним стоял еще один, возле которого работали механики. С ними разговаривал солдат.

Десять секунд потребовалось Кэтлин, чтобы дойти до самолета и забраться в него; и она не зря читала мысли офицеров ВВС все эти долгие годы. Реактивные двигатели засвистели, самолет рванулся вперед и оказался в воздухе.

«Ага, — долетели до нее мысли механика, — опять полковник полетел».

«Наверное, за очередной бабой», — сказал солдат.

«Да, — сказал второй механик. — Уж это — то...»

Потребовалось два часа быстрого полета в юго-западном направлении, чтобы достичь убежища слэнов, которое она выбрала, потом включила автопилот и проводила взглядом улетающий на восток самолет. В последующие дни она интенсивно искала себе автомобиль. На пятнадцатый день длинный черный автомобиль неслышно появился из зарослей на старой дороге и стал приближаться к ней. Ее тело напряглось. Каким-то образом ей нужно было заставить водителя остановиться, побороть его и завладеть машиной. В любой момент здесь могла появиться тайная полиция — надо было убираться отсюда, и как можно быстрее. Впившись взглядом в автомобиль, она ждала.

ГЛАВА 14

Громада прерий в конце концов осталась позади. Джомми Кресс повернул прямо на восток, потом на юг. Далеско на юг, и попал на бесконечные ряды полицейских кордонов. Его никто не пытался остановить, и наконец он прочитал в мыслях нескольких полицейских, что они искали девушку-слэна.

Это возымело на него ужасное действие: на мгновение надежда казалась слишком большой, чтобы до конца ее осознать. Но все же это не могла быть женщина-слэн без усиков. Люди, которые распознавали слэнов только по их усикам, могли ис-

кать только истинного слэна. А это значило... что здесь сбудет-ся его мечта.

Джомми намеренно направился в район, который им было приказано окружить, и оказался в стороне от главной дороги. Он ехал по ответвлению, которое петляло среди заросших деревьями равнин и взбиралось на высокие холмы. Утро было серое, но в полдень с лазурного неба ярко засияло солнце.

Его ясное представление, что он близок к самому сердцу опасной зоны, внезапно усилилось, когда к его сознанию прикоснулась посторонняя мысль. Это было лишь легкое касание, но оно было так важно, что у него закружилась голова.

«Внимание, слэны! Передает широкоэвещательный передатчик мыслей в Поргрэйве. Пожалуйста, поверните на проселочную дорогу через полмили. Следующее сообщение будет передано позже».

Джомми напрягся. Мягкая и настойчивая, волна мыслей появлялась снова и снова, похожая на летний дождь: «Внимание, слэны!.. Пожалуйста, поверните...»

Он ехал все дальше, напряженный и взволнованный. Чудо произошло. Слэны где-то рядом, и их много. Такой передатчик мыслей мог быть построен и одним слэном, но подобное сообщение могло исходить только от группы, и возможно, это были истинные слэны... Или он ошибался?

Но радостное чувство надежды мимолетно исчезло, только он подумал о возможности ловушки. Это очень просто могло быть устройством, оставшимся от старого поселения слэнов. Реальной опасности, конечно, не было, его машина могла отразить самые опасные удары, а его оружие — парализовать силу нападающего врага. Но лучше все-таки принять во внимание возможность того, что люди оставили передатчик мыслей как ловушку и сейчас надвигались на него в надежде, что там кто-то мог спрятаться. В конце концов, именно эта возможность привела его сюда.

Под его управлением прекрасная, обтекаемой формы машина ехала вперед. Через минуту Джомми Кросс увидел проселок, он был скорее похож на тропинку. Необычно длинная машина свернула на него и посхала. Тропинка петляла через густые заросли, через несколько небольших долин. Он проехал уже три мили, когда следующее сообщение заставило его резко остановиться.

«Вы слушаете передатчик мыслей в Поргрэйве. Он направит вас, истинного слэна, на небольшую ферму впереди вас, которая является входом в подземный город с заводами, садами и жилым районом. Добро пожаловать. Вы слушаете...»

Машина резко подпрыгнула, когда наткнулась на ряд невысоких бугорков, а потом автомобиль подмял под себя толстый ковер кустарника и выехал на небольшую поляну. Джомми Кросс увидел сквозь заросший двор покосившийся от времени и почерневший дом и рядом с ним еще две столетней давности постройки — сарай и гараж.

Некрашенный, с выбитыми стеклами двухэтажный дом смотрел на него невидящими глазницами пустых окон. Сарай накренился, как корпус старого корабля, его дверь висела на одной петле, а низ глубоко ушел в заброшенную землю.

Он мельком скользнул взглядом по гаражу, посмотрел в сторону, потом, задумчиво, снова на гараж. Он давал то же ощущение чего-то давно погибшего, но что-то было иначе. Тонкое различие становилось все более заметным, и у него проснулся интерес. Казалось, что гараж покосился, но не от ветхости, а потому, что его так построили. Он был сделан из металла, который должен был противостоять разрушению.

Сломанные на первый взгляд двери тяжело упирались в землю, но легко распахнулись, когда высокая, изящно сложенная молодая женщина надавила на них пальцами и, выйдя, смотрела на него с ослепительной улыбкой.

Великолепное ощущение. Мужчина и женщина, одни в целом мире, которые встретились так же, как давным-давно встретились его мать и отец. Он улыбнулся этим воспоминаниям и широко открыл ей свое сознание. Она покачала головой.

«Нет, не сейчас. Я уловила в твоём сознании мысль о машинах в подземном городе, и мне захотелось на них посмотреть».

Он улыбнулся, чтобы подбодрить ее. «Не беспокойся об опасности. У меня есть оружие, которому людям будет нечего противопоставить, а эта машина специально сконструирована как спасатель. Она может проехать где угодно. Надеюсь, ей хватит места под землей».

«О да. Сначала надо спуститься вниз на нескольких лифтах. Потом можно ехать куда угодно. Но нельзя медлить. У нас...»

Джомми Кросс счастливо рассмеялся.

«Возражений нет!» — сказал он.

Позже Кэтлин еще раз высказала свои сомнения:

«Мне действительно кажется, что нам нельзя здесь оставаться. Я вижу твоё великолепное оружие и что твоя машина сделана из, как ты говоришь, легированной стали. Но у тебя

есть тенденция недооценивать людей. Этого делать нельзя! В борьбе против слэнов такие люди, как Джон Петти, необыкновенно развили свой мозг до невозможных пределов. И Джон Петти не остановится ни перед чем, чтобы уничтожить меня. Даже сейчас его сети затягиваются вокруг различных убежищ слэнов, в которых я могла спрятаться».

Джомми Кросс с беспокойством посмотрел на нее. Вокруг них лежало безмолвие подземного города: когда-то белые стены, которые подымались к потрескавшемуся потолку, длинные ряды колонн, согнутых и покосившихся не столько от тяжести земли, давящей на них сверху, сколько от груза лет. Слева от себя он видел начало огромного пространства, занятого искусственным садом, и сверкающий подземный ручеек, который питал водой маленький подземный мир. Налево протянулись ряды жилых домов, пластиковые стены которых до сих пор тускло блестели.

Здесь жил целый народ, который давно был изгнан отсюда безжалостным врагом, но тягостная атмосфера бегства, казалось, еще висела над городом. Посмотрев вокруг, Джомми подумал, что это поселение, должно быть, эвакуировано не менее двадцати пяти лет назад, все выглядело чересчур живым и страшным. Его мысленный ответ Кэтлин отражал серьезность надвигающейся опасности.

«По всем законам логики нужно лишь внимательно следить за присутствием посторонних мыслей и оставаться не далее нескольких сот ярдов от машины, чтобы находиться в абсолютной безопасности. Но я встревожен твоим предчувствием. Пожалуйста, попытайся найти в своем сознании основания для этого страха. Я не могу сделать этого за тебя, и ты прекрасно с этим справишься сама».

Девушка молчала. Ее глаза были закрыты. Ее щит был поднят. Она присела около машины, удивительно напоминая большого ребенка, который внезапно уснул, в конце концов ее чувственные губы зашевелились. В первый раз она заговорила вслух:

— Скажи мне, что такое легированная сталь?

— А, — удовлетворенно сказал Джомми Кросс, — я начинаю понимать психологические факторы, участвующие здесь. У телепатии много преимуществ, но с ее помощью невозможно передать, например, силу оружия так же хорошо, как рисунком на бумаге или даже высказанным вслух словом. Силу, размеры, количество и другие сходные образы точно не передать.

— Продолжай.

— Все, что я сделал, — объяснил Джомми Кросс, — было основано на великом открытии отцом первого закона атомной энергии — концентрации — в противоположность методу рассеивания. Насколько мне известно, отец никогда не подозревал о возможности легирования металлов, но, как любой исследователь, идущий за гением и его основным открытием, я сосредоточился на деталях, основанных частично на его идеях, частично на тех, которые появились в процессе работы.

Все металлы держатся силой атомного притяжения, которое составляет теоретическую прочность этого металла. Размышляя о стали, я взял этот теоретический потенциал за единицу. Для сравнения: во времена, когда впервые научились выплавлять сталь, ее прочность составляла примерно две тысячные единицы. Новые технологии быстро увеличили прочность примерно до одной тысячной, потом, в течение сотен лет, — до современного человеческого уровня в семьсот пятьдесят.

Слэны без усиков научились делать сталь прочностью пятидесятая от единицы, но даже этот невообразимо прочный материал не может сравниться с моим: изменение в самой структуре атомов, в результате которого получается почти идеальная сталь прочностью одна десятая единицы. Одна восьмая дюйма этой стали может остановить самое мощное взрывчатое вещество из известных как слэнам без усиков, так и людям!

Вкратце он описал свою попытку слетать на Луну и мину, нанеся ему большие повреждения, из-за чего он и вернулся домой.

Джомми закончил:

— Важно то, что атомная бомба, очевидно предназначенная для больших боевых кораблей, не смогла пробить фут легированной стали, хотя корпус был сильно поврежден и двигательный отсек разрушен от удара.

Кэтлин смотрела на него улыющимися глазами.

— Какая же я набитая дура, — выдохнула она. — Я встретила величайшего из ныне живущих слэнов, и я пытаюсь запугать его тем, что увидела за двадцать один год, прожитый с людьми.

Улыбаясь, Джомми Кросс покрутил головой:

— Великий человек не я, а мой отец, хотя он тоже был несовершенен, и самое большое его несовершенство заключалось в его неспособности должным образом защитить себя. Но он был настоящим гением. — Улыбка исчезла. — Хотя я боюсь, что придется часто посещать эту пещеру и каждый визит будет таким же опасным, как и этот. Я мельком встречался с Джоном Петти, и то, что я прочитал в твоих мыслях,

лишь прибавило штрихов к портрету этого совершенно безжалостного человека. Я знаю, что он наблюдает за этим местом, но не следует этого бояться. В этот раз мы побудем здесь только до наступления темноты — этого мне будет достаточно, чтобы исследовать машины. В машине есть еда, которую можно приготовить. Конечно, спать я буду в машине. Но сначала — здешнее оборудование!

Везде громоздились машины, похожие на мертвых, молчаливых чудовищ. Мартеновские печи, мощные прессы, токарные станки, пилы, множество других станков — ряды машин вытянулись на полмили. Примерно тридцать процентов из них было в совершенно нерабочем состоянии, процентов двадцать подлежало ремонту, остальными можно было пользоваться.

Вокруг мягко, немигающе сиял свет, превращавший прогулку по изрытому полу между нагромождениям машин в театр теней. Джомми Кросс шел в задумчивости.

— Здесь есть все, что мне когда-нибудь может понадобиться. Я могу построить большой боевой корабль из одного металлолома; а этот город, возможно, используется только как ловушка для слэнов. — Его мысли сосредоточились на ее сознании. — Скажи мне, ты уверена, что в этот город всего два входа?

— В списке на столе Кира Грея было обозначено всего два входа, а других я не обнаружила.

Он молчал, но не скрывал своих мыслей:

«Глупо вновь вспоминать о твоей интуиции, но нельзя упускать возможность нападения».

«Если и есть тайный вход, — высказалась Кэтлин, — потребуется несколько часов, чтобы найти его, но если мы и найдем его, у нас не будет уверенности, что нет других, и мы не будем чувствовать себя в большей безопасности. Я все равно считаю, что нам нужно немедленно уезжать».

Джомми Кросс решительно покачал головой.

«Я не хотел, чтобы ты так прочитала мои мысли. Главная причина, почему я не хочу отсюда уезжать, в том, что, пока мы не загримируемся и не спрячем свои усики под париком — а это трудно, — это будет для нас самым безопасным местом. На всех основных дорогах стоят патрули. Большинство полицейских знают, что ищут слэна, и у них есть твоя фотография. Я свернул с главной дороги, надеясь найти тебя раньше их».

— Твоя машина летает, правда? — спросила Кэтлин.

Джомми Кросс безрадостно усмехнулся:

— Еще семь часов до наступления темноты; а так мы в любую минуту можем натолкнуться на самолет. Представь себе, что сообщат пилоты на ближайшую авиабазу, если увидят летящий автомобиль. А если мы поднимемся выше, скажем на пятьдесят миль, нас несомненно заметит патрульный корабль слэнов без усов.

Командир мгновенно сообразит, кто это, сообщит наше расположение и атакует. Своим оружием я смогу уничтожить один корабль, но я не справлюсь с десятком, что прилетят за ним, — по крайней мере, они успеют нанести достаточно мощный удар, чтобы машина разгерметизировалась и мы задохнулись. И кроме того, я не могу по своей воле ставить себя в положение, в котором мне придется кого-либо убивать. За свою жизнь я убил всего троих и с того дня мое отвращение к убийству росло, пока не превратилось в одну из основных черт моего характера, настолько сильную, что я построил весь свой план розыска истинных слэнов на этой основе.

К его сознанию легко прикоснулась мысль девушки, походя на дуновение ветерка.

«У тебя есть план обнаружения истинных слэнов?» — спросила она.

Он кивнул.

— Да. На самом деле все очень просто. Все истинные слэны, которых я видел, — мой отец, моя мать, я сам и вот теперь ты — были добросердечными, мягкими людьми. И это несмотря на человеческую ненависть, желание уничтожить нас. Я не могу поверить, что мы четверо — исключение; поэтому должно существовать какое-то разумное объяснение всем этим чудовищным поступкам, которые приписывают истинным слэнам. — Он усмехнулся. — Может, слишком самонадеянно в моем возрасте и при моем уровне развития даже думать об этом. Тем более что до сих пор мне так ничего и не удалось достичь. И мне нельзя делать главный ход в этой игре до тех пор, пока я не предпринял решительных действий против слэнов без усов».

Кэтлин не отрывала от него взгляда. Она согласно кивнула.

— Теперь мне тоже понятно, почему мы не должны здесь задерживаться.

Странно, но ему не хотелось, чтобы она снова поднимала эту тему. На краткий миг (он скрыл от нее эту мысль) у него возникло ощущение ужасной опасности. настолько ужасной, что сознание отказывалась ее принять. Ее едва различимый след остался — и заставил его сказать:

— Не отходи далеко от машины и держи свое сознание настороже. В конце концов, мы можем обнаруживать людей за четверть мили даже во сне.

Странно, но это прозвучало неубедительно.

Вначале Джомми Кросс просто дремал. Должно быть, несколько минут его сон был неглубоким, потому что, хотя его глаза были закрыты, он чувствовал присутствие ее сознания рядом со своим и что она читала одну из его книг. Один раз в его сознании появился вопрос: «Огни на потолке, они что, никогда не выключаются?»

Должно быть, она мягко проникла в его сознание с ответом, потому что внезапно он понял, что свет горел с тех пор, как она сюда пришла, и, должно быть, горел так уже на протяжении многих сотен лет.

Потом вопрос возник в ее сознании, и его сознание ответило: «Нет, я не буду есть, пока не выплыву».

Или он вспомнил что-то, о чем говорили раньше?

Все равно он не спал, потому что странная, счастливая мысль поднялась из глубин его подсознания. Как здорово, что он в конце концов нашел еще одного слэна, такую изумительно красивую девушку.

И такой красивый молодой человек.

Была это его мысль или ее, сонно подумал он.

«Это была моя мысль, Джомми».

Какое наслаждение иметь возможность переплести свое сознание с другим дружеским сознанием до такой близости, что два потока мыслей казались одним, и вопрос, и ответ сливались воедино, и эти едва заметные полутона невозможно передать посредством холодных слов.

Может, они были влюблены? Как могли два человека просто встретиться и полюбить друг друга, когда они считали, что в мире существуют миллионы слэнов, среди которых должны быть сотни других мужчин и женщин, которые бы могли стать их избранниками при других условиях?

«Но это нечто большее, Джомми. Всю жизнь мы были одни во враждебном мире людей. Найти родственную душу было особенно приятно, и даже если мы позже встретим всех слэнов мира, это не будет то же самое. Мы разделим надежды и сомнения, опасности и победы. Кроме того, мы родим ребенка. Понимаешь, Джомми, я уже полностью приспособилась к этой новой жизни. Разве это не настоящая любовь?»

Он думал, что это так, и ощущал огромное счастье. Но когда он уснул, счастье пропало — осталась только темнота

которая превратилась в бездну, и он смотрел в нее и не мог увидеть дна.

Внезапно Джомми проснулся. Сузившиеся, внимательные глаза посмотрели туда, где сидела Кэтлин. Кресло было пустым. Его мысли, еще опутанные снами, протянулись в пространство.

«Кэтлин!»

Кэтлин подошла к дверце машины.

— Я рассматривала этот металлолом, пробовала придумать, что тебе больше всего пригодится. — Она перестала улыбаться и добавила: — Нам пригодится.

Мгновение Джомми Кросс лежал совершенно неподвижно, протягивая свои мысли в пространство, внимательно осматриваясь, недовольный тем, что она вышла из машины. Понятно, что она была воспитана в менее напряженной атмосфере, чем он сам. У нее была свобода передвижения и, несмотря на возникающие время от времени угрозы, была определенная уверенность и стабильность. В его собственной тяжелой жизни, при всегда присутствующей опасности и угрозе смерти каждое его движение было расчетливым риском.

К такому положению Кэтлин придется привыкнуть. Дерзость перед лицом опасности при выполнении задачи — одно. Беспечность — совершенно другое.

Кэтлин весело сказала:

— Я приготовлю что-нибудь поесть, пока ты быстренько выберешь, что тебе нужно забрать с собой. Наверное, снаружи уже темно.

Джомми Кросс глянул на свой хронометр и кивнул. Через два часа будет полночь. Темнота скроет их бегство. Он медленно сказал:

— Где тут ближайшая кухня?

— Вон там, — она указала рукой на ряд дверей.

— Далеко?

— Примерно в ста футах. — Она нахмурилась. — Послушай, Джомми, я вижу, как ты взволнован. Но если мы собираемся играть одной командой, одному из нас придется делать одно, а другому — другое.

Он с тяжелым чувством наблюдал, как она уходила, размышляя о том, что приобретение напарника может сказаться на его нервах. Привыкнув к риску, Джомми тяжело было свыкнуться с мыслью, что Кэтлин в эти минуты тоже будет рядом с ним.

Но в данный момент никакой опасности не было. В убежище не раздавалось ни звука. Ни единого шороха и, кроме

Кэтлин, ни одной мысли не долетало ниоткуда. Охотники, ищейки и те, что ставили кордоны, должны были быть сейчас дома, в постели, или собирались ложиться спать.

Он наблюдал, как Кэтлин вошла в дверь, и подумал, что это было ближе к ста пятидесяти футам. Он вылезал из машины, когда от нее пришла странная, напряженная и вибрирующая мысль:

«Джомми... стена открывается! Там кто-то...»

Внезапно ее мысль прервалась, и она начала передавать слова человека:

«Ну вот и Кэтлин, — с холодным удовлетворением говорил Джон Петти. — А я осмотрел только пятьдесят седьмое убежище. Я все их посетил лично, потому что немногие из людей способны держать свои мысли в узде и не дать вам знать о своем приближении. И кроме того, мало кому можно доверить такое важное задание. Что ты думаешь о психологической стороне того, что этот секретный вход встроен в кухню? Слэнам тоже нужно есть».

Подчиняясь быстрым пальцам Джомми Кросса, машина рванулась вперед. Он уловил ответ Кэтлин, холодный и неторопливый:

«Значит, вы нашли меня, мистер Петти. — И добавила издевательски: — Мне что, теперь просить у вас пощады?»

Ледяной ответ прокатился из ее сознания к Джомми:

«Мне незнакомо милосердие, и я никогда не упускаю представившейся возможности».

«Джомми, быстрее!»

Эхо выстрела пронеслось сквозь ее сознание к нему. Страшный миг невыносимого напряжения, ее сознание боролось со смертью: пуля попала ей в голову.

«О Джомми, мы могли быть так счастливы. Прощай, мой любимый...»

В страшном отчаянии он видел, как жизненные силы внезапно покинули ее. Черная стена смерти встала между ним и тем, что было сознанием Кэтлин.

ГЛАВА 15

В голове Джомми Кросса не было никаких мыслей, никакой ненависти, горя, надежды — он лишь воспринимал впечатления, и его необыкновенно тренированное тело реагировало на них, как идеальная машина. Автомобиль затор-

мозил, и Джомми увидел фигуру Джона Петти, стоявшего над мертвым телом Кэтлин.

«О Боже! — сорвалась с поверхности его сознания мысль. — Еще один!»

Раздался выстрел из пистолета, но пуля не смогла пробить броню автомобиля. Изумленный неудачей, шеф тайной полиции отступил назад. С губ сорвался гневный крик. На мгновение темная ненависть к надвигающемуся слэну отразилась на лице и в том, как напряглось его тело в ожидании неминуемой смерти.

Стоило раз нажать на кнопку, и он был бы превращен в ничто. Но Джомми Кросс не пошевелился, не сказал ни единого слова. Он просто сидел, а его сознание превращалось в нечто холодное и твердое. Невидящим взглядом он безразлично посмотрел сначала на полицейского, потом на мертвое тело Кэтлин. В конце концов в сознании появилось продуманное решение — как единственный обладатель секрета атомной энергии он не мог позволить себе ни любви, ни нормальной жизни. В этом мире слэнов и людей, которые так дико ненавидели друг друга, ему осталось одно лишь движение к своему высокому предназначению.

Из потайного хода начали появляться люди — солдаты с ручными пулеметами, пули из которых бестолково стучали о броню. Среди них он внезапно наткнулся на два мысленных щита, которые указывали на присутствие среди них двух слэнов без усиков. Пробежав острым взглядом по толпе, он заметил одного из них, тогда тот спрятался за угол и быстрым шепотом передал сообщение по радио, закрепленному у него на запястье. Слова отчетливо улавливались с поверхности его сознания:

«...модель 7500, основание 200 дюймов... общее телосложение 7 типа, голова 4, подбородок 4, рот 3, глаза карие, тип 13, брови 13, нос 1, щеки 6... форма!»

Он мог бы уничтожить их всех, всю эту омерзительную бригаду убийц. Но мысль об отмщении не могла проникнуть в холодное, абстрактное пространство, которым было теперь его сознание.

Джомми дал задний ход, и они уже не могли догнать его. Перед ним был грот, из которого вытекал подземный ручей, питающий водой сады. Он заехал в него, и атомные пушки на полмили расширили естественное русло. Потом повернул вниз, чтобы хлынувшая вслед вода скрыла образовавшийся тоннель, потом вверх, чтобы не пришлось заполнять водой слишком большой объем.

В конце концов он выровнял машину и продолжал путешествие сквозь темноту подземелья. Пока что он не мог направиться к поверхности, потому что навсерняка крейсера слэнов без усиков будут караулить его.

Ночной мир был укутан черными облаками, когда Джомми Кросс вышел из склона холма. Он остановился и тщательно подрезал тоннель, похоронив его под тоннами обрушившейся земли, и взмыл в небо. Во второй раз он включил свое радио, которое ловило слэнов без усиков, и на этот раз в машине раздался мужской голос:

«...Приехал Кир Грей и забрал тело. Представляется, что организация змей не воспрепятствовала уничтожению одного из своих членов, не подала ни единого признака своего существования. Пришло время сделать правильные выводы из их поражений и перестать считать сопротивление, которое они могут оказать, серьезным фактором. Тем не менее, до тех пор пока жив Кросс, существует опасность. Должно быть понятно, что наши военные операции против Земли должны быть приостановлены до тех пор, пока он не будет уничтожен».

Его неожиданное появление сегодня дало нам неоценимые преимущества. У нас есть описание его машины и описание его физического строения, сделанное специалистом. Как бы он ни маскировался, ему не удастся изменить структуру костей своего лица; и даже если он немедленно уничтожит свой автомобиль, останутся документы на него. В продажу поступало всего несколько сотен тысяч моделей 7500. Его машина несомненно ворованная, но ее можно найти по документам.

Джоанна Хиллори, которая провела детальное изучение этой змеи, поставлена во главе операции. Под ее руководством поисковые группы обследуют все районы континента. Должно быть, существуют небольшие области Земли, в которые мы еще не проникли: небольшие долины, участки прерий, в особенности сельскохозяйственные районы. Такие места должны быть окружены и в них отправлены полицейские подразделения.

У змей нет способа связаться с ним, потому что все линии связи находятся под нашим контролем. И с этого дня наши патрули будут останавливать всякого и подвергать его физиогномическому анализу.

Это предотвратит его случайное обнаружение змеями и даст нам необходимос для поисков время. Чего бы это ни стоило, мы должны выследить этого опаснейшего слэна до самого его дома. Наш успех гарантирован. Говорит Главный штаб, конец связи».

Набегавший воздух завывал и свистел, а машина летела вперед, под сводом темных кучевых облаков. И так, война против рода человеческого зависела теперь от его собственной судьбы, и исход был неясен и для тех, и для других. Они обязательно найдут его, эти аккуратно работающие слэны. Один раз они потерпели неудачу из-за неизвестного фактора — его оружия, — но оно стало известно, и, кроме того, данный фактор не повлияет на безжалостную облаву. Несколько минут Кросс обдумывал перспективы вторжения в долину и закончил рассуждения одним выводом: он не сможет выехать на дорогу, да, они найдут его, но сколько на это потребуются времени?

ГЛАВА 16

Потребовалось четыре года; Джомми Кроссу вот уже два месяца, как было двадцать три года, когда организация слэнов без усиков ударила с невероятной, поразительной силой. Он сошел по ступеням веранды в этот душный, давяще жаркий день и остановился на тропинке, которая разделяла сад на две половины. Он нежно вспоминал о Кэтлин и о матери и отце и при этом не ощущал горя или даже печали, но глубоко, философски осознавал трагедию своей жизни.

Но никакое самокопание не могло притупить чувства. И с необычной ясностью он воспринимал окружающее. Из всего, что произошло с ним за эти годы, именно это восприятие окружающего свидетельствовало о его зрелости. От Джомми не ускользало ничто.

Горячий воздух волнами поднимался над склонами горы, в которой был спрятан его космический корабль. Теплые струящиеся потоки не были помехой его зрению, которое за долю секунды замечало гораздо больше, чем глаз человека. Он различал детали, и возникал яркий, четкий узор там, где еще несколько лет назад даже он сам не смог бы увидеть ничего, кроме расплывчатых контуров.

Скопище комаров пролетело мимо Бабушки, которая сидела, наклонившись над цветочной клумбой. Пока он стоял, издали до него доносились еле слышные звуки. Обрывки мыслей, затуманенные пространством, касались его сознания. И постепенно, несмотря на невероятную сложность, калейдоскоп жизни в долине оформился в его сознании: настоящая симфония впечатлений, которые образовывали одно прекрасное целое.

Мужчины и женщины работали, дети играли, смеялись; проезжали трактора, грузовики, легковушки — немногочисленное сообщество людей на ферме встречало новый день, как много, много лет назад. Он опять посмотрел на Бабушку. На краткий момент его сознание растворилось в ее незащищенных мыслях, и в эту минуту способность читать мысли проявилась настолько сильно, что Джомми ощутил Бабушку частью самого себя. Ясная картина темной земли, которую она рассматривала, вспыхнула в его сознании. Высокий цветок занимал основное место в ее сознании, и в его тоже. Пока он наблюдал, в поле зрения появилась ее рука, держащая маленького черного жука. Она торжествующе раздавила насекомое, потом удовлетворенно вытерла запачканную руку о землю.

— Бабушка! — сказал Джомми Кросс. — Ты совершенно не можешь бороться со своей страстью к убийству.

Старуха глянула на него, и на ее морщинистом, добродушном лице промелькнуло воинственное выражение, напомнившее прежнюю Бабушку.

— Чепуха! — огрызнулась она. — Я этих тварей давлую вот уже скоро девяносто лет, а до этого моя мать с ними так же расправлялась, ха-ха-ха!

Ее смех звучал маразматически. Джомми Кросс слегка нахмурился. Климат западного побережья пошел Бабушке на пользу, но Джомми был недоволен гипнотической реконструкцией ее сознания. Конечно, она была очень стара, но то, что она постоянно пользовалась определенными фразами, как, например что она, а до нее — ее мать делали, звучало слишком механически. Он внушил ей эту идею прежде всего для того, чтобы заполнить пробел, образовавшийся после того, как он выкорчевал ее собственные воспоминания, но нужно было попробовать еще раз. Он отвернулся, но в этот момент в мозгу зазвучало предупреждение, резкое бисение далеких, посторонних мыслей: «Самолеты! — думали люди. — Сколько самолетов!»

Несколько лет назад Джомми сделал гипнотическое внушение, чтобы все, кто увидит что-нибудь необычное в долине, отправляли подсознательный сигнал, сами не подозревая об этом. Плоды своей предосторожности он пожинал сейчас, когда на него накатывали волны предупреждений от десятков сознаний.

Потом он увидел самолеты-точки, пикирующие над горами в его направлении. Как нападающий мангуст, его мысли бросились к ним навстречу, пытаясь дотянуться до сознания пилотов. Это быстрое движение натолкнулось на прочные мыс-

ленные щиты слэнов без усиков. На бегу он подхватил Бабушку, потом забежал в дом. Стальная дверь дома легированной стали захлопнулась, когда огромный, блестящий, турбовинтовой десантный самолет сел, как огромная птица, среди цветов в Бабушкином саду.

Джомми Кросс напряженно размышлял: «Самолет на каждой ферме. Это значит, что они не знают точно, в каком доме я нахожусь. Но скоро появятся космические корабли, чтобы закончить дело. Постарались!»

Ладно, он тоже постарался, и было совершенно очевидно, что теперь ему придется выполнить свой план до самого конца. Джомми чувствовал себя абсолютно уверенно, и никаких сомнений у него не было.

Сомнения и страх пришли минутой позже, когда он посмотрел на подземный экран. Боевые корабли и крейсера были на месте, но было еще что-то — еще один корабль. Корабль! Это чудовище заполнило пол-экрана, и его корпус в форме колеса протянулся по всему горизонту. Корабль диаметром в полмили, десять миллионов тонн металла висели, как сплюснутый воздушный шар, от которого веяло угрозой неограниченной, страшной мощи.

Джомми видел это своими глазами: белый ослепительный луч длиной в сто ярдов рванулся от стенки корабля — и вершина горы исчезла под его ужасным напором. Его гора, в которой был спрятан корабль — его жизнь, была уничтожена управляемой атомной энергией.

Кросс совершенно неподвижно сидел на ковре, покрывающем стальной пол лаборатории. В сознании мелькали бессвязные мысли людей, доносившиеся со всех сторон. Он поднял мысленный щит, и отвлекающая неразбериха посторонних мыслей пропала. Позади него Бабушка застонала от страха. Далеко над ним удары, похожие на падение молота, колотили его непробиваемый дом, но отдаленный шум не отвлекал его. Он был в своем мире тишины: мире быстрых, спокойных, непрерывных мыслей.

Если они были готовы использовать атомную энергию, почему не воспользовались бомбами? Тысяча согласованных мыслей дала простой ответ. Им был нужен совершенный тип атомной энергии. Их методом было не развитие в общем-то неплохой водородной бомбы, с ее тяжелым водным и урановым основанием и цепной реакцией. Они вернулись на еще более раннюю стадию — грубое развитие идеи циклотрона. Только так можно объяснить огромные размеры. Слэны построили циклотрон весом в десять миллионов тонн, который был спо-

собен выдавать смертельный поток необузданной энергии — и они, очевидно, хотели воспользоваться его мобильностью, чтобы заставить отдать им свой бесценный секрет.

Джомми бросился к панели управления, которая занимала целую стену в лаборатории. Щелкнул выключатель, стрелки замерли. Приборы рассказали все о космическом корабле, похороненном под расплавленной горой, но в нем кипела механическая жизнь, и он сейчас автоматически зарывался глубже в землю, в то же время безошибочно направляясь в сторону лаборатории.

Повернулся диск, и целая куча стрелок за прозрачными стеклами подпрыгнула от нуля до первого положения и напряженно задрожала. Они тоже рассказали многое — о том, как атомные пушки поднимались из земли, в которой они так долго были спрятаны, и, когда он взялся за точный прибор, которым было его устройство наведения, двадцать непобедимых пушек совершенно синхронно развернулись.

В перекрестье прицела был виден огромный корпус корабля, и просто невозможно промахнуться. Джомми остановился. Какова цель его борьбы против этих безжалостных врагов? Он не хотел сбивать этот огромный корабль, не хотел создавать положения, при котором слэны и люди начнут ожесточенную борьбу за то, чтобы овладеть остатками корабля. Несомненно, люди будут драться бесстрашно. Их огромные самоходные пушки могли стрелять снарядами, пробивающими любой металл, которым располагали слэны. А если хоть один из кораблей с их превосходным оружием попадет в руки людей, пройдет не много времени, прежде чем у них тоже появятся космические корабли и начнется дьявольская бойня. Нет, этого он не хотел.

Джомми не хотел уничтожать корабль еще и потому, что не хотел убивать слэнов без усиков, которые были внутри, — в конце концов, слэны действительно олицетворяли собой законность и порядок, которые он уважал. И потому, что они представляли великую расу и были его дальними родственниками, они заслуживали пощады.

Когда все стало ясно, колебания исчезли. Кросс направил батарею синхронизированных пушек прямо в центр огромного циклотрона. Большим пальцем он нажал на спуск. Над ним, на высоте полумили, огромный корабль подпрыгнул, как слон, которого хорошо огрели. Он сумасшедше раскачивался, как настоящее судно в шторм. И на краткое мгновение, когда корабль в очередной раз завалился набок, Джомми увидел голу-

бос небо сквозь зияющую дыру в его корпусе и понял, что победил.

Он разрезал огромную спираль от начала до конца. В каждом ее повороте теперь происходила невосполнимая утечка. Никакой поток атомов, насколько бы сильно ускорен он ни был, не мог миновать ее без потерь. Мощь циклотрона была разрушена. Но все проблемы, к сожалению, остались. Нахмурившись, Кросс наблюдал, как корабль на мгновение завис, раскачиваясь. Медленно он начал уменьшаться, его антигравитационные экраны включены на полную мощность. Выше, выше поднимался он, постепенно исчезая вдали.

На высоте пятидесяти миль он все еще был больше, чем боевые корабли, пикировавшие на зеленую, почти не поврежденную долину. Теперь намерения слэнов были ясны. Само их нападение указывало на то, что они обнаружили результаты его деятельности в долине несколько месяцев назад.

Очевидно, они выжидали, чтобы потом навалиться на него одним мощным, организованным кулаком, заставить его покинуть свое убежище и преследовать день и ночь, следить за ним по приборам и потом, имея огромное численное преимущество и превосходя его в вооружениях, уничтожить и захватить лабораторию.

Ни один мускул не дрогнул на лице Кросса, когда он повернулся к Бабушке.

— Я оставляю тебя здесь. Ты должна точно соблюдать мои указания. Через пять минут ты поднимешься наверх, туда, откуда мы пришли, и закроешь за собой все металлические двери. Потом забудешь все, что знала об этой лаборатории. Она все равно будет уничтожена, так что тебе лучше забыть. Если тебя будут допрашивать, прикидывайся маразматичкой, а в другое время можешь быть нормальной. Я оставляю тебя перед лицом этой опасности потому, что больше не уверен, несмотря на все меры предосторожности, что я выберусь из этой передрыги живым.

Настало время действовать. Слэны без усиков могли задумать это нападение как часть более обширного плана, который включал в себя их долго откладывавшееся нападение на Землю. Что бы ни случилось, его планы были разработаны насколько возможно подробно, и, хотя все произошло на несколько лет раньше, чем он предполагал, теперь придется использовать свое могущество до конца. Он был в бегах, и дороги назад не было, потому что по пятам гналась неминуемая смерть!

Нос космического корабля Кросса показался из маленькой речки и взмыл вверх, в космос, по длинной наклонной траектории. Важно, чтобы слэны вовремя заметили, что его нет в долине, иначе они сотрут все с лица земли. Но сначала нужно было кое-что закончить.

Джомми повернул выключатель. Его взгляд сосредоточился на экране заднего обзора, на котором была видна быстро удаляющаяся долина. В нескольких точках на этом зеленом ковре (он молниеносно сосчитал их количество) вспыхнуло белое пламя, от которого поднялся грязный, черный дым. Там, внизу, все оружие, все атомные машины уничтожали сами себя. Выгорали генераторы, расплавленный металл растекался под всепожирающим напором энергии.

Когда через несколько секунд Кросс с мрачным удовлетворением отвернулся, белый огонь все еще горел. Теперь пускай роются в этом искореженном металлоломе. Пусть их ученые попотеют, пытаясь вернуть к жизни секрет, к которому они так страстно стремились, и, чтобы раздобыть его, им пришлось показать себя людям, которые увидели часть их мощи. В любом из обгорелых подземных укреплений они совершенно ничего не найдут!

Для того, чтобы все уничтожить, потребовалось несколько секунд, но за это время его заметили. Четыре черных, как смерть, боевых корабля одновременно развернулись в его сторону и в нерешительности зависли, когда он включил приспособление, делавшее его корабль невидимым.

Стало ясно, что они обладают детекторами атомной энергии: корабли последовали его. Сигналы тревоги показывали, что еще несколько кораблей находилось прямо перед ним и они приближались. Только великолепные атомные двигатели спасли его от огромного флота. Кораблей было так много, что он даже не мог их сосчитать, и как только кто-нибудь из них оказывался поблизости, они палили из своих смертоносных пушек туда, куда указывали их приборы. Правда, слэны промахивались, потому что в тот момент, когда его обнаруживали, корабль находился уже за пределами дальности их самых крупных пушек.

Совершенно невидимый, летящий со скоростью многих миль в секунду, его корабль направился к Марсу! Должно быть, он пролетал через минные поля, но теперь это не имело значения. Разрушающее излучение, которое исходило от стенок его корабля, съедало мины прежде, чем они успевали взорваться, и одновременно уничтожало все световые волны, которые могли выдать его корабль внимательным глазам.

Разница была только в одном. Мины уничтожались прежде, чем они достигали корабля. Свет, находясь в волновом состоянии в момент взрыва, мог быть уничтожен только в тот краткий миг, когда он касался корабля и начинал отражаться. В момент отражения, когда его скорость уменьшалась и фотоны, из которых он состоял, удлинялись согласно теории сжатия Лоренца Фицджеральда, — в этот момент состояния почти абсолютного покоя палящие лучи Солнца стирались его дисинтеграторами.

Джомми видел полную картину всего, что происходило, а сам летел вперед, незаметный, невидимый. Казалось, что его корабль неподвижно висит в пустоте, только лишь Марс постепенно увеличивался. На расстоянии в миллион миль он казался огромным светящимся шаром, размером с Луну, если смотреть на нее с Земли, и рос, как раздувающийся шар, до тех пор, пока его масса не заполнила собой полнеба и потепрла красный оттенок.

Континенты приобрели очертания, стали видны горы, моря, невероятной глубины ущелья, каменистые и бесплодные пространства суши. Картина становилась все более пугающей, все, что было на этой древней, грубо вырубленной планете, казалось мертвым. Марс, если его рассматривать в электрический телескоп с расстояния тридцати тысяч миль, был похож на пережившего свое время старика — высохшего, костлявого, отвратительного, холодного, слюнявого и чрезвычайно отталивающего.

Темный участок, который назывался Киммерийским морем, ощерился клыками. Неподвижное, не подверженное приливам море простиралось под вечным темно-синим небом; но ни один корабль не смог бы разрезать эту гладь. Насколько хватало глаз, над поверхностью острыми зубами возвышались скалы. Не было никакого порядка, никакого прохода, просто море и скалы. В конце концов Кросс заметил город, который являл собой странную расплывчатую картину под огромным стеклянным колпаком; потом показался второй город, потом третий.

Кросс улетел далеко-далеко от Марса, с выключенными моторами, не излучая даже самого минимального количества атомной энергии. Это была мера предосторожности, ясная и простая. На таком огромном расстоянии нечего было бояться обнаруживающих устройств. Наконец гравитационное поле планеты начало влиять на его полет. Постепенно длинный корабль поддался притяжению планеты и начал снижаться на неосвещенную половину. Эта задача требовала времени.

Но наконец он включил, нет, не атомный двигатель, а антигравитационные экраны, которыми он не пользовался с тех самых пор, как установил атомные двигатели.

Долгие ночи, пока центробежная сила планеты смягчала его стремительное падение, он сидел без сна, глядя в экраны. Пять раз отвратительные шары из темного металла — мины — бросались в его сторону. Каждый раз он на несколько секунд приводил в действие свои всепожирающие дисинтеграторы на бортах корабля — и напряженно ожидал корабля, которые могли заметить это использование энергии. Несколько раз включались сигналы тревоги и на экранах сверкали блики, но ни один корабль не появился в пределах видимости. Под ним увеличивалась в размерах планета, заполняя своей темной массой пространство по всему горизонту. На темной стороне не было других ориентиров, кроме городов. То тут, то там вспышки света указывали на присутствие какого-то обитаемого жилья и деятельности, и в конце концов он нашел то, что искал, — маленькую светящуюся точку, дрожащую, как огонек свечи в темноте.

Оказалось, это была небольшая шахта, а свет исходил от маяка, на котором жили четыре слэна без усиков, обслуживающие полностью автоматизированную шахту. Почти совсем стемнело, когда Кросс вернулся к своему кораблю, довольный тем, что нашел то, что ему нужно.

На следующую ночь, когда планета была окутана темнотой, укрывшей ее как будто темным одеялом, Кросс опять приземлился в расщелине, ведущей к шахте. Стояли абсолютная тишина и покой, когда он начал осторожно продвигаться к входу в шахту. Осторожно он достал один из металлических ящичков, в котором хранились его гипнотические кристаллы, установил стекловидный, с нарушенным внутренним равновесием предмет в трещину около входа, сорвал защитный кожух и побегал прочь, прежде чем эта штука подействует на него самого. Спрятавшись в расщелине, он ждал.

Через двадцать минут дверь в доме открылась. В потоке света, лившегося из входной двери, вырисовывалась фигура высокого молодого мужчины. Потом дверь закрылась, в руке плохо различимой теперь фигуры зажегся фонарик, осветил тропинку, по которой тот шел, и внезапно блеснуло отражение гипнотического кристалла. Мужчина с любопытством подошел к нему и нагнулся, чтобы получше рассмотреть. По поверхности его сознания бежали почти не охраняемые мысли.

«Забавно! Этого кристалла здесь не было сегодня утром. — Он пожал плечами. — Наверное, какой-то камень отвалился в сторону, а кристалл лежал за ним».

Мужчина внимательно смотрел на него, привлеченный его красотой. Несоизданно к нему закралось подозрение, но в это мгновение сверкнул из расщелины парализующий луч Кросса. И человек потерял сознание.

Кросс выскочил вперед и через несколько минут переташил мужчину в дальний угол расщелины, где никто с шахты не мог его услышать. Но даже в эти минуты он старался мысленно проникнуть под разрушенный мысленный щит пленника. Дело продвигалось медленно, потому что чтение мыслей в бессознательном состоянии было похоже на прогулку под водой, так сильно было сопротивление. Но внезапно он нашел то, что искал. — коридор, проделанный кристаллом.

Быстро Кросс последовал по этому мысленному пути до самого дальнего предела, в сложные корневые участки мозга. Перед ним в беспорядке раскинулись сотни путей, расходящихся во всех направлениях. Решительно, осторожно, но насколько возможно быстро он пробежал по ним, отбрасывая очевидно бесполезные. А затем, еще раз, как перед взломщиком, открывающим сейф и прислушивающимся к еле слышному щелчку, по которому понимает, что дошел до следующей стадии в расшифровке кода, перед ним протянулся главный коридор.

Восемь ключевых путей, пятнадцать минут — и шифр был его, сознание было его. С его помощью мужчина, которого звали Миллер, со вздохом пришел в себя. Мгновенно он плотно прикрыл щитом свои мысли.

Кросс сказал:

— Не будем нелогичными. Опустите щит.

Щит опустился; и в темноте озадаченный слэн без усиков смотрел на него, не понимая, что произошло.

— О Боже, меня загипнотизировали!— недоуменно произнес он. — Что за дьявольщина, как вам это удастся?

— Этим методом могут пользоваться только истинные слэны, — холодно ответил Кросс, — поэтому объяснять бесполезно.

— Истинный слэн!— медленно произнес тот.— Значит, ты — Кросс!

— Да, я Кросс.

— Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь, — продолжал Миллер, — но я не могу понять, чего ты хочешь добиться, контролируя меня.

Немедленно Миллер осознал неуместность разговора здесь, в темной расщелине, под черным, укутанным небом. Из двух лун Марса была видна только одна — размытый белый силуэт, который блестел вдали под огромным сводом. Он быстро произнес:

— Как получилось, что я могу разговаривать с тобой, рассуждать? Я думал, что гипноз отупляет.

— Гипноз, — вступил в разговор Кросс, не прерывая поисков в сознании пленника, — это наука, включающая множество факторов. Полный контроль оставляет субъекту абсолютную свободу, кроме того, что его воля находится полностью под внешним контролем. Но нельзя терять времени. — Тон его голоса повысился, и его мысли покинули сознание Миллера. — Завтра у тебя выходной. Ты поедешь в Статистическое бюро и узнаешь имя и местонахождение всех мужчин с моей физической структурой.

Он остановился, потому что Миллер еле слышно засмеялся. Его мысли и голос говорили:

— Боже мой, приятель, я тебе могу это сказать прямо сейчас. Их всех выследили, после того как несколько лет тому назад мы получили твоё описание. За ними установлена постоянная слежка; они все семейные люди и...

Он затих.

Сардонически Кросс сказал:

— Продолжай!

С неохотой Миллер продолжил:

— Их всего двадцать семь человек, которые очень похожи на тебя, очень высокий процент.

— Продолжай!

— Один из них, — продолжал Миллер, — женат на женщине, которая на прошлой неделе получила сильную травму головы при крушении космического корабля. Сейчас они заново перестраивают ее мозг и кости, но...

— Но на это потребуется несколько недель, — закончил за него Кросс. — Этого мужчину зовут Бартон Коллинз. Он работает на заводе в Киммерии, где строят космические корабли и, так же как и ты, раз в четыре дня ездит в город Киммериум.

— Надо, чтобы приняли закон, — угрюмо произнес Миллер, — против тех, кто может читать мысли. К счастью, присматривая в Поргрэйве засекут тебя, — более весело закончил он.

— Что? — резко спросил Кросс. Он уже заметил что-то насчет чтения мыслей в сознании Миллера, но это не пока-

залось ему важным. Нужно было проследить за другими, более важными вещами.

Миллер продолжал говорить, и его мысли подтверждали каждое слово:

— Широковещательный передатчик в Поргрэйве передает мысли, а присмник в Поргрэйве принимает их. В Киммериуме они расположены в нескольких футах друг от друга; они в любом здании, в домах, везде. Это наши меры предосторожности против шпионов-змей. Одна вырвавшаяся наружу мысль — и конец!

Кросс молчал. Наконец он произнес:

— Еще один вопрос, и я хочу, чтобы ты ответил на него подробно. Подумай хорошенько.

— Да?

— Когда начнется вторжение на Землю?

— В связи с тем, — точно ответил Миллер, — что не нам удалось уничтожить тебя и овладеть твоим секретом, контроль за Землей стал совершенно необходим, и его целью является предотвращение любой опасности. Для этого сосредоточены огромные соединения космических кораблей; в ключевых точках мобилизуется флот, но точный день вторжения, хотя его, возможно, и определили, не был официально объявлен.

— Что они собираются делать с людьми?

— К черту людей! — холодно произнес Миллер. — Когда речь идет о нашем собственном существовании, мы не можем заботиться еще и о них.

Казалось, что темнота вокруг стала гуще, а холодок начал пробираться даже сквозь обогреваемый костюм. Постепенно на душе у Кросса становилось все тяжелее, когда он начал лучше понимать смысл слов Миллера. Война! Бесцветным голосом он произнес:

— Это нападение может быть остановлено только при помощи истинных слэнов. Я должен их найти — где угодно, — хотя я уже исчерпал почти все возможности. Теперь я буду искать в наиболее подходящих из оставшихся мест.

Утро тянулось необыкновенно долго. Солнце висело, как мокрая язва в огромном черно-синем небе. И резкие, длинные тени, которые оно отбрасывало на землю, укоротились, потом опять начали удлиняться, когда Марс повернулся своим недружелюбным полуденным лицом к свету.

Оттуда, где, прислонившись к меловой скале, стоял корабль Кросса, были видны неясные очертания гор на далеком горизонте. Сумерки сгущались, и наконец его терпеливое ожидание было вознаграждено. Небольшой, с красными по-

лосами, вытянутый в форме торпеды предмет выплыл из-за горизонта, извергая огонь из хвостовой части. Лучи заходящего солнца отсвечивали от его тусклой металлической оболочки. Он пролетел далеко влево от того места, где в своем корабле ожидал Кросс: он, как какой-нибудь хищный зверь, лежал в туннеле на могучей груди белого утеса.

Примерно три мили, осторожно оценил Кросс. На самом деле расстояние не играло роли для двигателя, который лежал в моторном отсеке в хвосте корабля и был готов показать свою бесшумную страшную силу.

Три сотни миль, и этот великолепный мотор будет работать без напряжения, не сбиваясь, — такую титаническую силу нельзя использовать там, где его мощь могла задеть землю и вырвать кусок из этой и так достаточно истерзанной земли.

Три мили, четыре, пять — он вносил быстрые коррективы. Затем издали полыхнула мощь магнеторов, и идея, которую он разрабатывал в течение своего долгого полета с Земли, ожила в особом двигателе: радиоволны, настолько похожие на волны энергии, которой он пользовался, что только чрезвычайно чувствительный прибор может их различить, как брызги разлетелись во все стороны от беспилотного снаряда, который он установил за пятьсот миль отсюда. В эти краткие минуты вся планета стонала от прилива волн энергии.

Где-то там слэны без усиков, должно быть, засекают магнеторы этих волн. В это время то, что на краткое время он сам воспользуется энергией, пройдет незамеченным. Быстро, но осторожно магнеторы выполнили свою работу. Далекий, уходящий корабль замедлил свой полет, как будто натолкнулся на невидимую преграду. Он остановился, а потом неотвратимо начал притягиваться к меловому утесу.

Без напряжения, используя радиоволны как прикрытие для дальнейшего использования энергии, корабль ушел еще глубже в утес, расширив естественный туннель напором разрушительной энергии. Потом, как паук муху, он втянул в этот туннель корабль поменьше.

Через мгновение открылась дверь, и появился мужчина. Он легко спрыгнул на пол туннеля и несколько мгновений стоял, пытаясь разглядеть, что происходит вокруг, в свете прожектора с другого корабля. Самоуверенно он подошел ближе. Его взгляд наткнулся на сверкающий кристалл в изрытой стене пещеры.

Мужчина мельком взглянул на него, потом вся необычность этой вещи, которая могла отвлечь его внимание в такой

момент, дошла до его сознания. Когда он выковыривал его из стены, парализующий луч Кросса свалил его на землю.

Мгновенно Кросс включил полную мощность. Переключатель встал в нужное положение, и далекий автоматический транслятор атомных волн растворился в огне собственной энергии.

Что же касается мужчины, то от него Кроссу в этот раз требовалась только фотография в полный рост, запись его голоса и гипнотический контроль. Потребовалось лишь двадцать минут на то, чтобы отправить Корлисса лететь дальше в Киммериум.

Прежде чем Кросс отважится посетить Киммериум, нужно было предусмотреть все и практически все варианты должны быть проработаны. Каждый четвертый день — в свой выходной — Корлисс прилетал в его пещеру, проходили недели, за которые из его сознания были выкачаны воспоминания, детали. В конце концов Кросс был готов, и на следующий, седьмой по счету выходной, его планы начали претворяться в жизнь. Один Бартон Корлисс остался в пещере, погруженный в глубокий гипнотический сон, другой взобрался в небольшой, выкрашенный красными полосами корабль и полетел в сторону Киммериума.

Через двадцать минут с неба спустился боевой корабль и пристроился рядом с ним — огромная масса металла.

— Корлисс, — послышался прерывистый голос по радио, — по ходу обычных наблюдений за всеми слэнами, похожими на змею, Джомми Кросс, мы ожидали тебя в этой точке и обнаружили, что ты примерно на пять минут опоздал. Соответственно, ты проследуешь в Киммериум под конвоем, где предстанешь перед медицинской комиссией для освидетельствования. Это все.

ГЛАВА 17

Катастрофа произошла самым тривиальным образом. До этого Бартон Корлисс шесть раз просрочивал время не менее чем на 20 минут, и это оставалось незамеченным. В этот раз 5 минут вынужденной задержки — и длинная рука случая ударила по надежде мира.

Кросс мрачно уставился в иллюминатор. Под ним были скалы. Изрытые бороздами, искривленные и бесконечно пустынные. Расщелин в виде маленьких стрелок больше не было. Сады напоминали загнанного зверя. Безбрежные долины

были полны жизни; узкие ущелья обрывались в бездонную глубину, а затем свирепо вздымались страшными обломками гор. Эта пустыня была единственным путем, если вообще могла быть надежда на спасение, так как ни один захваченный корабль, даже большой и грозный, не мог надеяться, что он пройдет через препятствия, которые слэны без усиков могли установить между ним и его собственной неразрушимой машиной.

Немного надежды все-таки оставалось. У него был атомный револьвер, который был создан по аналогии с пистолетом Корлисса и который, в принципе, стрелял электрическими зарядами, пока секретный механизм для атомной стрельбы не был включен. И обручальное кольцо на его пальце максимально, насколько это удалось, напоминало кольцо Корлисса. Большая разница была в том, что оно содержало самый маленький атомный генератор, который когда-либо был изобретен и который, как и пистолет, растворялся, если кто-либо пытался его вскрыть.

Два вида оружия и дюжина кристаллов — для того, чтобы остановить самую ужасную войну.

Территория под кораблем стала более дикой. Черная спокойная вода стала появляться масляными, грязными полосками на дне этих первобытных пропастей — начало некрасивого и грязного моря — Киммерийского моря.

Неожиданно появились признаки жизни искусственного происхождения. На плоскогорье справа от него расположился крейсер, похожий на большую черную акулу на охоте. Стая стофутowych канонерок лежала без движения на скалах вокруг, как зловещая группа глубоководных рыб. Перед его пронизательным взглядом глоа стояла, как стальная и каменная крепость. Черная сталь, переплетенная с черной скалой, гигантские пушки торчали в небо.

Слева было другое плато из стали и камня. Другой крейсер с комплектом пилотируемых кораблей, грузно лежащих в своих почти невидимых нишах. Здесь пушки были больше, и все они были направлены в небо, как будто напряженно, с минуты на минуту ожидая страшного врага. Так много защиты, так невероятно много оружия. Против чего? Неужели слэны без усиков так боятся истинных слэнов, что даже все это мощное оружие не помогает заглушить страх перед этими неуловимыми существами?

Тысяча миль крепостей, орудий и кораблей. Тысяча миль непроходимых пропастей, воды и пугающих утесов. Затем корабль и большое бронированное судно, сопровождавшее его,

парили над разбегающимися вершинами, и где-то неподалеку мерцал стеклянный город Киммериум. Наступил час испытаний. Город лежал высоко на равнине, отступающей от изрезанных берегов массивного черного моря. Стекло сверкало на солнце. Стрелы белого огня взлетали над поверхностью, играя, как пламя. Он был настолько велик, насколько это было возможно в такой неприступной местности.

Город безрассудно соседствовал с пропастями, которые окружали его стеклянную крышу. Он был шириной три мили в самой широкой части и две мили в узкой. В этом заточении пребывали двести тысяч слэнов — так говорили цифры, которые он получил от Миллера и Корлисса.

Посадочная площадка была там, где он и ожидал, — это было плоское металлическое пространство на краю города, достаточно большое для боевого корабля. Оно было расчерчено светящимися нитями железной дороги. Его маленькая машина легко опустилась к полосе 9977. Одновременно огромный корпус боевого корабля проплыл над ним по направлению к морю и пропал из виду, когда пересек скалистый край города, где заканчивалась стеклянная крыша.

Под ним техника на стоянке подъехала к огромной стальной двери по рельсам. Дверь автоматически открылась и закрылась позади него. То, что он увидел в первый момент, не было неожиданным. Но реальность превзошла то, что он видел в мыслях Миллера и Корлисса. В той секции ангара, которую он мог видеть, было около тысячи кораблей. Они были набиты в здании как сельди в бочке — от пола до потолка, каждый в своем гнезде, и каждый, как он знал, мог стартовать, если нажать нужные цифры на пульте секции.

Машина остановилась. Кросс спустился вниз и сдержанно кивнул троим слэнам, которые ждали его. Старший из трех вышел вперед, вяло улыбаясь.

— Итак, Бартон, тебе придется пройти еще один осмотр. Можешь не сомневаться — он будет быстрым и тщательным, как обычно: отпечатки пальцев, рентген, анализ крови, химическая реакция кожи, микроскопическое измерение волос и так далее...

По полутонам мыслей в их головах он почувствовал, что они чего-то ждут. Но Кроссу не нужны были их мысли. Он никогда не был так осторожен, мысль никогда не работала яснее, он никогда так хорошо не анализировал мельчайшие детали. Он мягко сказал:

— С каких пор химическая реакция кожи стала частью осмотра? Слэны не извинились за маленькую ловушку, их

мысли также не выражали разочарования. Кросс не чувствовал волнения от этой маленькой победы, потому что независимо от того, что случилось на этой первой стадии, он вряд ли выдержал бы тщательный осмотр. Он должен максимально использовать заготовки, которые придумал за последние несколько недель, после того как проанализировал информацию мыслей Миллера и Корлисса. Самый молодой сказал:

— Отведите его в лабораторию, и мы проведем физическую часть осмотра. Возьми его оружие, Прентис.

Кросс молча протянул пистолет. Самый старший, Инграхам, выжидательно улыбался. Брэдшоу, самый молодой, смотрел на него немигающими серыми глазами. Один Прентис выглядел равнодушным, когда засовывал пистолет Кросса в карман. Но не их действия, а тишина привлекла внимание Кросса. Не было никаких звуков, даже шепота. Ангар напоминал могилу, и не верилось, что за этими стенами гудел город, готовясь к войне.

Он привел в действие механизм и наблюдал, как гнездо с кораблем беззвучно скользило в сторону от него. Сначала горизонтально, затем вверх, к далекому потолку. Был слышен отрывистый вялый скрип металла, затем гнездо остановилось. И снова воцарилась тишина.

Внутренне посмеиваясь над тем, как они наблюдали за ним, Кросс пошел к выходу и оказался в сверкающем коридоре, с гладкими стенами и множеством закрытых дверей. Когда показался вход в лабораторию, Кросс сказал:

— Я надеюсь, что вы вовремя позвонили в больницу и сказали, что я задержусь.

Инграхам внезапно остановился, другие последовали его примеру. Они уставились на него. Инграхам сказал:

— Господи, вашей жене лучше сегодня?

Кросс кивнул:

— Доктора должны были держать ее в сознании двадцать минут после того, как я был на земле. В это время они, должно быть, работают уже около часа. Ваше обследование и военная комиссия должны быть отложены.

Ответа не последовало. Инграхам сказал:

— Военные сопровождают вас.

Брэдшоу тихо говорил в свой передатчик. Короткий, ясный ответ долетел до Кросса: «В обычных обстоятельствах военный патруль должен был сопровождать его в больницу. Но мы поставлены в тупик из-за опасности, какой еще не знал мир. Кроссу только двадцать три года, но это доказанный факт, что опасность и несчастья закаляют и людей, и слонов в раннем

возрасте. Мы можем предположить, что мы имеем дело со взрослым истинным слэном, владеющим оружием и силой неизвестного потенциала».

— Если Корлисс действительно Кросс, то совпадение, что миссис Корлисс пришла в сознание в этот важный час, означает подготовку к возможным неожиданностям.

— Тем не менее сам факт, что отсрочка была необходима в начале нашего обследования человека, похожего на Кросса, справки, которые эксперты выдали по предварительному обследованию, будут с ним все время. Вы можете продолжать до дальнейших приказаний. Машина ждет у подъемника.

Как только они вышли на улицу, Брэдшоу сказал:

— Если он не Корлисс, то будет совершенно бесполезен в больнице, и состояние миссис Корлисс может ухудшиться.

Инграхам кивнул:

— Вы ошибаетесь. Истинные слэны могут читать мысли. Он может так же хорошо сделать это в больнице, как и Корлисс при помощи приемника Поргрейва.

Кросс заметил слабую улыбку на лице Брэдшоу, слэн тихо сказал:

— По-моему, он уловил вашу мысль, Инграхам. Вам не приходило в голову, что присутствие Поргрейва может вынудить Кросса отказаться от использования своих мыслей, разве что наиболее простым способом.

— С другой стороны, — заговорил Прентис, — причина, по которой Корлисс идет в больницу, это то, что он может узнать, случилось ли что-нибудь в отношениях между мужем и женой. Но это также означает, что мистера Корлисса она узнает, даже если он и не ее муж.

Инграхам хмуро улыбался:

— У нас есть окончательное заключение: если Корлисс — это Кросс, то оживление миссис Корлисс в его присутствии может быть трагичным для нее. Но именно эти результаты должны помочь опознать его, даже если все другие сделанные нами тесты не дадут результата.

Кросс ничего не ответил. Он хорошо знал приемники Поргрейва и опасность, которую они представляли. Но они были всего лишь машинами. Его самоконтроль должен уменьшить эту угрозу.

Опознание миссис Корлисс было другой опасностью. Близость между мужем и женой была понятна, и было невообразимо, что он может причинить вред сознанию этой женщины-слэна. Тем не менее он должен спасти ее рассудок, но также спасти и себя.

Машина мягко ехала по бульвару, который был украшен цветами. Дорога была темная, извилистая и казалась стеклянной. Она петляла между высокими, раскидистыми деревьями, за которыми скрывались тенистые аллеи и цепочки зданий. Дома были невысокими, и их красота и артистичность удивили его. Он имел представление, полученное из мыслей Миллера и Корлисса, но этот триумф архитектурного гения превзошел все ожидания. От крепости не ожидают красоты; орудийные башни строят не для того, чтобы им быть стихами архитектуры.

На самом деле они восхитительно подходили для этой цели. Они были частью города, а не бронированным кольцом вокруг него. Широта оборонительных линий еще раз показала, как серьезно относились к истинным слэнам. Слэны без усиков собирались напасть на род людской из-за собственного страха — вот такая доведенная до абсурда трагикомедия. «Если я прав, — думал Кросс, — и истинные слэны общаются со слэнами без усиков, а те в свою очередь — с людьми, тогда все эти приготовления против врага, который уже проник за укрепления».

Машина остановилась у ниши, которая вела к лифту. Лифт так же быстро опустился в глубину, как и тот, на котором они поднимались из ангара. Кросс небрежно достал из кармана один из металлических кристаллических кубиков и бросил его в корзину в углу кабины. Он увидел, что слэны следили за его действиями. Джомми объяснил:

— У меня их двенадцать, но мне удобно нести только одиннадцать. Под весом остальных этот давит мне в бок.

Инграхам остановился, поднял кубик:

— Что это?

— Причина моей задержки. Я объясню комиссии позже. Все двенадцать совершенно одинаковы, так что один не играет роли.

Инграхам задумчиво посмотрел на кубик и уже было хотел вскрыть его, но лифт остановился. Он решительно положил его себе в карман.

— Кубик останется у меня. Выходите первым, Корлисс.

Без колебаний Кросс вышел в широкий мраморный коридор.

Женщина в белом халате вышла вперед.

— Вас позовут через несколько минут, Бартон, подождите здесь.

Она исчезла в дверях, и заговорил Инграхам:

— Это дело, мистер Корлисс, тревожит меня настолько, что перед тем, как вас впустят, мы должны провести простой тест, который не проводился много лет, так как он унижен, к тому же есть другие эффективные тесты.

— Что за тест? — коротко спросил Кросс.

— Понимаете, если вы — Кросс, то у вас будут искусственные волосы, чтобы скрыть усики. Если вы — Корлисс, то сила ваших волос позволит приподнять вас над землей, и вы едва почувствуете это. Искусственные волосы не выдержат веса тела. Поэтому, ради вашей жены, я прошу вас наклонить голову. Мы будем наращивать усилие осторожно и постепенно.

Кросс улыбнулся.

— Давайте. Я думаю, вы убедитесь, что это настоящие волосы.

Конечно, они были настоящие. С того момента, как он нашел решение этой проблемы — густая жидкость, которой он обрабатывал корни своих волос, постепенно превращалась в тонкий слой похожего на кожу вещества, достаточно плотного, чтобы скрыть его предательские усики. Путем тщательного расчесывания волос, до того как процесс затвердевания был завершен, были созданы мельчайшие отверстия для доступа воздуха к корням волос. Частые замены материала и долгие периоды, когда его волосы и голова оставались в нормальном состоянии, делали процедуру безвредной. Ему казалось, что истинные слэны делали что-то похожее уже много лет. Опасность всегда их подстерегала, даже в период «отдыха».

В конце концов Инграхам недоброжелательно сказал:

— В принципе, это ничего не подтверждает. Если Кросс придет сюда когда-нибудь, его не поймаешь на такой простой вещи. Вот и доктор. Я думаю, все в порядке.

Палата был большая, серая и полна неслышно пульсирующих машин. Пациента не было видно, но он видел длинный металлический ящик, словно заостренный гроб, один конец которого указывал на дверь. Другого конца Кросс не видел, но знал, что там должна находиться голова женщины.

Над ящиком находилось устройство, откуда в «гроб» спускалось множество прозрачных трубочек, внутри которых двигался постоянный кровавый поток. За возвышающейся из «гроба» женской головой было видно большое количество различных инструментов. Лампы горели слабо и прерывисто, как будто то одна, то другая поддавалась какому-то скрытому давлению и упрямо боролась за то, чтобы вернуть свою яркость.

С того места, где его остановил доктор, Кросс мог видеть голову женщины на фоне этих неслышно работающих машин. Нет, даже не голову. Была видна лишь бесформенная белая масса бинтов, в которой пропадало множество проводов, идущих от стола с приборами.

Ее мозг был не защищен, и Кросс принялся изучать подсознание, где вяло текли мысли.

Он знал теорию хирургов-слэнов: связь мозга с телом была перекрыта, сам мозг разделен на двадцать семь отделов и продолжал жить под воздействием быстрых лучей, при помощи которых возникали новые ткани. Была проведена большая восстановительная работа.

Он обратил внимание на большое количество швов, было множество небольших погрешностей, но в целом хирургическая работа была сделана прекрасно. Каждая частичка мозга приводилась в движение оздоравливающей силой быстрых лучей. Без сомнения, миссис Корлисс очнется разумной, способной молодой женщиной и узнает его, самозванца.

Кросс думал: «Я был способен загипнотизировать людей с помощью кристалла, несмотря на то что это требовало больших усилий. Почему бы не испробовать это на слэне?»

Она была без сознания, и ее защита опустилась. Сначала он боялся приемников Поргрейва и опасности, исходящей от них. Его мысль затрепетала от волнения, которое было бы нормальным для Корлисса, независимо от обстоятельств. Весь страх улетучился. Он устремился вперед с фантастической скоростью.

Сам метод операции спас его. Нормальный мозг слэна потребовал бы несколько часов для исследования, так много дорог на пути к истине. Но сейчас в этой голове, разделенной мастерством хирургов на двадцать семь естественных компонентов, множество клеток памяти были легко распознаваемы. Через минуту он был в основном секторе, и сила его мысли была поставлена под контроль. Он надел наушники приемника Поргрейва на голову и отметил, что в сознании молодого слэна, Брэдшоу, не было заметно подозрения. Разумеется, мысль, появившаяся в связи с физическим страхом, достаточно неопределенным, не может быть переведена с помощью Поргрейва, что подтвердило его собственные исследования.

Женщина пробудилась умственно и физически, и несвязные мысли зазвучали в его наушниках: «Борьба... оккупация...» Слова подходили, потому что она была военным командиром, но этого было недостаточно, чтобы что-то понять. Тишина, затем: «Июнь... точно... июнь... выяснить до зимы и не

иметь бессмысленных жертв из-за холода... это решено... итак... десятого июня». Он мог исправить дефекты в мозгу за десять минут при помощи гипноза, но это заняло час пятнадцать минут осторожного сотрудничества с хирургами и их машинами вибрационного давления. И каждую минуту он думал о сс словах.

Итак, десятого июня — день вторжения на Землю. Сейчас десятое апреля земного исчисления. Два месяца. Месяц на дорогу до Земли, а месяц на что?

Как только миссис Корлисс тихо заснула, Кросс нашел ответ. Он решил не терять еще день на поиски истинных слэнов. Позже эти поиски могут быть возобновлены, но сейчас, если он сможет выйти...

Джомми нахмурился. Через несколько минут его будут обследовать члены самой безжалостной, самой добросовестной расы в Солнечной системе. Несмотря на его успешные попытки оттянуть это испытание, несмотря на его предыдущий успех в передаче кристалла одному из сопровождающих, удача была против него. Инграхам оказался недостаточно любопытен, и не вытащил кристалл из кожуха. Он должен был, конечно, сделать еще одну попытку, но это был бы отчаянный шаг. Любой слэн заподозрил бы что-нибудь со второго раза, что бы он ни сделал. Его мысли застыли. Мозг Джомми был в положении «прием» на голос Инграхама, говорившего неразборчиво по радио, и слова, которые плыли по поверхности его мозга. «Физическое обследование, полное или нет... Вы должны привести Бартона Корлисса немедленно ко мне, это отменяет все предыдущие приказы».

— Хорошо, Джоанна, — Инграхам ответил достаточно громко и повернулся:

— Вы должны быть доставлены сейчас же к Джоанне Хиллори, члену Военной комиссии.

Прентис сказал:

— Джоанна — единственная из нас, кто общался какое-то время с Кроссом. Она назначена членом комиссии, так как она очень опытна и мысленно изучала его. Она курировала успешную кампанию его поисков и предсказала неудачу атаки, которая была проведена циклотроном. Кроме того, она написала длинный отчет с мельчайшими деталями о времени, проведенном в его компании. Если вы — Кросс, она вас сразу же опознает.

Кросс молчал. Он не мог оценить заявление главного слэна, но подозревал, что это может быть правдой. Когда Кросс вышел из комнаты, он впервые увидел Киммериум, настоя-

щий земной город. Из дверей ему были видны два коридора. Один вел обратно к лифту, на котором они опустились, другой — к многочисленным высоким прозрачным дверям. За дверями находился город-мечта.

На Земле говорили, что секрет материалов, из которых были сделаны стены великого дворца, утеряны. Но здесь, в этом спрятанном городе слэнов без усиков, он предстал во всей красе. Джомми увидел улицу — великолепное воплощение вечной мечты архитекторов. Совершенные формы зданий казались живыми. Только музыка могла сравниться с этой божественной архитектурой.

На улице он перестал думать о красоте и сосредоточился на жителях. Их были тысячи: в зданиях, идущих по улице и едущих в автомобилях. Тысячи сознаний находились в пределах досягаемости. Он не пропускал ничего в поисках одного, всего лишь одного истинного слэна. И не мог найти. Ни малейшего намска. Его убеждение, что они должны быть здесь, разрушено. И скоро то же может случиться с его жизнью. Где бы ни находились истинные слэны, их защита делала их недосягаемыми для других слэнов. Но логика подсказывала, что дети-чудовища создавались непорядочными людьми, и были факты, что это случалось. Какие факты? Слухи? Какое еще может быть объяснение?

— А вот и мы, — тихо сказал Инграхам.

Брэдшоу предложил:

— Пойдем, Корлисс, мисс Хиллори хочет поговорить с вами наедине.

Пол казался ему странно твердым, когда он шел по направлению к открытой двери. Внутренние покои оказались просторными и уютными и выглядели скорее как теплое гнездышко, нежели контора. На полках книги, у стены стоял диван, шкаф с электрической картотекой, были несколько надувных стульев и толстый ковер. Был также блестящий стол, за которым сидела гордая, улыбающаяся, полная сил женщина.

Кросс и не ожидал, что Джоанна Хиллори будет выглядеть старше. И пятьдесят лет не оставили бы заметного следа на этих бархатистых щеках. Перемена была в нем самом. Несколько лет назад мальчик-слэн смотрел на эту женщину с обожанием; теперь трезво оценивал ее. Он отметил, что взгляд Джоанны был ярким и не соответствовал ситуации. Он сконцентрировался. Неожиданно ее лицо торжествующе засветилось. Встревоженный, Джомми направил свою мысль на ее мысленный щит, пытаясь найти в нем изъяны, уловить малейшую утечку мыслей, и с каждой секундой его удивление росло.

Ее улыбка перешла в мягкий смех, и защита опустилась. Ее мысли были перед ним: «Смотри, Джон Томас Кросс, и знай, что все приемники Поргрейва в этой комнате отключены. Знай также, что я твой единственный живой друг и я приказала привести тебя сюда, чтобы ты избежал медицинского осмотра, которого тебе никогда не пройти. Я наблюдала за тобой через Поргрейвы и наконец поняла, что это ты. Не спеши, просмотри мои мысли, убедись в моей доброй воле. Мы должны действовать быстро, чтобы спасти тебе жизнь».

Джомми не доверился ей сразу, как, может, сделал бы раньше. Время шло, а он все изучал темные коридоры ее сознания, ища причину столь удивительного поворота.

В конце концов он тихо произнес:

— Так ты веришь в идеалы пятнадцатилетней давности, заразилась от молодого эгоцентриста, который предлагал только...

— Надежду, — закончила она. — Ты принес надежду до того, как я достигла той точки, когда большинство слэнов становятся настолько черствыми и безжалостными, насколько их заставляет жизнь. «Люди, — ты говорил, — как насчет людей?» — и шок от этого и от многого другого изменил меня навсегда. Я намеренно дала твое неправильное описание. Наверное, ты удивлен. У меня не было знаний человеческой физиологии. Но это считалось естественным, что я стала изучать твое дело и была назначена членом комиссии. Я считаю также естественным, что...

Она выжидающе остановилась, и Кросс смущенно сказал:

— Мне очень жаль.

Ее серые глаза встретились с его пристальными карими глазами.

— На ком вы еще собирались жениться? — спросила она. — Нормальная жизнь подразумевает брак. Я ничего не знаю о ваших отношениях с девушкой-слэном, история с Кэтлин Лэйтон исключает то, что вы были с ней во время ее смерти. Но брак с несколькими женщинами, зачастую в одно и то же время, не является чем-то необычным в истории слэнов. Ну и, конечно же, мой возраст...

— Я согласен, — просто сказал Кросс, — что пятнадцать-двадцать лет — не такое большое препятствие для вступления в брак у слэнов, которые живут дольше людей. Но так случилось, что у меня иное предназначение.

— Не знаю, как насчет супружества, — сказала Джоанна Хиллори, — но с этого часа у вас появился соратник, который

поможет вам исполнить вашу миссию и поможет вам пройти медицинский осмотр.

— Да что там, — махнул рукой Кросс. — Все, что мне было нужно — это время и способ передать кристаллы в руки Инграхаму или кому-нибудь другому. Вы обеспечили и то, и другое. Нам также потребуется парализующий пистолет, который лежит в ящике вашего стола. И затем позовите их всех одновременно.

Решительным движением она достала пистолет из ящика:

— Я буду стрелять.

Кросс мягко рассмеялся над неистовством Джоанны Хиллори и почувствовал странное удивление от развернувшихся событий; уверенность теперь не покидала его. Он давно был готов ко всему, но внезапно ее душевный огонь коснулся и его. Его глаза засияли.

— И вы не пожалесте о содеянном, хотя ваша вера пройдет тяжелые испытания, прежде чем мы достигнем цели. Вторжения на Землю не должно произойти. Ни сейчас, ни потом, до тех пор, пока мы не узнаем, что нам делать с этими несчастными, и кроме того, чтобы удерживать их силой. Скажи, можно ли мне каким-нибудь образом попасть на Землю? В сознании Корлисса я прочитал, что все слэны, похожие на меня, будут отправлены на Землю? Можно это сделать?

— Конечно. Решение полностью зависит от меня.

— Тогда, — серьезно сказал Кросс, — пришло время действовать без промедления. Я обязан попасть на Землю. Я должен попасть во дворец. Мне нужно увидеться с Киром Греем.

Ее красиво очерченные губы раскрылись в улыбке, но глаза оставались невеселыми.

— А как ты, — мягко спросила она, — собираешься пойти к дворцу, ведь он очень сильно укреплен?

— Моя мать рассказывала о потайном ходе под дворцом, — ответил Кросс. — Возможно, в вашей статистической машине есть точное расположение разных входов.

— Машина, — сказала Джоанна Хиллори и на мгновение замолчала. Наконец она продолжила: — Да, машина знает. Она многое знает. Идем.

Он последовал за Джоанной среди рядов огромных, толстых, блестящих металлических пластин. Кросс знал, что это было Статистическое бюро, и эти пластины были электрическими картотеками, которые выдавали информацию, едва нажмешь на кнопку. Но нужно было еще вписать свое имя, номер и пароль. Никто не знал (как сообщило ему сознание Корлисса), сколько информации хранилось в этой картотексе.

Машины привезли с Земли, и их история началась вместе с историей ранних слэнов. У них можно было получить ответы на бесконечное количество вопросов. Несомненно, включая и вопрос семилетних поисков некоего Джона Томаса Кросса, — поисков, которыми Джоанна Хиллори руководила из этого самого здания.

Джоанна сказала:

— Я хочу тебе кое-что показать.

Он стоял и наблюдал, как она нажимала на кнопки с надписями «Сэмюэл Ланн» и потом «Естественные мутации». Потом ее пальцы быстро нажали на пуск, и на светящемся экране он прочитал:

«Выдержки из дневника Сэмюэла Ланна: "1 июня 2071. Сегодня я еще раз посмотрел на трех младенцев, и нет сомнения в том, что произошли необычные мутации. Я видел людей с хвостами. Я исследовал кретинов, и идиотов, и чудовищ, которые последнее время появляются в огромных количествах. Я наблюдал интересные, хотя и ужасные органические изменения, которым подвержены человеческие существа. Но это противостоит всему этому ужасу. Это совершенство.

Две девочки и один мальчик. Какое великое и значительное совпадение. Если бы я не был хладнокровен и рационален, точность того, что произошло, превратила бы меня в восторженного богомольца в храме метафизики. Две девочки, чтобы продолжить род, и один мальчик, чтобы скрещиваться с ними. Придется приучить их к этой мысли.

2 июня 2071, зарядил машину..."» Но Джоанна нажала на сброс, поиграла с переключателем чисел, и получилось 7 июня 2073.

«Набитый дурак журналист сегодня написал про детей статью. Невежда утверждал, что я испытывал машину на их матери, хотя я даже не видел ее до тех пор, пока не родились ее дети. Надо убедить родителей уехать в какую-нибудь отдаленную часть мира. Там, где люди, может случиться всякое, — поверхностные, эмоциональные ослы».

Джоанна Хиллори выбрала другое.

«31 мая 2088 года. Их семнадцатый день рождения. Девушки приняли идею скрещивания со своим братом. Мораль, в конце концов, — дело тренировки. Я хочу, чтобы это произошло, хотя я нашел других молодых кандидатов в прошлом году. Думаю, что глупо ждать, пока они вырастут. Мы сможем начать скрещивание позже».

«18 августа 2090 года. Стало известно: каждая из девушек родила тройню. Великолепно. С таким уровнем воспроизвод-

ства шанс, что случай может уничтожить их, скоро будет сведен к минимуму. Несмотря на то, что другие особи их типа появляются то здесь, то там, я постоянно говорю детям, что их потомки будут править миром...»

Когда они вернулись в офис, Джоанна сказала:

— Теперь ты видишь, что нет и никогда не было машины, которая производит слонов. Все слоны — это естественные мутанты. Единственный вход во дворец для твоей цели расположен в секции скульптуры: две мили в глубь территории, которая постоянно ярко освещена и простреливается тяжелыми орудиями первой линии укреплений. Также она контролируется танками и пулеметами.

— Как насчет моего оружия? Можно ли мне иметь его на Земле?

— Нет. План переправки людей, похожих на тебя, включает в себя отсутствие оружия.

Он нахмурился и спросил:

— Что за человек Кир Грей, по твоим сведениям?

— Он очень развит для человека. Наш секретный рентген определенно показывает, что он человек, если это то, о чем ты думаешь.

— Я думал об этом, но твои слова подтверждают вывод Кэтлин Лэйтон.

— Мы отклонились от темы, — сказала Джоанна Хиллори. — Как насчет укреплений?

Он покачал головой и безрадостно рассмеялся:

— Когда ставки велики, риск и должен соответствовать им. Я пойду один. Ты, — он посмотрел на нее, — найдешь пещеру с моим кораблем и доставишь его на землю до 10 июня. Корлисса тоже надо выпустить. А теперь, пожалуйста, вызови Инграхама.

ГЛАВА 18

Река казалась шире, с тех пор как Кросс видел ее в последний раз. Он с трудом различал противоположную сторону бурлящего потока. В быстром течении мелькали пятна темноты и света, — отражение от вечно меняющихся, чудесных огней дворца. В кустарнике, где лежал поздний весенний снег, скинул свою одежду и сразу почувствовал покалывание в босых ступнях, когда стоял, готовый к выполнению задания. Он ни о чем не думал. Затем иронично отметил про себя, что один голый человек против целого мира был печальным символом

той атомной энергии, которую он контролировал. У него было так много оружия, которое он не использовал тогда, когда мог, а теперь это кольцо на пальце с крошечным атомным генератором и с радиусом эффективного действия всего каких-то жалких два фута — это единственный продукт многолетних усилий, который он осмелился взять с собой в крепость.

Тени деревьев на другом берегу реки достигали ее середины. Темнота расплосовала безобразную зыбь стремительно бегущей воды, которая уносила его вниз по течению на полмили и наконец вынесла за мелководье.

Джомми спрятался и начал исследовать мысли, которые исходили от двух стрелков, спрятавшихся в деревьях. Он осторожно протиснулся в кустарник и оделся. Затем лег, как терпеливый тигр, поджидающий добычу. Перед ним было открытое пространство, которое нужно было пересечь. Для гипнотического контроля расстояние было слишком велико. Улучив момент, Кросс пробежал эти пятьдесят ярдов за три секунды. Первый так и не понял, что его ударило. Другой резко обернулся, его длинное худое лицо еще больше вытянулось и стало ужасным в мерцающем свете, пробивающемся сквозь листву. Он не смог вернуться и распластался на земле. Через пятнадцать минут гипноза без помощи кристалла они были под контролем. Пятнадцать минут. Восемь в час. Джомми иронически усмехнулся. Во дворце десять тысяч человек. Придется выбирать ключевые фигуры. Он привел обоих пленников в чувство и отдал распоряжение. Солдаты молча взяли свои пулеметы и пошли за ним. Этим ребятам была знакома каждая пядь земли, и они знали, когда танковый патруль будет делать ночной обход. Не было лучших солдат в армии людей, чем эти дворцовые войска. Через два часа у Кросса уже была дюжина тренированных воинов, следующих за ним, как тени, работающих быстро и бесшумно, нуждающихся лишь в тихо произнесенной команде.

Еще через три часа было уже семнадцать солдат, полковник, капитан и три лейтенанта. Скоро вся группа подошла к великолепной скульптурной композиции, украшенной освещенными фонтанами.

Уже появились признаки приближающегося рассвета, а Кросс со своей армией затаился в кустах. Перед ними лежала четверть мили ярко освещенного пространства. Они видели темную линию леса на противоположной стороне — там были спрятаны укрепления.

— К сожалению, — прошептал полковник, — нет шансов обмануть их. Юрисдикция нашего соединения кончается

здесь. Пересекать любую линию обороны без разрешения запрещено, и, даже имея разрешение, его можно использовать только в дневное время.

Кросс нахмурился. Он не ожидал таких осложнений. Вероятно, это был новый приказ. И то нападение, которое слэны совершили на его долину, хотя в то время он не верил в крестьянские сказки о размерах их кораблей... Теперь эти воспоминания встревожили его.

— Капитан.

— Да?

Перед ним появился высокий офицер.

— Капитан, вы больше всех похожи на меня. Вы поменяетесь со мной формой, а затем вы и все остальные вернетесь на свои места.

Он смотрел, как они уходят, исчезают в темноте, затем поднялся и, подтянувшись, как офицер вышел на свет. Десять шагов, двадцать, тридцать... Он видел фонтан, который был ему нужен... но было слишком много искусственного света, было так много мыслей вокруг, неразберихи и толчков, и это мешало ему ловить ту единственную мысль, которую он искал. Ох, если бы после сотен лет эта вещь все еще была на месте. Господи, помоги мне.

Сорок футов, пятьдесят, шестьдесят... И вдруг его напряженное сознание уловило шепот, слабое движение мысли: «Для каждого слэна, который проникает так далеко, имеется секретный проход во дворец. Украшение из пяти цветов на белом фонтане — это секретный замок, который открывает дверь при помощи радиосигнала. Комбинация такова...»

Он помнил — Статистическая машина знала, что секрет был в фонтане, но не более того. Сейчас же...

Резкий, громкий голос раздался из-за деревьев:

— Какого черта ты здесь делаешь? Что тебе надо? Иди к своему командиру, получи пропуск и приходи утром. Быстро.

Но Кросс был уже у фонтана, пальцы быстро нащупали украшение из цветов. Его тело и движения были полускрыты от подозрительно наблюдающих глаз. Он не мог понапрасну тратить свою энергию. Замок поддался, и из второго транслятора Поргрейва прозвучала следующая мысль: «Дверь уже открыта. Это очень узкий, темный туннель, ведущий вниз в полной темноте. Вход в центре групповой конной скульптуры, сто футов на север. Смелее...»

Ему не хватало не смелости, а времени. Сто футов на север, к дворцу, к этой угрожающей силе. Кросс коротко усмехнулся. Древний создатель секретного входа выбрал самое

неподходящее место. Он пошел, несмотря на то что резкий голос загромычал снова.

— Вон отсюда... Стоять, или мы будем стрелять. Иди в свою зону и считай, что ты арестован. Немедленно.

— У меня очень важное послание, — ответил Кросс, пытаясь подражать голосу капитана: — Чрезвычайная ситуация.

Они все еще не считали одного человека опасным, и Джомми пока продолжал идти. Голос зазвучал снова:

— Никакая чрезвычайная ситуация не позволяет нарушать предписания. Возвращайся сейчас же в свою зону. Предупреждаю в последний раз.

Он посмотрел в маленькое черное отверстие, и внезапно замешательство охватило его, пронизывающая клаустрофобия, — впервые в его жизни, — черная и ужасная, как сам тоннель. Довериться этой кроличьей норе или быть заживо похороненным в этой ловушке? Не было уверенности, что они не обнаружили этот вход, как уже случалось. Нужно было принимать решение. Из-за деревьев раздался свистящий шепот:

— Сержант, попробуй-ка из своего ружья.

— Как насчет скульптуры лошади, сэр? Жалко портить.

— Целься в ноги, потом в голову.

Но не тут-то было. Сжав зубы, распрямившись, подняв руки над головой, как ныряльщик, он идеально вошел в туннель.

Коридор был гладкий, как стекло, и, когда Кросс уже пролетел огромное расстояние, он стал не вертикальным, появился небольшой угол. Давление от трения увеличилось, и скоро он уже скользил под углом, который становился все более пологим. Постепенно скорость снизилась. Впереди Джомми увидел мерцающий свет. Неожиданно он оказался в плохо освещенном коридоре с низким потолком. Путешествие окончилось. Кросс лежал на спине, взгляд его блуждал, и кружилась голова.

Десятки крутящихся огней над ним постепенно превратились в одну лампу. Свет долго таял в темноте, прежде чем достигал пола. Кросс встал на ноги и увидел знак, который висел достаточно высоко на стене, чтобы свет с потолка освещал его. Он прочитал: «Вы сейчас на глубине двух миль от поверхности земли. Тоннель за вами перекрыт стальными и бетонными блоками, которые пришли в движение при вашем прохождении. Через час вы сможете добраться до дворца. Слэн-нам под страхом жестокого наказания запрещено входить в сам

дворец. Берегитесь». У Джомми запершило в горле, и он попытался откашляться, но это не помогло. Неожиданно для себя Джомми заплакал. В коридоре стало темнее. Огни на потолке, которые были видны вдаль, теперь скрылись в клубах пыли.

Кросс наклонился в полутьме и пошарил пальцами по полу: везде был толстый, мягкий ковер пыли, и он двинулся вперед, ища следы, которые могли бы показать, что этим коридором недавно пользовались. Но кроме накопившейся за столетия пыли, ничего не было. Много лет прошло с тех пор, когда приказ с неясной угрозой был помещен здесь. Тем не менее существовала реальная опасность. Люди теперь будут знать, где искать секретный вход.

До того как его найдут, он должен нарушить закон слэнов, проникнуть во дворец и найти Кира Грея.

Это был мир теней и молчания. Пыль душила его и забивала горло. Он шел через многочисленные двери, коридоры и залы.

Неожиданно Кросс услышал металлический звук, стены вдруг закрипели и начали медленно, но неумолимо двигаться к нему и друг к другу.

Автоматически, понял он, потому что никаких мыслей вокруг не было. Хладнокровно изучил ловушку: в каждой стене он заметил по углублению, шесть футов и четыре дюйма высотой.

Кросс усмехнулся. Через несколько минут стены сойдутся, и единственное пространство для него останется в этих нишах. Вот так ловушка. Атомная энергия кольца на его пальце могла, вероятно, раздвинуть проход для него. Но ему нужно было выглядеть пойманным. Скоро стены сошлись. Стало тихо. Затем механизм тихо загудел, и он почувствовал движение вверх, а затем вращение. Перед его лицом появилась трещина, которая расширилась, и образовалось отверстие, через которое он увидел комнату.

Вой механизма прекратился. Снова воцарилась тишина, а Кросс в это время осматривал комнату. Посреди отполированного пола стоял письменный стол, стены были выложены панелями из орехового дерева. Чуть дальше он мог разглядеть несколько стульев и шкаф для бумаг. Комната была обставлена скромно и по-деловому.

Послышались шаги. Человек, который вошел в комнату и закрыл за собой дверь, был великолепно сложен, с седыми висками, а на лице виднелись морщины. Но никто во всем мире не смог бы не узнать худощавое лицо, пронзительные глаза, безжалостность, которая была написана в тонких линиях носа и линии челюсти. Такое лицо слишком решительно, слишком жестко для того, чтобы казаться приятным. Но

в нем чувствовалось благородство. Он был прирожденным лидером. Кросс почувствовал, что его как будто рассекают на части, так внимательно эти пронизательные глаза изучали его лицо. Наконец гордые губы скривились в тонкую издевательскую усмешку.

Кир Грей сказал:

— Значит, ты попался. Не очень-то умно ты себя ведешь.

Именно из-за слов Джомми понял. Потому что с ними появились поверхностные мысли, а эти мысли были не чем иным, как экраном, преднамеренно висящим над мысленным щитом, таким же, как у него самого. Не непрочный, протекающий щит слэнов без усиков, а настоящая мощная защита. Кир Грей, вождь людей, оказался человеком, который считал себя... истинным слэном.

Кросс смог выговорить только эту единственную фразу, после чего быстротечность его мысли остыла, и потек ледяной поток холодного сознания. Кэтлин Лэйтон прожила с Киром Греем и не подозревала истину. Конечно, у нее не было опыта с мысленными щитами, и был Джон Петти, щит которого был очень похож, и это тоже сбило ее с толку, потому что Джон Петти на самом деле был человеком. Как здорово удавалось диктатору имитировать человеческий тип защиты. Джомми Кросс мысленно встряхнулся и, намереваясь на этот раз добиться реакции, повторил:

— Значит, вы на самом деле слэн.

Лицо Кира Грея передернулось.

— Вряд ли такое описание справедливо для личности без усиков, которая не умеет читать мысли, но да, я слэн.

Он замолк, потом продолжил более откровенно:

— Сотни лет мы, которые знали правду, существовали с единственной целью предотвратить завоевание мира людей слэнами без усиков. Наиболее естественным для достижения этой цели представляется проникновение на ключевые посты в правительстве людей. Разве мы не самые разумные существа на Земле?

Кросс кивнул. Конечно, все совпадало. Его собственные рассуждения привели его к этому. Когда он убедился в том, что истинные слэны не являлись скрытыми правителями слэнов без усиков, стало несомненным, что они правят миром людей, несмотря на всю уверенность Кэтлин и рентгеновские снимки слэнов без усиков, показывающие, что у Кира Грея было человеческое сердце и другие, не присущие слэнам органы. Где-то до сих пор таилась великая тайна. В конце концов он покачал головой.

— Все равно я не понимаю этого до конца. Я ожидал, что истинные слэны правят слэнами без усиков... тайно. Конечно, все сходится с небольшой натяжкой. Но тогда зачем вести пропаганду против слэнов? Как насчет того корабля слэнов, который прилетал во дворец много лет тому назад? Почему на истинных слэнов охотятся и убивают, как крыс? Почему никто не договорился со слэнами без усиков?

Вождь задумчиво посмотрел на него.

— Время от времени мы старались обуздать пропаганду против слэнов, и одной из таких попыток был корабль, о котором ты упомянул. По особым причинам мне пришлось приказывать, чтобы его посадили в болотах. Но несмотря на очевидное поражение, был достигнут главный успех, который состоял в том, чтобы убедить слэнов без усиков, которые определенно обдумывали планы нападения, что с нами нужно считаться как с военной силой.

Это заключалось в ощутимой слабости того серебристого корабля, которая и убедила слэнов без усиков. Они знали, что мы не можем быть настолько бессильны, поэтому у них возникли колебания, и они растерялись. В разных частях света. Они были потомками слэнов, которые, рассеявшись после Трагической Войны, не вступили в контакт с организацией слэнов. После того как на сцену вышли слэны без усиков, было поздно что-либо предпринимать. Наши враги находились в таком положении, в котором могли контролировать все наши средства связи.

Естественно, мы предпринимали массу усилий, чтобы вступить в контакт с такими бродягами. Но единственные, кто попадал к нам, были те, кто приходил во дворец, чтобы убить меня. Им мы предоставили несколько легких путей, чтобы попасть сюда. Мои приборы рассказали мне, что ты пришел сюда трудным путем, через один из древних входов. Очень смело. Для нашей маленькой организации пригодится еще один отважный молодой человек.

Кросс холодно уставился на своего собеседника. Кир Грей, очевидно, не подозревал, кто он такой, и не имел представления о том, как близок час вторжения слэнов без усиков. Поэтому момент, когда он произнес это, был великим:

— Я чрезвычайно удивлен, что вы позволили мне застать себя врасплох таким образом.

Улыбка быстро сошла с лица Кира Грея. Он напряженно произнес:

— Твое замечание чрезвычайно точное. Ты предполагаешь, что застал врасплох меня. Значит, ты либо дурак, но

таковая возможность отбрасывается по причине твоего очевидного интеллекта, либо, несмотря на очевидность твоего заключения, оно для тебя не имеет значения. А в мире существует только один человек, который бы смог уничтожить прочную сталь наручников в камере.

Удивительно, как обмякло это сильное лицо, исчезли жесткие линии, но вся сила сосредоточилась в глазах. В них была видна радость, безудержная, бурная радость. Он прошептал:

— Значит, значит, у тебя получилось, даже несмотря на то, что я никак не смог тебе помочь... Атомная энергия в своей окончательной форме. Потом его голос зазвучал ясно и торжественно: — Джон Томас Кросс, я приветствую тебя и открытие твоего отца. Входи и присаживайся. Подожди минуту, я сейчас высвобожу тебя из этой чертовой штуковины. Здесь, в моем личном кабинете, мы можем поговорить. Сюда не разрешается входить ни одному человеку.

Смысл чуда, открывшегося перед Джомми с каждой минутой становился все значительнее, огромное его значение, этого равновесия сил во всем мире. Истинные слэны и люди, которые не подозревали о своих хозяевах, против слэнов без усиков, которые, несмотря на великолепную, с далеко идущими планами организацию никогда не догадывались о том, какая тайна скрыта за этой загадкой.

— Естественно, — сказал Кир Грсй, — твое открытие, что слэны — существа естественные, а не сделанные на машине, для нас не ново. Мы — постчеловеческие мутанты. Силы этого мутационного процесса действовали задолго до того дня, когда Сэмюэл Ланн узнал признаки совершенства в некоторых из них. Теперь, оглядываясь назад, совершенно ясно, что природа затевала громадный эксперимент. Неимоверно возросло количество людей с дефектами. Оно мгновенно достигло огромного процента. Самое удивительное — это скорость, с которой совокупность биологических сил пришла в движение по всей Земле.

— Мы всегда слишком поспешно предполагали, что между отдельными людьми не существует связи, что человеческая раса не является единым целым, подобно одному громадному организму, в котором ток крови и нервных импульсов не передается от человека к человеку. Конечно, можно и иначе объяснить, почему миллиарды людей можно заставить одинаково действовать, одинаково думать, одинаково чувствовать, если дать им один доминирующий стимул, но философы-слэны, исследовавшие проблему сотни лет, допускают возможность,

что такая мысленная восприимчивость является продуктом необычного единства, как физического, так и умственного.

Сотни, возможно, тысячи лет, напряжение росло. А потом, за четверть тысячелетия произошло более миллиарда случаев ненормального деторождения. Эта катастрофа парализовала волю людей. Истина была потеряна, сметена волной страха, который всверг мир в войну. Все попытки восстановить истину были утоплены в невообразимом массовом психозе... который продолжается и сейчас, через тысячу лет. Да, я сказал — тысячу лет. Только нам, истинным слэнам, известно, что период безвременья на самом деле продолжался пятьсот дьявольских лет. И что дети-слэны, обнаруженные Сэмюэлем Ланном, были рождены полторы тысячи лет тому назад.

Насколько нам известно, лишь небольшая часть людей из тех сверхнормальных рождений были похожи друг на друга. Большая часть из них была ужасной неудачей, а случаи совершенства были крайне редки. Но даже они были бы потерянны, если бы Сэмюэл Ланн не узнал их истинную суть. Природа полагается на закон средних величин. Не существует заранее разработанного плана. То, что случилось, было, как нам представляется, реакцией на невыносимые нагрузки, которые сводили людей с ума, потому что ни их организм, ни их сознание не были способны выдержать современную цивилизацию. Эти нагрузки были в основном одинаковыми, и поэтому понятно, почему продукты экспериментов природы так похожи друг на друга, не совпадая в деталях.

Пример огромной силы этого биологического прилива, а также изначальной общности людей, — продолжал Кир Грей, — виден в том, что у всех слэнов, рожденных в первые несколько сотен лет, были тройни или как минимум двойни. Сейчас таких почти нет. Как правило, рождается один ребенок. Волна сошла. Закончилась часть работы, которая принадлежала природе, настал час интеллекта. Тогда-то и начали возникать трудности.

В течение периода безвременья на слэнов охотились, как на зверей. Невозможно провести аналогию с современными событиями, чтобы показать, как ненавидели люди слэнов, считая их причиной всех несчастий. Невозможно было создать эффективную организацию. Наши праотцы испробовали все: подземные убежища, хирургическое удаление усиков, замену наших собственных двух сердец человеческими, покрытие усиков составом, похожим на кожу. Но все это оказалось бесполезным.

Подозрительность не давала возможности сопротивления. Люди доносили на своих соседей, и тех подвергали медосмотру. Полиция делала облавы по малейшему поводу. Но самая большая трудность заключалась в рождении детей. Даже там, где родителям удавалось эффективно замаскироваться, рождение ребенка было периодом огромной опасности и часто оканчивалось смертью матери, отца и ребенка. Постепенно пришло понимание, что раса не выживет. Рассеянные остатки слэнов в конце концов сосредоточили свои усилия на том, чтобы контролировать мутационный процесс. Наконец они обнаружили, каким образом можно изменить форму больших молекул, на которых были построены гены. Оказалось, что это сама жизненная сила, которая контролировала гены, а те в свою очередь контролировали формы органов и всего тела.

Потом оставалось только экспериментировать. На это потребовалось двести чрезвычайно трудных лет. Расой нельзя было рисковать, хотя отдельные люди рисковали своей жизнью и здоровьем. В конце концов они обнаружили, как сложные группы молекул могут контролировать форму каждого органа в течение одного или нескольких поколений. Измените рисунок в этой группе, и орган, за который она отвечает, также изменится, но проявится в последующих поколениях. Поэтому они изменили основу организма слэнов, оставив все нужное, что имело ценность для выживания, и уничтожили все, что оказалось опасным. Гены, контролирующие усики, были изменены, перенесена способность читать мысли внутри мозга и гарантировав то, что эта способность не проявится в течение многих поколений...

С резким вздохом Кросс перебил его:

— Подождите минуту. Когда я впервые начал поиски истинных слэнов, логика подсказала, что они проникли в организацию слэнов без усиков. А вы что, пытаетесь мне доказать, что слэны без усиков когда-нибудь превратятся в истинных слэнов?

Кир Грей деловито кивнул.

— Менее чем через пятьдесят лет у них появится способность читать мысли, хотя эта способность будет какое-то время находиться внутри их мозга. Но со временем у них появятся и усики. Мы пока не обнаружили, что можем делать постоянные изменения.

Кросс сказал:

— Но почему они вообще отказались от способности читать мысли, особенно в эти решающие годы?

Ответ был предельно откровенным:

— Я вижу, что ты до сих пор не понимаешь неизбежных реальностей жизни наших предков. Способность читать мысли была задержана, потому что имелась необходимость наблюдать психологические реакции... потому что люди как действовали, не зная, что они истинные слэны, так же бы действовали, если бы знали. Что случилось?

— Мы — вожди слэнов — изменили все их отличительные органы, чтобы защитить их от хищных человеческих существ, и они вели себя, как будто у них не было иного интереса в жизни, кроме как спокойно провести свои дни в каком-нибудь далеком уголке мира. Возможно, знают они правду, это бы повлияло на них, но тогда этого не произошло. Мы обнаружили, что слэны по своей природе против войн, против убийства, против насилия. Мы использовали все аргументы, но никакая логика не могла дать большего, чем смутное ощущение, что через сто лет или около того они начнут думать об активных действиях.

— Невозможно было оставлять их в таком положении. Существование человека оказалось как запал в бомбе. Жизнь вяло тлела миллионы лет, потом огонь дошел до бомбы, и она взорвалась. От этого взрыва загорелся другой запал, но, хотя мы об этом тогда лишь догадывались, со старой бомбой и прежним запалом было покончено. Теперь очевидно, что человеческие существа вымрут, исчезнут с лица Земли в результате бесплодия, которое уже началось в огромных масштабах, хотя его еще не заметили. Человек уйдет в историю, как ушли яванская человекообразная обезьяна, неандерталец, кроманьонец. Несомненно, бесплодие, которое послужит этому причиной, будет свалено на слэнов, и, когда люди это обнаружат, поднимется новая волна ненависти и террора. Никто, кроме наиболее могучей организации, раскрученной на полные обороты, испытывающей постоянное давление и риск, не сможет противопоставить этому нечто достойное.

— Поэтому, — мягко сказал Кросс, — вы изгнали слэнов без усиков, которых... защищали с жестокостью, приведшей их в замешательство, и вызвали столь же безжалостную реакцию. С тех пор вы прищипывали их экспансию и контролировали их искусственный боевой дух. Почему вы не сказали им правду?

Вождь серьезно усмехнулся:

— Мы пытались, но те, кого мы избрали, чтобы поведать этот секрет, подумали, что это хитрость, и логика немедленно привела их в одно из наших убежищ. Пришлось всех убить.

Нужно подождать до тех пор, пока к ним не вернется способность читать мысли.

А теперь из того, что ты мне сказал, стало ясно, что нам необходимо немедленно действовать. Твои гипнотические кристаллы могут оказаться единственным разрешением проблемы антагонизма людей. Когда у нас будет достаточно слэнов, владеющих этим методом, эта трудность будет преодолена. Что же касается надвигающегося нападения...

Он протянул руку к звонку на своем столе и нажал кнопку. Грэй продолжал:

— Я вызвал некоторых моих коллег. Нам нужно срочно посоветоваться.

Кросс медленно сказал:

— Слэны могут безбоязненно совещаться в великом дворце?

Кир Грей улыбнулся:

— Мой друг, наши операции основаны на ограниченности отдельных людей.

— Мне кажется, я не понял.

— Это очень просто. В прежние времена людям было известно многое о тайных ходах во дворце. Одним из моих первых актов, как только мне представилась такая возможность, было засекречивание этих сведений. Затею, одного за другим, я перевел в другие районы мира людей, у которых были эти сведения. Там, изолированные в различных малозначительных правительственных учреждениях, они все были мастерски убиты. — Он серьезно покачал головой: — На это не надо много времени. А когда секрет появился, — сама величина дворца, — и строгая военная охрана предотвращает повторное открытие. Редко когда более сотни слэнов находятся во дворце. Большинство из них с усиками, хотя несколько особей без усиков — потомки, как и я сам, самых первых выживших добровольцев в экспериментах с генными трансформациями — всегда знали правду и были частью нашей организации. Конечно, мы могли бы прооперировать слэнов с усиками, чтобы они могли безопасно появляться на улице, но мы дошли до такой стадии, когда нам нужны слэны с усиками, чтобы другие видели, на что будут похожи их потомки через несколько поколений. В конце концов, нам вовсе не хочется, чтобы они внезапно запаниковали.

— А что же Кэтлин? — медленно спросил Кросс.

Старший измерил его долгим, оценивающим взглядом и наконец сказал:

— На Кэтлин проводили эксперимент. Мне хотелось посмотреть, смогут ли люди, выросшие со слэном, понять, что возможно родство. Когда стало ясно, что это невозможно, я решил перевести ее в эти тайные палаты, где она бы получила пользу от общения с другими слэнами, и помочь претворять в жизнь то, что требовалось. Она оказалась отважнее, чем я предполагал... но ты знаешь о ее выходке.

Слово «выходка» было наиболее неподходящим словом для описания происшедшей трагедии, какое Кросс когда-либо слышал. Очевидно, этот человек был еще более привычен к смерти, чем он сам. Прежде чем он успел что-либо сказать, Кир Грей продолжил:

— Моя собственная жена, которая была истинным слэном, пала жертвой тайной полиции при несколько иных, хотя не менее печальных обстоятельствах, за исключением того, что, когда она умерла, меня долго не было... — Он замолк. Долгое мгновение он сидел, глаза его сузились, и в его манере не было ничего легковесного. Внезапно он произнес: — Теперь, когда я тебе столько рассказал — открой мне секрет твоего отца.

Кросс ответил просто:

— Я могу его рассказать в мельчайших подробностях. Вкратце, мой отец отбросил понятие критической массы, на котором были основаны первые бомбы. Атомную энергию можно получить и таким путем — неуправляемым потоком, в форме взрыва, в форме тепла для некоторых медицинских и промышленных целей. Но почти невозможно контролировать прямое использование. Мой отец отбросил это понятие частично из-за того, что в этой форме она была бесполезна для слэнов, частично из-за того, что у него была своя теория.

— Он также отказался от принципа массивного циклотрона, но именно циклотрон частично подсказал ему эту великую идею. Он развернул центральную оболочку позитивного электрона, как тонкую проволоку. На этой оболочке, но не прямо на ней — для сравнения можно представить, как по эллипсоидной орбите к Солнцу подлетает комета, — около этого «Солнца» он выпускал свои отрицательные электроны-«кометы» со скоростью света.

«Солнце» прокручивало кометы вокруг себя и выбрасывало их в «космос», где — это вполне реальное сравнение — вторая позитивная оболочка, которую можно назвать «Юпитер», притягивает кометы, уже летящие со скоростью света, и выбрасывает их за пределы своих орбит со скоростью выше скорости света. При такой скорости каждый электрон превращается в материю с отрицательным знаком, а его разру-

шительная сила гораздо, несравнимо больше его «размера». Нормальное вещество теряет свои силы внутреннего сцепления в присутствии этого антивещества и мгновенно превращается в свое первобытное состояние. Оно...

Он прервался и поднял голову, когда открылась дверь. Вошли трое мужчин, в волосах которых виднелись золотистые усики. Когда они увидели его, их мысленные щиты опустились; через секунду Кросс опустил свой. Между ними произошел молниеносный обмен: имена, биографии, цели — сведения различного рода, необходимые для лучшего понимания при встрече. Этот процесс ошеломил Кросса, который, если не считать краткого общения с неопытной Кэтлин и своих неразвитых отношений с родителями в детстве, до того мог только представлять, насколько эффективным может быть такой обмен.

Он был настолько поглощен, что сильно удивился, когда дверь открылась еще раз.

Вошла высокая молодая женщина. Глаза ее блестели, а ее лицо было сильным, зрелым, с тонкими чертами и нежным оттенком. Когда он посмотрел на нее, его мускулы напряглись, нервы натянулись, и холодок пробежал по телу. Нисколько не умаляя своего изумления, он подумал с железной логикой, что нужно было сообразить еще тогда, когда он увидел, как «чинили» разбитую голову миссис Корлисс на далеком Марсе. Он должен был об этом догадаться в тот момент, когда узнал, что Кир Грей — истинный слэн. Должен был, зная всю ненависть и зависть, царящую во дворце, что только смерть и тайное возвращение из мертвых могли навсегда обезопасить Кэтлин от Джона Петти.

В этот момент голос Кира Грея разорвал тишину. Внем слышались нотки человека, который предвкушал этот момент долгих годов:

— Джомми Кросс, я хочу представить тебе Кэтлин Лэйтон Грей... мою дочь.

Ш ЕЛКИ

ПРОЛОГ

1

Улица этого гаитянского города была как лист раскаленного металла, и ногам Мэри было невыносимо горячо, когда она шла. В саду было прохладнее, но ей пришлось покинуть тень под деревьями и выйти на солнце, где сидел старик. Он неприятно усмехался, выставляя напоказ свои белые фальшивые зубы.

Он сказал:

— Выложить денежки, чтобы поднять затонувший корабль с сокровищами? Думаешь, я дурак?

Он снова ухмыльнулся и похотливо подмигнул ей. Затем добавил значительно:

— Ну, конечно, если такая милашка, как ты, будет добра к старику...

Он ждал, нежась на солнце, как морщинистая жаба, впитывая жару каждой клеткой своего тела, которое, казалось, уже не способно согреть себя само. Несмотря на солнце, он дрожал, словно ему было холодно.

Мэри Ледерли с любопытством его рассматривала. Воспитанная морским капитаном, у которого было здоровое чувство юмора, она была просто удивлена, что у этого старого развратника мог появиться влажный блеск в глазах при виде молодой женщины.

Она твердо сказала:

— Корабль затонул во время войны неподалеку от острова Санта-Ювил. Это был последний рейс моего отца в качестве капитана. И когда компания отказалась финансировать экспедицию, он решил обратиться за помощью к частному капиталу. Один из друзей рекомендовал вас.

Это была ложь, она уже ко многим обращалась. Он попросту был последним в длинном списке кандидатур. Она быстро продолжала:

— И ради Бога, не обижайтесь. Ведь до сих пор есть люди, склонные к приключениям. И почему бы такому азартному

человеку, как вы, мистер Рейчер, не посвятить свои последние дни чему-нибудь совершенно захватывающему?

Ухмылка почти беззубого рта обнажила отличные зубы старика.

— Ты сама ответила на вопрос, моя девочка, — его голос зазвучал более благосклонно, — мои свободные деньги пойдут на медицинские исследования. Я все еще надеюсь, что они там что-нибудь откроют...

Он пожал плечами, и неприкрытый страх появился у него на лице.

— Я не стремлюсь в могилу, как ты понимаешь.

На какой-то миг Мэри стало жаль его. Она подумала о том времени, когда сама станет старой и немощной. Но эта мысль прошла, как тучка в летнем небе. Более насущная мысль занимала ее сознание.

— Стало быть, вы никак не заинтересованы?

— Нисколько!

— Ни на капельку?

— Даже ни на десятую процента, — сказал Рейчер противным голосом.

Уходя, она сказала:

— Если вы передумаете, вы найдете нас на четвертом пирсе на «Золотой Мэри».

Она возвращалась в бухту, где их небольшой, пропеченный на солнце катер стоял в неровном ряду себе подобных посудин. В основном это были морские суденышки, многие из которых привезли сюда пассажиров из Соединенных Штатов для приятного времяпрепровождения. Эти люди играли в бридж, танцевали под музыку, издаваемую дорогими фонографами, и валялись на солнце. Мэри почувствовала, что ненавидит их, так как у них была куча денег, что и отличало их от нее и ее отца, почти окончательно сломленных и начавших уже отчаиваться.

Поднимаясь на борт, она обожгла пальцы о горячее дерево и со злостью ударила себя по бедру, чтобы заглушить жгучую боль.

— Это ты, Мэри? — голос отца раздался откуда-то из глубины лодки.

— Да, Джордж.

— У меня встреча с неким Сойером. И там также будет несколько шишек, отошедших от дел. Еще один шанс, как сама, понимаешь.

Мэри ничего не сказала, но внимательно посмотрела на него, когда он показался на палубе. На нем был его лучший

мундир, но время заметно изменило его, и это был уже не тот сильный, красивый мужчина, которого она помнила с детства. Виски у него были седые, а щеки и нос не оставляли сомнений в постоянности общения с торговцами вином.

Он шагнул ей навстречу и поцеловал.

— Особенно я надеюсь на разговор с одним богатым старым чудаком, Рейчером, он там тоже будет.

Мэри уж было открыла рот, чтобы сказать, что из этого ничего не выйдет, но передумала. Она давно заметила, что его форма производит впечатление на людей. Рейчеру может показаться неудобным отказать такому представительному, культурному человеку.

Когда отец уже ушел, она вдруг задумалась: что это за встреча, которая смогла заставить мистера Рейчера покинуть свое убежище?

Ей не хотелось готовить ленч, и она поела фруктов из холодильника, а потом написала стихотворение, в котором воспела прелесть прохладных тропических морей под солнцем, беспощадным, как гнев убийцы. Убрав стихотворение в ящик, наполненный другими незаконченными стихотворениями, она сидела на палубе под навесом и смотрела на море и бухту, раскинувшиеся перед нею. Волны сверкали в лучах полуденного солнца, а в них, искрясь и поблескивая, отражались суда, стоявшие на приколе, и белые стены прибрежных домов. Этот пейзаж все еще производил на нее впечатление, но она уже не была уверена, нравится он ей или нет.

«Здесь прекрасно, — подумала она, — но небезопасно для отца с дочерью, у которых нет ни пенни за душой».

Ее передернуло при мысли о размере этой опасности, но потом она вызывающе повела плечами и подумала: «В худшем случае, я всегда могу чем-нибудь заняться».

Но чем — она точно не знала.

В конце концов она спустилась в каюту, надела купальник — и вот она уже разгребает теплые волны нежно пульсирующего моря. Она плавала и чувствовала, как уходит еще один день, убитый ею, как и сотни его предшественников, брошенных как камень в океан времени и утонувших без следа.

Она мысленно оглянулась на череду озаренных солнцем дней, каждый из которых был великолепен в отдельности, но вместе взятые, они являлись тревожным знаком того, что она попусту тратит свою жизнь.

И вот уже когда в энный раз она собиралась принять какое-нибудь кардинальное решение о своем будущем, она

увидела на палубе шикарной яхты, причаленной футах в ста в стороне, Сильвию Хаскинс, которая делала ей знаки.

Мэри покорно поплыла к ней и неохотно вскарабкалась на борт. Она питала отвращение к Генри Хаскинсу, мужу Сильвии, и с облегчением вздохнула, когда Сильвия сказала:

— Генри на встрече по поводу какого-то большого медицинского открытия, и мы собираемся на остров неподалеку отсюда, взглянуть на кого-то или что-то, на ком это открытие было удачно проверено.

Мэри сказала:

— О!

Ее оценка Генри Хаскинса видимо отличалась от представлений о нем жены. Хладнокровный любовник-атлет, каким он сам себе виделся, Генри не раз уже пытался прижать Мэри в темном углу. И он прекратил свои домогательства только тогда, когда однажды увидел лезвие ножа, наставленное ему в грудь с решительностью, убсдившей его в том, что есть по крайней мере одна «ворона», которая не будет ему принадлежать.

Генри называл женщин воронами, а они делали вид, что это прелестный способ показать свою оригинальность. Сильвия тоже не была исключением. «Сильвия такая мягкая, дружелюбная, ненавязчивая и душевная ворона», — говаривал он с обожанием в голосе.

Мэри содрогнулась при мысли, что кто-то нашел способ, который может продлить Генри жизнь. Но ее заинтересовала информация о том, что Генри был на встрече. Было совершенно ясно, что в таком маленьком городе, как Санта-Ювил, это могла быть только та же самая встреча, на которую пошел ее отец. Она сказала об этом Сильвии.

Та воскликнула:

— Ну, тогда мы, видимо, и не прощаемся. Я думаю, что и мистер Педди, и старый Грейсон, и чета Хейнц, и Джимми Батт, и по крайней мере еще два или три человека тоже там.

«И старый Рейчер, — подумала Мэри, — О Господи!»

— А вот и твой отец! — сказала Сильвия.

Капитан Ледерли увидел дочь и остановился. Потирая руки с напускным энтузиазмом, он поднял голову и посмотрел на женщин.

— Приберись в моей каюте, Мэри, и как можно скорее. Мистер Рейчер сегодня вечером присоединится к нам, а завтра на рассвете мы отбываем на остров Эха.

Мэри не стала задавать никаких вопросов в присутствии Сильвии Хаскинс, которая уже навестила уши.

— О'кей, Джордж, — сказала она бодро.

Она прыгнула в воду и через несколько минут уже спускалась в трюм, где была расположена каюта ее отца.

Отец следовал за ней, и, когда Мэри повернулась и посмотрела на него, она увидела, что от его приподнятого настроения не осталось и следа.

— Нас всего лишь наняли, — сказал он, — я все это разыграл для Сильвии.

Мэри промолчала; он воспринял это как обвинение в свой адрес и стал оправдываться:

— Я не мог не сделать этого, милая моя. Я не мог упустить хоть малейшую возможность, которая представилась.

— Расскажи мне все по порядку, дорогой, — ее голос звучал успокаивающе.

Но отец оставался безутешным:

— Какой-то старый брехун утверждает, что он изобрел способ омоложения, и эти дряхлеющие повесы хватаются за эту надежду. Я сделал вид, что мне тоже интересно, в надежде хоть что-то от этого получить, и мне это удалось.

Несомненно, это было что-то вроде победы. В крушении собственных планов Джорджу удалось сохранить эти чудесные связи, которые дают ему возможность устанавливать дальнейшие контакты. Выгода, которую может принести присутствие Рейчера на борту, была весьма неясной, но главное, что он будет здесь.

— Мы берем с собой оборудование для подводного плавания? — спросила Мэри ничего не значащим тоном.

— Естественно, — ответил ей отец.

Похоже, эта мысль приободрила его.

2

Для моря это был один дней из многих. С привычным мастерством вода проделывала свой путь между скалами и кораллами этого удаленного острова. Здесь, в песчаной заводи, она издавала нежный шепот. Там, у рифа, она ревела, преодолевая сопротивление скалы. Но все шумные проявления эмоций были лишь на поверхности. В глубинах вдалеке от берега океан был спокоен.

Мэри сидела на палубе их изрядно потрепанного кораблика и ощущала свое единство с небом, морем и островом, на берег которого сошли мужчины. Она была рада, что никто не предложил дамам сыграть в бридж в отсутствие мужчин.

Была середина дня, и все дамы скорее всего предавались послеобеденному отдыху, так что мир оксана существовал для нее одной.

Ее праздный взгляд уловил движение в воде, и она посмотрела вниз. Потом она нагнулась вперед, пораженная.

Не менее чем на глубине сорока футов, далеко внизу под нею, плавала человеческая фигура.

Море было необычайно прозрачным, и было видно песчаное дно. Большое количество многоцветных рыбок кружило в кристально чистой воде, пропадая из виду в тени кораллов ближе к берегу.

Человек плавал удивительно легко. Но что было особенно удивительно, это то, что, искаженное толщей воды, его тело — а плавал он очень глубоко — выглядело странно, не совсем как человеческое.

Эта мысль еще не оставила ее, когда он взглянул вверх, увидел ее и стремительно, с огромной мощностью, рванулся вверх к ней.

И только когда он вырвался из воды на поверхность, Мэри осознала, что это не человек.

Существо, которое появилось из воды, обладало телом, похожим на человеческое. Но кожа на его лице, да и везде, была нес естественно толстой, словно на ней были многочисленные слои жира для защиты от холода и воды.

И Мэри, видевшая множество форм морской жизни, разглядела то, что было у него под руками, — жабры... Ноги были в ластах, и ростом он был не менее семи футов.

На протяжении уже многих лет чувство страха стояло у Мэри на последнем месте; она слегка отпрянула назад, внутри нее что-то слегка дрогнуло, и на несколько секунд дольше обычного она задержала дыхание.

Так как ее реакция не была заметной, это не помешало ей смотреть на него, в то время как он... изменялся.

Он был все еще в воде, когда это происходило. Он добрался до планшира ее суденышка.

Длинное, стройное тело укорачивалось, толстая кожа становилась тоньше, голова уменьшалась. В течение нескольких секунд Мэри наблюдала, как его мышцы скручивались, корчились под странно подвижной кожей. Легкие замутнения и отблески на поверхности воды скрадывали эти движения, но то, что она разглядела, оказалось семифутовой «рыбиной», которая в считанные секунды превращалась в совершенно го-лого молодого мужчину.

Это существо, совершенно очевидно человек, с невероятной силой вспрыгнуло на борт ее судна. Она видела, что он был совершенно реальный, ростом около шести футов. Он обрattился к ней приятным баритоном:

— Я тот самый человек, вокруг которого поднят весь этот шум. Старый Сойер превзошел себя в сотворении меня. Но я понимаю, что вы, должно быть, шокированы. Будьте любезны, дайте мне какие-нибудь штаны.

Мэри не пошевелилась. Его лицо, казалось, было знакомо ей. Давно — или казалось, что это было давно, — в ее жизни был один молодой мужчина... пока она не поняла, что была одной из дюжины девушек, с большинством из которых он поддерживал гораздо более экзотические отношения, чем она могла когда-либо позволить.

Молодой человек был абсолютно похож на того ее молодого человека.

— Нет, это не ты, — произнесла она.

Он как будто знал, что Мэри имела в виду, потому что вскинул голову, улыбаясь.

— Я обещаю быть верным, — произнес он и продолжил: — Нам нужна — Сойеру и мне нужна — молодая женщина, которая родила бы от меня ребенка. Мы думаем, что сможем воспроизвести мне подобного, но мы должны проверить это.

Мэри протестовала, смутно осознавая, что она не отклонила окончательно его предложения. Однако у нее уже было странное чувство завершения, как будто она наконец могла сделать что-то, что в силах вернуть потраченные годы.

— Вы видели только часть того, что я могу делать, — сказал молодой человек. — Я обладаю тремя ипостасями. Сойер не только проник обратно, в морское прошлое человека, но он проник также вперед, в его будущее возможности. Человек — это только одно из моих состояний.

— Каково же третье? — выдохнула Мэри.

— Я скажу тебе позже, — был ответ.

— Но это все фантастика, — сказала Мэри. — Кто ты?

— Я — Шелки, — ответил он. — Первый Шелки.

1

Нэт Кемп, Шелки класса С, частично активизировался, и те рецепторы, которые находились в состоянии покоя, зафиксировали, что он уже близко от корабля, приближение которого было замечено им час назад.

На мгновение он смягчил внешнюю хитиновую оболочку, твердую как сталь, так что она стала чувствительна к световым волнам в диапазоне, доступном человеку. Эти волны были записаны через систему линз в области смягченной хитиновой оболочки.

В момент, когда смягчилась защита, отделявшая его от пустоты космоса, он почувствовал резкое давление на тело. Это ощущение он испытывал всегда, когда повышался расход кислорода, находящегося в хитиновой оболочке, большое количество которого было необходимо для обзора. Затем, произведя серию визуальных измерений, он снова сделал хитин твердым. Тут же потребление кислорода вернулось к норме.

То, что он увидел своим телескопическим зрением, строило его. Это был В-корабль.

В настоящее время, как Кемпу было известно, существа класса В, как правило, не атаковали взрослых Шелки. Но недавно появились сообщения о необычной активности В. Несколько Шелки были потревожены ими на подсознательном уровне. Эта группа могла телепатически подключиться к нему и выяснить его маршрут, с тем чтобы помешать его прибытию, употребив для этого всю свою энергию.

Пока он размышлял, уклониться ли от встречи или же подняться на борт, как Шелки часто делали, он почувствовал, что корабль слегка изменяет курс и направляется к нему. Существа В хотели контакта.

Сточки зрения ориентации в космосе, корабль, конечно же, не находился ни сверху, ни снизу по отношению к нему. Но он ощутил искусственную гравитацию корабля и принял ее за ориентир. С этой позиции корабль находился как бы под ним.

Внешние рецепторы Кемпа вели наблюдение за кораблем, и его мозгом информация принималась в виде радарных сигналов. Корабль замедлил ход и сделал широкий разворот, и сейчас они двигались в одном направлении, но скорость корабля была несколько ниже, чем его. Если бы он продолжал двигаться с такой же скоростью, то догнал бы корабль через считанные минуты.

Кемп не сменил направления. В-корабль увеличивался в размерах на фоне черноты космоса. Он измерил корабль, который оказался около мили шириной, полумили толщиной и три мили длиной.

Не имея органов дыхания, так как кислород он получал в результате электролитического обмена, Кемп не мог вздохнуть с досады. Но им овладело схожее чувство покорности и горечи перед лицом злого случая, который свел его с большой группой существ В в такое неподходящее время.

Когда они поравнялись, корабль плавно приблизился и оказался в нескольких ярдах от него. Внизу, на окутанной тьмой палубе, Кемп увидел поджидавших его существ В. Как и на нем, на них не было скафандров. На какое-то время они были полностью приспособлены к космическому вакууму. Сразу за ними Кемп разглядел шлюзовой отсек, который вел внутрь корабля. Внешняя камера шлюза была открыта, и через ее прозрачную стену Кемп увидел, что внутри вода. Инстинктивное стремление к воде заставило его содрогнуться в предвкушении блаженства. Реакцией на это проявление был страх; он подумал: «Неужели я так близок к изменению?»

Кемп-Шелки в состоянии С, когда он полностью является космическим существом — неловко опустился на палубу. Специальные костные структуры, когда-то бывшие ногами, были чувствительны к молекулярному движению в твердых телах, но прикосновение к металлической поверхности он ощутил, благодаря изменению энергии в самих костях.

В определенном смысле он стоял на ногах. Но держать себя в равновесии он мог благодаря потокам энергии, а не сокращению мышц. Мышц не было. На палубе его удерживало магнитное поле, а внутренняя контрольная система заставляла одну за другой двигаться мощные костяные глыбы с высокой чувствительностью к изменениям. Он шел вперед, подобно двуногому существу, чувствуя, как сокращаются и растягиваются эластичные кости ног. Процесс ходьбы был довольно затруднительным для него. Каждый шаг достигался попеременным размягчением и отвердеванием кости. Хотя он научился ходить давным-давно, движения у него были замедленными. Он, который мог мчаться в космосе с ускорением в 50 g, шел сейчас по палубе В-корабля едва ли со скоростью одна миля в час и был счастлив оттого, что может изобразить нечто похожее на движение в подобной среде.

Он подошел к тому месту, где стояли существа В, остановившись в нескольких футах от ближайшей коренастой фигуры.

С первого взгляда существа В казались теми же Шелки, только несколько меньших размеров, но Кемп знал, что эти злые создания были Вариантами. «В» означает «Вариант». Всегда было нелегко определить, В какого типа находится перед тобой. Разница была внутренней и не сразу различимой.

Итак, первая задача, которая перед ним стояла, — определить тип Вариантов, находящихся на корабле. Чтобы вступить с ними в контакт, он активизировал ту функцию мозга, которая называлась телепатией в те времена, когда она не была еще достаточно изучена.

Последовала пауза, и затем ему ответил В, стоявший в глубине группы; он использовал такой же способ общения.

— У нас есть причина, сэр, не раскрывать себя. И, пожалуйста, мы просим вас, чтобы вы примирились с этим, пока вам не станут понятны наши сложности.

— Секретность противозаконна, — отрывисто ответил Кемп.

К его удивлению, ответ не содержал обычной для существ В враждебности.

— Мы не пытаемся все усложнить. Меня зовут Ральден, и мы хотим вам что-то показать.

— Что?

— Мальчик. Ему сейчас девять лет. Это ребенок-Вариант, родившийся от Шелки у земной женщины. В настоящее время у него проявились качества, выходящие за пределы, допустимые для Варианта. Нам нужно разрешение на его уничтожение.

— О! — только и сказал Кемп. Он был по-настоящему взволнован. Он где-то смутно осознавал, что его сыну от первого брачного периода сейчас должно быть девять лет.

Родство, конечно же, ничего не значило. Шелки никогда не видели своих детей, и подготовка требовала от Кемпа одинакового отношения ко всем отпрыскам Шелки. Но в той атмосфере с трудом сохраняемого мира, в которой жили обычные люди, Избранные Люди и два класса Шелки, одним из кошмаров было сознание того, что когда-нибудь может появиться в нестабильном мире Вариантов какой-нибудь В со сверхвозможностями.

Эти страхи были признаны необоснованными. Время от времени Шелки, посещавшие корабли В, узнавали, что тот или иной многообещающий мальчик убит самими же Вариантами. Варианты были далеки от того, чтобы приветствовать появление суперребенка, так как они боялись, что, если

ему не помешать стать взрослым, он естественно станет лидером и будет угрожать их свободе.

Секретность объяснялась тем, что им требовалось разрешение Шелки на уничтожение ребенка. Но они все равно могли убить ребенка и не получив разрешения Шелки, веря в то, что корабль-убийца никогда не будет опознан.

— Это и есть причина? — требовательно спросил Кемп.

Это и было причиной.

Кемп медлил. Он почувствовал, как на него нахлынула волна изумительных ощущений, и это означало, что он был близок к изменению. Время для того, чтобы остаться на борту В-корабля и провести на нем день-два было неподходящим.

Но если он останется, это будет равносильно тому, что дать разрешение на казнь, чего, как он понимал, нельзя было допустить.

— Вы правильно сделали, — телепатировал он мрачно, — я пройду на борт.

Вся группа Вариантов вместе с ним двинулась к шлюзовой камере. Все сгрудилось в кучу, когда массивная стальная дверь закрылась за ними, оградив их от космической пустоты. Беззвучно стала поступать вода. Она омывала конечности существ, стоявших небольшой группой, образуя мутные водовороты.

Это было исключительно приятное чувство. Кости Кемпа начали было автоматически размягчаться, и ему пришлось приложить усилие, чтобы удержать их в твердом состоянии. Когда вода скрыла все его тело, Кемп больше не сопротивлялся, и жизненный барьер, который образовывала внешняя оболочка, стал размягчаться. Близость воды и надвигающееся изменение возбудили его. Ему хотелось всасывать эту теплую, восхитительную жидкость жабрами, которые уже стали появляться, не скрывая своего наслаждения, но приходилось сознательно сдерживать себя, так как ему казалось, что такое проявление чувств выдаст его состояние более опытным Вариантам.

Вокруг него Варианты претерпевали переход из космической формы в свое нормальное жаберное состояние. Дверь шлюзовой камеры открылась внутрь, и вся группа проплыла через нее с привычной легкостью. Дверь за ними закрылась, и они оказались внутри корабля, а точнее, в одном из многих огромных резервуаров, из которых состоял корабль.

Используя на этот раз зрение, Кемп осматривался в поисках отличительных признаков корабля. Но это был обычный тусклый подводный мир с переселенными в него из земного

моря живыми организмами. Водоросли колебались в сильном течении, которое, как было известно Кемпу, создавалось мощной системой насосов. Он чувствовал это движение воды, извергаемой из насосов. Как всегда, он полностью отдался этому движению, принимая его и делая его одним из ритмов своей жизни.

2

В этой среде у Кемпа не было проблем. Вода была естественна для него, и, переходя из состояния Шелки в состояние человека-рыбы, он терял всего лишь некоторые возможности Шелки. Весь внутренний мир Шелки с его бесконечным множеством ощущений оставался неизменным. По отдельности и в комбинациях нервные центры настраивались на различные потоки энергии. В давние времена они назывались бы чувствами. Но вместо пяти, которыми ограничивалось человеческое сознание на протяжении веков, Шелки насчитывали 184 различных чувственных восприятия, разнообразных по своей интенсивности.

В результате этого его сознание было переполнено сильным «шумом», из-за постоянно поступающей извне информации. С самых первых дней его существования основной целью его подготовки было научить его контролю над информацией, которую записывали сенсорные рецепторы.

Вода ритмично омывала его жабры, в то время как он плыл со своими спутниками в сказочном подводном царстве тропического моря. Он посмотрел вперед и увидел, что подводная вселенная изменяется по мере их продвижения вперед. Кораллы были необычного кремового цвета. Десять тысяч морских червей прятали яркие головки в свои крошечные норы. Сейчас, когда группа существ проплыла мимо, они вновь стали показываться наружу. Кораллы приобрели оранжевый цвет, затем пурпурный и снова оранжевый, а потом оттенки других цветов и их комбинаций. И все это было лишь небольшим фрагментом подводного ландшафта.

Дюжина рыбок — голубых, зеленых и пурпурных — метнулась резко вверх. Их дикая красота привлекала к себе. Они принадлежали к древним формам жизни. Избежавшие влияния магии научного знания, разрешившей так много тайн жизни, они были продуктами естественной эволюции. Кемп протянул перепончатые пальцы к проплывавшей мимо рыбешке. Она вывернулась и исчезла в круговороте крохотных подвод-

ных потоков. Кемп счастливо ухмыльнулся, и теплая вода наполнила его открытый рот... Он менялся, при этом резко уменьшаясь: напряженное тело Шелки сжалось, вновь сформированные мышцы были послушны и внутренняя костная структура сейчас составляла семь футов против максимальных десяти его космического состояния.

Из тридцати девяти Вариантов, вышедших в открытый космос, чтобы уговорить его зайти на корабль, тридцать один, как он выяснил, принадлежали к самому распространенному типу Вариантов. Самым естественным для них было состояние человека-рыбы, в котором они и жили. В течение коротких промежутков времени они могли находиться в человеческом обличье, они могли также быть и в состоянии Шелки от нескольких часов до нескольких недель, что зависело от индивидуальных особенностей каждого из них в отдельности. Все тридцать девять могли управлять ограниченным количеством энергии.

Из оставшихся восьми трое владели весьма значительным количеством энергии, один был в состоянии ставить энергетическую защиту и четверо могли иметь человеческий вид на протяжении длительного времени.

Как было общепринятым считать, они были разумными созданиями. Но Кемп, который мог своей сенсорной системой зафиксировать мельчайшие запахи тела, температуру воды в корабле и температуру за его пределами, а также лишь силой мысли мог заставить подчиняться себе любое существо из костей и мышц, уловил исходящее от этой группы смешанное чувство недовольства, раздражительности, гнева и нечто еще более сильное — ненависть. Он решил поступить так, как почти всегда поступал, имея дело с Вариантами. Он подплыл к ближайшему из них. Пользуясь каналом магнитной связи повышенной надежности, но с небольшим радиусом действия, он передал свой вопрос: «Что ты скрываешь?»

Какое-то время В был в замешательстве. Рефлекс на телепатические сообщения был настолько сильным, что он тотчас же отправил ответ на этой же волне, и Кемп завладел секретом.

Эффективность уловки вызвала у Кемпа улыбку, он был доволен, что после этого он может втянуть В в разговор. Он передал:

— Никто никоим образом не угрожает Вариантам — ни всем вместе, ни в отдельности. Тогда почему в тебе ненависть?

— Я чувствую, что мне угрожают! — последовал ответ.

— Как я узнал из твоей тайны, у тебя есть жена, у тебя также есть и дети?

- Да.
- Работа?
- Да.
- Новости политики, театр, телевидение?
- Да.
- Спорт?
- Я смотрю состязания, но не принимаю в них участия...

Они плыли через подводные джунгли. Огромные, извивающиеся водоросли, высокие нагромождения кораллов, осьминог, который уставился на них из тенистой пещеры, стремительно исчезнувший из виду угорь и стайка рыб. Это все еще была «дикая» часть корабля, где дублировались условия земного тропического моря. Для Кемпа, который уже почти месяц находился в космосе без перерыва, этот подводный заплыв действительно казался лишь приятной спортивной прогулкой.

Но он ограничился лишь замечанием: «Да, друг, много ли надо живущему. Все, что надо любому, — спокойное, приятное существование. Если ты завидуешь моим обязанностям полицейского, не надо! Это моя служба, и только раз в девять с половиной лет я могу вступать в брачные отношения. Это тебя как-то трогает?»

За этим высказыванием стоял общезвестный факт, что Шелки могли позволить себе сексуальную активность лишь с интервалом около девяти лет, но это была неправда. Это был миф, который Шелки и их ближайшие союзники среди людей, Избранные Люди, не считали нужным развеивать. Обычные же люди получали особое удовлетворение от знания того, что у Шелки есть такой существенный дефект, когда во всех прочих отношениях оставалось только завидовать им.

После того как Кемп закончил передавать мысль, которая должна была бы подействовать успокаивающе, к мрачному настроению, исходящему от В, прибавилась враждебность.

— Ты обращаешься со мной как с ребенком, — сказал он зло. — Я знаю кое-что об уровневой логике, так что мне твоей софистики не надо.

— Это всего лишь размышления, — ответил Кемп мягко. Потом добавил:

— Не волнуйся, я не скажу твоей жене, что ты ей изменяешь.

— Пошел ты к черту! — ругнулся В и уплыл вперед.

Кемп обратился к другому своему сопровождающему и завязал с ним примерно такой же разговор. Тайна этого заключалась в том, что дважды за прошедший год он уснул на посту у одного из шлюзов для выхода в открытый космос.

Третьим Вариантом, с которым он поговорил, была женщина. С удивлением он узнал ее тайну: она думала, что она сумасшедшая. Как только до нее дошло, что он читает ее мысли, в ее сознании обозначился истерический фон.

Она была изящным созданием, для которого естественным было человеческое состояние; сейчас она полностью потеряла присутствие духа. «Не говори им! — с ужасом телепатировала она. — Они убьют меня».

Кемп еще недостаточно осознал, какого неожиданного союзника он приобрел, как женщина в отчаянии передала ему: «Они собираются заманить тебя в резервуар с акулами!» Ее почти человеческое лицо исказилось, когда она поняла, что она ему открыла.

Кемп быстро спросил: «Какая у них главная цель?»

«Я не знаю. Но она не в том, что они сказали... О, прошу тебя!» Ее уже начало колотить, физически она не могла управлять собой. Вот-вот это будет замечено.

Кемп передал ей поспешно: «Не волнуйся — я помогу тебе. Даю слово».

Как он выяснил, ее звали Менза. Она сказала, что она очень красива в обличье человека.

Чтобы не выдать ее, Кемп решил, что позволит завести себя в резервуар с акулами.

Это случилось незаметно. Один из Вариантов, обладающий способностью к производству большого количества энергии, проплыл мимо него вверх. Одновременно остальные как бы случайно отстали.

— Сюда, — сказал провожатый.

Кемп последовал за ним. Прошло несколько мгновений перед тем, как он обнаружил, что он и его проводник находились по одну сторону прозрачной стены, а все остальные — по другую.

Он оглянулся в поисках сопровождающего. Вариант нырнул глубже и исчез в проходе среди нагромождения скал.

Внезапно вода вокруг него потемнела. Кемп оказался в крошечной мгле.

Он понял, что Варианты плавали поблизости за прозрачными стенами. Кемп увидел какое-то движение в извивающихся водорослях: тени, неясные очертания, мелькнувший сверкающий глаз, блики на сероватом теле... Он переключился на другой уровень восприятия, рассчитанный на различение теней, и приготовился к схватке.

В состоянии человека-рыбы Кемп мог сражаться, как гигантский электрический угорь с одним лишь отличием — для

поражения энергетическим зарядом не требовалось непосредственного контакта с противником. Заряд высвобождался в виде луча, напоминающего яркую цепочку молний, и его силы хватило бы, чтобы уничтожить с дюжину морских монстров. Он формировался вне его тела в точке пересечения потоков противоположно заряженных частиц.

Но сейчас для этого было неподходящее время. Над ним нависла опасность раньше времени перейти в другое состояние. Схватку с любым из обитателей этого моря надлежало вести с помощью уровневой логики, а не энергии. Он не посмел бы лишний раз растрачивать драгоценные запасы энергии.

Он еще принимал решение, когда из джунглей колеблющихся водорослей лениво выплыла акула и так же лениво (или это ему показалось?) приблизилась к нему, перевернулась набок, и огромные челюсти резко атаковали его.

Энергетическая волна, идущая от Кемпа к акуле, получила от него сигнал. Это был импульс, который приводил в действие чрезвычайно простой механизм в животном — механизм, создающий образ в мозгу.

У акулы не было защиты против насильственного проникновения в ее мозг. В мгновение ока у нее в мозгу появился ряд образов: челюсти сомкнулись на жертве, короткая кровавая борьба, за которой последовало ликование победителя, затем насыщение, полный желудок — и она возвращается в мир теней подводного леса — крохотной частицы огромного космического корабля, дрейфующего возле Юпитера.

Кемп продолжал воздействие на акулий мозг; образы в ее сознании уже не были связаны с движениями тела. Она продолжала по инерции плыть и в конце концов уткнулась в стену кораллов, не заметив этого. Там она зависла, представляя, что все еще находится в движении. Логика, свойственная ступени ее развития, была атакована на уровне, который отвечал за использование ее гигантской атакующей мощи.

Уровневая логика. Давным-давно сознание людей приятно щекотал факт открытия ими древнейших по своему образованию и функционированию частей человеческого мозга, где внушаемые образы и звуки воспринимались так же реально, как и настоящие. Это был самый лучший уровень логики — совсем не человеческий. Для животного вроде акулы действительность воспринималась на уровне «включить/выключить» — серия механически выполняемых условий. Есть воздействие — нет воздействия. Постоянное непрерывное движение без отдыха — бесконечная потребность в большем количестве кислорода.

Захваченное в плен внушасмыми иллюзиями, неподвижное тело акулы стало немать от недостатка кислорода. Кемп передал наблюдателям: «Вы хотите, чтобы я убил эту игрушечную рыбку?»

Молча, существа за прозрачной стеной указали ему, где можно выбраться из акульею аквариума.

Кемп вернул акуле способность самоконтроля. Но он знал, что потребуется еще минут двадцать, чтобы она пришла в себя.

Когда спустя некоторое время Кемп появился из резервуара для акул и вновь присоединился к Вариантам, он сразу же почувствовал, что их настроение изменилось. Они иронизировали над ним. Озадачивало, что у них появилось такое отношение, так как они знали, что они находятся целиком в его власти.

Кто-то в этой группе должен знать положение, которое занимает Кемп. Итак...

Он увидел, что сейчас они находятся в таком глубоком резервуаре, что дна его не было видно. Небольшие группки рыбешек ярких цветов шныряли в зеленой глубине, и вода казалась слегка холоднее, более бодрящей: такая же приятная, но уже не тропическая. Кемп подплыл к одному из Вариантов, который мог управлять энергией, и вновь задал свой вопрос: «Что ты скрываешь?»

Вариант-мужчина по имени Гелл дал Кемпу знать, что его тайна была в том, что он несколько раз использовал свою энергию, чтобы убить соперников и добиться тем самым расположения тех или иных женщин. Он был страшно напуган, что его убийства могут быть раскрыты. Он не располагал никакими сведениями, кроме того, что встречать Кемпа их отправил исполнительный офицер корабля Райбер. Имя было важной информацией.

Но еще важнее была тревожащая Кемпа догадка, что выполнение задачи, возложенной на него, было более значительным, чем о том свидетельствовали происходящие события. Он предполагал, что нападение акулы было проверкой. Но проверкой на что?

3

Вдруг впереди Кемп увидел город.

Вода в этой точке была кристально чистая. Здесь не было тех миллионов примесей, которые придавали мутный темный цвет земным океанам. Город раскинулся перед ним, омывае-

мый жидкостью, прозрачной как стекло. Полусферы домов — копии подводных городов Земли, где необходимость такой формы диктовалась давлением воды. Здесь, где была искусственная гравитация, вода заключена в металлические стены и ее масса задавалась экипажем корабля и варьировалась по необходимости. Здания могли быть любого размера в пределах разумного, изящных форм и даже могли не иметь никакой формы. Они могли быть красивыми только ради красоты, не ограниченной никакими соображениями практичности.

Здание, к которому сопровождали Кемпа, представляло собой парящий купол с минаретами. Его провели в шлюзовую камеру, где с ним остались только двое: Менза и Вариант-мужчина по имени Григ.

Уровень воды стал падать, и внутрь со свистом врывался воздух. Кемп быстро трансформировался в человека и вышел из воздушного шлюза в коридор современного здания с кондиционерами. Все трое были обнаженными.

Мужчина сказал женщине:

— Отведи его в свою комнату. Дай ему одесжду. Когда позову, проводишь его в Апартамент-1 вверх.

Григ выходил, когда Кемп остановил его.

— Где ты получил эту информацию? — требовательно спросил он.

Вариант медлил, явно напуганный тем, что к нему обратился Шелки. Выражение его лица изменилось — казалось, что он слушает.

Тотчас же Кемп активизировал некоторые центры своей сенсорной системы, которые до этого находились в состоянии покоя, и стал ждать получения информации по одному или сразу нескольким каналам. Совсем как человек, который морщит нос при запахе серы или, прикоснувшись к раскаленному докрасна предмету, непроизвольно отдергивает руку, он ожидал импульса от одного из своих многочисленных сенсоров, находившихся в напряженной работе. Он не почувствовал ничего.

Да, действительно, в человеческом обличье он не был таким чувствительным, как в состоянии Шелки. Но с таким полностью отрицательным результатом ему, в его практике, еще не приходилось встречаться.

Григ сказал:

— Он говорит, что... как только ты оденешься, чтобы... приходил.

— Кто говорит?

Григ был удивлен.

— Мальчик, — ответил он. Кто же еще? — можно было понять по всему его виду.

Пока он вытирался и одевался, Менза помогала ему, и тут Кемп поймал себя на мысли, почему она считает себя сумасшедшей. Он спросил осторожно:

— Почему вы, Варианты, такого плохого мнения о себе?

— Потому что есть нечто лучшее — Шелки. — У нее был раздраженный тон, но в глазах от расстройства стояли слезы. Она продолжала утомленно:

— Я не могу этого объяснить, но я с детства чувствую себя разбитой. В данный момент во мне безумная надежда, что ты овладеешь мною и я буду принадлежать тебе. Я хочу быть твоей рабыней.

Хотя ее черные как смоль волосы были все еще спутаны и мокры, было очевидно, что она говорила правду о своей внешности. У нее была молочно-белая кожа, стройное тело с изящными изгибами. В человеческом облике она была прекрасна.

Выбора у Кемпа не было. В ближайший час ему могла понадобиться помощь от нее. Он сказал спокойно:

— Я тебя принимаю как свою рабыню.

Реакция с ее стороны последовала бурная. Одним конвульсивным движением она бросилась к нему, извиваясь всем телом и освобождаясь от одежды.

— Возьми меня! — нетерпеливо сказала она. — Возьми меня как женщину!

Кемп, который был женат на молодой женщине из числа Избранных Людей, освободился из ее объятий.

— Рабы не приказывают! — сказал он твердо. — Рабами пользуются хозяева по своей воле. Мой первый приказ как твоего хозяина — открой мне свое сознание!

Женщина отступила от него, вся дрожа.

— Я не могу, — сказала она. — Мальчик запрещает это делать.

Кемп задал следующий вопрос:

— Что вынуждает тебя считать себя безумной?

Она покачала головой.

— Нечто... связанное с мальчиком, — сказала она. — Я не знаю, что.

— В таком случае ты его раба, а не моя, — холодно отозвался Кемп.

Ее глаза умоляли его.

— Освободи меня! — прошептала она. — Сама я не могу этого сделать.

— Где Апартамент-1? — спросил Кемп.

Она сказала ему:

— Ты можешь подняться по лестнице или на лифте.

Кемп пошел по лестнице. Ему нужно было несколько минут, всего лишь несколько, чтобы разработать план действий. Он принял решение...

Увидеть мальчишку! Определить его судьбу. Поговорить с Райбером, исполнительным офицером корабля. Наказать Райбера! Отдать кораблю приказ направляться к регистрационному пункту!

Эти решения утвердились в его сознании, когда он добрался до верхнего уровня и нажал на кнопку у дверей в Апартамент-1.

Дверь бесшумно распахнулась. Кемп вошел и увидел мальчика. Он был немногим ниже пяти футов. Кемп никогда раньше не видел человеческого ребенка с такой красивой внешностью. Паренек смотрел на экран телевизора, встроенного в одну из стен этой большой комнаты. Когда Кемп вошел, мальчик лениво повернулся и сказал:

— Мне было интересно посмотреть, что ты будешь делать с той акулой, принимая во внимание твое положение.

Он знал!

Кемп был потрясен. Он взял себя в руки и пришел к внутреннему согласию с самим собой, что он скорее умрет, но не вступит ни в какие сделки, которые могут разоблачить его, и к выполнению своего окончательного решения он подойдет с большой осторожностью.

Мальчик сказал:

— У тебя нет возможности делать что-либо другое.

Кемп пришел в себя, и у него появилось любопытство. Он настроился на режим, в котором поступление импульсов от него стало невозможно. Но мальчик все же читал во всех деталях его сигналы. Как он это делал?

Слабо улыбаясь, мальчик покачал головой.

Кемп сказал:

— Даже если ты мне ничего и не скажешь, тебе не удастся скрыть это от меня. Я выясню происхождение этой твоей способности, если пойму, в чем тут дело, и в любом случае я смогу это разрушить.

Мальчишка рассмеялся и жестом пресек обсуждение этого вопроса, сменив тему разговора.

— Ты полагаешь, что меня следует убить?

Кемп взглянул в сияющие серые глаза, которые разглядывали его с мальчишеским озорством, и почувствовал при-

ступ малодушия. С ним играл некто, и этот некто считал себя неприкосновенным. Вопрос заключался в следующем: дурачит его мальчишка или все это серьезно?

— Это серьезно, — сказал юнец.

— И если это серьезно, — продолжал анализировать Кемп, — есть ли внутренние сдерживающие факторы, которые контролируют Шелки?

Мальчик ответил кратко:

— Я не отвечу на этот вопрос.

— Очень хорошо, — Кемп отвернулся. — Если ты настаиваешь на этом решении, мое заключение будет таковым: ты вне закона. Ни одна личность, которую нельзя контролировать, не может жить в пределах Солнечной системы. Но я собираюсь дать тебе немного времени, в течение которого ты передумаешь. И мой тебе совет — прими решение стать законопослушным гражданином.

Он повернулся и вышел из комнаты.

4

Григ ждал в холле снаружи. Он, казалось, был готов услужить. Кемп, который хотел увидеть Райбера, спросил, естественно ли для того состояние человека. Оказалось, что нет. Итак, Кемп и Григ пошли к воде.

Провожатый увлек Кемпа на огромную глубину, туда, где несколько домов-полусфер были закреплены на внутреннем корпусе корабля. Там, в заполненной водой лабиринте из металла и пластика, он и нашел Райбера. Исполнительный офицер корабля оказался длинной, сильной рыбкой, у него были вытянутые глаза, что являлось особенностью для состояния человека-рыбы. Он плавал у передатчика сообщений. В одной руке у него был микрофон. Он взглянул на Кемпа и включил передатчик, сказав громко на подводном языке:

— Я полагаю, что наш разговор должен быть записан. Я не думаю, что могу доверять Шелки в том, что он объективно доложит обо всем в такой необычной ситуации.

Не споря, Кемп нехотя согласился. Разговор начался с того, что казалось абсолютно откровенным со стороны Райбера заявлением. Он сказал:

— Этот корабль и все, кто на его борту, контролируются этим замечательным мальчиком. Он не всегда присутствует здесь, и поэтому во многом мы делаем то же, что и всегда. Но

те люди, которые вас встречали, никак не могли воспротивиться его приказам. Если вы сможете с ним поладить, то совершенно очевидно, что мы снова будем свободны. Если нет, то мы — его слуги, нравится это нам или нет.

Кемп сказал:

— Должен быть какой-то уязвимый уровень. Почему ты, например, делаешь все, что он хочет?

Райбер ответил:

— Я рассмеялся, когда он первый раз попросил меня сделать то, что он хотел. Но когда, спустя много часов, я пришел в себя, то понял, что сделал все так, как он велел, пока мое сознание не подчинялось мне. В результате сейчас я все это делаю сознательно. Все это продолжается примерно около года земного времени.

Кемп тщательно допросил Райбера. То, что он продолжал физически нормально функционировать, находясь под контролем мальчика, говорило о том, что отключение сознания и было тем способом, с помощью которого мальчишка подчинял себе.

Имся это в виду, Кемп вспомнил Варианта, который уснул на дежурстве у одной из внешних шлюзовых камер. По просьбе Кемпа были собраны лица, обслуживающие шлюзовые камеры. Он опросил каждого из них насдине, повторяя вопрос:

— Что ты скрываешь?

Семь из двадцати невольно признались, что они спали на дежурствах. Все оказалось так просто. Мальчишка приближался к входу в шлюзовую камеру, блокировал сознание часового и проникал на корабль.

Кемп решил, что дальше уже можно не копать. Сложилась логическая схема. Проблема, которая сначала, казалось, затрагивала какой-то новый и непонятный вид телекинетической энергии, стала представляться более приземленной.

Он вернулся в комнату женщины и снова оделся. Менза прошла с ним до двери.

Она прошептала:

— Ты не посмеешь покинуть этот корабль, не подарив мне минуты любви. Мне необходимо почувствовать, что я принадлежу тебе.

Строго говоря, это не было правдой. У нее была изменчивая натура. Она всегда желала того, чего у нее не было, и презирала или отвергала то, чем обладала. Но он заверил ее, что у него по отношению к ней добрые намерения, и снова отправился в Апартамент-1.

Когда Кемп вошел в комнату, ему показалось, что на лице у мальчика играл румянец, а его сиявшие в их первую встречу глаза несколько потухли.

Кемп мягко сказал:

— Если я могу это выяснить, то же самое может сделать и любой другой Шелки. Ты нажил себе уйму неприятностей. А это говорит мне о том, что у тебя несомненно есть ограничения.

Шелки могли приблизиться к любому космическому судну незамеченными, если они были способны управлять энергетическими потоками, но это требовало определенной подготовки.

Кемп произнес:

— Ну, теперь ты знаешь мои мысли. Какая из них верна? Молчание.

— Твоя проблема, — сказал Кемп со значением, — в том, что Избранные Люди не оставляют никаких шансов опасным отклонениям от нормы.

Он надеялся, что мальчик понял, как непреклонно были настроены Избранные Люди.

Мальчик коротко вздохнул:

— Возможно, я это приму к сведению. Меня зовут Тсм. Я твой сын. Когда я понял, что именно ты приближаешься к кораблю, мне захотелось взглянуть на своего отца. Дело в том, что я испугался, что все могут узнать о моих способностях, которые ты нашел необычными. Поэтому я здесь, в космосе, занимаюсь оборудованием действующей базы, где всегда смогу укрыться, чтобы защитить себя. Я, конечно, понимаю, что мне нужна помощь, и думаю, что в наши отношения с людьми следует внести некоторые изменения. И кроме этого, я хочу подчиниться закону и желанию, чтобы меня перевоспитали.

Это признание внесло решающую ясность. Все больше и больше Кемп убеждался в том, что не будет никакого убийства. Поспешно, так как Кемп торопился, они обсудили ситуацию. Кемпу придется рассказать об этой встрече, когда он вернется на Землю. Для Шелки не было возможности скрыть те или иные факты от проницательных Избранных. И в течение многих месяцев брачного периода он не сможет управлять энергией. В этот период мальчик будет целиком во власти пристрастного закона.

— Не беспокойся за меня. Я готов к встрече с ними, — надменно сказал Тем.

Такой бунтарский настрой опасен и не приведет ни к чему хорошему. Но сейчас был неподходящий момент, чтобы обращать на это внимание.

— Тебе лучше отправляться сейчас же, — сказал мальчик, — но увидишь, я буду на Земле раньше тебя.

Кемп не задержался, чтобы выяснить, как он достигнет такого чуда скорости. Это тоже может подождать.

Снимая с себя одежду в комнате Мензы, он сказал с сознанием собственной гордости:

— Мальчик — мой сын.

Глаза у нее широко раскрылись.

— Твой сын?! — сказала она. — Но... — она оборвала себя на полуслове.

— Что ты хочешь сказать? — Кемп поднял на нее взгляд.

— Ничего. — Она говорила автоматически. — Я удивлена, вот и все.

Кемп закончил переодеваться, потом подошел к ней и нежно поцеловал в лоб. Он сказал:

— Я чувствую, что ты не договариваешь. Что?

Она покачала головой:

— Не сейчас. Нет, с тех пор как...

Она замолчала и казалась смущенной.

Разбираться в интимной жизни женщины не было времени. Тем более если мужчина спешит, а он действительно спешил.

Когда Кемп вышел из комнаты Мензы, вошел мальчик.

— Ты меня чуть было не выдала, — сказал он тоном, который был совершенно далек от детского.

Она съехала от страха и взмолилась:

— Я всего лишь существо В.

Он начал меняться, расти. И вот уже перед ней стоит взрослый человек, мужчина. Он направил к ней энергетическую волну, которая, должно быть, вызвала в ней огромное влечение и, несмотря на все усиливающееся выражение отвращения на лице, она бросилась к нему. Когда она была на расстоянии фута от него, он оборвал волну. Она тотчас же отпрянула назад.

Мужчина рассмеялся и отвернулся от нее. Потом он открыл канал связи и непродолжительное время общался с кем-то на неизвестной планете отдаленной звезды. В беззвучном разговоре он сказал:

— Я все-таки решил вступить в личный контакт с Шелки, одним из самых могущественных обитателей системы. Определяющая концепция его мировоззрения называется «уровневая логика». Я узнал, что единственный, с кем он захочет иметь дело, — это его ребенок, кроме которого у него детей нет; своего сына он никогда не видел. Я слегка изменил его

отношение к мальчику, сделав так, что он проявил к нему больший интерес, нежели просто к своему сыну. Полагаю, что теперь я без опасности для себя смогу высадиться на главной планете системы под названием Земля.

— Ты, должно быть, использовал его в качестве канала?

— Да. Я пошел на этот риск.

— Были ли другие каналы, которые ты использовал, Дисаринн?

Мужчина взглянул на Мензу.

— За одним исключением, они не допустят попыток проникнуть в их сознание. Они — это группа восставших, их называют существа В, они подозрительны и враждебны ко всем жителям системы. Исключение составляет Вариант-женщина, которая полностью находится под моим контролем.

— Почему бы ее не аннигилировать?

— Эти существа обладают чем-то вроде сенсорно-телепатической связи, и похоже, что они могут с нею управляться, но как они это делают, я понял не до конца. Если она умрет, я думаю, они об этом сразу же узнают. И кроме того, я не могу здесь делать то, что я делаю обычно.

— А как насчет того Шелки?

— Введенный мною в заблуждение, он направляется сейчас на Землю. Также важно то, что там ему предстоит претерпеть физиологическое изменение, лишаящее его наступательной и защитной мощи, которой он обладает в своем нынешнем состоянии. Я позволю этому физическому процессу благополучно завершиться, а потом я его убью.

5

Кемп передал свой доклад через спутник «Пять-Р» своему шефу, Чарли Бакстеру, в Шелки-Управление. Когда он добрался до спутника и перешел в человеческое состояние, он получил ожидавшую его радиограмму от Чарли. Вней говорилось:

ПРИНЯЛ МАЛЬЧИКА. УПРАВЛЕНИЕ ЗАПРЕЩАЕТ ТЕБЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ, ПОКА ВСЕ НЕ ПРОЯСНИТСЯ.

— Пока вы с ним не разделаетесь, ты это имеешь в виду! — подумал Кемп со злостью. Действия начальства удивили его. Это было непредвиденное препятствие.

Командир спутника, обыкновенный интеллигентный человек, вручивший ему сообщение, сказал:

— Мистер Кемп, я получил инструкции, запрещающие вам до дальнейших указаний пользоваться любым кораблем, идущим на Землю со спутника. Все это очень необычно.

«Необычно» — это было мягко сказано. То, что Шелки могли свободно прилетать и улетать с Земли, разумелось само собой.

Кемп принял решение.

— Я снова ухожу в космос, — сказал он будничным тоном.

— А вы разве можете прямо сейчас же вернуться в состояние Шелки? — офицер был в раздумье, отпускать его или нет.

Кемп криво улыбнулся и рассказал расхожую среди Шелки шутку, где они сравниваются с беременными женщинами, которых одолевают ложные схватки. Они ложатся в больницу, где проводят какое-то время, в конце концов возвращаются домой, а в итоге, после нескольких ложных тревог, рожают где-нибудь в такси.

— Ну что же, сэр, — уныло произнес офицер, — поступайте, как считаете нужным. Но в космосе нет такси.

— Изменение не происходит так внезапно, — сказал Кемп, который боролся с необходимостью менять свое состояние уже много часов подряд.

Перед тем как покинуть спутник, Кемп подал телеграмму жене:

ДОРОГАЯ ДЖОАНН. СИТУАЦИЯ СЛОЖНАЯ. ЗАДЕРЖИВАЮСЬ. О ВРЕМЕНИ НАШЕЙ СКОРОЙ ВСТРЕЧИ СООБЩУ ПОЗЖЕ. ПОЗВОНИ ЧАРЛИ. С ЛЮБОВЬЮ. НЭТ.

Это кодированное сообщение, конечно, расстроит ее, он знал это. Но он не сомневался, что она сделает так, как он захочет, и придет на запланированную встречу. Она придет хотя бы для того, чтобы от имени Избранных Людей выяснить, что у него на уме.

Оказавшись в космосе, он сразу же направился к точке над Южным полюсом и начал снижение. Согласно теории, Шелки только таким образом и могли идти на сближение с планетой. Полюса были относительно свободны от радиации. Там, где магнитное поле искривлялось и отклонялось к земле, мощная радиация Ван Аллена представляла минимальную угрозу.

Тем не менее было два момента сильной бомбардировки: один — частицами высокой энергии, другой — рентгеновскими лучами. Рентгеновские лучи не причинили ему никакого вреда, и частицы проходили через тело почти так же свобод-

но, как и в вакууме. Кемп поспешно отторгал серьезно поврежденные клетки.

По мере того как Кемп входил в атмосферу, он постепенно активизировал силовые линии магнитного поля планеты, оставляя их за собой. Когда они начали ярко светиться, он почувствовал на себе пляшущие лучи радара. Но в этот момент они уже не представляли никакой проблемы. Движение его тела и огненный хвост за ним радар зафиксирует как одно явление, сходное с падающим метеоритом.

Он входил в атмосферу под острым углом, и направление его движения совпадало с направлением вращения Земли. На высоте десять миль он замедлил спуск и приводнился севернее Антарктики — примерно в тысяче миль от южной оконечности Южной Америки. Холодная вода быстро смыла радиоактивные частицы, которые все еще оставались на внешней оболочке его тела, находившегося в состоянии Шелки. Он стремительно ринулся вверх футов на пятьсот, охлаждаясь водой, двигаясь то быстрее, то медленнее, что было очень приятно, но минут через сорок это пришлось прекратить, так как он находился уже совсем близко от того места, где жил — неподалеку от Флориды. Последние пять минут он полностью провел под водой.

Он поднялся на поверхность, когда был уже виден пляж, и перешел в жаберное состояние, а в двухстах метрах от берега — в человеческое. Ему была уже видна машина Джоанн, припаркованная на дороге за песчаной дюной. Он доплыл кролем до мелководья и там, рассекая вздымающиеся волны, побежал к тому месту, где она лежала на одеяле и наблюдала за ним.

Она встала — красивая, стройная блондинка с голубыми глазами. Она была бледна, и ее классически очерченное лицо приняло застывшее выражение, когда она подавала ему полотенце. Кемп вытерся и надел одежду, которую она принесла. Через несколько минут они уже сидели в машине, и только там она разрешила себя поцеловать. Но она все еще блокировала свои мысли, и тело ее было напряжено. Она явно не одобряла его действия.

Наконец она заговорила, отказавшись от телепатической связи.

— Ты отдаешь себе отчет в том, — сказала она, — что, настаивая на своем, ты станешь первым Шелки за более чем 100 лет, который будет наказан или казнен?

То, что она говорила, и говорила на языке людей, утвердило Кемпа в его подозрении. Он уже был уверен, что она сообщила в Шелки-Управление о его несанкционированном

приземлении и их разговор сейчас прослушивается Избранными.

Он не осуждал Джоанн. Он даже допускал, что Избранные готовы помочь ему в этот непростой момент. Возможно также и то, что они ускорили разбирательство с делом Тема; в этом случае с казнью тянуть не будут.

— Что ты собираешься делать, Нэт? — сейчас ее голос звучал скорее обеспокоенно, чем гневно. Первый раз за время, прошедшее с момента их встречи, лицо ее порозовело.

Где-то в глубине души Кемп слегка удивился своей решительности, но раздумывать об этом не стал. Он сказал холодно:

— Если они убьют мальчика, я буду знать почему.

Она нежно отозвалась:

— Никогда не думала, что Шелки может испытывать такое чувство к своему ребенку, которого он не видел с рождения. В конце концов, мне тоже пришлось от него отказаться.

Кемп почувствовал раздражение.

— Это не носит личного характера, — ответил он резко.

Она заговорила с внезапной эмоциональностью:

— Тогда ты прекрасно знаешь причину. Очевидно, что мальчик владеет способом скрывать свои мысли и умеет читать чужие — согласен твоему же докладу: даже ты не мог проникнуть в его мозг. С таким индивидуумом Избранные не могут чувствовать себя в безопасности, которая сложилась исторически. Это становится делом политики.

— В своем докладе, — сказал Кемп, — я рекомендовал пятилетнюю программу по изучению и перевоспитанию мальчика. Именно так все и должно быть.

Казалось, что она его не услышала. Она сказала, словно думая вслух:

— Шелки были созданы людьми на основе великих биологических открытий последней половины XX века. Когда была выделена ДНК — основной химический элемент жизни, стало возможным выделение огромного количества жизненных форм, помимо тех, которые были созданы природой. Новых существ называли Шелки.

Но необходимо было быть очень осторожными в этом деле. Нельзя было допустить, чтобы Шелки развивались так, как это им заблагорассудится. Поэтому их гены, которые наделяют их таким множеством замечательных возможностей и чувств, содержат также и определенные ограничения. По своему желанию они могут становиться человеком, рыбой, Шелки. Управляя своим телом таким образом, они сохраняют в себе почти все возможности, присущие Шелки, в любой из этих форм. Но

каждые девять с половиной лет им приходится становиться обычными людьми, чтобы вступать в сексуальные отношения. Это в них запрограммировано, и они не могут этому помешать.

Шелки, которые в прежние времена пытались исключить эту фазу из жизненного цикла, были уничтожены. Во время такого принудительного превращения в человеческое состояние они теряют все свои способности. Шелки и становятся простыми смертными. Этим и объясняется то огромное влияние, которое мы имеем на них. В этот период мы можем наказать их за что-либо противозаконное, совершенное в состоянии Шелки. Не существует Шелки-женщин — это еще один рычаг. Если от брака Шелки и женщины из Избранных рождается девочка, то она не Шелки. Это тоже запрограммировано...

Она замолчала, а затем продолжала снова:

— Избранные Люди — это лишь крошечная часть тех людей, которые, как было научно обосновано, обладают врожденной способностью читать мысли Шелки. Они использовали эту свою способность, чтобы установить административную власть над Шелки, когда тех еще было немного, тем самым они защитили и себя, и все человечество от существ, которые в противном случае обрели бы полное господство над ними.

Заканчивала она недоумевающим тоном:

— Ты всегда был согласен с необходимостью такой защиты, чтобы люди могли выжить. Сейчас ты думаешь по-другому?

Кемп не ответил, и она продолжала более настойчиво:

— Почему бы тебе не пойти в Шелки-Управление и не поговорить с Чарли Бакстером? Один-единственный разговор продвинет тебя гораздо дальше, чем твое неповиновение.

Потом она быстро добавила:

— Тем у Чарли. Так что тебе все равно придется туда идти. Пожалуйста, Нэт.

Он не столько проникся всем сказанным ею, сколько ее предложение навело его на мысль о возможности попасть в здание. Но он не был очень удивлен, спускаясь в своем гелиджке на крышу Шелки-Управления, увидев там ожидавшего его Чарли Бакстера — высокого, тонкого, необычно бледного человека довольно-таки приятной внешности.

Когда они спускались на лифте, Кемп чувствовал, как они проходят через энергетический экран, предохраняющий здание от воздействий внешнего мира. В этом не было бы ничего необычного, если бы он не знал о силе, приводящей этот эк-

ран в действие. Она была настолько огромна, что могла бы защитить и город или даже значительную часть планеты.

Кемп вопросительно взглянул на Бакстера и встретился со взглядом спокойных и серьезных глаз. Спокойным тоном тот сказал:

— Сейчас ты можешь читать мои мысли.

В мозгу Бакстера он прочитал, что его радиограмма заставила их в спешном порядке заняться обследованием Тема, в результате чего они пришли к выводу, что с Темом все в порядке и что-то серьезное случилось с самим Кемпом.

— Ни секунды, — сказал Бакстер, — твой сын не был в опасности. А сейчас взгляни на видеопленку. Кто из них Тем? Он там есть.

Они вышли из лифта и прошли в большую комнату. На телеэкране, расположенном на стене, появилась сцена, снятая на улице. Несколько мальчиков надвигались на скрытую камеру, очевидно не зная о ее существовании.

Взгляд Кемпа мельком скользнул по незнакомым лицам.

— Никогда не видел никого из них раньше, — сказал он.

— Мальчик справа от тебя — твой сын, — сказал Бакстер.

Кемп посмотрел, затем повернулся и устоялся на Бакстера. И поскольку в его мозгу существовали энергетические связи, объединяющие в одно целое элементарные соединения нейронов, моментальная вспышка понимания высветила в его сознании полную картину происшедшего. Это мгновенное просветление включало в себя и осознание того, как умело воспользовался его лжесын его установкой на защиту всех детей Шелки. Затем он перескочил к моментальному анализу энергетического уровня, сигнал от которого был им тогда получен. Почти тут же он понял, что тот сигнал был единственным прямым контактом, который допустил мальчик на борту В-корабля. Во всех других случаях псевдо-Тем лишь принимал сигналы.

Он вернулся к действительности и увидел перед собой внимательные сверкающие глаза Бакстера, устремленных на него. Затаив дыхание, Бакстер спросил:

— Думаешь, мы можем что-нибудь сделать?

Еще было слишком рано отвечать на этот вопрос. Кемп с благодарностью осознал, какая надежная была ему организована защита со стороны Избранных Людей. Ему показалось, что если бы он начал догадываться о правде до того, как попал за защитный экран, который его сейчас охранял, то лже-Тем наверное попытался бы его уничтожить.

Бакстер снова заговорил:

— Давай сядем и посмотрим, что нам покажет компьютер о том одном сигнале, что ты принял.

Компьютер выделил три структурных фрейма, которые могли бы принадлежать лже-Тему. Кемп и Бакстер с удивлением изучали закодированную информацию, потому что они ожидали увидеть нечто иное, чем отклоняющийся от нормы фрейм Варианта.

Все три структуры были внеземного происхождения. Быстрый анализ показал, что две из них не представляли собой ничего интересного и такому всесильному захватчику, каким безусловно был пришелец, не было особенной нужды их скрывать. Но третий фрейм, включающий в себя ужасную форму малораспространенного в природе полового акта, кульминацией которого было ритуальное убийство одного партнера другим, как это бывает у пауков, представлял серьезную опасность.

В голосе Бакстера прозвучало нежелание верить этому:

— Вот эта картина, говорящая о том, что им необходимо большое количество объектов любви. Неужели это возможно?

Закончил он несколько спокойнее:

— Я объявлю тревогу среди Шелки, мобилизуем другие наши силы... Но ты можешь что-нибудь предпринять сейчас же?

Кемп, сенсорная система которого была уже готова к включению всех трех чуждых фреймов, был напряжен и испуган. Он сказал:

— Я спрашиваю себя, куда бы он мог отправиться... конечно же — ко мне домой. Как ты думаешь, Джоанн уже туда вернулась? Она никуда больше не должна была идти?

Он увидел, что Бакстер отрицательно качает головой... Кемп поспешно двинулся к двери, ведущей на балкон, перешел в состояние Шелки и, используя магнитные силовые линии, частично блокировал действие гравитации... вряд ли он когда-либо действовал в такой спешке.

6

В большой дом на берегу моря он вошел в человеческом облике, чтобы было удобнее преодолеть последние несколько ярдов и передвигаться по дому. Так как он адаптировался к сенсорной системе пришельца, сигнал о его прибытии поступил невнятный.

Джоанн он нашел в спальне полураздетой.

Никогда не казалась она более привлекательной. Ее улыбка, теплая, зовущая и ласковая, притягивала его к себе. Она была в таком состоянии возбуждения, что оно само давало о себе знать, вызывая к жизни изначальный, такой всепоглощающий импульс, что, казалось, все его чувства покрылись тонким, полупрозрачным покрывалом, затуманивающим видение реальности. Почти святающаяся великоколесием плоти женщина лежала на розовой кровати, и все его существо сконцентрировалось на ней. Долгие мгновения не существовало больше ничего. Были лишь два человека, безмерно любящих друг друга.

Задыхающийся, ошеломленный этой ужасной силой, сковавшей его в один момент, Кемп стал думать о возможной судьбе настоящей Джоанн и, переключив внимание на страх за нее, разорвал чары.

Злость, ненависть, жестокость, накопившиеся в нем, вывалились наружу.

Но магнетически управляемое излучение, которое Кемп направил на чужое существо, рассеялось, встретившись с энергетическим экраном и не причинив чужаку никакого вреда. Вскипевший от ярости, он бросился на пришельца, схватив его голыми руками.

В течение каких-то секунд они боролись, почти обнаженная женщина и совершенно голый Кемп. Затем Кемп отлетел назад, отброшенный чужаком, мускулы которого были в десять раз сильнее, чем его собственные.

Он вскочил на ноги, уже протрезвевший, и снова начал думать. Он начал думать о той угрозе, которую представляет это создание для Земли, и о проблемах, которые возникнут с его появлением.

Дубликат Джоанн начал изменяться, и, хотя кружевное женское белье все еще облегалo ее бедра, в манерах не осталось уже ничего женского. С невероятной жестокостью в глазах, свойственной лишь мужчинам, чужак и Кемп смотрели друг на друга.

Кемп был охвачен отчаянным волнением за свою жену, но ему и в голову не пришло спросить это существо о ней. Вместо этого он сказал:

— Я хочу, чтобы ты ушел. Мы свяжемся с тобой, когда ты будешь в космосе за миллион миль отсюда.

Красивое человеческое лицо чужака скривилось в презрительной улыбке:

— Я уйду. Но догадываюсь, что ты собираешься узнать, откуда я. Этому не бывать никогда.

Кемп ответил ровным тоном:

— Посмотрим, что из тебя смогут вытащить две тысячи Шелки.

Кожа пришельца светилась здоровьем. Он был уверен в себе и сознавал свою силу.

— Видимо, я должен сообщить тебе, что мы, Кибмадины, достигли полного контроля над силами, которые Шелки контролируют лишь частично, — сказал он.

— Много несгибаемых могут справиться с одним гибким, — возразил Кемп.

Ответ последовал тоном, не терпящим возражений:

— Не старайтесь нападать на меня. Цена будет слишком высока.

Он направился к двери. И был момент, когда у Кемпа появилась другая мысль, другое чувство — нежелание отпускать это существо, не попытавшись протянуть друг другу руки через пропасть, их разделяющую. Это ведь был первый контакт человечества с инопланетной цивилизацией. За несколько секунд Кемп припомнил многочисленные мечты, рождавшиеся у людей, о такой встрече. Но потом, когда безгранично враждебная действительность надвинулась на него, заполнив необъятную пустоту между ними, колебания его кончились.

Минуту спустя чужак шел по тропинке, изменяясь, растворяясь в воздухе, и... исчез.

Кемп связался с Бакстером и сказал:

— Соседините меня с другим Шелки, чтобы он смог меня сменить. Я действительно ужасно близок к изменению.

Через центр Шелки-связи Кемп был соединен с Шелки по имени Джек. В это время Бакстер ему передал:

— Мне дали большую государственную власть в этом деле. Скоро я буду у тебя.

Кемп нашел Джоанн в одной из свободных спален. Она лежала в кровати, полностью одетая, медленно и глубоко дыша. Он пропустил через ее сознание мгновенный поток энергии. Отраженные волны убедили его в том, что она просто спала. Он также получил какую-то толику энергии чужака, которая до сих пор находилась в ее клетках. Информация, заложенная в этой энергии, со всей очевидностью и мгновенно объяснила ему, почему она до сих пор была жива: Кибмадин использовал ее тело как модель, чтобы снять с него копию.

То, что она осталась жива, говорило о том, что у этого существа была более желанная добыча — Шелки.

Кемп не пытался разбудить спящую женщину, но он почувствовал большое облегчение, выйдя во дворик, из которого открывался вид на белый песок пляжа и не подверженный течению времени океан. Он сидел там, пока к нему не присоединился Бакстер.

До этого они уже общались мысленно, и сейчас Бакстер сказал: «Я чувствую в тебе сомнение». Кемп кивнул. Бакстер спросил мягко: «Чего ты боишься?» — «Смерти!» Глубоко внутри него сидело это чувство.

Там же, во дворике, он решил, уже во второй раз после того, как был вовлечен в историю с чужаком, что он умрет, если это будет необходимо. Приняв такое решение, он начал настраивать все свои сенсоры, предварительно убрав локальные шумы Земли: телевидение, радио, радары, бесчисленные энергетические потоки от машин, — от всего необходимо было отключиться. Сделав это, он тотчас же начал «слышать» сигналы из космоса.

Еще задолго до появления Шелки было известно, что космос был заполнен разными сообщениями: все звездное пространство пульсировало от невероятного количества вибраций. Час за часом, из года в год жили Шелки с этим непрекращающимся шумом, и большая часть их начальной подготовки была направлена на развитие способности к избирательному сну, на выработку механизма «покой — бодрствование» для каждого рецептора.

Сейчас те, которые спали, — проснулись, которые находились в состоянии покоя — активизировались.

Мозг Кемпа достиг наивысшей точки активности, и он начал чувствовать близкие звезды и дальние звезды, созвездия, галактики. У каждой звезды был свой сложный сигнал. Двух одинаковых или даже похожих сигналов не было нигде.

Все во вселенной, на которую он настроился, было строго индивидуально. Кемп определял расстояние до каждой звезды, уникальность каждого сигнала. Дружелюбный космический мир! Каждая звезда, будучи такой, какая она есть, и находясь там, где она находилась, наполняла огромную звездную вселенную значением. Там не было хаоса. Он ощущал свое собственное положение в пространстве и во времени, и это давало ему уверенность в правильности существующего порядка вещей.

7

Кемп завершил проверку своей сенсорной системы, и радиус ее действия сузился примерно до миллиона миль от Земли. Он сделал паузу, чтобы зафиксировать поступление сигналов в этом радиусе.

Не открывая глаз, он сказал Бакстеру:

— Я не чувствую его присутствия. Он, должно быть, находится с обратной стороны планеты, так что вся масса Земли разделяет нас. Отражатели готовы?

Бакстер разговаривал с кем-то, используя для этого телефонную линию, которая была постоянно свободна для него. Телстар и астрономические спутники, заранее приведенные в состояние готовности номер один, находились в распоряжении Кемпа. Через один из отражателей он сфокусировался на пришельце.

Кемп передал чужаку:

— Нам нужна информация помимо той, что ты уже дал.

Тот ответил:

— Видимо, я должен рассказать вам нашу историю.

Итак, Кемпу был передан рассказ о вечных любовниках, о более чем миллионе существ, которые перемещались от одной планетной системы к другой, каждый раз принимая вид их обитателей и вступая с ними в любовные отношения. Лишь дважды эти любовники встретились с существами, обладавшими достаточной мощностью, чтобы противостоять им. В каждом случае Кибмадины разрушали всю систему. Ди-исаринн закончил: «Больше никакой информации для вас нет». Кемп прервал контакт. Потрясенный Бакстер сказал:

— Ты думаешь, это истинная информация?

Кемп ответил, что, по его мнению, — да, и закончил решительно:

— Наша задача заключается в том, чтобы уяснить одну вещь: откуда он; а затем уничтожить его.

— Но как ты предлагаешь это сделать?

Это был хороший вопрос. Его единственная стычка с этим существом заставила его упереться в стену невероятной мощи.

Кемп опустил ниже в своем кресле и с закрытыми глазами стал размышлять о расе существ, которые могли полностью управлять изменениями своего тела. Много раз, проводя долгое время на патрульных дежурствах в космосе, он обдумывал

такие возможности. Клетка может расти и сокращаться, делиться, распадаться, принимать другие формы — и все это в течение нескольких секунд. В той еще недостаточно исследованной сфере жизни, где вирусы, бактерии и клетки вели свое сложное существование, огромная скорость изменений сделала возможным почти моментальный переход из человеческого состояния в состояние Шелки и обратно.

Очевидно, что пришелец-захватчик мог превращаться в бесконечное количество форм с одинаковой быстротой, меняя очертания тела по своему желанию.

Но уравнивая логика могла быть применима к любому из действий Кибмадина.

Голос Бакстера донесся до Кемпа откуда-то сзади.

— Ты уверен? — голос звучал недоверчиво.

Этот вопрос вызвал у Кемпа две реакции — радость от того, что его анализ принят Бакстером... и еще большую убежденность. Вслух он сказал:

— Да, логика применима. Но, имея дело с ним, необходим более тесный энергетический контакт. Дюймы будут лучше футов, а футы — лучше ярдов. Поэтому я сам лично должен пойти туда.

— Куда туда? — спросил Бакстер. Казалось, он был ошеломлен.

— На его корабль.

— Ты думаешь, что у него есть корабль?

— Конечно, есть. Что-либо другое было бы непрактично для его операции.

Кемп был терпелив, разъясняя все это. Он давно заметил, что даже Избранные Люди ошибались, когда дело касалось передвижения в пространстве. Они были склонны допускать, что возможности Шелки более широки, чем на самом деле. Но логика его рассуждений была проста: двигаясь по направлению к Солнцу, он мог полностью использовать силу его притяжения, чтобы набрать скорость. Сейчас Кибмадин наверняка взбирался по лестнице планет, блокируя гравитацию Солнца позади себя и отдаваясь тем самым во власть притяжения Юпитера и других удаленных планет.

Ни одно из существ, которые могут передвигаться в космосе таким образом, не воспользовалось бы подобным способом, чтобы покрыть расстояние между звездами. Это означает, что есть корабль. Должен быть.

Кемп сказал:

— Закажите для меня космический корабль. Пусть там будет резервуар с водой, который можно было бы передвигать.

— Ты ожидаешь, что можешь измениться, пока мы доберемся туда?

— Это может случиться в любую минуту.

Бакстер сказал, пораженный:

— Ты намереваешься противостоять самому могущественному существу, какое только можно себе представить, не располагая и частицей своей обычной энергии?

— Да, — сказал Кемп, — только таким образом его можно вовлечь в зону действия дюймовой энергетической волны, источник которой я помещу в резервуар. Ради всего святого, старина, давай начинать.

Бакстер неохотно потянулся к телефону.

8

Как Кемп и предполагал, он начал изменяться на пути к цели. К тому времени когда его приняли на борт корабля Кибмадинов, он был уже в резервуаре с водой, перейдя в результате первой стадии произвольного изменения в состояние человека-рыбы.

На протяжении двух месяцев он будет Шелки класса Б. Когда наконец на борту маленького корабля, находившегося на отдаленной орбите за Плутоном, появился Ди-исаринн, он сразу же заметил, что кто-то пользовался входным отсеком, и почувствовал присутствие Кемпа на борту.

С течением бесчисленного ряда тысячелетий чувства Ди-исаринна несколько притупились, и никакого беспокойства он не ощутил. Но все признаки ловушки он несомненно распознал.

Чтобы быть уверенным, он быстро проверил, нет ли на борту источника энергии, которая могла бы уничтожить его. Ничего подобного не было, никаких сигналов, ничего.

Слабый поток энергии исходил из резервуара, но ее назначение Ди-исаринн не мог установить.

С едким сарказмом он поинтересовался про себя, уж не блефовали ли эти человеческие существа в надежде, что чувство неопределенности заставит его воздержаться от попытки попасть на свой собственный корабль.

С этой мыслью он открыл входной отсек, вошел, трансформировался в человеческую форму, подошел к резервуару,

который стоял в центре крошечной каюты, и опустил глаза на Кемпа, лежавшего на дне.

Ди-исаринн сказал:

— Если это блеф, то я при всем своем желании не могу на него поддаться, потому как мне больше некуда деваться.

В состоянии человека-рыбы Кемп мог слышать и понимать человеческую речь, но говорить он не мог.

Ди-исаринн продолжал:

— Это очень интересно, что тот самый Шелки, мысли которого я в данный момент не могу читать, пошел на огромный риск, поднявшись на борт моего корабля. Твой компьютер помог тебе ко мне приспособиться, но, может, ты в большей степени поддался тогда желанию, которое я пытался пробудить в тебе, чем мне показалось? Может, ты жаждешь той страсти и того экстаза, что я предложил?

Кемп напряженно думал: «Работает. Он не заметил, как заговорил на эту тему».

Уровневая логика начинала приносить плоды. Это странный мир — мир логики. На протяжении почти всей своей долгой истории человек был движим механизмами сознания и нервной системы, механизмами, о которых он и не подозревал. Центр, ответственный за сон, усыплял его; центр бодрствования — пробуждал; механизм ярости мобилизовывал человека для атаки, механизм страха бросал его в бой. Существовало также еще сто с лишним великолепных в своем совершенстве механизмов, каждый из которых выполнял свою особую задачу, но эффективность их функционирования была снижена из-за того, что человек не понимал их возможностей до конца, а лишь время от времени послушно следовал их сигналам, когда то один, то другой из них активизировались в силу непредсказуемого влияния действительности.

Во время этого периода поведение человека определялось терминами «честь» и «рамки приличия», «благородство» и «неблагородство». Но с течением времени пришло знание о нейро-механизмах, появилось умение управлять ими — сначала одним, потом другим, а затем — многими.

Начался настоящий Век Знания. Руководствуясь как раз этим знанием, Кемп спросил у себя, был ли уровень Кибмадина выше или ниже, чем, например, уровень той же самой акулы? Он решил, что этот уровень был ниже. Это можно было бы сравнить с тем, как если бы каннибализм считался нормальным явлением человеческой жизни. Каннибализм определялся более низким уровнем логики.

Акула была относительно чиста и безгрешна в своих рамках. Она живет по принципу обратной связи и поддерживает хорошо сбалансированное существование. Она не стареет, как люди, а взрослеет и становится длиннее. Варварски простая система. Двигается — вот ее закон. Какая поэзия заключена в движении, движении в безбрежном глубоком море, породившем акулу! Движение заключалось в простой схеме: недостаток кислорода — возбуждение, плывет быстрее; достаточно кислорода — замедленные движения, дрейф или полная остановка. Но ненадолго. Постоянное движение — вот вся жизнь акулы.

Поглощение пищи уже само по себе более примитивно и принадлежит более низкому уровню, восходя к древним временам зарождения клетки. Таким образом, могущественные Кибмадины, эволюционируя, сохранили во всех своих многочисленных формах один элемент, который делал их уязвимыми и от которого не избавишься, как бы мастерски они ни управляли другими основными механизмами своего организма...

Ди-исаринн чувствовал себя спокойно и не терял контроля над собой. К несчастью, Шелки сделал очень точный анализ структуры Кибмадинов. Но собственно, это не имело большого значения. При других обстоятельствах Земля, конечно же, была бы уничтожена. Но теперь это представлялось невозможным, так как слишком много Шелки было привлечено одновременно к спасению планеты от завоевания.

И поэтому какой-нибудь другой расе придется испытать на себе экстаз, в который приходишь, будучи посдаемым в момент наивысшей точки акта любви.

Какой радостью наполняется все твое существо, когда от десятков миллионов клеток получаешь сначала сопротивление, ужас, неприятие, а затем совершенно обратный набор ощущений: каждая частица существа просит, чтобы ее съели, жаждет, умоляет, требует...

Спокойствие Ди-исаринна уступило место возбуждению, по мере того как в его сознании появились картины и ощущения, вызванные десятками тысяч воспоминаний о пиршествах любви.

«Я действительно всех их любил, — подумал он печально. — Плохо, конечно, что их воспитанием не было заложено любви к наивысшему наслаждению, которое получаешь во всепоглощающем конце сексуальной оргии».

Ди-исаринна всегда беспокоило то, что подготовку к акту любви следовало держать в секрете, особенно с теми существ-

вами, которые мысленно могли передать информацию себе подобным, тем самым предупредив их. Самое большое удовольствие приходило в тот момент, когда становилась известной развязка и партнер по любовной утехе превращался в дрожащее, испуганное существо, которое старалось успокоить сильно бьющееся сердце.

— Когда-нибудь, — говаривал он тысячам своих любовных партнеров, — я встречу того, кто съест меня. И когда это случится...

Он всегда старался убедить их, что ему доставит только радость, когда его будут пожирать.

Тот переворот в ощущениях, который испытывали жертвы, был неотъемлемым условием жизни: стремление умереть было так же сильно, как и стремление выжить.

Находясь перед резервуаром и глядя на Кемпа, Ди-исаринн почувствовал нарастание желания, когда мысль о том, что он может быть съеденным, словно легкая фантазия, промелькнула у него в мозгу. У него и раньше возникали такие картины, но никогда не были они столь сильны.

Он не заметил, как миновал точку, после которой уже не было возврата. Не отдавая отчета в своих действиях, он отвернулся от резервуара. Забыв о Кемпе, он быстро превратился в одну из жизненных форм, которую еще прочно держала его память, — с длинной шеей, гладкой пятнистой кожей и мощными зубами. Его память цепко и с любовью сохранила образ такого существа. Представители этой расы были объектами любви Кибмадинов сравнительно недавно. Их тела обладали особой нервной системой, которая доставляла просто мучительное наслаждение.

Ди-исаринн едва сдерживал свое нетерпение.

Как только он превратился в это существо, его длинная шея изогнулась. Мгновение спустя зубы, в которых сконцентрировалась безжалостная жажда Кибмадина кусать, отхватили целое бедро. Боль оказалась настолько ужасной, что он пронзительно закричал. Но в его очарованном мозгу этот крик отождествился лишь эхом тех бесчисленных криков, что в прошлом вызывали его укусы. Сейчас, как и тогда, этот звук возбудил его так, что он не мог больше сдерживать себя.

Он кусал глубже, жевал энергичнее, проглатывал быстрее. Он сожрал уже почти половину собственного тела, когда надвигающаяся смерть принесла с собой из его прошлого детский страх. Всхлипывая, охваченный слепым стремлением домой, он вышел на контакт с себе подобными, обитающими сейчас на планете у дальней звезды.

В то же самое мгновение какая-то сторонняя сила пронеслась мимо него и поглотила его сообщение. Дюжина Шелки как один направили по открытой им линии электрический заряд такой силы, которую, по их подсчетам, эта линия могла вынести лишь на своем пределе.

Заряд, ударивший далеких Кибмадинов, составлял более чем 140000 ампер при напряжении 80000 вольт. Он был настолько мощным, что попросту смял всю защиту соплеменников Ди-исаринна, а его самого сжег так, что от него остались лишь вспышка и дым.

Линия контакта перестала существовать так же быстро, как и все это случилось. Солнечная система стала всего лишь отдаленной, неизвестной звездой...

Резервуар с Кемпом внутри был перенесен в океан. Он выбрался наружу в море и ощутил мощь надвигающегося прилива и свежую, пузырящуюся жидкость, заполняющую жабры. Добравшись до большой воды, он ушел в глубину. И вскоре шум прибоя был далеко позади. А впереди — голубой океан, где на большой подводной отмели расположилась колония Шелки класса Б и жила своей подводной жизнью. Он найдет пристанище в их домах-куполах... на время.

9

Период жизни Кемпа, когда он находился в состоянии низшем, нежели состояние Шелки класса С, прошел без особых событий.

Примерно год спустя Нэт Кемп, идя по улице, прошел мимо какого-то мужчины и остановился.

В этом человеке было что-то такое, что вызвало сигнал в той части нервной системы, которая сохраняла возможности Шелки, даже когда он был в состоянии человека. Как он ни старался, он не мог припомнить, чтобы ощущал этот необычный сигнал раньше.

Кемп оглянулся и посмотрел назад. Незнакомец задержался у ближайшего угла. Когда на светофоре зажегся зеленый, быстро направился на противоположную сторону улицы. Он был примерно такого же роста, как и Кемп, немногим больше шести футов и примерно такого же телосложения — около ста девяноста фунтов веса.

Как и у Кемпа, у него были темно-русые волосы, и на нем был темно-серый костюм, такой же, как и на Кемпе. Сейчас

между ними было несколько сот футов, и первое впечатление — что это мог быть кто-то знакомый — начало развеиваться.

После непродолжительного раздумья Кемп быстро направился за мужчиной, подошел к нему и учтиво заговорил:

— Не мог бы я с вами поговорить?

Мужчина остановился. На близком расстоянии их сходство было совершенно очевидным, можно было даже предположить родство. Серо-голубые глаза, прямой нос, четко очерченный рот, сильная шея, форма ушей и манера держаться — все было схоже.

Кемп спросил:

— Я хотел бы поинтересоваться, известно ли вам, что мы с вами практически двойники?

Лицо человека слегка исказилось. Губы сложились в слабую усмешку, и глаза с презрением взглянули на Кемпа. Его голос был точной копией баритона Кемпа:

— Это и входило в мои намерения, чтобы ты заметил. Если бы ты не заметил сейчас, я бы сделал еще одну попытку. Меня зовут У-Брэм.

Кемп молчал, пораженный. Его удивили враждебность в тоне незнакомца и его манера разговаривать. «Презрение», — констатировал он с интересом.

Если бы он оказался просто человеком, каким-то образом распознавшим Шелки в человеческом обличье, Кемп бы счел это инцидентом, которые иногда случаются. Люди узнавали известных Шелки и оскорбляли их. Обычно, если человек совершал такой глупый поступок, можно было просто уклониться, или по-доброму парировать выпад, или постараться расположить его к себе. Но время от времени Шелки приходилось драться. Однако сходство мужчины и Кемпа говорило о том, что этот случай был неординарным. Пока Кемп обдумывал все это, циничные серо-голубые глаза незнакомца смотрели прямо в глаза собеседника. Его губы разошлись в насмешливой улыбке, открыв ровные белые зубы.

— Приблизительно в это самое время, — произнес он, — каждый Шелки в Солнечной системе общается со своим вторым я.

Он помедлил. Снова наглая улыбка:

— Я вижу, что насторожил тебя, ты стараешься взять себя в руки...

Это была правда. Кемп быстро решил, что, независимо от того, говорит тот правду или лжет, ему нельзя дать уйти.

Человек продолжал:

— ...стараясь взять себя в руки, чтобы не схватить меня. Этого не надо делать, потому что я похож на тебя во всем.

— Ты Шелки?

— Шелки.

Исходя из логики всей истории Шелки, это было ложное утверждение. Но в то же время несомненно существовала поразительная схожесть с ним.

Но Кемп не изменил своего решения. Даже если это и Шелки, то у Кемпа было превосходство над всеми остальными Шелки. В своей борьбе с Кибмадинами, год назад, он узнал такие вещи об управлении телом, которые другие Шелки не знали, и в Шелки-Управлении было решено, что он не должен передавать эти знания другим Шелки. И он не делал этого.

Это дополнительное знание было сейчас ему на руку, если, конечно, тот, другой, действительно Шелки.

— Готов к приему сообщения? — нагло спросил человек.

Кемп, уже готовый к схватке не на жизнь, а на смерть, коротко кивнул.

— Это ультиматум.

— Я жду, — ответил Кемп.

— Тебе предписано прекратить всякое сотрудничество с людьми и полностью отказаться от него. Тебе приказано вернуться к нации Шелки. У тебя есть неделя на принятие решения. После истечения этого срока ты будешь считаться предателем и обращаться с тобой будут, как всегда обращались с предателями, без снисхождения.

Так как никакой нации Шелки нет и никогда не было, Кемп, поразмыслив мгновение над ультиматумом, произвел нападение.

Он все еще не верил в то, что его двойник был Шелки. Поэтому он ударил его минимальным электрическим зарядом, используя для этого один из магнитных каналов, который был в его распоряжении, когда он находился в состоянии человека. Заряд был такой силы, что мог оглушить, но не убить.

К своему страху, он обнаружил, что его удар был отражен магнитной защитой, такой же мощной, как и его собственная. Таким образом, это был Шелки. Незнакомец уставился на него, зубы его обнажились, а в глазах сверкнула злоба.

— Я тебе это припомню! — процедил он сквозь оскаленные зубы. — Ты мог убить меня, если бы не защита.

Кемп медлил, думая, как ему достичь своей цели. Он не хотел, чтобы все это походило на захват.

— Послушай, — он старался быть настойчивым, — почему бы тебе не пойти со мной в Шелки-Управление? Если су-

шествует нация Шелки, то лучший способ это доказать — спокойно обо всем поговорить.

Станный Шелки начал пятиться назад.

— Я выполнил задание, — бормотал он. — Я не привык драться. Ты пытался убить меня.

Казалось, что он был в шоке. Выражение глаз у него снова изменилось, на этот раз в них появилось изумление. Его первоначальная заносчивость исчезла, и он продолжал пятиться.

Кемп неуверенно следовал за ним. Сам он был отлично тренированным бойцом, и ему было трудно понять, что может быть такой Шелки, совершенно не приспособленный к бою.

Он постарался его успокоить:

— Нам совсем не обязательно драться. Уж не думал ли ты просто вручить мне ультиматум и скрыться в никуда, словно ты сделал свое дело. Говоришь, тебя зовут У-Брэм. Ты откуда?

Говоря все это, он краем глаза заметил, что люди останавливаются на улице и смотрят на странную драму, разыгравшуюся между двумя мужчинами; один из них медленно отступает назад, другой медленно, шаг за шагом, надвигается на него.

— Во-первых, если есть такая нация — Шелки, то где она, где вы скрывались все эти годы? — настаивал Кемп.

— Черт бы тебя побрал, кончай изводить меня. Ты получил свой ультиматум. У тебя есть неделя, чтобы обдумать его. А теперь оставь меня в покое!

Двойник ясно себе не представлял, что он будет делать после того, как вручит свое сообщение. Его неподготовленность делала весь эпизод еще более фантастическим. Но он справился с нервами, и в нем опять проступала ярость.

Электрический разряд в форме острой молнии, выпущенной У-Брэмом, ударил в Кемпа, но встретил на своем пути магнитный экран защиты, который он держал наготове.

Отскочив от Кемпа, стрела молнии рикошетом отлетела от здания через тротуар мимо изумленных людей и ударила в решетку водостока.

— Мы вместе можем поиграть в эту игру, — злобно произнес У-Брэм.

Кемп не ответил. Электрический луч его противника был максимальной силы для Шелки в человеческом состоянии — смертоносной силы. Где-то неподалеку завизжала женщина. Улица быстро пустела. Люди разбегались в разные стороны в поисках укрытия.

Пришло время положить конец этому безобразию, иначе кого-нибудь убьет. Кемп продолжал анализировать происходящее. Во всем этом было много неясного. У его противника не было надлежащей подготовки, и, более того, он оказался уязвимым для атаки, основанной на простейшей технике уровневой логики, да и удар не мог быть смертельным для него.

Ему даже не пришлось пускать в ход свои секретные возможности, перенятые у Кибмадинов год назад.

Приняв решение, он сделал одну вещь, связанную с его энергетическим потенциалом. Он внес небольшое изменение в особые силовые линии низкой энергии, идущие от его мозга к У-Брэму.

И в этот момент стала явной странная логика, скрытая во всей структуре и устройстве жизни. Логика уровней! Наука, рожденная слиянием научных методов человека и необыкновенными возможностями Шелки изменять свою форму.

Функции каждой жизненной клетки жестко ограничены. Определенный центр клеток ответствен за свои особые действия и не может производить другие.

Будучи активизированной, мысль проходит весь положенный цикл в нервном узле, и, если при этом появляется побочный эмоциональный или физический сигнал, он проявляется так же четко и ясно и без помех.

Более значимо и важно то, что колонии клеток могут объединяться в новые центры, приобретая свои особые функции. Один из таких больших центров отвечает за сон человека.

Способ, которым воспользовался Кемп, не был бы достаточно эффективен, употреби он его против Шелки своего класса. Но этот Шелки в человеческом состоянии начал шататься. Веки внезапно отяжелели, и бесконтрольные движения тела говорили о том, что он уснул стоя.

Когда Шелки начал падать, Кемп подошел к нему и подхватил на лету, чтобы предотвратить травму, которую тот мог получить, ударившись о бетонный тротуар. Одновременно он по другой силовой линии отправил сигнал в центр мозга У-Брэма, отвечающий за отключение сознания. Это было сделано для достижения полного контроля. Сон отключил связь У-Брэма с внешним миром. А манипуляции, которые проделал Кемп с его сознанием, погасили те центры, которые обычно стимулируют к пробуждению человека, уснувшего не по своей воле.

Кемп поздравил себя с тем, что ему удивительно легко удалось захватить пленника, но в это время тело в его руках напряглось. Какая-то внешняя сила отбросила Кемпа назад. К его полному удивлению, человек, находившийся в бессозна-

тельном состоянии, устремился прямо в небо. В человеческом состоянии Кемп не мог определить природу энергии, которая могла сделать возможной такую невероятную вещь. Он понял, что ему необходимо перейти в состояние Шелки, но сомневался. Существовало правило, запрещающее изменение на глазах у скопления народа. Но, быстро оценив ситуацию как уникальную и никогда ранее не имевшую места, он трансформировался в Шелки и блокировал гравитацию.

Десятифутовое тело, внешне чем-то напоминающее снаряд, оторвалось от земли со скоростью ракеты. На тротуаре остались какие-то лохмотья от его одежды, но их смело вихрем, возникшим в момент взлета.

К сожалению, у него ушло пять секунд на трансформацию и несколько секунд он потратил, пока не начал действовать, и поэтому он обнаружил, что преследует пятнышко, продолжающее удаляться.

Но больше всего его поразило то, что, даже находясь в состоянии Шелки, он не мог засечь никакой энергии ни в самом преследуемом, ни позади него, ни вокруг него. Но в то же время У-Брэм двигался со скоростью, предельной для Кемпа. Естественно, спустя несколько мгновений он понял, что его погоня недостаточно стремительна, чтобы увенчаться успехом, и У-Брэм скоро достигнет тех разряженных слоев атмосферы, которые могут оказаться губительными для него, если он не будет действовать быстро и точно. Но несмотря на все это, Кемп великодушно прекратил воздействовать на центры сна и сознания У-Брэма.

Мгновение спустя он был раздосадован, но не удивлен, почувствовав, что У-Брэм переходит в состояние Шелки — доказательство того, что тот окончательно проснулся и может управлять собой.

У-Брэм продолжал подниматься уже как Шелки, и было очевидно, что он намерен рискнуть и пройти через пояс Ван Аллена. Кемп не ставил перед собой этой безрассудно смелой цели.

Когда они приблизились к верхней границе атмосферы, Кемп передал экипажу спутника Телстар сообщение, которое содержало лишь полный отчет о всем происшедшем.

Отправив сообщение, он повернул обратно. Сильно встревоженный этим случаем, Кемп, перейдя в человеческое состояние, сразу же отправился в Шелки-Управление, даже имея при себе одежды.

10

Снижаясь над большим комплексом зданий, в которых разместилась главная администрация по делам Шелки, Кемп увидел других Шелки, направляющихся туда же. Он мрачно подумал, что их привела сюда та же причина, что и его.

С этой мыслью он провел сканирование воздушного пространства над Управлением, и все его Шелки-рецепторы зафиксировали большое количество темных точек, направляющихся в одно место. Предчувствуя надвигающуюся неразбериху, он сбросил скорость и остановился. Зависнув в воздухе, он телепатировал Чарли Бакстеру свой план по нормализации обстановки.

Бакстер был расстроен, но его ответ Кемп получил тотчас же: «Нэт, твоя идея — это, пожалуй, лучшее, что мы имеем. И ты прав. Это может быть опасно».

Последовала пауза. Бакстер, должно быть, передал его сообщение всем Шелки, потому что рецепторы Кемпа стали записывать обычное в подобных случаях распоряжение для Шелки. «Всем Шелки: вам в таком количестве сосредоточиваться в одном месте и в одно время совершенно неразумно. Поэтому вы должны разделиться на десять групп по секретной цифровой системе плана Г. Приближается и приземляется только группа I. Остальным — рассредоточиться и ждать, пока вас не позовут».

Шелки кружили в воздухе вокруг Кемпа. Кемп, который согласно предписанной системе был в третьей группе, сделал маневр в сторону, забрался в верхний слой атмосферы и устремился домой, во Флориду, за тысячу километров от Управления.

По пути он мысленно связался со своей женой, с Джоанн. И к тому времени, когда он обнаженный входил в дом, она уже приготовила ему одежду и знала обо всем ровно столько же, сколько и он.

Одевшись, он увидел, что она охвачена чисто женским чувством тревоги и более озабочена, чем он сам. Она допускала, что существует нация Шелки, а в таком случае существуют и Шелки-женщины.

— Ты это допускаешь? — сказала она со слезами на глазах. — Эта мысль уже приходила тебе в голову. Не так ли?

— Я мыслю логически, — защищался Кемп, — и поэтому я допускаю любые возможности. И, будучи благоразумным, я понимаю, что еще слишком многим вещам надо найти объяснение, прежде чем я смогу отрицать что-либо, что мне известно из истории Шелки. И стало быть, пока у нас не будет доказательств чего-то иного, я буду верить, что Шелки появились в результате биологических экспериментов с ДНК и РНК и что это сделал тот старый Сойер на острове Эха.

— Что будет с нашим браком? — спросила Джоанн с мукой в голосе.

— Ничего не изменится.

Она зарыдала:

— Я окажусь в такой же ситуации, как триста лет назад на одном из островов Южного моря темнокожая женщина, которая была замужем за белым, а на остров начали прибывать белые женщины...

Ее дикая фантазия поразила Кемпа.

— Это не то же самое, — сказал он. — Я обещаю полную лояльность и преданность тебе до конца жизни.

— Что касается личных взаимоотношений, никто не может ничего обещать, — сказала она. Но было похоже, что его слова успокоили ее. Спустя некоторое время она вытерла глаза, подошла к нему и разрешила себя поцеловать.

Через час позвонил Чарли Бакстер. Он извинился за поддержку и сказал, что она произошла из-за конференции, обсудившей дальнейшие действия Кемпа.

— Там возникла дискуссия по поводу твоей роли во всем этом, — сказал Бакстер. Кемп ждал.

Окончательным решением было и в дальнейшем не давать Кемпу общаться с другими Шелки.

— По причинам тебе известным, — добавил многозначительно Бакстер.

Кемп предположил, что Бакстер имеет в виду секретные знания, полученные им от Кибмадина Ди-исаринна, это означало, что они и впредь будут посылать его с секретными миссиями, которые отрывают его от других Шелки.

Бакстер также сказал, что только четвереста Шелки имели контакт со своими двойниками. Точная цифра, которая приводилась, — 396.

Кемп почувствовал легкое облегчение и легкое презрение. Заявление У-Брэма о том, что буквально все Шелки явились объектами контакта, было лишь уловкой. И вдобавок ко всему тот уже показал себя неспособным Шелки. Эта ложь добавила еще один негативный штрих.

— Некоторые из них были весьма посредственными копиями, — сказал Бакстер, — очевидно, что они не лучшим образом умеют принимать облики других.

Однако он допустил, что даже и четыреста — это более чем достаточная цифра для того, чтобы была основана доселе неизвестная группа Шелки.

— Даже если они и не имеют должной подготовки, — сказал он, — мы просто обязаны выяснить, кто они такие и откуда взялись.

— Никаких предположений и на этот счет? — спросил Кемп.

Ничего дополнительно к тому, что он уже знал, известно не было.

— Им всем удалось уйти? — спросил Кемп. — Никто из наших не сделал больше, чем я?

— В основном гораздо меньше, — сказал Бакстер.

Похоже было, что никто из Шелки не сделал попытки задержать странных собратьев, вступивших в контакт; они просто доложили о случившемся и запросили инструкции.

— Я не могу их в этом винить, — сказал Бакстер.

Затем продолжил:

— Я должен тебе сказать, что факт твоего вступления в противоборство, и то, что еще пара дюжин Шелки поступили так же, и те причины, которыми вы руководствовались, дают нам основания полагаться именно на вас в этом деле. Короче, вот твои инструкции...

Он проговорил еще несколько минут и закончил словами:

— Бери с собой Джоанн, и сразу же отправляйтесь.

На табличке было написано: В ЭТОМ ЗДАНИИ ЗВУЧИТ ТОЛЬКО МУЗЫКА ШЕЛКИ.

Кемп, который никогда не мог долгое время слушать какую-то другую музыку, увидел легкое разочарование на лице жены. Она заметила его взгляд и, очевидно, прочитала его мысли, потому что сказала:

— Ну да, этот уровень находится вне моего восприятия, словно звучит одна нота или несколько нот, которые повторяются в различных комбинациях, вызывающих головную боль.

Она остановилась, качнула своей прелестной головкой со светлыми волосами и сказала:

— Я вся в каком-то напряжении и чего-то боюсь, и мне нужна хорошая встряска.

Для Кемпа, который наслаждался музыкальной гармонией, недоступной человеческому уху, ее эмоциональный

всплеск был чем-то таким, к чему Шелки, женатые на обыкновенных женщинах, вынуждены привыкать. Эти женщины долго и трудно свыкаются с действительностью, вызванной такими взаимоотношениями.

Джоанн уже много раз ему говорила: «Вот она ты, с этим физически совершенным, красивым мужчиной. Но все время ты думаешь: в сущности, это не человек. Это монстр, который в мгновение ока может превратиться или в рыбоподобное, или в космическое существо. Но конечно же, я ни за что бы с ним не рассталась».

Скоро звуки музыки остались за ними, и они вошли в музей. Это была та самая лаборатория, где, как полагали, был создан первый Шелки. Лаборатория занимала центр здания; согласно табличке на стене, она была перенесена сюда из Вест-Индии сто десять лет назад.

После известных событий Бакстеру пришла в голову мысль о том, что необходимо провести более тщательное исследование фактов истории Шелки. В первый раз вся их история стала под сомнение. Перед Кемпом и Джоанн была поставлена задача перепроверить существующие данные.

Лаборатория была ярко освещена. В ней находился лишь один посетитель, вернее посетительница: довольно невзрачная молодая женщина с блестящими черными волосами, без макияжа, в мешковато сидящей одежде. Она стояла у одного из столов у дальней двери.

Как только Кемп вошел, у него в мозгу возникла мысль, ему не принадлежащая. Он начал было поворачиваться в сторону Джоанн, ни на минуту не сомневаясь, что она вступила с ним в контакт на этом уровне. Так оно и было, он не сомневался, но только несколько секунд.

С опозданием он понял, что мысль пришла на магнитной волне — это был уровень Шелки.

Кемп обернулся и пристально посмотрел на черноволосую женщину. Она улыбнулась ему, несколько напряженно, как он заметил, и затем ему пришла ее мысль. Это уже было несомненно: «Пожалуйста, не обнаруживайте меня. Мне предписано здесь находиться для убеждения Шелки, если у них возникнут сомнения».

Ей не пришлось объяснять, что она имела в виду. Это громом поразило сознание Кемпа.

Соответственно его знаниям, Шелки-женщин никогда не существовало. Все Шелки на Земле были мужчинами, женатыми на женщинах из Избранных Людей — как Джоанн.

Но эта черноволосая, крестьянского вида женщина была Шелки! Своим присутствием она доказывала ему свое существование. Фактически, находясь здесь, она говорила: «Не трудись искать какие-то старые, пыльные данные. Я живое доказательство того, что Шелки не были созданы в какой-то там лаборатории двести тридцать лет тому назад».

Внезапно Кемп пришел в замешательство. Он знал, что Джоанн стоит за его спиной, что она, должно быть, поймала его мысль и была очень испугана. Беглого взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы убедиться, что она очень сильно побледнела.

— Нэт! — голос ее звучал резко. — Ты должен задержать ее!

Кемп двинулся вперед, но это было полубессознательное движение. И все же, несмотря на неопределенность своих действий, он наконец начал мыслить логически.

Так как с того момента, как он встретил У-Брэма, прошло всего лишь несколько часов, то ее, должно быть, направили сюда заранее. И, видимо, у нее не было контактов с другими. А значит, откуда ей знать, что для такого хорошо тренированного Шелки, как он, она была так же уязвима, как и безоружный штатский перед солдатом.

У черноволосой женщины, должно быть, возникли какие-то свои сомнения. Она быстро вошла и закрыла за собой дверь.

— Нэт! — раздался высокий голос Джоанн, звучащий в каких-то дюймах от него. — Ты не можешь дать ей уйти!

Кемп, вышедший из оцепенения, отправил вслед Шелки-женщине свою мысль: «Я не собираюсь с тобой бороться, но я буду рядом, пока не получу всю информацию, которая нас интересует».

«Слишком поздно! — пришел ответ на магнитной волне: уровня Шелки в человеческом состоянии. — Ты уже опоздал!»

Кемп так не думал. Он приблизился к двери, за которой она исчезла, и слегка смутился, обнаружив, что она заперта. Одним молниеносным мощным электрическим зарядом он снес эту дверь и вошел внутрь, переступив через ее дымящиеся останки. Женщину он увидел, когда она входила в проем, образованный скользящей в сторону другой дверью.

Их разделяло не более трех дюймов футов, и вполупорот она бросила взгляд в его направлении. То, что она увидела, очевидно, удивило ее, потому что на ее лице появилось изумленное выражение.

Она поспешно подняла руку к чему-то внутри проема, и дверь закрылась. Когда она захлопывалась, Кемп, бежавший к двери, успел заметить что-то вроде коридора. Существование скрытого прохода вызвало у Кемпа сразу несколько догадок, что замедлило ход его мыслей.

Он подскочил к стене, нащупывая скрытую дверь. Когда спустя несколько долгих мгновений он так и не нашел ее, то отступил от стены и вызвал из мозга два энергетических потока, которые, встретившись вне его тела, образовали мощный электрический заряд. Это было единственное энергетическое оружие, которым он располагал, находясь в человеческом состоянии, но этого оказалось достаточно — он прожег стену.

Минуту спустя он уже проходил сквозь дымящуюся отверстие, ведущее в коридор.

11

Коридор, в котором очутился Кемп, был сделан из бетона и вел куда-то вниз. Коридор был прямой, и его слабое освещение позволило Кемпу разглядеть молодую женщину недалеко впереди — около двухсот футов от него.

Она бежала, но делала это как любая женщина, одетая в платье, — не очень быстро. Кемп прыжками с большой скоростью пустился ей вдогонку и через минуту сократил расстояние между ними вдвое. Внезапно бетон оборвался. Впереди была какая-то грязная пещера, также освещенная, но лампы были расположены на большом расстоянии друг от друга.

Добежав до этой точки, женщина отправила ему сообщение на той же магнитной волне: «Если ты не прекратишь погоню, мне придется использовать энергию...» (Дальше последовало что-то не совсем понятное Кемпу.)

Кемп вспомнил силу, поднявшую в небо У-Брэма. Он воспринял эту угрозу серьезно и преобразовал магнитную волну таким образом, чтобы вызвать у женщины бессознательное состояние.

Это не было так жестоко, как это могло бы быть ранее. Она упала, как камень, — неприятная характеристика бессознательного состояния, — но упала на грязь, а не на цемент. Сначала на колени, потом повалилась на правое плечо, что, похоже, не было слишком опасным для нее, так показалось Кемпу, когда он приближался к месту, где она лежала.

Он перешел на шаг. Осторожно приблизился к распростертому перед ним телу, будучи готовым не дать какой бы

то ни было силе унести ее от него. Он лишь чувствовал себя слегка виноватым за этот жестокий способ, который ему пришлось применить. Но он не мог поступить иначе. То, что он усыпил У-Брэма, не помешало тому применить силовое поле, которое, как считал Кемп, и спасло его. Просто он не мог дать ей уйти.

Из-за того, что ситуация была беспрецедентная, он сразу же приступил к действию. Сейчас она в его власти, но было слишком много неясного, чтобы идти на риск, что-либо откладывая. Он опустился на колени возле нее. Так как она была без сознания, а не спала, ее сенсорная система была доступна для внешней стимуляции. Но чтобы получить от нее ответ, необходимо было переключить ее на сон, чтобы сознание вновь заработало.

Так он и сидел там, поочередно включая то центр, ответственный за сознание, если он хотел задать вопрос, то центр сна, если ему нужен был ответ. Это было похоже на древнюю рацию, когда разговаривающие произносили слово «прием», передав свое обращение.

«Как тебя зовут?» — «Би-Рос». — «Откуда ты?» — «Из дома». — «Где твой дом?» — «В небе». Возник мысленный образ небольшого каменного тела в космосе. Кемп увидел нечто вроде метеорита меньше двадцати миль в диаметре. «Он собирается обогнуть Солнце внутри орбиты первой планеты».

Итак, она действительно прибыла на Землю заранее. И все они были из своего далекого дома и, очевидно, не знали, что земные Шелки далеко обошли их в развитии. И как доказательство последнего он получал от нее эту убедительную информацию.

— Какова его орбита? — спросил Кемп.

— Доходит до восьмой планеты.

Нептун! Какое огромное расстояние — около тридцати астрономических единиц.

Кемп быстро спросил:

— Какова его средняя скорость?

Ответ был получен в терминах меркурианского года. В пересчете на земное время скорость равнялась примерно 110 годам на один виток.

Кемп тихонько присвистнул. В его мозгу возникла быстрая ассоциация. Согласно официальной истории, первый ребенок от Шелки был рожден Мэри Ледерли немногим более двухсот двадцати лет тому назад. Это равнялось примерно двум орбитальным периодам маленького планетоида Шелки.

Кемп резко прервал ход своих догадок и потребовал от Би-Рос ответа на вопрос о том, как бы она сейчас нашла планетойд, который, без сомнения, похож на тысячи других ему подобных тел.

Ответ, который он получил, был понятен только Шелки. В ее мозгу обозначались наборы взаимосвязей и образы опознавательных сигналов, идентифицирующих для нее местоположение дома Шелки.

Кемп мысленно снял точную копию этих образов. Он уж было собрался продолжить ее допрос по другим вопросам, когда вдруг почувствовал на себе влияние какого-то инерционного явления.

Его отбросило назад... Словно он находился в каком-то транспортном средстве спиной к направлению движения и после его внезапной остановки Кемп двигался по инерции.

У него всегда была защита против внезапных падений, и его протащило меньше восьми футов, когда он включил магнитное поле — единственное экранизирующее устройство, доступное ему в человеческом состоянии.

Поле, которое он установил, не могло непосредственно блокировать силу притяжения, но оно происходило от магнитного поля Земли, питаюсь от силовых линий, которые проходили через данную точку пространства.

Кемп создал вокруг себя эти линии, и, соединившись с гибкими металлическими пластинами, вшитыми в его одежду, они поддерживали его. Так он висел, поднявшись на несколько футов от пола. Теперь он мог оценить ситуацию со своего выгодного положения.

Тут же случилось нечто фантастическое. В самом центре гравитационного поля он зафиксировал наличие крошечного молекулярного комплекса. А фантастическим во всем этом было следующее: гравитация оставалась неизменной, единственно, от чего она зависела, так это от массы и от квадрата расстояния. Кемп тут же подсчитал, что гравитационная сила, действующая на него, была в три раза больше силы гравитации Земли на уровне моря. Таким образом, по всем законам физики эта невероятно крошечная частица имела массу, равную трем земным!

Конечно же, это было невозможно.

Он уже собирался прекратить исследовать все это и обратить внимание на свое собственное положение, когда заметил, что у гравитационного поля есть еще одно невероятное свойство. Оно действовало только на органическую материю. На окружавших его грязные стены оно никак не действовало,

но больше всего его поразило то, что на тело женщины оно тоже не действовало.

Действие гравитации ограничивалось лишь одной органической субстанцией — им самим! Одно тело, одно человеческое существо — Нэт Кемп — было объектом, на который было направлено поле.

Он поймал себя на том, что начал вспоминать, как на него самого не произвело никакого действия силовое тело, которое подняло У-Брема. Он ощущал присутствие этого поля, но только в силу того, что магнитные линии, проходящие через его мозг, подверглись его влиянию.

Это было его персональное гравитационное поле: небольшая группа молекул, которые «знали» его.

Как только молниеносное осознание всего этого пришло к нему, Кемп повернулся и посмотрел на женщину. Он не удивился тому, что увидел. Так как он был вынужден переключить свое внимание, его влияние на нее исчезло. Би-Рос дрожала, приходя в себя.

Она села, огляделась по сторонам и увидела его.

С легкостью атлета женщина поднялась на ноги. Очевидно, она не помнила, что произошло, пока она находилась в бессознательном состоянии, не осознавала, что полностью выдала все основные секреты, потому что лицо ее расплылось в улыбке.

— Вот видишь? — сказала она. — Я же тебе говорила, что произойдет. Ну, до свидания.

Было видно, что она в хорошем настроении. Би-Рос повернула, вошла в пещеру и потерялась из виду, так как пещера плавно поворачивала налево.

После того как она ушла, Кемп вновь вернулся к гравитационному полю. Он предположил, что его в конце концов уберут или оно само постепенно ослабеет и он будет свободен. Он четко осознавал, что в его распоряжении лишь несколько минут, чтобы исследовать его и понять его природу.

Кемп печально подумал: «Если бы я мог перейти в состояние Шелки, тогда бы я смог изучить его действительно серьезно».

Но он не смел, не мог. По крайней мере, он не мог сделать это, одновременно оставаясь в безопасном положении.

У Шелки есть одна слабость, если это можно так назвать. Они становились уязвимыми, переходя из одного состояния в другое. Сознывая это, Кемп мысленно переговаривал с Джоанн. Он обрисовал свое затруднительное положение, рассказал все, что узнал, и закончил: «Думаю, что смогу пробыть

здесь целый день, и посмотрю, что из этого выйдет, но, видимо, следует прислать сюда еще одного Шелки, чтобы он был наготове в случае тревоги».

Обеспокоенная, она ответила:

— Я сосдиню тебя с Чарли Бакстером.

12

Она позвонила и мысленно передала весь разговор Кемпу. Бакстер был чрезвычайно возбужден информацией, добытой Кемпом о Шелки-чужаках. Это гравитационное поле он расценил как новое применение энергии, но отправлять туда еще одного Шелки не захотел.

— Давай трезво смотреть на вещи, Джоанн, — сказал он. — В прошлом году твой муж узнал нечто, что, узнай это другие Шелки, может нарушить шаткое равновесие, сохраняющееся в нашей теперешней цивилизации, в которой сосуществуют Шелки и люди. Нэт понимает наше беспокойство по этому поводу. Передай ему, что я пошлю туда машину, которая создаст для него барьер, пока он будет трансформироваться в Шелки.

Кемпу тоже пришла мысль, что появление новых, дотоле неизвестных Шелки может еще больше изменить взаимоотношения Шелки с людьми. Но Джоанн он эту мысль не передал. Бакстер закончил разговор фразой, что, возможно, отправка машины займет какое-то время. «Так что скажи ему подождать».

Когда Бакстер повесил трубку, Джоанн телепатировала Кемпу: «Должна сказать тебе, что одна вещь меня уже больше не беспокоит». — «Какая?» — «Если все Шелки-женщины такие же некрасивые, как и Би-Рос, то волноваться по этому поводу я больше не собираюсь».

Прошел час. Два... десять.

Снаружи уже стемнело, солнце давно зашло, а звезды были великолепны, как всегда.

Машина от Чарли Бакстера пришла, сделала свое дело и уехала. Кемп, перейдя в состоянии Шелки, был в безопасности и остался поблизости от этого замечательного энергетического поля, которое никогда еще не встречалось в Солнечной системе. Удивляло то, что не было никаких признаков уменьшения его гравитационного эффекта. Он надеялся, что, находясь в суперчувствительном состоянии Шелки, ему удастся уловить силовые линии, через которые это поле снабжается энергией

из какого-то внешнего источника. Но ничего подобного не оказалось. Энергия исходила от этой единственной маленькой группы молекул. Никакого другого источника не было.

Тянулись минуты, часы. Время замедлилось, и Кемп мог глубоко прочувствовать эмоциональную сторону проблемы, с которой столкнулись все Шелки Земли, — необходимо было принять решение о космических Шелки.

Утро.

Сразу же после того, как взошло Солнце, поле проявило свою независимость. Оно начало двигаться вдоль коридора, углубляясь в пещеру. Кемп следовал за ним, допустив частичное воздействие гравитационной силы поля, таким образом оно как бы тянуло Кемпа за собой. Он был осторожен, но им овладело любопытство, и он надеялся побольше узнать.

Пещера внезапно оборвалась, и Кемп увидел канализационный туннель, который выглядел давно заброшенным. Бетон потрескался, а стены изобиловали многочисленными разломами. Но для группы молекул и их поля это, похоже, было знакомым местом, так как они двинулись вперед с большей скоростью. Вдруг внизу появилась вода. Ее поверхность рябила, и были видны водовороты. Приливо-отливное озеро, понял Кемп.

Воды становилось все больше и больше, и вот они уже продолжают свой путь по воде, не снижая при этом скорости. Впереди подводный мрак стал рассеиваться. Они вошли в затлтые солнцем воды каньона на глубине примерно ста футов от поверхности оксана.

Когда мгновение спустя они поднялись на поверхность, этот странный сгусток энергии начал двигаться быстрее. Подозревая, что сейчас он может уйти от него, Кемп сделал последнее усилие, чтобы выяснить его характеристики.

Но он не мог зафиксировать никакой информации. Никакого сообщения, ни намека на поток энергии. На какую-то долю секунды у него создалось впечатление, что атомы, составляющие молекулы, были какие-то... не такие. Но когда он попытался повнимательнее сосредоточиться на этом впечатлении, то ли молекулы почувствовали, что он о чем-то догадался, то ли он все это себе просто вообразил.

Даже когда он занимался анализом, у него возникло чувство, что от него собираются отделаться. Скорость частиц сильно возросла. За какие-то секунды она достигла предельной величины, которую он мог выдержать, двигаясь в атмосфере. Внешняя хитиновая оболочка его тела стала горячей и продолжала нагреваться.

Кемп неохотно преобразовал свою атомарную структуру таким образом, что чужое поле не могло уже больше на него влиять. Когда он отстал, энергетический пучок продолжал двигаться в своем прежнем направлении, на восток, туда, где Солнце плавно поднималось над горизонтом. Оторвавшись от Кемпа, странный объект вышел за пределы атмосферы и с огромной скоростью устремился, как казалось, прямо к Солнцу.

Кемп поднялся к границе атмосферы. «Вглядываясь» с помощью своих Шелки-рецепторов в огромный темный океан космоса, он связался с ближайшим спутником Телстар. Наведя ученых, бывших на борту, на удаляющуюся молекулярную группу, он стал ждать в надежде, что они смогут за ней проследить.

В конце концов он услышал: «Сожалеем, нет никаких сигналов».

Расстроенный, Кемп отдался во власть земной гравитации. Затем, произведя серию преобразований магнитных и гравитационных полей планеты, он направился прямо в Шелки-Управление.

13

Три часа разговоров... Кемп, единственный Шелки из присутствующих и сидевший за дальним концом длинного стола, находил дискуссию скучной.

Раньше ему казалось, что необходимо послать его или другого Шелки на этот планетоид выяснить все факты и действовать, подчиняясь строгой логике, но учитывая интересы людей, а затем представить подробный доклад в Шелки-Управление.

Ожидая, когда три дюжины заседающих придут к какому-нибудь решению, он не мог не заметить, что за столом они сидят согласно важности своего положения в обществе.

Избранные Люди, включая Чарли Бакстера, сидели во главе стола. Затем по убывающей по обе стороны стола расположились обычные люди. И, наконец, самый дальний край стола занимали он сам и еще три младших помощника по Шелки-Управлению.

Это было не в первый раз, когда он заметил такое положение вещей. Он обсуждал это с другими Шелки, и они пришли к выводу, что такое распределение ролей в органах власти имеет место впервые в истории. Самые сильные существа в

Солнечной системе — Шелки — обладали второстепенным статусом.

Неожиданно наступившая тишина прервала его размышления. Сероглазый, стройный и подтянутый Чарли Бакстер обошел вокруг стола и остановился перед Кемпом.

— Вот, Нэт, — сказал Бакстер, — таким нам видится это дело. — Он казался смущенным.

Кемп быстро прокрутил в голове все обсуждение, и ему стало ясно, что они все-таки пришли к неизбежному решению. Он заметил также, что они считали это решение весомым. Для него это могло бы обернуться несчастьем, и никто бы его не винил, если бы он отказался.

— Мне неудобно тебя об этом просить, но ситуация почти военная.

Кемп видел, что они в себе не уверены. Вот уже 150 лет, как на Земле не было войны. И специалистов в этом деле уже не осталось.

Осознав всю важность происходящего, он медленно поднялся на ноги. Он посмотрел на обращенные к нему лица и сказал:

— Успокойтесь, джентльмены. Конечно же, я сделаю это.

Все с облегчением вздохнули. Обсуждение быстро перешло на детали — трудность в обнаружении метеорита в космосе, особенно этого, с такой орбитой.

Было хорошо известно, что существуют более полутора тысяч больших метеоритов и планетоидов и десятки тысяч более мелких объектов, вращающихся вокруг Солнца. Некоторые из них, такие как кометы, время от времени приближаются к Солнцу, затем снова исчезают в космосе, с тем чтобы вернуться лет через 50—100 для очередной лихорадочной карусели. Было довольно-таки много таких обломков средних размеров, зарегистрированных и с измеренными траекториями, но на то были особые причины. Никогда не возникало нужды в том, чтобы фиксировать их все.

Кемп уже не раз выверял траектории метеоритов и совершал посадки на них. Воспоминания об этом были самыми мрачными из всех, что сохранились у него о космических полетах: темнота, ощущение абсолютно голой скалы, полное отсутствие сенсорной стимуляции. Странно, чем больше они были, тем хуже было ощущение.

Его мысли прервал представитель правительства, человек, которого звали Джон Мэтьюз:

— Господин Кемп, я хочу задать вам очень личный вопрос.

Кемп взглянул на него и кивнул.

Представитель продолжил:

— Согласно сообщениям, несколько сотен земных Шелки уже покинули Землю и отправились к этим природным Шелки. Очевидно, у вас нет такого же чувства, как у них, что дом ваш находится на планетоиде Шелки. Почему нет?

Кемп улыбнулся.

— Ну, во-первых, — сказал он, — я бы никогда не купил бы kota в мешке так, как сделали они.

Поразмыслив, он серьезно продолжил:

— Полностью отбросив мое чувство лояльности к Земле, я не верю, что жизненные формы будущего будут развиваться, основываясь на жесткой концепции: «я — лев» или «я — медведь». Жизнь разумная движется, или по крайней мере должна двигаться, к общей цивилизации. Может быть, я похож на деревенского парня, который ушел в город — на Землю. А сейчас мои родители хотят, чтобы я вернулся обратно на ферму. И им никогда не понять, почему я не могу этого сделать. И я даже не буду пытаться объяснить им это.

— А может, — сказал Мэтьюз, — в действительности планетоид — большой город, а Земля — ферма. Что тогда?

Кемп всхлипло улыбнулся, но лишь отрицательно покачал головой.

Мэтьюз был настойчив:

— Еще один вопрос. Как следует обращаться с Шелки?

Кемп развел руками:

— Не могу предложить ничего такого, что имело бы какую-либо особую ценность.

Он действительно так думал. Он никогда не испытывал особого волнения по поводу сложившейся в обществе иерархии. Но он давно знал, что некоторые Шелки болезненно воспринимали свое низшее, как им кажется, положение. Другие, как и он сам, выполняли свои обязанности, были верны своим женам и старались наслаждаться несколько ограниченными возможностями, которые могла предложить человеческая цивилизация, — ограниченными для Шелки, у которых было так много дополнительных органов чувств, не имеющих творческого применения в условиях Земли.

Предположительно положение вещей могло быть и лучше. Но пока что есть, то есть. Кемп осознавал, что любая попытка что-то изменить вызвала бы страх и беспокойство у Избранных Людей. И зачем что-либо менять лишь для удовлетворения самосознания меньше чем двух тысяч Шелки?

По крайней мере, это всегда было проблемой. Вслух он сказал:

— Насколько я понимаю, при любых обстоятельствах не может быть лучшего решения проблемы, кроме того, что существует сейчас.

Чарли Бакстер выбрал момент, чтобы прекратить дискуссию. Он сказал:

— Нэт, прими наши самые лучшие, самые искренние пожелания успеха. И можешь рассчитывать на наше полное доверие. На орбиту Меркурия тебя доставит корабль и даст тебе ускорение. Удачи.

14

Картина, открывшаяся впереди, была поистине фантастическая.

Планетоид Шелки делал оборот вокруг Солнца внутри орбиты Меркурия, и казалось, что он задевает края огромных туч горячего газа, вырывавшихся подобно столбам или бесформенным рукам с горячей поверхности Солнца.

Кемп ощущал неимоверное притяжение Солнца, когда время от времени он допускал действие солнечной гравитации на свое покрытое хитиновой оболочкой тело. Круг белого огня заполнил почти все пространство впереди. Свет был очень сильный и поступал к Кемпу по такому количеству каналов, что охватывал всю систему рецепторов, если, конечно, Кемп открывал доступ для воздействия окружающей среды. А ему приходилось это делать, чтобы корректировать свой курс.

Траектории двух несущихся со страшной скоростью тел — его собственного и планетоида — были уже готовы встретиться. Сам момент «встречи» должен был наступить через несколько часов. Поэтому Кемп полностью отключил систему восприятия, таким образом погрузившись в глубокий сон, который Шелки так редко себе позволяют.

Он проснулся вовремя и был доволен тем, что все правильно рассчитал. Он «видел» планетоид на одном из крошечных нейроэкранов, расположенных в его теле. Он появился как изображение на радаре и был сначала величиной с горошину.

Меньше чем за тридцать минут он увеличился в размерах до пяти миль, что, по оценке Кемпа, составляло половину его диаметра.

В этой точке Кемп проделал единственный представляющий опасность маневр. Он позволил силе притяжения Солнца

протянуть его между звездой и планетоидом. Затем он блокировал действие гравитации и, используя несколько выплесков энергии, сформировавшейся в поле за его телом, направился к поверхности планетоида.

Во всем этом был один опасный момент: на какое-то время он оказался на дневной стороне. Залитый сверхъярким солнечным светом, он мог быть виден любому, кто находился на планетоиде, а также около него. Но у него была теория, по которой ни один Шелки не станет подвергать себя воздействию Солнца, и поэтому они должны были находиться или внутри этого большого каменного мяча, или на его ночной стороне.

На близком расстоянии в этом ослепительном свете планетоид выглядел как морщинистое лицо старого и лысого индейца. Он был красно-серого цвета и не совсем круглый, поверхность его была испещрена рытвинами, которые напоминали оспины. В действительности оспины оказались пещерами. В одну из них Кемп и залетел. Он стал углубляться вниз, погруженный, как показалось бы человеку, в абсолютную темноту, но, как Шелки, он мог воспринимать по многим каналам все, что окружало его в пещере.

Он оказался в коридоре с гладкими гранитными стенами, который вел вниз. Примерно минут через двадцать Нэт подошел к повороту. Завернув за угол, он увидел перед собой мерцающий, практически не прозрачный энергетический экран. Сомнительно, что экран был установлен, чтобы кого-то схватить. Мгновенный анализ показал, что это была стена, по составу схожая с внешней оболочкой большого космического корабля.

Как защитный экран, он был достаточно крепким, чтобы выдержать бомбардировку бронесобойными снарядами. Для прохождения через него Кэмпу надо было использовать энергию Шелки. Сначала он образовал вокруг себя подобное поле и вызвал его колебания, что в свою очередь породило ответные колебания со стороны экрана. При продолжающейся вибрации налагалось взаимопроникновение полей. Но частью поля Кемпа стал экран, а не наоборот.

Чувствуя себя в полной безопасности внутри своего поля, он благополучно прошел через заградительный барьер. Пройдя через него, Кемп замедлял колебания до тех пор, пока экран и его собственное поле вдруг резко не разделились.

Звук, раздавшийся при разделении, был как щелчок кнута, и его появление говорило о наличии воздуха. Он быстро выяснил, что по составу воздух отличался от земного — 30 процен-

тов кислорода, 20 процентов гелия, а остальные газовые составляющие представляли собой различные соединения серы.

Давление было примерно в два раза выше, чем на Земле на уровне моря, но раз воздух был, то это несомненно о чем-то говорило. С того места, где он вышел через защитный барьер, Кемп увидел огромную камеру, пол которой находился в ста футах под ним.

Нежно светили огни. В их свете комната, стены которой были выложены драгоценными камнями, цветными металлами и разноцветными кусками породы, хитроумно встроенными в общий дизайн, переливалась и сверкала, как алмаз. Орнамент представлял собой историю в картинах. Историю четвероногих существ, похожих на центавров и держащих себя с достоинством; и там, где их можно было разглядеть крупным планом, были видны одухотворенные, хотя и не человеческие лица.

На полу было изображение планеты, вставленное в како-то светящееся вещество. На картине возникла неровная гористая поверхность с искрящимися руслами рек, богатая растительностью, сверкающие океаны и озера и тысячи ярких точек, обозначающих большие и малые города.

Края планеты закруглялись книзу, все пропорции были строго соблюдены, и Кемп понял, что все это образует глобус и его второе полушарие, возможно, видно из какой-нибудь комнаты внизу.

Кемп предположил, что сцены из жизни и карта планеты были точным изображением той расы и места, с которыми Шелки когда-то в прошлом были связаны. Он был поражен художественным совершенством комнаты.

Он уже заметил сводчатые проходы в соседние помещения. Мельком увидев детали мебели, машин, каких-то предметов, блеск новизны, он предположил, что это были предметы быта центавров, а может, какой-то другой цивилизации. Но времени на исследования у него не было. Его внимание привлекла лестница, ведущая вниз, на следующий уровень.

Он начал по ней спускаться и обнаружил еще один энергетический барьер. Проникнув сквозь него, так же как и сквозь первый, он попал в резервуар, заполненный водой. На полу этого помещения была картина планеты, сверкающая зелено-голубым светом подводной цивилизации.

И это было только начало. Кемп спускался с уровня на уровень, каждый раз проходя через защитный экран и комнату, каждая из которых была выложена драгоценными кам-

нями и сверкающими металлами. В каждой из них были захватывающие дух картины из жизни, как он предположил, населенных планет далеких звезд, и в каждой комнате была своя атмосфера.

Пройдя с дюжину комнат, Кемп почувствовал на себе их сильное совокупное воздействие. Он осознал, что внутри этого планетоида собраны такие сокровища, каких, возможно, нет больше нигде. Кемп представил себе те 700 с небольшим кубических миль, что составляли объем внутренней части планетоида, и вспомнил слова Мэтьюза: возможно, что планетонд — это «город», а Земля — «деревня».

Ему стало казаться, что предположение того человека могло оказаться правдой.

Он постоянно ожидал столкновения с кем-нибудь из жителей планетоида. Пройдя еще три комнаты, Кемп остановился, чтобы подумать.

Он чувствовал, что, узнав о всех этих сокровищах, он приобрел большое преимущество, которое нельзя было потерять. И еще он обрел уверенность в том, что Шелки действительно обитали на противоположной от Солнца стороне и не ожидали, что кто-нибудь может появиться с обратной.

Мысль казалась правильной, и, повернув назад, он устремился к темной стороне. Снова несколько подземных комнат и через некоторое расстояние — энергетический барьер. За ним был земной воздух и гравитация такая же, как на Земле на уровне моря.

Кемп оказался в помещении со стенами из гладко отполированного гранита. Оно было обставлено диванами, стульями и столами, у одной из стен стоял длинный и низкий книжный шкаф. Но все стояло, как в приемной, — формально и не по-жилому. У него появилось мрачное предчувствие.

Находясь все еще в состоянии Шелки, он спустился вниз по лестнице и попал в другое помещение. В нем была почва с растущими на ней цветами и кустарниками, характерными для зоны умеренного климата на Земле. И опять все было официально.

На третьем уровне были расположены офисы, совсем как на Земле — с компьютерами для дачи информации. Кемп, который в этих делах разбирался, после короткого осмотра понял, что этим источником различных данных уже давно никто не пользовался.

Он уж было собрался идти на следующий уровень, как вдруг сработала сверхбыстрая защита, о которой он узнал от Кибмадина, среагировав на энергетический луч огромной силы.

Ослепительное сияние залило помещение, словно само Солнце проникло туда, где Кемп противостоял лучу, которым, похоже, кто-то управлял, проверяя на крепость защиту Кемпа.

Кемп молниеносно переключался с одного уровня защиты на другой, остановившись наконец на втором способе, которому его научил Кибмадин.

Только на этом уровне луч не мог причинить ему вреда.

15

Прошла минута, пока атакующий наконец начал осознавать, что Кемп всего-навсего использует сам луч для создания защитного экрана. Следовательно, никакого вреда ему не причиняется и барьер будет существовать ровно столько, сколько и луч.

Энергетическая атака прекратилась так же внезапно, как и началась.

Напуганный Кемп медленно огляделся. Все помещение было заполнено исковерканными, раскаленными добела компьютерами и их осколками. Гранитные стены раскрошились, открыв необработанную цельную скалу метеорита. Расплавленная порода стекала многочисленными ручьями с раздробленных стен и потолка. Большие куски все еще падали и сползали.

Комната, которая только что была современным офисом, в течение каких-то минут превратилась в бесформенную груду металла и камня.

Первая мысль Кемпа, вернувшая его в реальность, была о том, что его спас только быстродействующий защитный экран Кибмадина. Нападение было специально рассчитано таким образом, чтобы сразу опередить и подавить всю систему защиты и нападения Шелки.

Его намеревались убить. Без всяких условий, без разговоров, без вопросов.

Ожесточенная борьба настроила его мозг на специальный уровень логики. Автоматически он почувствовал прилив ненависти.

Но почти сразу пришла другая мысль. «Я победил!» — подумал он.

Разъяренный, но внешне спокойный, он опустился еще на пять уровней и оказался над огромным открытым простран-

вом. Перед ним предстала широкая перспектива города космических Шелки.

Он выглядел в точности как небольшой земной город — многоквартирные дома, частные коттеджи, посаженные деревьями улицы. Кемп был ошеломлен — и здесь тоже Шелки старались воссоздать человеческую атмосферу.

На тротуаре далско внизу он мог различить чьи-то фигуры и устремился вниз. Когда он был на высоте ста футов над ними, люди стали останавливаться и смотреть вверх. Какая-то женщина удивленно телепатировала ему: «Кто ты?»

Кемп ответил.

Реакцией четырех человек, стоявших ближе всех, было удивление. Но они не были ни испуганы, ни враждебны.

Небольшая группа из трех женщин и одного мужчины ждала, когда он приблизится. Когда Кемп спустился, то увидел, что они делали знаки другим. Скоро собралась толпа, в основном все были в человеческом обличье, и женщин было больше. А двенадцать из них были в состоянии Шелки.

«Охрана?» — поинтересовался он про себя. Но и они не были враждебны. Никто из них не блокировал свои мысли. Во всем этом его смущало то, что ни по кому из них не было видно, что им известно о нападении на него в офисе.

Он тут же стал рассматривать их неведение как возможность, сохраняя молчание и готовность номер один, засечь нападавшего. Он предположил: нападение было запланировано и осуществлено на административном уровне.

«Я выясню, что тут к чему!» — подумал он мрачно.

К аудитории он обратился со словами:

— Я действую как посланник правительства Земли. Целью моего пребывания здесь является выяснение возможности заключения соглашения о сотрудничестве.

Какая-то женщина крикнула, обращаясь к нему:

— Похоже, что мы не сможем превращаться в очаровательных девчонок а-ля Землянка. Ваши предложения?

Ее замечание было встречено легким смешком. Кемп смутился. Он не ожидал такого дружелюбия от толпы. Но это не поколебало его решительности.

— Допускаю, что мы можем это обсудить на правительственном уровне, — ответил он, — но это не будет первым вопросом в повестке дня

Возможно, что остатки ненависти передались и им вместе с его мыслью, так как один из мужчин резко сказал:

— Не слишком же он приветлив.

Одна из женщин быстро добавила:

— Добро пожаловать, мистер Кемп. Здесь ваш настоящий дом.

Кемп овладел собой. Мысль его была ровная и четкая: «Вы получите то, что заслуживаете. В данный момент вы заслуживаете хорошего отношения. Но посланцы вашего правительства на Земле позволяли себе угрозы разного характера».

Он сделал паузу. Все-таки у стоявших перед ним Шелки в мыслях не было ничего похожего на угрозу. Он продолжал:

— Я здесь для того, чтобы выяснить, что все это значит, поэтому почему бы вам не отправить меня к кому-нибудь из ваших руководителей?

— У нас нет никаких руководителей, — ответила женщина. Какой-то мужчина сказал:

— Мистер Кемп, мы живем здесь абсолютно свободной жизнью и пригласили вас, как и других земных Шелки, присоединиться к нам.

Кемп был настойчив:

— Кто решил отправить тех четырехсот гонцов на Землю?

— Мы всегда так делаем, когда приходит время, — откликнулась еще одна женщина.

— И всегда угрожаете? — спросил Кемп. — Угрожаете смертью?

В женщине появилась вдруг какая-то неуверенность. Она повернулась к одному из мужчин:

— Ты был там, внизу. Ты угрожал?

Мужчина поколебался немного:

— Я все так смутно помню... но похоже, что да. Потом быстро добавил: — Так всегда бывает, когда И-Лерд проводит с нами переподготовку, связанную с Энергией. Память очень быстро стирает события. Честно говоря, до этого момента я не понимал, что угрожал кому-то на Земле. — Он выглядел удивленным. — Черт бы меня побрал. Я думаю, надо поговорить с И-Лердом и выяснить, что все это значит.

Кемп телепатировал ему напрямую: «Что ты чувствовал после того, как это сделал?» — «Только то, что я передал о нахождении космических Шелки здесь и что пришло время земным Шелки узнать правду о своем происхождении. — Он повернулся к остальным: — Это невероятно. Я удивлен до глубины души. Нам надо проверить, как И-Лерд управляет Энергией. На Земле я угрожал смертью. Это совершенно на меня не похоже».

Его неподдельное изумление убеждало больше, чем что бы то ни было.

Кемп твердо произнес:

— Из всего этого я делаю вывод, противоположный вашим прежним заявлениям о том, что у вас нет лидера. На самом деле у вас есть лидер, и его имя И-Лерд.

Один из Шелки ответил на это:

— Нет, он не лидер, но я понимаю, как это может быть истолковано. Мы свободны. Нам никто не говорит, что надо делать. Но мы распределяем обязанности между собой. Например, И-Лерд отвечает за Энергию, и через него мы ее используем. Не хотели бы вы поговорить с ним, мистер Кемп?

— Конечно, хотел бы, — ответил Кемп, удовлетворенный.

Он думал: «Энергия! Конечно же. Что же еще? Единственный, кто мог на меня напасть, так это человек, под чьим контролем находится Энергия!»

— Меня зовут О-Ведд, — сказал космический Шелки.

Его длинное пулевидное тело отделилось от группы Шелки и устремилось ввысь, пролетев над толпой. Кемп последовал за ним.

Они снизились у маленького входа и не останавливаясь проследовали в узкий коридор с гладкими гранитными стенами. Через сто футов коридор привел их к другому открытому пространству. Там расположился второй город.

По крайней мере, так показалось сначала. Потом Кемп увидел, что здания там были другими. Совсем не похожими на жилища. Для него, знающего, как выглядят энергопроизводящие заводы, вопроса о предназначении «города» не было. Некоторые массивные сооружения явно хранили в себе атомную энергию. Другие распределяли электричество.

Конечно же, все это не было Энергией, хотя энергии здесь было в изобилии.

Кемп проследовал за О-Веддом во двор комплекса зданий, в котором, несмотря на его тщательную маскировку, он без труда узнал источник магнитных лучей.

Космический Шелки приземлился, принял человеческое обличье и стал ждать, когда Кемп сделает то же самое.

— Так не пойдет, — коротко сказал Кемп, — попроси его выйти сюда.

О-Ведд пожал плечами. В человеческом состоянии это был маленький мужчина с темными волосами. Он отошел и исчез в дверном проеме.

Кемп ждал, окруженный тишиной, которая нарушалась лишь негромким гудением, доносившимся из здания. Слабый ветерок обдувал удлинители лучей-разведчиков, которые он не выключал, находясь в любом состоянии и ни при каких

обстоятельствах. Ветерок регистрировался через этот сторожевой механизм, но не приводил в действие систему защиты.

Это был всего лишь слабый ветерок, а он никогда не программировал себя реагировать на такие незначительные сигналы. Он уже собирался выбросить этот ветер из головы и поразмышлять о космических Шелки — ему понравились те, кого он видел, — как неожиданно ему пришла в голову мысль. Откуда здесь быть ветру?

Включилась вся его система восприятия. У него было время заметить, что это был действительно ветер, но этот ветер порождался пустотой окружающего космоса. Двор вокруг Кемпа стал погружаться в туман, потом совсем исчез. Затем исчез и планетоид.

Кемп максимально насторожил всю свою сигнальную систему. Он парил в космическом вакууме, в стороне от него находился колоссальный белый шар — это было Солнце. Вдруг он почувствовал, что энергия покидает его тело. Он чувствовал, что его защита вступает в действие и на всех уровнях противостоит внешней энергии.

Страх обуял его, и пришла напряженная мысль: «Это нападение. Еще одна попытка убить меня».

Что бы это ни было, но это происходило помимо его воли. Его восприятие внешнего мира оставалось отключенным, и атакующий заставлял его подчиняться себе.

Кемп чувствовал себя как человек, вдруг оказавшийся в крошечной тьме. Но пугало то, что его рецепторы, находясь в чужой власти, были не в состоянии распознать природу нападения. И он видел...

Растянувшись на много миль в космосе, двигалась большая группа Шелки. Кемп ясно их видел, быстро насчитав 188. Он уловил их мысли и понял, что это Шелки, покинувшие Землю, с тем чтобы присоединиться к космическим.

Ему стало ясно, что им сообщили координаты планетоида, и сейчас они направляются домой.

Время сжалось. Казалось, что группа Шелки находится на расстоянии какого-то мгновения от планетоида. Кемп видел планетоид совсем рядом от себя — всего лишь несколько миль, максимум двадцать.

Ему было очень трудно понять эту совершенно фантастическую вещь: в то время как происходили грандиозные события в космосе, которые он воспринимал на одном уровне, на другом уровне его не покидало чувство, что кто-то совершенно определенно задался целью убить его.

Он почти ничего не видел, не осознавал, не чувствовал. Но тем не менее эти туманные ощущения оставались. Энергетические поля помимо его воли воздвигали защитные барьеры. Но все это было как во сне.

Будучи отлично натренированным Шелки, Кемп очень внимательно наблюдал за всем, что происходило как внутри его самого, так и снаружи. Он старался полностью, фрагмент за фрагментом, зафиксировать реальность, анализируя тысячи поступающих сигналов.

Он начал понимать назначение и формулировать первоначальные гипотезы о физической природе этого странного явления. У него уже появилось ощущение того, что он вот-вот уже сделает первый ясный вывод из всего происходящего, как все закончилось так же внезапно, как и началось.

Космический пейзаж стал блекнуть и исчез в одно мгновение.

Он снова был во дворе комплекса зданий, скрывающих источник магнитной энергии. Выйдя из дверей главного здания, к нему приближался О-Ведд. Рядом с ним шел мужчина, сложенный так же хорошо, как и Кемп, в человеческом облике — более шести футов роста и развитая мускулатура. Лицо его было тяжелее, чем у Кемпа, а глаза карие, тогда как у Кемпа были серые.

Подойдя поближе, он сказал:

— Меня зовут И-Лерд. Поговорим.

16

Для начала я хочу рассказать тебе историю Шелки, — сказал И-Лерд.

Это заявление взбудоражило Кемпа. Он был готов вступить в самое жесткое выяснение отношений, он чувствовал в себе огромное количество возникающих и исчезающих энергетических потоков... как доказательств второго боя не на жизнь, а на смерть, в который он был вовлечен. И он был решительно настроен потребовать объяснения всех этих нападений на него. В тот момент, когда он был весь охвачен холодной яростью, ничто не могло отвлечь от этого его внимания. Но... история Шелки! Для Кемпа это был самый важный вопрос во всей вселенной.

— Планетоид Шелки, — начал И-Лерд, — вошел в Солнечную систему почти триста лет тому назад из большого космоса. В должное время он вышел на орбиту Солнца —

Нептун. Во время первого витка вокруг Солнца Шелки посетили ближайшие планеты и выяснили, что обитаемой была только Земля.

Так как они могли менять свою форму, они изучали биологические структуры, функционирующие в атмосфере Земли — на суше и в воде, — и для этой цели ввели внутреннее программирование.

К сожалению, скоро было выяснено, что небольшая группа людей может настраиваться на мысли Шелки. Во время первого визита все, кто обладал этой способностью, были выявлены, и из их памяти опыт общения с Шелки был стерт.

И из-за этих сверхчувствительных людей стало необходимо сделать так, чтобы Шелки казались результатом биологических опытов людей. И соответственно в Шелки было запрограммировано то, что они могут вступать в половые отношения только с земными женщинами. В результате слияния яйцеклетки земной женщины и сперматозоида Шелки-мужчины получался бы Шелки, ничего не знающий о своей истории.

Чтобы этот процесс проходил автоматически, было сделано так, что обязанности по контролю за ним взяли на себя Избранные Люди из числа тех, кто мог читать мысли Шелки.

После этого все взрослые Шелки, кроме одного, вернулись на планетоид, который уже двигался к отдаленной части своей орбиты.

Когда Земля вновь была на досягаемом расстоянии, спустя более чем сто лет, туда были предприняты осторожные визиты.

Стало очевидно, что произошли некоторые незапланированные вещи. Биологи Земли провели эксперименты, в результате которых появились Варианты. Последние передали по наследству свои искаженные черты, и этот процесс продолжается, давая жизнь все новым и новым Вариантам.

Следствием всего этого было: большое количество настоящих Шелки, способных к трехкачественному преобразованию по своему желанию; Шелки класса Б, которые могли трансформироваться из человеческого состояние в рыбье, но не могли переходить в космическое состояние и не могли оставаться в одном состоянии неопределенно долгое время; Варианты!

Последние две группы в больших количествах заселили океаны. Соответственно было решено оставить Шелки класса Б в покое, но сделать попытку изолировать их, заманив на гигантские космические корабли, и кровосмешение было бы исключено.

Этот план был уже практически закончен к тому времени, когда планетоид Шелки обогнул Солнце и направлялся к Нептуну.

Сейчас мы вновь вернулись и обнаружили печальную картину. Земная наука, в сущности без всякого вмешательства цивилизации Шелки, разработала метод, позволяющий совершенствовать и развивать систему восприятия Шелки.

Земные Шелки стали лояльной к Земле, хорошо организованной, умелой группой существ, которой недоставало только Энергии.

Кемп читал все это в мыслях И-Лерда и, изумленный, спросил его о том, что казалось самым существенным упущением в рассказе. Откуда появился планетоид Шелки в Солнечной системе?

Первый раз И-Лерд проявил нетерпение.

— Те перелеты слишком древние, — телепатировал он. — Они занимают очень много времени. Никто не помнит о нашем происхождении. Очевидно, мы из какой-то другой звездной системы.

— Ты это серьезно? — Кемп был поражен. — Никто не знает?

Но это был весь рассказ. Крути-верти его как хочешь, но ничего не изменится. Хотя сознание И-Лерда было закрыто, кроме мыслей, которые он передавал, О-Ведд был открыт, и в нем Кемп прочитал подтверждение информации И-Лерда и тот же недостаток знаний.

Но зачем надо было вмешиваться в биологию человека и смешивать две расы?

— Мы всегда так делаем. Так мы живем, вступая в связь с жителями какой-нибудь из систем.

— Откуда ты знаешь, что вы всегда так делаете? Ты мне только что сказал, что никто из вас не помнит, откуда вы взялись или хотя бы где вы были перед тем, как появились в Солнечной системе.

— Ну... это известно из тех исторических экспонатов, что есть у нас с собой.

И-Лерд всем своим отношением показал, что вопрос неуместен. Но у О-Ведда Кемп зафиксировал мысленный образ, объясняющий такое отношение. Для космических Шелки прошлое было не важно. Шелки всегда делают определенные вещи, потому что они так умственно, эмоционально и физически созданы.

Шелки не обязательно знать о прошлом опыте. Он просто должен быть тем, кто он есть по своей природе.

И это, как понял Кемп, было основным объяснением все-му, что он узнал. И поэтому к обучению Шелки никогда не подходили с научной точки зрения. Обучение — это чуждая концепция в мировоззрении космических Шелки.

— Ты имеешь в виду, — продолжал он протестующе, пораженный невероятностью услышанного, — что у вас нет даже представления, почему вы покинули последнюю систему, где вступили во взаимосвязь с населяющей ее расой? Почему бы не остаться навсегда в какой-нибудь системе?

— Возможно, — ответил И-Лерд, — кто-то слишком близко подошел к секрету Энергии. Этого нельзя допустить.

— По этой же причине, — продолжал он, — Кемп и другие Шелки должны вернуться на планетоид. Будучи Шелки, они должны знать об Энергии.

Разговор неизбежно шел к этому насущному вопросу.

— Что такое Энергия? — спросил Кемп.

И-Лерд сухо пояснил, что это запрещенная тема.

— В таком случае, мне придется силой вывести этот секрет, — сказал Кемп, — без этого не может быть никакого соглашения.

И-Лерд твердо ответил, что любая попытка применения силы вынудит его применить Энергию в качестве защиты.

Кемп потерял терпение. «После ваших двух попыток убить меня, — телепатировал он, наполняясь холодной яростью, — я даю тебе тридцать секунд...»

— Что за попытки убить тебя? — спросил удивленный И-Лерд.

В тот самый момент, когда Кемп концентрировался, чтобы использовать уровневую логику, что-то его прервало.

Один из его рецептов, расположенный в передней части мозга, принял импульс частотной полосы — в виде очень низкой медленной вибрации. Он работал на простых составляющих диапазона слышимого звука как раз в его звукопринимающей системе.

Необычным в этом было то, что звук служил носителем для мысли. И в результате этого он как бы слышал голос, звучащий ясно и громко в ушах.

— Ты победил, — сказал голос. — Ты меня заставил. Я сам поговорю с тобой — без посредничества моих слуг, пребывающих в неведении.

17

По характеру поступающих к нему мыслей Кемп понял, что это был прямой контакт. И соответственно его мозг, натренированный мгновенно реагировать при поступлении большого количества сигналов, настроился на регистрацию как можно большего числа импульсов, исходящих из передающего мозга... И у него возникла картина. Мимолетное видение, такое короткое, что даже спустя несколько секунд было трудно поверить, что это было реальностью, а не плодом воображения.

Нечто огромное лежало в глубине планетоида, погруженное в темноту. Оно лежало там, создавая впечатление необъятной мощи. Оно не выставляло себя напоказ, а наблюдало за Кемпом, используя лишь крошечную часть самого себя.

Большая часть была наполнена сознанием мира и могла манипулировать огромными частями времени и пространства.

«Остальным не говори ничего». — И вновь фраза прозвучала так, словно это был прямой контакт, словно звучали произнесенные слова.

Страх, охвативший Кемпа, был уже готов перейти в отчаяние. Он вошел в твердыню Шелки, веря, что его земная подготовка и знания Кибмадина дают ему хотя бы временное преимущество над космическими Шелки, и, если не мешкать, он был бы победителем в борьбе, которая могла устранить угрозу со стороны этих настоящих Шелки полностью.

Вместо этого он, ничего не подозревающий, вошел в логово космического гиганта. Он испуганно подумал: «Вот то, что называли Энергия». И если то видение было реальностью, то это была такая колоссальная мощь, что его собственные возможности и сила равнялись практически нулю. Он сделал вывод, что именно это и напало на него дважды.

— Это правда? — спросил он, используя ту же частоту, на которой и принимал мысли.

— Да. Я этого не отрицаю.

— Почему? — последовал молниеносный вопрос Кемпа.
— Зачем ты это сделал?

— Чтобы мне не пришлось раскрывать свое существование. Я всегда боялся того, что если другие жизненные формы узнают о моем существовании, то они найдут способ уничтожить меня. А сейчас слушай и делай, что я скажу...

Эта фраза снова всколыхнула эмоции Кемпа. Неиссякаемая сила, поддерживаемая уровневой логикой и порожденная

сю, питала возникшую в нем ненависть. В тот момент это была реакция организма на попытку его уничтожения. И ему было трудно сдерживать некоторые ее проявления.

Но части головоломки занимали свои места. По приказу монстра он смог сказать И-Лерду и другим Шелки: «Подумайте немного над этим. И когда Шелки, принявшие ваше предложение, придут с Земли, я поговорю с ними. И тогда мы все еще раз обсудим».

Это было настолько крутое изменение в настроении, что два Шелки выразили свое удивление. Но он увидел, что они истолковали перемену в его отношении к проблеме как слабость и с облегчением вздохнули.

«Я вернусь через час», — телепатировал он И-Лерду, затем повернулся, взмыл вверх, оставляя позади двор, и направился к проходу, который вел в глубь планетоида.

И снова его рецепторов коснулась низкая, медленная вибрация. «Ближе!» — властно приказало существо.

Кемп повиновался, действуя по принципу: пан или пропал. Он опускался все ниже, минуя дюжины барьеров, и оказался в пустой пещере, вырубленной в метеоритной породе. Она не была даже освещена. Войдя, он принял прямо направленную мысль: «Сейчас мы можем поговорить».

Кемп думал с яростной скоростью, стараясь свыкнуться с опасностью, которая была так велика, что у него не было возможности оценить ее размеры. Но тем не менее Энергия открыла себя ему, так и не позволив И-Лерду что-либо выяснить. Похоже, что это и есть его единственный козырь, но у Кемпа было убеждение, что это так, только пока он находится в планетоиде.

Он подумал... Надо полностью использовать преимущество!

И телепатировал:

— После всех нападений на меня ты должен прямо ответить на некоторые вопросы, если хочешь иметь со мной дело.

— Что ты хочешь знать?

— Кто ты? Откуда ты пришел? Чего ты хочешь?

Существо не знало, кто оно есть.

— У меня есть имя. Меня зовут Глис. Когда-то давным-давно было много таких, как я. Я не знаю, что с ними стало.

— Но *что* ты есть?

Никаких знаний на этот счет у него не было. Энергетическая жизненная форма, путешествующая от одной звездной системы к другой, оставаясь там на время и покидая вновь, не знала ничего о своем происхождении.

— Но зачем все время уходить? Почему бы не остаться?

— Приходит время, когда уже сделано все, что я могу, для какой-нибудь определенной системы.

Используя огромную энергию, оно доставляет большие метеориты, состоящие из льда и воды, на планеты, лишенные воздуха, и делает их обитаемыми, очищает их от опасных космических обломков, превращает ядовитые атмосферы в пригодные для жизни...

— В настоящее время работа здесь выполнена, и пришло время двигаться дальше на исследование бесконечного космоса... Как ты видел в пещерах, я делаю картину населенной планеты и ухожу дальше в космос.

— А Шелки?

— Это древняя метеоритная форма жизни. Я обнаружил их давно и, так как мне были нужны мобильные разумные помощники, уговорил их согласиться на постоянное сотрудничество.

Кемп не спросил, каким образом уговаривались Шелки. Ввиду того, что Шелки ничего не знали об этом сотрудничестве, Кемп сделал вывод, что их склонили к нему хитростью. Но тем не менее все, что он видел, представляло собой вполне мирное сосуществование. У Глиса были агенты — Шелки, — которые действовали в условиях, где требовалась тонкая работа. Они, в свою очередь, располагали какой-то частью «тела» самого Глиса, которая могла выполнять задачи, выходящие за рамки возможностей Шелки.

— Я желаю, — сказал Глис, — договориться о таком же положении вещей с твоим правительством на то время, пока я нахожусь в Солнечной системе. Но необходима полная секретность.

— Почему?

Он ответил не сразу, но коммуникационный канал оставался открытым. И благодаря этому присутствие Глиса ощущалось постоянно — впечатление безграничной мощи, существа такого могучего, что вся остальная разумная жизнь Вселенной казалась величиной ничтожно малой по сравнению с ним.

Кемп вновь ощутил шаткость своего положения. Но он телепатировал: — Кое-кому я должен сказать. Они должны об этом знать.

— Это не должны быть другие Шелки. Это однозначно.

Кемп не спорил. Все эти тысячелетия Глис хранил в тайне от космических Шелки свое существование. Кемп был абсолютно уверен, что он скорее уничтожит весь планетоид, чем раскроет эту тайну.

Кемпу повезло. Монстр пытался его убить на том уровне, где была разрушена лишь одна комната. Тогда он сдержал себя, и Кемп остался жив.

— Об этом могут узнать только лишь члены Верховного правительства и Совет по делам Шелки, — продолжал Глис.

Допущение казалось разумным. Но в то же время у Кемпа было жуткое подозрение, что те, кто когда-либо узнавал секрет этого существа, были им убиты.

Сознавая это, он не мог идти на компромисс.

— Дай мне посмотреть на тебя всего, — потребовал Кемп.

Он почувствовал, что Глис колеблется, и настойчиво продолжал: — Я обещаю, что об этом узнают лишь те, кого ты назвал. Но мы должны знать!

Паря между полом и потолком пещеры в состоянии Шелки, Кемп чувствовал энергетический заряд в воздухе и в стенах. Не включая дополнительных анализаторов, Кемп ощутил, что защита исчезает, и он начал записывать открывшуюся ему картину.

Первым его впечатлением была необъятность. После долгого измеряющего взгляда Кемп оценил размеры существа скалоподобной структуры — около тысячи футов в диаметре. Оно было живое, но не из плоти и крови. Оно питалось от какой-то внутренней энергии, которая соперничала с энергией, заключенной в ядре Солнца.

И Кемп заметил удивительное явление. Магнитные импульсы, которые проходили через существо и принимались рецепторами Кемпа, претерпевали изменения таким способом, о котором Кемп ничего не знал, — словно они проходили через атомы неизвестной структуры.

Он вспомнил свой анализ группы молекул. Тут было то же самое, но в гораздо больших масштабах. Его поразило то, что вся его интенсивнейшая подготовка в вопросах подобного рода не давала ему и намекa на природу этой структуры.

— Достаточно? — прозвучал вопрос.

Кемп с сомнением ответил «да».

Глис воспринял его неохотное согласие как безоговорочно утвердительный ответ. Все, что было видимым, внезапно исчезло. Мысль чужака прозвучала в сознании Кемпа: «Раскрыв себя перед тобой, я сделал очень опасную вещь. И я еще раз со всей серьезностью довожу до тебя важность того, что лишь ограниченное число людей должно знать то, что ты сейчас увидел».

Затем он сказал, что сохранение тайны означает безопасность не только его самого, но и Кемпа.

— Я знаю, — сказала существо, — что мои возможности поистине безграничны. Но и я могу быть не прав в своих действиях. Я единственный в своем роде. И это тревожит меня. Я не хотел бы вдруг ощутить страх, который бы побудил меня к уничтожению всей системы.

Кемп никогда не слышал, чтобы угроза звучала с такой беспощадностью. Кемп колебался, его мозг был уже пресыщен, но ему хотелось узнать еще больше.

— Сколько живут Шелки? — спросил он быстро и добавил: — Мы этого не знаем, так как еще ни один из нас не умирал естественной смертью.

— Около тысячи земных лет, — был ответ.

— Что ты хочешь от земных Шелки? Зачем ты хочешь, чтобы мы вернулись?

Опять последовала пауза, и снова ощущение огромной мощи. Затем Кемп услышал неохотное пояснение, что новые Шелки, рожденные на планетах, ничего не знают о Глисе. И следовательно, находятся вне его непосредственной власти.

Он закончил:

— Ты и я должны заключить особое соглашение. Ты можешь занять место И-Лерда, и я буду поддерживать контакт через тебя.

Поскольку И-Лерд ничего не знал, в отличие от Кемпа, то Кемп не испытывал никаких чувств от предложения, кроме чувства опасности.

Ему в голову пришла трезвая мысль: «Если я отсюда уйду, то мне никогда больше не разрешат вернуться».

Но это уже не имело значения. Самое важное сейчас было — убираться отсюда! И побыстрее!

18

Компьютер в Шелки-Управлении выдал четыре ответа. Два из них Кемп отверг сразу. На языке компьютера они назывались «проба». Машина просто выдала всю информацию для просмотра, с тем чтобы человек мог изучить данные по частям. Такие данные Кемпу сейчас не были нужны.

Один из оставшихся двух ответов определял такое существо как Бога. Но Кемп на себе испытал ограниченность власти Глиса, когда тому дважды не удалось убить его, что противоречит постулату о Божественном всемогуществе. Понятно, он допускал, что Глису не удалось его уничтожить, потому что он не хотел разрушать планетоид, но для всемогущего Бога это

вряд ли было бы ограничением. Ему оставалось действовать, принимая на веру удивительную четвертую возможность. Картина, проступающая с точки зрения этой возможности, объясняла все с позиции глубокой древности. Существо, ук-
рывшееся в планетоиде, было старше большинства планетных систем.

— Во времена, когда оно появилось, — говорил компьютер, — конечно же, были звезды и звездные системы, но они отличались от нынешних. Законы природы были не те, что сегодня. Вселенная сейчас представляет собой совсем другое, нежели то, что знал Глис, когда она зарождалась. Похоже, что это и дает ему преимущество, так как он знает какие-то древние структуры атомов и молекул и может их воспроизводить. Определенность этих комбинаций отражает состояние материи, когда она была — наилучшее сравнение — моложе.

Правительственная группа, которой Кемп представлял данные, была ошарашена. Как и он сам, они выработали план компромисса с космическими Шелки. И вдруг совершенно неожиданно появляется этот колосс с неизвестной энергией.

— Вы хотите сказать, — спросил один из людей охрипшим голосом, — что в какой-то степени Шелки являются рабами этого существа?

Кемп ответил:

— И-Лерд не знал, с чем он имеет дело. Он просто полагал, что это некая научная система для использования природных сил. Глис и действовал в этих пределах, чтобы не вызывать подозрений И-Лерда, а на самом деле он полностью его контролировал.

Кемп также ответил, что такая гигантская жизненная форма не будет обращать внимание на мелочи жизни своих подручных, а лишь использовать их в своих планах, заставляя делать, что ему угодно.

— Но что ему угодно? — вступил в разговор другой человек.

— Он путешествует по Вселенной, творя добро, — сказал Кемп с натянутой улыбкой, — мне он пытался представить себя именно в таком свете. У меня создалось впечатление, что он пытается переделать Солнечную систему в соответствии с нашими особенностями.

Тут заговорил Мэтьюз.

— Мистер Кемп, — сказал он, — как это все соотносить с положением Шелки?

Кемп ответил, что Шелки, покинувшие Землю, действовали поспешно и это было очевидно.

— Но, — закончил он, — должен вам сказать, что космические Шелки показались мне очень приятным народом. По моему мнению, они не представляют проблемы. Перед ними стоит та же самая задача, что и перед нами, только с другой стороны.

— Нэт, — заговорил Чарли Бакстер, — ты веришь этому монстру?

Кемп помедлил с ответом. Он вспомнил беспощадные нападения на него и то, что только защита Кибмадина спасла его. Он также вспомнил и то, что заставил гигантское существо раскрыть свое существование, потому что оно не хотело, чтобы он принудил И-Лерда к откровенности, в результате чего космические Шелки узнали бы о природе Энергии.

— Нет! — ответил он.

Сказав это, он понял, что простое отрицание еще не достаточный ответ. Оно не передавало реальности той ужасной опасности, пребывающей в космосе. Он медленно произнес:

— Я понимаю, что мои мотивы могут вызывать подозрение в том, что я собираюсь сказать, но это мое искреннее мнение. Думаю, что всех земных Шелки необходимо вооружить знаниями о системе защиты-нападения Кибмадина, и сделать это надо немедленно, а также необходимо организовать их в группы, с тем чтобы они непрерывно вели наблюдение за Глисом. Запретить им покидать планетостид, за исключением ситуации полной капитуляции.

Повисла гробовая тишина. Затем один из ученых произнес слабым голосом:

— Есть ли шанс применить уровневую логику?

— Не вижу, как это можно сделать, — сказал Кемп.

— И я тоже, — ответил ученый с грустью.

Кемп вновь обратился к правительственной группе:

— Я полагаю, что наша задача сейчас — выдворить эту штуку за пределы Солнечной системы. Мы не будем в безопасности, пока он находится здесь.

Закончив, он ощутил присутствие энергии... очень знакомой. У него появилось чувство, что космическое расстояние и время раскрылись. Энергия безгранична! Им овладело такое же чувство, как и во время второго нападения, когда все его сенсоры пришли в замешательство.

Страх, овладевший им в тот момент, не имел ничего общего с тем, что ему когда-либо пришлось испытывать. Это было чувство человека, который вдруг увидел, как погибает его планета и все ему подобные, живущие на ней.

Как только осознание этого овладело им, Кемп вихрем сорвался со своего места. Сломая голову он побежал к большому окну, которое находилось за его спиной. Разбив его электрическим разрядом, как он это обычно делал, он закрыл глаза, предохраняясь от летящего стекла, и выпрыгнул с высоты семидесятого этажа.

Пока он падал, время и пространство рассыпались над ним как карточный домик. Кемп перешел в состояние Шелки класса С и в то же мгновение стал более восприимчивым. Он смог определить природу действующей на него колоссальной энергии — это было невероятной силы гравитационное поле. Охватывая все предметы органического и неорганического происхождения, оно сжимало их с силой, которой невозможно было противостоять...

Кемп мгновенно привел в действие преобразователь гравитации — бесконечно гибкую систему, которая превращала вторгшуюся суперэнергию в безобидную для Кемпа силу. Сделав это, он не почувствовал быстрых изменений. Воздействие энергии не прекращалось. Он уже не был так зависим от нее, но и свободным тоже не был.

Он понял, что его держало. Он был прикован к обширной части пространства и времени. В какой-то мере все, что происходило в этом промежутке, относилось и к нему. И поэтому он не мог от этого освободиться.

Весь мир потускнел для него. Солнце исчезло. Сначала Кемп увидел, что он находится в каком-то помещении, и понял, что экран автоматической защиты предотвратил его столкновение с крепкими, блестящими стенами.

Еще три реальные вещи проникли в его сознание. Помещение было ему знакомо, внизу, под ним, он увидел сверкающее изображение какой-то планеты. На нем были обозначены океаны, континенты, и, глядя на это, он понял, что каким-то образом снова оказался внутри планетоида Шелки, в одной из выставочных комнат.

Разница была в том, что, глядя на изображение планеты, он узнавал знакомые очертания континентов и океанов Земли. Ему стало понятно, что ощущение поистине неограниченной силы вполне объясняло все, что происходило.

Живущий в сердце планетоида древний монстр взял Землю, сжал ее и все, что на ней было, превратил планету диаметром 8000 миль в мячик диаметром сто футов и пополнил им свою сказочную коллекцию.

Там, внизу, было не осыпанное драгоценными камнями изображение Земли, а сама Земля.

Еще думая об этом, Кемп почувствовал, что планетостид набирает скорость.

«Мы покидаем Солнечную систему», — подумал он.

В течение каких-то минут, пока он, беспомощный, не знал, что ему делать, скорость планетоида возросла до сотен, а затем и тысяч миль в секунду.

Примерно после часового ускорения скорость крошечного планетоида на его все увеличивающейся гиперболической орбите достигла величины, равной половине скорости света.

Несколько часов спустя планетостид был уже за орбитой Плутона, и скорость его была почти та же, что и у света.

И он продолжал ускоряться...

19

Кемп взял себя в руки. Ярость прокатилась по нему, подобно потоку с крутой горы.

— Ты невиданное чудовище! — телеспатировал он.

Нет ответа.

Кемп продолжал давать волю своему гневу: — Ты самое злобное создание, когда-либо существовавшее. Посмотрю же я, что станет с тобой, когда получишь то, что заслуживаешь.

На этот раз Глис ответил:

— Я навсегда покидаю Солнечную систему. Почему бы тебе не оставить планетостид, пока не поздно. Я дам тебе уйти.

В этом Кемп не сомневался. Он был самым опасным врагом для Глиса, и его неожиданное появление, видимо, было страшным ударом для того.

— Я не собираюсь уходить, пока ты не исправишь все, что сделал с Землей.

Тишина.

— Ну, ты сделаешь это? — потребовал Кемп.

— Нет. Это невозможно, — последовал неохотный ответ.

— Но ты мог бы, если бы захотел вернуть Земле ее прежний размер.

— Нет, но я сейчас жалею, что взял твою планету, — печально отозвался Глис, — я всегда оставлял в покое населенные миры, которые были под защитой населяющих их живых существ. Я просто не мог поверить, что какой-то Шелки может представлять для меня опасность. Я ошибался.

Это было не то покаяние, которого ожидал Кемп.

— Но почему ты не можешь вернуть ей прежнее состояние? — настаивал он.

Похоже было, что Глис мог создать гравитационное поле, но он не мог придать этому процессу обратный характер. Извиняясь, он сказал:

— Чтобы все стало на свои места, придется применить такое же количество энергии, сколько я затратил на то, чтобы уменьшить Землю в размере. А где взять такую энергию?

Действительно, где? Но Кемп не сдавался:

— Я тебя научу, что такое антигравитация, на примере моей собственной системы управления энергией.

Но Глис ответил, что у него была возможность изучать такие системы на других Шелки.

— Не думай, что я не пытался. Очевидно, антигравитация — это позднейшее свойство материи и энергии. А я очень ранняя форма, как ты — и только ты — знаешь.

Надежды Кемпа как-то быстро угасли. Он верил, что есть возможность. Не было.

Чувство горя охватило его, первичное осознание того, что Земли больше нет.

Глис снова вышел на связь: — Я вижу, что ты и я оказались в серьезной ситуации. Поэтому мы должны прийти к соглашению. Я сделаю тебя правителем Шелки, я буду проводить очень тонкое воздействие с тем, чтобы все твои желания удовлетворились. Женщины — сколько пожелаешь. Власть — сколько угодно. Ты и я будем определять будущее планетоида.

Кемп даже не задумался над предложением.

— Ты и я — мы мыслим по-разному. Могу себе представить, как ты меня оставишь в покое, если я когда-либо рискну перейти в человеческое состояние. — Он прервался и коротко сказал: — Договор между нами я вижу как кратковременное перемирие, пока я думаю, что могу предпринять против тебя, и ты размышляешь над тем, что сделать со мной.

— Поскольку у тебя такие мысли, — последовал резкий ответ, — позволь мне прояснить мою позицию. Если ты начнешь против меня какие бы то ни было действия, я прежде всего уничтожу Землю и нацию Шелки, а потом займусь тобой.

Кемп ответил с обычной для него стальной твердостью:

— Если ты посмеешь принести вред тому, чем я дорожу — включая Шелки и все, что осталось от Земли, — я нападу на тебя, используя весь свой атакующий потенциал.

Глис презрительно сказал:

— У тебя нет ничего, что могло бы повредить мне, — кроме этих твоих защитных экранов, которые, отражая атаку, направляют энергию на самого же нападающего. То есть та-

ким образом ты можешь использовать мою силу против меня. Поэтому я не буду нападать. Получается — патовая ситуация.

Кемп ответил:

— Посмотрим.

— Ты же сам признал, что твоя уровневая логика не будет работать в случае со мной.

— Я имел в виду прямое воздействие, а есть еще и обходные доступы к сознанию.

— Не вижу, как нечто подобное может сработать на мне, — был ответ.

В тот момент Кемп тоже этого не знал.

20

Путь Кемпа лежал через проходы, ведущие вверх и вниз по горизонталям. Он пролетал через комнаты, заполненные мебелью и произведениями искусства других планет.

По пути он видел странные и прекрасные сцены, выполненные красками и в барельефах на стенах. И везде сами планеты были ослепительно прекрасны, но в то же время и ужасающие, потому что каждая из них представляла собой страшное преступление.

Он направлялся в город Шелки. Он пробирался туда внутренними проходами, потому что не решался покинуть планетоид и добраться до места назначения внешним путем. В сущности Глис ему сказал, что он не будет счастлив от того, что он, его самый опасный враг, останется живым. И если он когда-либо осмелится покинуть эти пещеры, у него уже не будет выбора и никакого шанса найти метод возмездия — если таковое вообще возможно — или какой-то выход из создавшегося положения, который мог бы повлиять на будущее Шелки. Он был более чем уверен, что обратной дороги у него не будет.

Он не преследовал какую-либо определенную цель — горе его было глубоко и ужасно. Он не сумел ничего сделать, защитить, не смог выполнить свой долг.

Земля была потеряна. Потеряна так быстро и безвозвратно.

Время от времени он оплакивал Джоанн и Чарли Бакстера и других друзей среди Избранных Людей.

Когда эти грустные мысли овладели им, он занял наблюдательную позицию на вершине дерева, откуда просматривалась

главная улица города Шелки. Там он ждал, поддерживая все свои сигнальные системы в состоянии готовности номер один.

Пока он находился в состоянии неустанный бодрствования, жизнь Шелки продолжалась. Ему показалось важным то, что Шелки в основном находились в человеческом состоянии.

Кемпа вдруг ударила мысль: «Они же абсолютно беззащитны в этой форме».

В человеческом состоянии они могли быть все уничтожены одной лишь вспышкой всежигающего пламени.

На частоте Глиса он передал:

— Если ты не прекратишь принуждать их находиться в этом состоянии, я им расскажу всю правду о тебе.

На это последовал немедленный свирепый ответ:

— Скажи только слово, и я все это гнездо сотру в порошок.

Кемп приказал:

— Освободи их, или наш кризис наступит сейчас же.

После этого его заявления возникла пауза, и затем:

— Я освобожу половину. И не больше. Я должен сохранить свое влияние на тебя.

Кемп подумал и согласился, что это было логично.

— Но это должно быть сделано по принципу очередности. Двенадцать часов свободна одна половина, затем — другая.

Глис пошел на этот компромисс, не споря.

— Куда мы направляемся? — спросил Кемп.

— В другую звездную систему.

Ответ не удовлетворил Кемпа. Конечно же, Глис не думал продолжать эту злую игру в коллекционирование населенных планет.

— У меня такое чувство, что у тебя есть какая-то тайная цель, — бросил Кемп с вызовом.

— Не будь навязчивым и больше не беспокой меня.

Пат.

Шли недели, дни... Кемп пытался определить расстояние, которое покрывал планетоид, и направление, в котором он двигался. Скорость достигла почти светового года в день по земному времени.

Прошло восемьдесят два дня. Потом появилось ощущение снижения скорости. Замедление продолжалось два дня, и Кемпа это уже очень беспокоило. Он не мог допустить, чтобы этот странный летательный аппарат, ставший ему теперь домом, прибыл на место назначения, о котором Кемп ничего не знал.

— Останови свой корабль! — приказал он.

Глис ответил со злостью:

— И не думай вмешиваться!

Так как это могло оказаться смертельно опасной задумкой, Кемп ответил:

— Тогда откройся мне. Покажи мне все, что ты знаешь об этой системе.

— Я здесь раньше никогда не был.

— Отлично, а что я увижу, когда ты откросься мне?

— Я не вижу возможности разрешить тебе заглянуть в меня. На этот раз ты можешь увидеть что-нибудь такое, что сделает меня уязвимым для тебя.

— В таком случае измени курс.

— Нет. Это значит, что я не смогу никуда отправиться, пока ты не умрешь, что произойдет лишь примерно через тысячу лет. Я отказываюсь соглашаться на такое ограничение.

Услышав ссылку на возраст Шелки во второй раз, Кемп сделал паузу. На Земле никто не знал, как долго живут Шелки, потому что никто из них не умирал естественной смертью. Ему самому было лишь 38 лет от роду.

— Слушай, — сказал он наконец, — если у меня всего лишь тысяча лет, почему бы тебе просто не переждать это время? Это ведь должно быть какос-то мгновение по сравнению с твоей жизнью.

— Отлично, так мы и сделаем! — ответил Глис, но замедление продолжалось.

— Если ты не повернешь, мне придется принять меры, — передал ему Кемп.

— Что ты можешь сделать?

Вопрос хороший. Действительно, что?

— Я предупреждаю тебя, — сказал Кемп.

— Ты только никому не говори обо мне, а кроме этого, делай все, что тебе угодно.

Кемп ответил:

— Я делаю вывод, что ты решил, будто я уже не опасен. И так ты поступаешь с теми, кого считаешь безобидными.

Глис сказал, что, если бы Кемп мог что-либо сделать, он бы уже сделал. И закончил:

— И поэтому я тебе прямо говорю: я собираюсь поступать, как угодно мне, а для тебя есть только один запрет: не покушайся на мою тайну. А сейчас оставь меня в покое.

Кемпу стало совершенно ясно, что ему дан от ворот поворот. К нему отнеслись как к беспомощному, как к кому-то, с чьими желаниями нет нужды считаться. Восемьдесят дней

бездействия сыграли против него. Он не напал, потому что не мог. Ясно, что у монстра была именно такая логика.

Ну... и что ему теперь делать?

Он мог провести энергетическую атаку. Но для ее подготовки понадобится время, и в качестве возмездия можно было ожидать уничтожения нации Шелки и Земли. Кемп решил, что не готов к такой заварухе.

Он с испугом осознал, что Глис правильно анализировал ситуацию. Что он мог сделать, так это блокировать свое сознание и забыть его тайну — и ничего больше.

Он подумал, что ему следовало бы заострить внимание Глиса на том факте, что существуют разные типы секретности. Хранить тайну о самом себе — это один тип. А тайна о звездной системе впереди — совсем другой. Весь вопрос в секретности...

В мозгу Кемпа сама собой возникла пауза. Затем он подумал: «Как же я мог это опустить?»

Еще не переставая удивляться, он уже понял, как это произошло. Стремление Глиса скрывать свое существование казалось понятным, и естественность этой необходимости затмила ее первоначальное значение.

«Секретность, — думал Кемп, — конечно же! Это то, что надо!»

Поразмыслив над этим несколько секунд, Кемп предпринял свои первые действия. Он преобразовал гравитацию относительно массы планетоида и легко, как пушинка, взмыл вверх, оставив далеко позади себя вершину дерева, так долго служившего ему наблюдательным пунктом. И вскоре он уже мчался по гранитным коридорам, набирая скорость.

21

Без всяких происшествий Кемп добрался до пещеры, где находилась Земля.

Настроив свои датчики таким образом, чтобы его защита распространялась и на этот драгоценный шар, Кемп позволил себе подумать о надежде.

«Секреты!» — снова подумал он, и его мысль заработала с удвоенной силой.

По мере приобретения жизненного опыта дети возвещают о своих нуждах хныканьем или плачем. Но по мере взросления ребенок подвергается тысячам запретов. А став взрослым, человек желает открытости и независимости, борется

за свое освобождение от воспитательного воздействия, тормозившего его развитие в детстве.

Воспитательное воздействие — это, конечно, не уравнивая логика, но нечто родственное — примерно на ступень ниже. Но, будучи искусственно созданным, оно может становиться подвижным при условии правильно выбранного стимула. Это уже было делом техники. Решающим фактором во всем этом было следующее: так как Глис сделал секретность условием своего существования, то есть воспитал в себе необходимость сохранения секретности, то он подвержен воспитательному воздействию.

Дойдя до этого предпоследнего пункта в своих рассуждениях, Кемп сделал паузу. Как Шелки, Кемп был подготовлен таким образом, что там, где можно было ограничиться нанесением вреда, он не убивал; там, где можно было достичь согласия путем переговоров, он не причинял вреда, всегда и везде стремясь к обеспечению благополучия.

Кемп вышел на связь с Глисом:

— Всю свою долгую жизнь ты боялся, что кто-то узнает, как тебя уничтожить. Должен тебе сказать, что я есть тот, кого ты боялся. Итак, если ты не возьмешь обратно свои наглые заявления, сделанные не так давно, ты умрешь.

Последовал холодный ответ:

— Я тебе позволил добраться до твоей планеты, потому что в моей полной власти находятся заложники — нация Шелки!

— Это твоё последнее слово? — спросил Кемп.

— Да. И прекрати эти глупые угрозы. Они начинают меня раздражать.

На это Кемп сказал:

— Я знаю, откуда ты взялся, кто ты есть и что случилось с другими тебе подобными.

Естественно, он не знал ничего подобного. Но это была его тактика. Говоря это, он вызовет из сознания Глиса правду. Затем, как и у всех живых существ, у Глиса появится автоматический импульс выдать всю истинную информацию.

Но перед тем, как он сделает это, он испытает сдерживающее влияние рамок секретности. И это будет точная модель, новое подтверждение реальности этого явления в далеком-далеком прошлом Глиса. Сейчас Кемп должен был успеть использовать это состояние, имеющее так много общего с уравнивающей логикой. Подготовив все таким образом согласно своей теории, Кемп отправил сигнал, приводящий его ловушку в действие.

От Глиса пришла удивленная мысль: «Что ты сделал?»

Наступила очередь Кемпа быть коварным и скрытным, он сказал:

— Мне пришлось привлечь твое внимание, с тем чтобы ты понял, что тебе лучше иметь со мной дело.

Глису было уже слишком поздно делать что-либо, что могло бы его спасти, и эта уловка, если она удастся, спасет множество жизней.

— Хочу заметить, — сказал Глис, — что я не навредил еще ничему, что имело бы ценность.

Кемп почувствовал глубокое облегчение, услышав это. Но никаких сожалений по поводу того, что он пошел на этот шаг, у него не было. С этим созданием у него не было бы возможности повторить то, что он делает сейчас, и его затея принесет ему все или ничего.

— Что ты там говорил по поводу сделки? — спросил Глис настойчиво. — Я открою тебе все мои секреты в обмен на то, что ты мне скажешь, что со мной делаешь. Я испытываю какую-то внутреннюю тревогу и не знаю почему.

Кемп заколебался. Это было грандиозное предложение. Но он знал, что, согласившись, он будет вынужден держать свое слово.

— Я обещаю не идти в систему Ниджан, — сказал Глис, — смотри, я уже торможу.

Кемп почувствовал, что планетонд останавливается, но это не представлялось значительным действием. Он лишь заметил про себя, что, упомянув название звезды, Глис выдал, что он уже был в этой системе и у него была какая-то цель лететь туда сейчас.

Это сейчас не имело значения, они поворачивают и ни-когда уже туда не попадут. Если там и была опасность для Кемпа или других Шелки, то она исчезла, и польза от этой системы была лишь в том, что она заставила Кемпа действовать, не задумываясь о последствиях.

Готовность Глиса идти на улучшение взаимоотношений, когда у него не было выбора, была лишь невеселым комментарием его характера, причем весьма запоздалым. «Слишком поздно, слишком много планет, — подумал Кемп. — Сколько?» И так как он находился в странном эмоциональном состоянии, вопрос вырвался автоматически.

— Не думаю, что мне следовало бы говорить тебе об этом, ты можешь использовать это против меня, — ответил Глис.

Но, вероятно, почувствовав непреклонность Кемпа, он быстро сказал:

— 1823 планеты.

Так много! Эта цифра не удивила Кемпа, она причинила ему боль. Потому что одна из этих бесчисленных смертей настигла Джоанн, другая Чарли Бакстера.

— Зачем ты все это делал? — спросил Кемп. — Зачем тебе понадобилось разрушать все эти планеты?

— Они такие прекрасные.

Действительно так. В сознании Кемпа вдруг отчетливо возникло видение огромной планеты, парившей в пространстве, атмосфера окутывала ее оксаны, горы, равнины. Он очень часто видел эту картину и ее великолепие считал превыше всех чудес во Вселенной.

Видение прекрасной планеты, ласкаемой лучами родного солнца, исчезло, остался лишь сморщенный музейный экспонат.

Глис походил на древнего охотника за головами. Он мастерски убивал каждую жертву, терпеливо уменьшал голову до подходящего размера и с любовью помещал в свою коллекцию.

Для охотника за головами каждая миниатюрная голова символизировала его мужество. А чем были для Глиса эти планеты?

Кемп не мог себе даже и представить.

Но слишком же он затянул паузу. На частоте Глиса он ощутил зарождающуюся ярость и быстро сказал:

— Хорошо, я согласен. Пока ты будешь послушен моей воле, я буду рассказывать во всех подробностях, как я на тебя нападаю.

— Что ты хочешь?

— Прежде всего, освободи Шелки.

— А ты сделаешь, как я тебя просил?

— Да. После того как ты их освободишь, выпусти наружу меня и Землю.

— После этого ты мне скажешь?

— Да.

Глис не смог сдержать угрозы:

— Если нет, я вдребезги разобью твою планету. Ни ты, ни она не останетесь в целости.

— Я скажу тебе.

22

Все произошло удивительно просто: часть планетоида, окружавшая Кемпа, приподнялась и выстрелила в небо. Кемп обнаружил, что он завис в черном пустом пространстве среди метеоритных обломков.

До него дошла мысль Глиса: «Я сделал то, что от меня требовалось. А сейчас говори!»

Даже когда Кемп исполнил требование, он не мог понять, что же происходит.

Появилась тревога. Он дал толчок неизвестному ему процессу в надежде, что природа поставит все на свои места. Каким-то образом в этом метеорите сохранилась древнейшая форма жизни, и ее эволюция стала протекать с молниеносной скоростью. Изменение, рассчитанное на миллионы лет, было спрессовано в какие-то минуты. Так как ни одно из существ, подобных Глису, не сохранилось, то Кемп предположил, что они давным-давно эволюционировали в... во что?

Что это было за существо? Куколка? Яйцо? Превратится ли оно в космическую бабочку, в большого червяка, в гигантскую птицу?

Он раньше не думал о таких возможностях. Он допускал только уничтожение. Ему вдруг пришла в голову мысль: он никогда не думал о том, что может стать конечным продуктом уничтожения. Он никогда не думал об этом.

С невеселым чувством вспомнил Кемп о том, что говорил ему компьютер: атомарная структура гиганта представляет собой древнейшее состояние материи. Означает ли это, что при переходе частиц из того состояния в современное выделится доселе неизвестная энергия?

Под ним происходили титанические вещи.

От планетоида отделилась его часть, и от нее, в свою очередь, отделился солидного размера огненно-красный шар в милю толщиной. Кемп подался в сторону, чтобы пропустить эту невероятную штуку мимо себя, и увидел еще более странную вещь — скорость этого огромного куска, уже раскаленного добела, возрастала, а масса увеличивалась.

Он уже был на порядочном расстоянии от Кемпа и достигал по крайней мере сотни миль в диаметре, через минуту — пятисот миль и все продолжал увеличиваться, а скорость его возрастала.

Он разрастался в пылающую невероятную массу. И вот уже его величина достигла десяти тысяч миль в диаметре, и он продолжал удаляться, все разрастаясь.

Кемп отправил в пространство сигнал общей тревоги: «Уходите! Как можно скорее! Прочь!»

Он и сам старался отлететь от этого места подальше, преобразуя гравитацию тела чудовищных размеров, достигшего ста тысяч миль в диаметре.

На этой стадии тело приобрело розовый цвет. Пока он наблюдал, цвет изменился и стал бледно-желтым. И тело, испускавшее прекрасный золотистый свет, достигло в диаметре более миллиона миль, став таким же, как Солнце.

Через несколько минут оно выросло до размеров гигантской голубой звезды в десять раз больше Солнца.

Оно стало розоветь и за десять минут увеличилось в сто раз. А вокруг была звездная Вселенная, освещенная сверкающими незнакомыми объектами вблизи и вдалеке — сотни их выстроились в длинную линию, подобно фонарям.

Под собой Кемп увидел Землю.

Он оглядел раскинувшийся перед ним в небесах пейзаж, знакомую планету, и им овладело ужасное волнение.

Глис превратился в Солнце, у которого было 1823 планеты, рассыпавшиеся звездными бриллиантами по небу.

Куда бы он ни посмотрел, он видел планеты, которые были расположены так близко от него, что напоминали множество лун. Он быстро провел кое-какие вычисления и с большим облегчением удостоверился, что все они находятся в пределах светового полугода.

На полной скорости, какую только могло выдержать его тело, Кемп вошел в атмосферу Земли — похоже, что все осталось, как прежде: земля, океан, города...

Он пронесся над шоссе и увидел, что по нему идут машины.

Он направился в Шелки-Управление, снискавший любопытством. Разбитое окно, из которого он выпрыгнул при столь драматических обстоятельствах, оставалось все еще разбитым.

Когда несколько мгновений спустя он совершил посадку среди той же самой группы людей, то понял, что имел место какой-то временной феномен. Для Земли и землян его восьмьдесят дней были лишь восьмьюдесятью секундами.

После он слушал рассказы людей об этом промежутке времени: они чувствовали внутреннее напряжение как при землетрясении, мимолетное отключение органов чувств, короткое ощущение темноты...

Появившись в комнате и приняв человеческое обличье, Кемп сказал пронзительным голосом:

— Джентльмены, приготовьтесь услышать о самом замечательном событии в истории Вселенной. Это розовое солнце за окном — не результат атмосферных помех. И, джентльмены, у Земли сейчас появилось 1822 планеты-сестры. Давайте готовиться к фантастическому будущему!

Позже, вернувшись домой во Флориду, Кемп сказал Джоанн:

— Сейчас понятно, почему не было решения проблемы Шелки в старых условиях. Для Земли две тысячи Шелки было достаточным количеством. Но в этой новой Солнечной системе...

Уже не стоял вопрос о том, что делать с шестью тысячами членов нации Шелки, а вопрос был в том, где взять сто таких групп, чтобы справиться с предстоящей работой. И быстро!

23

Когда пришел сигнал о помощи, Нэт Кемп исследовал планету, получившую астрономический код Минус 1109-93.

Тысяча сто девятая планета, которая располагалась гораздо дальше, чем Земля, от нового мощного Солнца, вращалась под углом 93 градуса по отношению к Земле.

Это был временно принятый порядок. Никто даже и не думал о том, чтобы Землю считать самой главной планетой новой системы.

И очевидно, это вообще не будет иметь значения. На трех планетах — 1107, 1108-й и 1109-й, — предписанных ему, Кемп не обнаружил признаков населения. Полдня он носился среди странных стройных зданий, взметнувших в небо свое кружево. И на этой планете становилось ясно, что переходный период оказался слишком продолжительным, чтобы могла сохраниться жизнь; видимо, только Земля и несколько других уже обнаруженных планет смогли пережить превращение.

Призыв о помощи Кемп получил, летая над большим генераторным комплексом. Он пришел, четкий и ясный, настойчивый, через систему механического реле, из пространства между 1109-й и 1110-й.

Призыв был следующего содержания: «Всем Шелки и правительственным агентствам, я только что получил... — дался термин Шелки, — сообщение от Лан Дждда».

Специальный термин Шелки — это мысленная формулировка, обозначающая коммуникационное явление, свойственное Шелки сразу после наступления смерти. Когда Шелки умирал, активизировалась группа нейронов. Эта группа выполняла роль телепатического передатчика, который просто передавал последние мысли, чувства и ощущения уже мертвого Шелки в момент передачи сообщения.

Кемп был шокирован, услышав имя погибшего Шелки. Лан Джедд и он были такими близкими друзьями, какими только могли быть Шелки или, точнее сказать, насколько им разрешали. Люди, особенно Избранные, не одобряли, когда Шелки общались между собой.

Лан и Кемп выбрали для исследования соседние группы плаист в этом удаленном конце системы, чтобы избежать контроля над своими разговорами о все углубляющемся кризисе отношений между Шелки и людьми.

Итак, когда до Кемпа дошел призыв о помощи, он понял, что, помимо отправителя сообщения, он был ближайшей «помощью».

Он сразу же ответил:

— Нэт Кемп идет на помощь. Кто ты?

— Оу-Дан! Я на планете 1113-86.

Кемпа встревожило имя собеседника. Оно принадлежало одному из метсоритных Шелки, о чьем существовании еще год назад не было известно. Присутствие этих «исконных» Шелки в новой Солнечной системе стало необычной и еще не решенной проблемой, об этом Лан и Кемп говорили, и очень подробно.

Ужасно было сознавать, что Оу-Дан мог подслушать их беседы. Но причиной особой тревоги Кемпа было его недоверие к босвым качествам вновь прибывших Шелки. Поэтому на протяжении многих часов он будет, в сущности, один против таинственного могучего врага, который уже доказал свою силу, убив Шелки.

Обдумывая все это, Кемп выбрался из здания, в котором находился, и мгновение спустя он уже покидал планету, используя гравитационный метод.

Фактически планета выбросила его тело, которое в состоянии Шелки класса С представляло собой пулевидный объект длиной 10 футов. Эта форма позволяла Шелки жить и действовать в безвоздушном пространстве.

Отлестев от планеты, Кемп поддерживал движение, блокируя действие гравитации всех объектов на себя, кроме тех, которые вели его в нужном направлении. Таким образом пла-

неты, находящиеся по курсу, тянули его, и он падал со все возрастающей скоростью на место назначения — специальный корабль.

Несмотря на начальное ускорение, это было обычное медленное самостоятельное передвижение Шелки в космосе. И прошло несколько беспокойных часов, пока он не увидел впереди себя в темноте космоса корабль.

Корабль был построен в рамках программы по защите в случае катастрофы, после того как Земля стала принадлежать новой системе. На нем было использовано оружие, созданное на принципах, которые Кемп узнал от Глиса. Этот и другие корабли являлись частью мер безопасности, принятых в связи с исследованием новых планет.

Поднявшись на корабль, Кемп направил его к Оу-Дану, который находился на расстоянии всего лишь четырех планет — не проблема для такого быстрого корабля.

Уже на подлете Кемп включил ретрансляционный передатчик. Таким образом он настроился на разговоры, доносившиеся из более отдаленных точек, — Шелки строили догадки о том, что могло произойти.

Что же за могучая форма жизни находилась на планете, исследуемой Лан Джеддом, если один или даже несколько из ее обитателей могли убить взрослого, полностью сформировавшегося Шелки? Это была главная мысль. Шелки, летевшие на помощь со всех концов системы, были готовы к крупной битве с опасным противником.

К сожалению, пройдет немало времени, пока все они появятся на поле боя. По крайней мере один земной день. Оу-Дан и Кемп пока будут одни.

Приближаясь, Кемп выяснил, что Оу-Дан перенес тело Шелки на метеорит 1113-86. Странная яркая темнота космоса с черным небом и огромным далеким солнцем, лучи которого отражались тысячами бликов от скалистой и металлической поверхности метеорита, — так выглядело место, куда прибыл Кемп.

В таком необъятном пространстве тело Шелки выглядело, как атом в бесконечности. Оно лежало распростертое на плоской скале. Смерть еще больше смазала сходство Шелки с человеком. Никаких явных признаков того, почему наступила смерть, не было. Оу-Дан телепатически прокомментировал, что тело несколько уменьшилось в размере, но не очень сильно — сейчас оно было около 8 футов.

Глядя на мертвого друга, Кемп понял, что свершилось самое худшее, что только могло произойти. Отлично подготовленный Шелки, способный эффективно использовать энергию как для защиты, так и для нападения, которого нелегко застать врасплох, вступил в единоборство с каким-то существом, потерпел поражение и был убит.

Оу-Дан телеспатировал: «Лан передал мне, что на планетах 1110, 1111, 1112-й населения не осталось. Такую же ситуацию я обнаружил на 1115, 1114-й и 1113-й и тогда же получил посмертное сообщение».

В посмертном сообщении от Лан Джедда было моментальное изображение какой-то пирамиды и мысль: «Это пришло ниоткуда и из ничего». Кемп содрогнулся, получив эту невероятную информацию. Огромная скорость нападения... из ниоткуда.

Кемп спросил Оу-Дана:

— Почему бы тебе не присоединиться ко мне? Мы переедем в корабле, и в случае нападения его вооружение нам поможет.

Оу-Дан проследовал за Кемпом в глубь корабля.

— Но я не останусь, — сказал он.

В этой фразе Кемп ощутил не антагонизм, а равнодушие.

Вновь мысль Оу-Дана: «Я остался с телом Лана лишь из этических соображений, пока кто-нибудь не прибудет. Сейчас ты здесь, и я возвращаюсь на Землю».

— В корабле безопаснее, — настаивал Кемп.

Он также сказал, что у земных Шелки есть принцип никогда не рисковать необдуманно. А то, что Оу-Дан планирует вернуться на Землю самостоятельно, именно таким риском и представляется.

— Если я встречу убийцу в этом обширном пространстве, это будет чистой случайностью. Я думаю, что он засек Лана по его включенному передатчику, когда он со мной разговаривал. Поэтому я полагаю, что, чем ближе ты к кораблю, тем большая опасность тебе угрожает.

В этих размышлениях было рациональное зерно. Но зачем уходить именно сейчас, ведь Оу-Дан был одним из первых, кто присоединился к исследовательским группам, задал вопрос Кемп.

Оу-Дан ответил, что, поскольку Кемп своими действиями спас космических Шелки от Глиса восемь месяцев назад, Оу-Дан чувствует себя обязанным и скажет правду, а он считает, что кризис уже назрел. И возможно, что это типичный кризис, каких будет много в новой системе, которая состоит из 1823

планет, пригодных для жизни. И он считает, что пришло время решать проблему взаимоотношений Шелки с людьми.

Оу-Дан сказал, что никто из исконных Шелки больше не предпримет никаких действий, пока не будет легализовано их пребывание на Земле.

— Я, как и другие, выступаю за то, чтобы обрести свое место, — сказал Оу-Дан, — но должен тебе сообщить, что мы не собираемся выполнять полицейские обязанности, как ты. И конечно же, мы не собираемся отказываться от нашей способности принимать любую форму тела. В конце концов, если вы и ограничены циклом изменяемости Шелки — рыба — человек, это не значит, что и мы должны принять то же самое.

Тут Кемп блокировал свои мысли, потому что он не был готов обсуждать с кем бы то ни было эту фантастическую тему — изменение формы. Более того, у него были инструкции, полученные от Шелки-Управления, держать в секрете свои специальные знания.

В природных Шелки была заложена возможность принимать любую форму живого организма, не только человека. Однако это была трансформация элементарного уровня, включающая в себя внутреннее и внешнее сходство, — не очень утонченная, но уместная для каких-либо определенных целей. У земных Шелки было биологическое ограничение в способности к трансформации: человек — Шелки класса В — Шелки класса С, которая происходила автоматически.

Из земных Шелки только Нэт Кемп мог выходить за пределы этого цикла. Имея противником замечательного Кибмадина, он перенял его совершенный метод изменения. Стоило ему однажды увидеть оригинал, как он мог сделать дубликат того или иного существа по памяти. Скрывая эти мысли и стараясь выиграть время, Кемп сказал:

— Не надо недооценивать людей.

— Я и не делаю этого, поскольку они обманом заставили вас быть на их стороне.

Кемп сказал:

— Даже если сложить вместе количество земных и космических Шелки, общая сумма будет меньше чем 8000 Шелки на всю Вселенную. Такое меньшинство должно считаться с другими жизненными формами, населяющими планеты.

На что Оу-Дан ответил:

— Я не обязан ни с кем считаться. Я волен поступать, как мне угодно.

— На протяжении всей истории человечества, — сказал Кемп, — когда люди получали свободу выбора, они отказы-

вались от сотрудничества даже во имя всеобщего блага. И люди жили каждый со своим мнением. Естественно, что они очень скоро попадали под влияние тех, кто был сильнее, и тем самым обращались в новое рабство. И сейчас ты делаешь ту же самую ошибку, отказываясь кооперироваться.

— Пусть другие кооперируются с нами. Мы сверхсущества.

— Если мы такие великие, то почему нас осталось так мало?

— Ну... — потерял терпение Оу-Дан, — нам не повезло, что мы попали под влияние более могущественной расы. По крайней мере, так гласит легенда. И конечно же, потом, когда мы были на том метеорите, управляемые Глисом, нас было ограниченное количество.

Кемп ненавязчиво заметил, что времена Глиса были временами рабства.

— Но мы также можем проследить в далекое прошлое, как Шелки пришли к состоянию, когда стали отказываться от сотрудничества ради блага. Мы можем представить себе больших и нелспых эгоистов, у которых никогда не было верной идеи о спасении. Мы можем представить Шелки, отказывающихся придерживаться любой системы законов, при угрозе опасности уходящих в космос с чувством неприступности. И вот однажды в черных даях космоса они находят себе пару, которая оказывается безжалостным врагом и преследует их поодиночке.

— Я не понимаю, как это мы, свободные Шелки, можем говорить с таким конформистом, как ты, — сказал Оу-Дан.

— Не конформистом, а с тем, на кого можно положиться. Мне можно верить и делать, как я говорю. Очевидно, ты и твои единомышленники не можете даже решить, какую роль вы хотите играть.

— Почему у нас обязательно должна быть роль? Почему вообще мы должны работать над чем бы то ни было? Почему бы людям не поработать на нас, вместо того что мы работаем на них? Это совершенно справедливые вопросы.

Кемп объяснил, что в настоящее время между людьми и Шелки существует взаимоприемлемое равновесие. Но это перестанет быть так, как только условия этого равновесия будут изменены.

Это оставило Оу-Дана равнодушным. Кемп понял, что трудно ожидать какого-то интереса к людям от существа, которое никогда не имело с ними ничего общего. У Кемпа, рожденного человеком, такой интерес был. Поэтому он закончил с намерением завершить дискуссию:

— Скоро у нас будет общее собрание, там и поговорим.

Провести такое собрание уже было предложено главой Шелки-Управления Чарли Бакстером, который, так же как и Нэт Кемп, был обеспокоен отношением исконных Шелки.

Оу-Дан закончил разговор словами:

— Мне здесь делать больше нечего. До свидания. — После чего он устремился в космос и быстро исчез из виду. И вот его сигнал уже неразличим среди множества метеоритных обломков, заполнивших все пространство.

24

Настроив все системы корабля на немедленную реакцию, Кемп ждал, сам не зная чего, в этой удаленной точке системы.

Время от времени Кемп проверял оборудование корабля, удостоверясь, что каждое реле готово сработать моментально. Он бросил взгляд «вниз» в том направлении, где была Земля. Множество планет светили бриллиантовым светом в темном небе новой системы Земли, каждая из них имела свой цветовой рисунок, и от этого вся панорама была просто прекрасна.

Для Кемпа это все было «под ним» и «внизу», потому что он уже давным-давно привык ориентироваться, используя человеческие термины. Потому у него были и право, и лево, и перед, и зад, и верх, и низ.

Из разговоров, что он вел с далеской Землей, уже не почерпнуть было никаких дополнительных советов о том, какие меры предосторожности можно предпринять. Было невозможно поверить, что кто-то может приблизиться к нему незамеченным.

Но сообщение от Лан Джедда говорило о том, что никаких предупреждений не будет.

Так оно и оказалось на самом деле.

К моменту нападения Кемп прождал в корабле ровно 4 часа 18 минут 42 секунды по земному времени.

Существо, которое на какие-то мгновения продемонстрировало себя Кемпу, имело очертания перевернутой пирамиды. Было интересно, что в сообщении погибшего Лан Джедда этой перевернутости не было. Компьютер, передававший информацию от уже мертвого тела, произвел стереотип оригинала с основанием внизу и острием пирамиды вверх. На самом деле все было наоборот.

Это все, что Кемп успел рассмотреть, потому как существо оказалось в ловушке лишь на мгновение. Менее скоростное восприятие, чем у Шелки, зафиксировало бы только тень, затмившую освещенное пространство.

Несмотря на колоссальную скорость, с которой существо исчезло, датчики Кемпа зафиксировали определенное количество информации, которую Кемп и проанализировал. Таким образом Кемп мог еще раз «просмотреть» все, что произошло, благодаря своим нейро- и энергорецепторам.

С удивлением он увидел, что за то мгновение, что оно было в ловушке, существо напало на него и пыталось убить. Его спасла только защита ловушки.

Он стал быстро анализировать столкновение: почему он оказался уязвим, почему не сработала его собственная защита? Там, на Зсмле, непременно хотели бы знать, откуда взялось это фантастическое создание.

Обрабатывая полученные данные, Кемп с удивлением заметил, что изображение в виде пирамиды было энергетической проекцией какого-то источника. Но он не мог разглядеть существо в этом источнике, оно так быстро ушло.

Думая о невероятной скорости, он вспомнил научную дискуссию с другими Шелки о его противостоянии Глису. Сейчас опыт Глиса завладел его мозгом, но это было нечто другое.

Открытие напугало его. То, что он зафиксировал, было чем-то. Что-то и ничего. Ничего, и что-то, и ничто. Что же это могло быть?

Один из рецепторов Кемпа зафиксировал нечто смутное — настолько смутное, что для Кемпа оно имело подобие реальности лишь потому, что он воспроизвел это для себя несколько раз. И даже тогда это оставалось неясным. Но после большого количества повторов у него сложился образ, если это можно было так назвать, что энергетическая точка, очевидно бывшая источником перевернутой пирамиды, была передатчиком для другой точки, находившейся далеко от нее. А за ней — еще одна, и еще одна, и еще на большом расстоянии... А было ли расстояние? Кемп не мог решить.

Он не мог разрешить эту тайну и с неохотой вернулся к битве, из которой он только что вышел. Как и другие аспекты этого молниеносного столкновения, сама битва могла быть осмыслена только на основании запутанных последствий. Битва началась в тот момент, когда «нечто» появилось. Ловушка, первая ступень которой состояла из молекулы с гравитационной мощностью планеты, в то же мгновение среагировала на врага. Молекула, замечательное открытие древней природы

материи, секрет которой Кемп получил от Глиса, с силой, равной силе целой планеты, сконцентрировалась на чужаке. И помешала ему.

Нападающий, скованный таким образом, тем не менее сумел что-то сделать, но что, Кемп не имел представления. Вся его мощная защита — энергетические экраны, магнетический метод по отражению радиации, использование энергии атакующего против атакующего — была в состоянии боевой готовности...

Атака проводилась не на энергетической частоте. Защита Кемпа была беспомощна против нее. В теле он почувствовал какие-то изменения, внезапное ощущение внутреннего разрушения...

Мысли странным образом переплелись. Не в состоянии поставить ни один защитный барьер, Кемп почувствовал, что его закручивает водоворот смерти.

В следующую секунду существо, которому помешала молекула, исчезло. Битва была закончена.

25

Поспешно Кемп соединился с Землей. Сразу же на него посыпался град вопросов.

И у кого-то возникла такая же мысль, как и у него, что пирамида — это оружие, управляемое с помощью зеркального принципа на большом расстоянии.

— Все же нет, — сказал Кемп, — это какая-то форма жизни. Я чувствовал, что это живое.

В разговор вступил Чарли Бакстер:

— Твои данные загружаются в компьютер, Нэт, не хотел бы ты поговорить с женой, пока мы ждем?

— Конечно.

В ее мысли, когда она дошла до него, сквозило раздражение.

— Все так чертовски таинственны, когда речь заходит о том, чем ты занят, — начала она.

— Они не сказали ей, что я в опасности, — подумал Кемп с облегчением.

— Послушай, — передал он, — мы тут занимаемся исследованием и проверяем новый корабль. Все, что я могу сказать. — В какой-то мере это было правдой. — А чем ты занимаешься?

Его попытка отвлечь ее оказалась неудачной. В тоне Джоанн послышалось негодование:

— Со мной еще никогда не случалось таких ужасных вещей.

Она рассказала ему о том, что Шелки-женщины звонят женщинам, женам земных Шелки, и требуют, чтобы те разводились со своими мужьями. Одна такая позвонила Джоанн и настаивала, чтобы она развелась с Кемпом. Она прямо сказала, что Кемп, как Шелки, будет жить по крайней мере тысячу лет и Джоанн за это время успеет умереть десять раз.

— И почему, — настаивала Шелки-женщина, — почему бы тебе не посмотреть в лицо реальности прямо сейчас?

...А Джоанн так молода.

Кемп печально подумал, что проблема более серьезна, чем это представляла себе Джоанн. Тысячу лет позволил жить Шелки Глис, у которого были на это какие-то свои причины. Какова продолжительность жизни Шелки на самом деле, не знал никто.

Но в глубине души он всегда надеялся, что эта проблема будет решена при жизни их обоих. С современным развитием науки она может прожить около 150 лет. Задолго до того, как она достигнет этого возраста, бессмертие человека может стать реальным.

«Это был неподходящий момент для Кемпа — раздумывать над тем, какой оборот могут принять отношения между Шелки и людьми. «Не беспокойся обо всем этом. Ты мне очень дорога».

— Это очень важно, — ласково сказала Джоанн, — но не думай, что ты хоть на мгновение обманул меня. Я чувствую, что в твоей жизни наступает очень ответственный момент и ты, как всегда, собираешься разделаться с трудностями одним махом.

— Ну... — начал Кемп.

— Это действительно неразрешимая дилемма, — сказала Джоанн.

— Что такое? — с удивлением спросил Кемп.

До него быстро дошло, что ее беспокойство было связано не с самой опасностью, а с отсутствием у него страха.

— Если ты чувствуешь себя так уверенно перед лицом такого сильного врага, то что произойдет во взаимоотношениях Шелки с людьми?

— Как я понял, ты имеешь в виду, что люди Шелки больше не нужны?

— Мм... а ты как думаешь?

Кемп стал терпеливо объяснять:

— Во-первых, моя уверенность заключается не во мне самом, а в уровневой логике.

Джоанн с ходу это отмела:

— Это одно и то же. Логика уровней — это оружие, которым ты можешь пользоваться независимо от твоих взаимоотношений с людьми.

— Во-вторых, я не знаю, осмелюсь ли я ее применить, но в качестве угрозы, конечно же, использую.

— Тебе придется это сделать. Ты победишь и вознесешься на невероятную высоту власти и возможностей.

— В-третьих, союз Шелки и людей существует, и я в особенности счастлив тем, что вынес из этого общения. Я имсю в виду тебя. И я мыслю, как человек, так ведь?

— Но ты такой всемогущий.

— Думай обо мне, как о капитане крейсера, — сказал Кемп. — В этом случае мое тело Шелки — крейсер, а ты любимая жена капитана.

Похоже, что это сравнение подбодрило ее, и Кемп ощутил ее улыбку, когда она сказала: — Они мне машут руками, чтобы я заканчивала. Я люблю тебя. До свидания, дорогой.

Связь с ней резко прервалась.

Появился Чарли Бакстер:

— Твои данные напомнили компьютеру о том, что ты общал несколько месяцев тому назад, — что сказал тебе Глис во время предсмертной агонии.

...Осознавая, что Кемп опасный Шелки, Глис направился в отдаленную звездную систему. Как сказал Глис в своих последних тщетных усилиях спасти себя, она была населена древнейшими врагами Шелки.

Эти существа называли себя Ниджаны, что означало «Творцы Вселенной». Или в исчерпывающем смысле — те, Кто Знает Природу Вещей и Может Создавать Вселенные по Своей Воле.

Пока Кемп раздумывал над ужасающими последствиями всего этого, если компьютерный анализ был верным, Бакстер продолжал:

— Нэт, Глис действительно куда-то направился. Ты встретился и пригрозил ему. Как ты докладывал, Глис остановился и пытался заключить с тобой перемирие. Итак, на какую бы систему он ни указывал, это где-то в том направлении, в котором он двигался. Не так далеко. И система должна быть где-то в шести световых годах от тебя, Нэт.

Такие детали были, конечно же, интересны, но Кемпа сейчас интересовали вещи, имевшие решающее значение.

Он поспешно задал вопрос:

— У компьютера есть какие-нибудь соображения насчет того, как он убил Лана или как мне себя вести с ним, если он вернется с подкреплением?

Пришел встревоженный ответ Бакстера:

— Нэт, это ужасно — говорить такие вещи кому-либо в такой ситуации. Но у компьютера нет ни малейшего представления о том, как эта штука появилась из ничего и какая сила была использована против Лана и тебя. Он говорит, что у него недостаточно данных...

У Кемпа не было времени дослушивать до конца.

В это же самое мгновение активизировались рецепторы, направленные в первую передающую точку Ниджана.

Так как линия связи с Землей была открыта, до нес дошел сигнал опасности, прошедший через Кемпа: «Ниджан вернулся... пока я готовлюсь». Казалось, что все это было давным-давно.

А вот и это создание, на том же самом месте, что и в первый раз, в ста футах от него.

Но одно это вселяло надежду.

Перевернутая проекция пирамиды светилась мерцающей пульсацией энергии.

И Кемп увидел на этот раз, что источник проекции также имел форму перевернутой пирамиды, но лишь до определенной степени. Основание было гораздо уже, и у него были ноги и руки. Длина у существа была примерно шесть футов, и оно было прекрасно в своей твердой оболочке, которая сверкала и светилась, переливаясь разными цветами.

В момент прибытия чужака молекула Глиса попыталась захватить его в свое поле, но Ниджан был, очевидно, к этому готов и каким-то образом игнорировал ее воздействие.

Кемп увидел, что существо смотрит на него, судя по всему, имея какие-то намерения. Кемп отправил пробную мысль на магнитной волне. Тотчас на той же самой волне пришел ответ, гораздо большей силы, чем та, к которой привык Кемп. Но его нейтронные трансформаторы сбавили мощность до приемлемого для Кемпа уровня. Начался их первый разговор.

— Давай поговорим, — начало существо.

— У тебя есть что мне сказать, — мрачно телепатировал Кемп.

— Мы удивлены, — был ответ, — совершенно неожиданно появляется новое Солнце всего лишь в нескольких световых

годах от нашей системы. Проведя расследование, мы узнаем, что у системы, так внезапно образовавшейся, самая большая планетная семья, возможно даже в Галактике. Одно из наших исследовательских соединений встречает Шелки, могущественное существо, которое издавна является нашим врагом. Естественно, его убивают.

— Мы будем требовать от вашего народа наказать того исследователя, который так необдуманно и «естественно» взял на себя убийство Шелки.

— Это древний рефлекс, видоизмененный в наши дни. Поэтому никакого наказания не будет. Это могло случиться с любым Ниджаном.

— Это ты сделал? — спросил Кемп. — Это ты — тот самый исследователь?

— Это имеет какое-то значение?

— Возможно, и нет.

Ниджан сменил тему разговора:

— Что вы, Шелки, делаете в одном обществе с людьми? Какова ваша роль?

— Мы полиция.

— О! Это интересно.

Кемп не понял, чем это может быть интересно. И кроме того, его внимание все еще было сосредоточено на объяснении причин убийства Лан Джедда. С неохотой он допускал, что, если действительно рефлекс нападения был заложен в этих существах очень давно, будет трудно вынести приговор об умышленном убийстве.

— Хорошо, итак, по воле случая мы обречены сосуществовать друг с другом на расстоянии всего лишь нескольких световых лет. У нас 1823 планеты, пригодные для жизни. Сколько планет у вас?

— На этот вопрос трудно ответить. Мы не мыслим в таких терминах, что у нас должна быть своя планета. Чувствую, тебе трудно осознать эту концепцию, поэтому я тебе скажу так: мы владем одной планетой — нашим историческим домом.

— Вам нужно больше?

— Не в том смысле, что ты подразумеваешь. Все это слишком ново. Но наши основные цели — мирные.

Кемп ему не поверил.

Возможно, это было правдой. Прошедшие миллионы лет заглушили древние импульсы ненависти и уничтожения. Тысячи потомков вчерашних врагов живут сейчас на земле бок о бок в мире, и, очевидно, навсегда.

Конечно, в случае с Ниджанами это не совсем так, они не потомки, а те же самые существа, которые еще в давние времена подняли свою цивилизацию на недостижимую высоту и добились бессмертия. Это были те же самые существа, которые в отдаленном прошлом ненавидели Шелки и стремились к их уничтожению. То же Глис говорил Кемпу.

В то время, возжелав сделать Шелки своими слугами, Глис предложил им симбиозное сосуществование как плату за их спасение. Шелки приняли это предложение.

Но с превращением и поражением Глиса положение вещей изменилось, и Шелки вновь стали независимыми и не ожидали никакой помощи со стороны.

Кемп никак не смягчался: — Не могу согласиться с твоим отказом от ответственности за убийство. Как ты объяснишь, что, когда ты прибыл сюда первый раз, ты пытался убить меня, хотя рефлекс нападения у тебя атрофирован?

— Это была самозащита, — ответил Ниджан, — что-то схватило меня. Сейчас я понимаю, что это было необычное проявление гравитационных свойств. Моя реакция состояла из двух действий: контратака и отступление. Как только я понял, что это было, я решил вернуться, и вот я здесь. Так что давай говорить.

Объяснение было убедительным, но чувства Кемпа не исчезли — он не верил рассказу, не мог принять его. Он считал, что рассказ вызван желанием Ниджана выиграть время. Он был убежден, что опасность для него возрастает с каждым мгновением.

Кемп подумал:

— Зачем ему нужно время?

Ответ лежал на поверхности — время, чтобы исследовать корабль, его вооружение.

— Если все, что ты сказал, правда, — начал Кемп, — тогда скажи мне, какой способ нападения ты использовал. Как твой коллега убил Шелки?

— Было бы глупо с моей стороны открывать свои преимущества, — ответил Ниджан, — откуда мне знать, каковы твои планы.

Хотя и этот ответ тоже был очень логичным, но дальше двигаться было нельзя. Но кое-что он мог еще выяснить.

Кемп отправил магнитные волны на всех частотах с целью вызвать реакцию Ниджана. Он записал вернувшиеся сигналы с информацией. Используя радар, он прочитал отраженные данные.

Усилим воли Кемп сконцентрировался на случай поражения и приказал:

— Уходи! Пока ты не откроешь мне способ убийства, я отказываюсь продолжать разговор. И могу тебя заверить, что никакие переговоры не станут возможными, пока это для нас будет оставаться тайной.

Ниджан ответил:

— Я не могу открыть такие данные без согласия вышестоящих. Почему бы тебе не отправиться со мной и не поговорить с... — Он использовал понятие, означавшее «правительство», но с другим значением, которого Кемп не понял.

На что Кемп ответил:

— Я полностью окажусь в вашей власти.

— Кто-то ведь должен вести переговоры. Почему бы этого не сделать тебе?

Кемп тянул время:

— Как я отправлюсь с тобой?

— Двигайся за мной в моей проекции на расстоянии... —

Ниджан назвал величины в терминах определенных длин магнитных волн.

Кемп вновь испытал чувство невольного восхищения этим существом: — Если я это сделаю, это будет его способом убить меня.

Удивительным во всем этом было то, что его заставили решиться на это самому. Именно на этом аспекте и сконцентрировал Кемп свои мысли, учитывая изощренность обмана.

Кемп сделал две вещи. Он проверил молекулу с планетной гравитацией и выяснил, что ее поле сфокусировано на Ниджане. Он убрал это влияние.

Он это сделал, предполагая, что существо каким-то образом защищается от воздействия молекулы. В момент прекращения ее воздействия сила, с помощью которой он это делал, вызовет инерционный эффект, равный центробежной силе планеты.

Вторая вещь, которую сделал Кемп, была более тонкая, но сделал он ее одновременно с первой. Он заметил в Ниджане одну особенность поведения и испробовал на нем уровневую логику.

А особенность эта заключалась в том, что у Ниджана проявлялся знаменитый «фактор предательства».

С точки зрения уровневой логики, это было незначительное проявление сознания, хотя это был основной жизненный процесс, необходимый для победы. Активизировав этот центр, он мог заставить Ниджана побеждать еще больше — в этом за-

ключалась ирония и непредсказуемые последствия. Но другого выхода из сложившейся ситуации Кемп не видел.

В одно мгновение произошли три вещи: молекула прекратила воздействие, был активизирован «фактор предательства» и Кемп вошел в энергетический луч, образовывавший пирамиду.

Никогда ранее не испытанное чувство овладело им. Корабль-ловушка... исчез.

Он осознал, что находится в каком-то странном... не месте, потому что вокруг ничего не было. А... где?

26

В любой группе только ее лидер может быть предателем. Он должен предавать или быть готовым к этому, иначе группы нет.

Все остальные должны подчиняться, устраивать группу, следовать правилам, без вопросов поддерживать все действия группы; даже внутреннее возражение наказуемо.

В любой момент по приказу лидера группы ты можешь быть предан (принесен в жертву) ради блага группы безо всяких на этот счет объяснений.

Правило продажного лидера подходит к любой группе, также и к той, в которой лидер выбирается членами группы, являющимися его помощниками.

Если группа разрастается, лидер делегирует часть своих полномочий членам группы, которые действуют от его имени. Там, где этот процесс принимает широкий размах, ситуация несколько смягчается, так как маленькие лидеры не так чувствительны к проявлениям неконформизма, как сам лидер всей группы.

Но лидер, который умеет читать мысли и проводит в жизнь «фактор предательства», пользуясь безжалостными полицейскими методами, может оставаться лидером всегда.

Таким образом, постоянно используемое предательство побеждает на всех уровнях, высший из которых есть...

Кемп ощутил, что попал в какую-то многослойную ситуацию. Он чувствовал, что некто, с кем он находился в постоянной телеспатической связи, был маленьким. Или — внезапная догадка поразила его, он в действительности был очень большим? Невероятно большим, больше, чем Вселенная. Существо, чьи мысли читал Кемп, отвергло концепт необъятности. Удобнее ощущать себя... маленьким.

Удовлетворенное тем, что оно всего лишь точка, существо обдумывало, чем оно может стать. Кемп принял его мысль: «Н'Иата будет довольна, что я испытываю это мгновение почти первичной действительности».

Существо, само по себе очень маленькое, стало испускать еще меньшие кусочки. Каждый из них с трудом покидал существо: первые несколько ярдов были ужасно трудными, трудными были и первые мили, первые световые годы было уже легче — галактика закручивала их, как смерч перышко.

Внезапно одна из точек, только что выпущенная существом, привлекла его внимание. Оно подумало: «Нет, о нет. Так не должно быть».

Возникла любопытная инверсия — существо было убеждено, что точки, им испускаемые, представляют интерес. Что-то было в них привлекательное, независимое от его мыслей о них.

Как только эта мысль сформировалась, Кемп почувствовал, что высокая энергия существа стала ослабевать. В короткий промежуток времени существо пережило эмоциональную трансформацию от моментальной вспышки ярости до самообмана: «Видимо, я Бог или полубог. Все должно равняться на меня!»

В то время когда происходили все эти маленькие замечательные явления, Кемп за всем наблюдал и боролся, боролся за свою жизнь... И вдруг с удивлением обнаружил, что противника нет. Подобно человеку, провалившемуся в люк канализации и попавшему в глубокий и грязный поток воды, Кемп бросил себя в некий космический эквивалент реактивной струи ракеты.

Справляться с этим было уже выше его сил. Он боролся с естественной силой, которая выходила за пределы его опыта. В космосе это было нечто изначальное, о существовании чего не было известно ни человеку, ни Шелки.

Все окончилось внезапно. Кемп осознал, что он находится в большой комнате. Несколько человек, сидящих в комнате, с удивлением обернулись и уставились на него. Это было высшее руководство Шелки-Управления. Чарли Бакстер вскочил с кресла и быстро подошел к нему.

Кемпом владело еще одно ощущение — его тело в состоянии Шелки было в каком-то нестабильном состоянии, какого он никогда не испытывал. Нельзя сказать, что это было неприятно: чувство было такое, будто его тело привязано к какому-то отдаленному месту.

Появилась тревожная мысль: «Я все еще к чему-то привязан. Меня могут выдернуть отсюда в любое время».

Наиболее тревожным было то, что в дальнейшем он уже не мог защищаться. Он исчерпал все свои возможности и был в критическом положении.

Кемп принял человеческое обличье.

Он сделал это полубессознательно, подумав, что изменение состояния может освободить его, хотя бы ненадолго, от далекого притяжения. Так как других возможностей он не видел, Кемп проделал это быстро и в изнеможении осел на пол.

Он с облегчением отметил, что трансформация прошла нормально. Чувство зависимости заметно угасло. Оно не исчезло окончательно, а было похоже на шепот в комнате, где только что стоял громкий крик.

Как только Бакстер подошел, Кемп крикнул ему:

— Быстро! Идем к компьютеру. Я не знаю, что случилось. Надо, чтобы компьютер снял с меня информацию.

По пути кто-то кинул Кемпу робу, которую он накинул, не останавливаясь.

Бакстер спросил:

— Что, ты думаешь, могло случиться?

Кемп объяснил, как мог, но все объяснить, конечно, он был не в состоянии. Он не только не потерпел поражения, но и смог манипулировать врагом и привести его в замешательство. В этой схватке он использовал всю имевшуюся у него энергию и возможности. Сейчас он отчаянно нуждался в помощи, в понимании всего того, что произошло.

Бакстер спросил его обеспокоенно:

— По-твоему, сколько времени у нас есть?

— У меня сложилось впечатление, что они работают чрезвычайно быстро. Думаю, час — не больше.

С высокой скоростью, как и положено электронной машине, но все же недостаточно быстро в такой ситуации компьютер проанализировал информацию, полученную от Кемпа, и выдал на выбор четыре ответа.

Первый из двух, представляющих интерес, был странным: — У меня создалось впечатление, — сказал компьютер, — что все случившееся происходило в чьем-то сознании. И в то же время присутствие чего-то первичного, элементарного. Чего-то... что... ну, не знаю... является основой всего.

Конечно, все это пересварить было очень трудно. Первичное, основа — все это слишком грандиозно.

Аксиома, что первичному ничто не может противостоять или сопротивляться.

— И это, — сказал компьютер, — пожалуй, все, что я могу вам сказать. Пресобразование пространства, что, похоже, уме-

ст делать Ниджан, — это ново для нас. Видимо, клетки их систем могут приспосабливаться к условиям, которые дают им преимущество над другими формами жизни, — что-то вроде верховной власти над сутью вещей.

Это был неприятный момент. Мало того что компьютер не справился с задачей, Кемп почувствовал внутреннее изменение к худшему. То отдаленное нечто стало воздействовать на его человеческое тело. Его вдруг посетила уверенность, что в любой момент черта может быть пересечена.

Он быстро передал эти сомнения Бакстеру и закончил:

— Я надеялся, что у нас будет время для моего визита в земную штаб-квартиру исконных Шелки, но сейчас мне бы лучше самому трансформироваться в Шелки.

Реплика Бакстера показала, что он понимает, в какой опасности находится Кемп, — он боится, что в любой момент может очутиться в безвоздушном пространстве в человеческом состоянии, — ничем не защищенный. Бакстер спросил с тревогой:

— Ты не потому ли трансформировался в человека, что был уязвим в состоянии Шелки для той силы, которая на тебя действовала?

Это было так. Но выбора не было. В состоянии человека он, по крайней мере ненадолго, чувствовал себя в безопасности в угрожающей обстановке.

Бакстер продолжал, голос его стал напряженным:

— Нэт, а почему бы тебе не трансформироваться в какую-нибудь другую форму?

Повернувшись, Кемп уставился на него. Какое-то время оба молчали.

Наконец Кемп сказал:

— Чарли, последствия этого могут быть совершенно непредсказуемыми.

Бакстер ответил:

— Нэт, если этого не попробовать, проблема все равно останется неразрешенной.

Чувство мгновенного изменения становилось сильнее. Но Кемп медлил. То, что предлагал Бакстер, было почти так же опасно, как и угроза Ниджана.

Трансформироваться — во что угодно! В любое тело, в любую форму. Стать чем-нибудь абсолютно непохожим на те три состояния, которые он знал.

Он верил, что Бакстер сказал правду. Но это было правдой относительно известного из прошлого опыта — того, с чем он вырос, а именно связи Шелки и людей. Это не было правдой для существ с другим историческим прошлым. Кос-

мический — исконный — Шелки Оу-Дан показал это предельно ясно.

Странная, никогда ранее не испытанная уверенность овладела им — он чувствовал себя человеком, который в крошечной тьме оказался на краю неизвестного и готовится к прыжку в окружающую его ночь.

Возможности прыжка были, конечно, ограниченными. В тот момент он знал только три чуждые формы, в которые он мог трансформироваться. Он мог стать Кибмадином, или тем созданием, в которое превратился Кибмадин, или... Ниджаном.

Он объяснил Чарли:

— Я должен иметь мысленный образ того, в кого превращаюсь, а я знаю лишь несколько...

— Трансформируйся в Ниджана! — твердо сказал Бакстер.

Кемп ответил, почти не соображая:

— Ты серьезно?

И потом, очень отчетливо почувствовав внутри себя, что будто его что-то покидает, он поспешно вызвал образ Ниджана, таким, каким он его записал, и «проиграл» через систему трансформации.

Сделав так, он отправил каждой клетке заряд энергии, сыгравшей роль капсюля, высвободив тем самым внутреннюю энергию клеток. Трансформация произошла очень быстро. Кемпу понадобилось пять с половиной секунд, чтобы оказаться в новом для него состоянии.

Он также увидел, что находится в странном месте.

Кемп осознал, что он записывает мысли другого существа.

Это существо — враг Ниджанов — было обеспокоено чем-то, что было слева от него.

Он посмотрел в этом направлении и увидел, что Н'Йата перебралась ближе к нему. Он приветствовал это перемещение и был восхищен, так как она оказалась очень близко от него. При обычных обстоятельствах ему бы это даже понравилось — это бы ему польстило и было полезно для его развития. Он бы получил идеальную возможность изучить ее и имитировать ее великое совершенство.

Но ситуация была неординарной. Она пришла, потому что ему нужна была помощь.

Эта мысль сквозила в ее движении, и он увидел ее как одинокую золотую точку размером с атом.

Кемп спросил себя:

— Как я могу все это наблюдать? И сразу понял, что он это делает с помощью своей собственной энергии.

И снова его единственным оружием была уровневая логика, со всем ее пониманием природы эмоций. И конечно же, «фактор предательства» не был просто тактикой, с помощью которой он мог победить раньше кого угодно.

Ему также не хотелось провоцировать более могущественную Н'Йату на демонстрацию всех ее способностей.

Принимая во внимание все эти ограничения, он сконцентрировал одну из своих защит на центре всеуничтожения, скрытом в «факторе предательства». Осторожно. Подтолкнул ее к более легкому значению предательства. Предполагая соображение. Полагая, что приятное ощущение перевесит все негативные аспекты.

Он удачно применил эту контрмеру, потому что золотистая точка сменила свое местоположение в пространстве и с позиции слева от него переместилась в позицию напротив него.

Сколько световых лет точка покрыла за время этого перемещения, Кемп не мог определить, потому что Н'Йата находилась все еще вдалеке от него.

«Ты все еще способен на предательство!» — пришла к Кемпу мысль от золотистой точки. Отправив сообщение, точка стала удаляться... Кемп почувствовал, что уровень его энергии резко упал, ниже уровня предательства, до уровня тоски и апатии. Наблюдая за удаляющейся точкой, он сначала почувствовал желание умереть, такой большой была утешка его жизненной энергии.

Он расценил это как не очень настойчивую попытку убить его, так как она, видимо, поняла, что он не настоящий Г'Тонно, и не могла себя заставить убить еще одного Ниджана.

Ее отход был вызван желанием поразмыслить над проблемой. Он почувствовал, что она отпустила его...

Он снова оказался в компьютерной комнате. Кемп взглянул на Бакстера и телепатировал: «Что случилось?»

Задав этот вопрос, Кемп заинтересовался тремя вещами. Первая из них была просто интересна. На время противостояния Кемпа и Н'Йаты Бакстера кто-то убрал из комнаты. Он стоял, уставившись на Кемпа с осторожным выражением на лице. Кемп задал вопрос: «Что произошло за это время?»

На этот раз Бакстер среагировал: «Я больше не могу читать твои мысли. Я чувствую, что твое тело Ниджана излучает мысль с большей силой, чем та, которую я могу принимать. Очевидно, что ты в другом энергетическом состоянии».

Кемп вспомнил, что у него возникла такая же проблема, когда он общался с Ниджаном. Он попробовал настроить клеточки, отвечающие за телепатию, на более низкий уровень и повторил вопрос.

На лице Бакстера появилось выражение облегчения: «Все нормально. Работает. Что случилось?»

Кемп быстро передал, что с ним произошло, и закончил: «Теперь ясно, что использование мною уровневой логики привело в замешательство первого Ниджана, которого я встретил. Его имя, похоже, Г'Тоно. Поставив его в ситуацию, в которой он не мог победить, я спасся, что бы там у него на уме ни было. Сымитировав его, я ввел в заблуждение Н'Йату. Но она быстро все поняла, и сейчас дорога каждая секунда».

«Ты думаешь...»

«Подожди!» — вдруг выкрикнул Кемп.

Еще одна мысль поразила его, это было не просто интересно, это было срочно — сознание, что он Ниджан.

Все случилось очень быстро: мгновенная трансформация, контакт с Н'Йатой, возвращение назад...

Кемп осознал, что, будучи Ниджаном, он слышит новые звуки. Он нормально воспринимал голос Бакстера. Но изменился не только слух, но и зрение, обаяние, осязание...

Кроме того, он мог ходить. Он чувствовал странного вида придатки, которые позволяли сохранять ему равновесие, стоять... и штуки, похожие на руки.

Это не удивило его. Хамелсоноподобное изменение внешности не означает изменение сущности.

Он был земным Шелки, Нэтом Кемпом, в состоянии Ниджана. Его новое тело состояло из земных клеток, которые несомненно отличались от настоящих клеток Ниджана.

Это сходство во всех своих деталях было слишком запутано, чтобы интересовать Кемпа. Он надеялся, что, находясь в состоянии Ниджана, сумеет раскрыть кое-какие секреты возможностей его тела.

Его мозг продолжал исследовать тело Ниджана точка за точкой.

Возможность иметь в космосе руки и ноги отличала его от Шелки. Шелки мог выжить в космосе лишь благодаря внешней оболочке, причем внутренности были отделены хитиновой оболочкой стальной прочности. Поэтому у Шелки были массивные так называемые полуноги и нечто похожее на гримасу в том месте, где должна была находиться голова.

Ниджаны обладали такими же возможностями, что и Шелки, но не изменяя форму. У них более жесткая структура? Не

похоже. Скорей всего основное различие было в строении самих молекул.

Нет времени разбираться с этим!

Тело Ниджана также обладало всем спектром магнитных волн и радиационной чувствительности, центры, отвечающие за гравитацию и другие центры, как и у Шелки, помогали им стабильно выполнять разные действия в космосе.

Болес того... Кемп ощущал еще одно скопление управляющих центров, расположенных у основания пирамидального тела Ниджана. Но эти области нейронов молчали, не испускали никакой энергии и не прореагировали ни на одну из его поспешно посланных команд.

Он предположил, что эта часть мозга Ниджана управляет пространством. Но времени экспериментировать у него не было. Пока.

Больше всего его расстроило то, что из него не выходила та пирамидальная энергетическая проекция, как тогда из Ниджана. Значит, это был не автоматический процесс. Может, это как раз и была энергия, зарождающаяся в центре по управлению пространством?

На это тоже не было времени, потому что третья вещь завладела его вниманием, и вот тут он, видимо, мог кое-что сделать.

По логике, она была связана со второй мыслью, занимавшей его мозг. И поэтому то, что он предполагал сделать, ни в коей мере не уводило его от проблемы Ниджана.

«Подожди еще...» — повторил он Бакстеру.

Передав это, он открыл еще один магнитный канал, который люди могли принимать, и направил информацию к штабквартире Шелки на Земле. Она шла по открытому каналу, и он не удивился, получив ответ от троих Шелки, одной из которых была женщина.

Все три ответа были одинаковы:

«Мы, космические Шелки, пришли к внутреннему соглашению, что не будем обсуждать наши дела на индивидуальной основе».

«То, что я скажу, — чрезвычайно важно. Среди вас есть кто-нибудь, кто может говорить от имени всех?»

«Да. И-Иун. Но вам придется прибыть сюда к нам».

Под всем этим подразумевалось групповое мышление и групповые действия: решение принимается всеми, а не одним. Но у Кемпа было предчувствие, мысль, которая была очень важна для всех, и он игнорировал все ограничения.

«Я буду у вас через...» — начал Кемп.

Он прервался, повернулся к Бакстеру и спросил:
— Как быстро ты можешь меня доставить к ним?
Бакстер был бледен:

— Это займет слишком много времени, Нэт, — запротестовал он, — пятнадцать, двадцать минут.

«...через двадцать минут. Соберитесь все в одной комнате!» — Кемп закончил разговор с Шелки в их далеской штаб-квартире.

Сразу же после этого он мысленно уговорил Бакстера чуть ли не бегом отправиться к ближайшему лифту. Люди останавливались и с удивлением смотрели на серебристое тело Ниджана и человека, бегущих рядом. Кемп уже все объяснял и теперь пытался убедить Бакстера, который все еще возражал.

В конце концов произошло то, что и должно было произойти, — авторитет Кемпа взял верх.

Лифт, спускавшийся вниз, остановился по их экстренному вызову, забрал их и моментально доставил на крышу, где их ждал гелиджект.

Во время полета Кемп возобновил разговор на магнитной волне. Он рассказал тройке, которая была на приеме, о враге и объяснил:

«Так как я в состоянии Шелки на него никак не реагирую, я предположил, что у нас, рожденных на Земле, нет врожденных рефлексов на Ниджанов. Но мне кажется, что у космических Шелки они должны быть».

Возникла долгая пауза, затем к этой частоте подсоединился еще один мозг: «Говорит И-Йун. Временно все ограничения снимаются. Отвечайте на вопрос со всей искренностью».

Первой ответила Шелки-женщина: «Это было так много поколений назад. Ты полагаешь, что у нас через такой промежуток времени сохранилась наследственная память?»

Кемп ответил: «Могу только сказать, что я надеюсь на это, но...»

Он сделал паузу. Ему в голову пришла еще более фантастическая идея. Глис ему намекал, что где-то еще есть исконные Шелки. Его короткое раздумье закончилось. Он передал свою мысль.

«Ты имеешь в виду, что им сейчас сто тысяч лет от роду?» — последовал изумленный ответ.

«Может, не так много, — сказал Кемп, — я вычислил из тех записей, которые я сделал с Глиса, что прошло не более ста тысяч лет, с тех пор как он вас прикрепил к себе. Я думаю, что где-то от пяти до ста тысяч».

Последовала пауза, затем ему ответили: «Чего ты ждешь от такого Шелки? Способности победить Ниджана? Ты не забыл, что нам, Шелки, нанесли поражение и мы были уничтожены? И кроме того, как мы сможем найти этих стариков? Никто ничего подобного не помнит: Глис позаботился об этом, периодически стирая память. У тебя есть какой-нибудь способ активизировать эти древние рефлексy?»

Кемп, у которого был прекрасный практический метод, поинтересовался, сколько Шелки есть в данный момент в здании.

«Около сотни», — ответил И-Йун.

Кемп хотел знать, находятся ли они все вместе, как он просил.

«Нет, но мы соберем всех, если ты хочешь».

Кемп очень хотел этого. «И побыстрее! Клянусь, что нельзя терять времени».

Спустя некоторое время Кемп передал следующее сообщение: «Мистер Бакстер и я садимся в настоящее время на крышу. Через минуту будем внизу, в большой комнате».

За эту минуту он излил на них потоки мыслей, объясняя ситуацию.

Решающим был следующий момент: если Шелки давным-давно были уничтожены Ниджанами, как случилось, что некоторым из них удалось выжить?

Почему не все Шелки были уничтожены?

Так как сейчас единственными Шелки были те, кто выжил, или их потомки, ответ должен быть скрыт глубоко в их подсознании или же его можно получить, активизировав молекулы ДНК—РНК, ответственные за наследственность.

Кемп и Бакстер вышли из лифта и направились по коридору к большой зеленой двери. Бакстер открыл ее для Кемпа, и Кемп вошел в большую комнату.

Кемп знал, что в этот момент Бакстер бежит назад по коридору — его отступление прикрывала энергетическая защита Кемпа. Дело в том, что они заранее обговорили отступление Бакстера, чтобы Кемп не отвлекался на организацию его безопасности.

Бакстер дошел до двери, потому что хотел увидеть, как выглядит комната, где собрались Шелки, чтобы лучше себе представлять, что там происходит, когда Кемп будет ему все мысленно передавать.

В экстренном случае его опыт мог пригодиться, поэтому Кемп держал канал открытым.

Кемп вошел и увидел много мужчин и женщин, которые видели и стояли. Тело Ниджана позволяло ему смотреть во все стороны, и он заметил, что четверо Шелки парили в воздухе под потолком по обеим сторонам двери. Он предположил, что это были охранники.

Он воспринял их присутствие как нормальную меру предосторожности. Он решил от них подстраховаться и включил магнитную сигнальную систему, которая в случае нападения на него автоматически возведет защитный экран.

Все взгляды сошлись на Кемпе. И каждая пара глаз в одно и то же время увидела серебристое сверкающее тело Ниджана.

Сколько всего их было, Кемп не считал. Но раздался громкий звук разрываемой ткани, потому что одежда на присутствующих стала лопаться, нитки начали расползаться, и все костюмы превратились в лохмотья. Это было результатом того, что большинство Шелки стали трансформироваться из человеческого состояния в космическое. Около дюжины из них, восемь женщин, открыв от изумления рты, даже не попытались перейти в другое состояние.

Но трое превратились в Ниджанов и, сделав это, мгновенно бросились врассыпную. Они побежали в трех разных направлениях и остановились каждый в своем углу, из комнаты они не вышли.

Кемп напряженно ждал, все рецепторы работали, записывая информацию. Он не знал, чего ожидать. Произошло то, на что он надеялся. Трос. Почти невероятно. Трос из сотни срагировали. Ему очень хотелось верить, что это и есть тот самый древний рефлекс, сработавший в присутствии Ниджана. Может ли быть так, что защититься от Ниджана означало быть Ниджаном?

Это казалось слишком элементарным и вызывало массу вопросов.

Кемп получил мысль Бакстера: «Нэт, ты думаешь, что древние Шелки в давние времена могли быть убиты, если, будучи застигнутыми врасплох, не успевали превратиться в Ниджана?»

В этом был смысл. Время, которое требовалось для трансформации, могло быть опасным для Шелки.

Но вопрос оставался: чего они добивались, превращаясь в Ниджанов, что можно сделать против настоящих Ниджанов?

Пролетели секунды... Кемп так ничего и не понял, ничего особенного.

Обеспокоенный мозг Бакстера, должно быть, уловил растущее разочарование Кемпа, потому что появилась его мысль: «Может, у них возникли какие-нибудь ассоциации в связи с изменением, может, они знают причины этого превращения?»

Кемп принял эту мысль и, сделав ее своей, на магнитной волне отправил каждому из троих.

Заговорил один из них: «Ты хочешь услышать о моих реакциях шаг за шагом. В активизированном рефлексе не было ничего необычного, лишь совершенно заурядная задержка при трансформации. Я так полагаю, что переход из одного состояния в другое занял не более семи земных секунд. Пока я ожидал изменения и сразу же после него, моим желанием было убежать — но, естественно, я пробегал всего лишь несколько ярдов, когда понял, что ты не Ниджан. Потом наступило сильное беспокойство — воспоминания... Очевидно, у меня не было причин так реагировать здесь. Но это так».

Кемп быстро спросил: «У тебя не возникло желания применить нападающую или защитную энергию?»

«Нет, было лишь изменение и желание убраться отсюда».

Один из двух оставшихся Шелки-Ниджанов смог добавить не много: «У меня было убеждение, что один из нас обречен, мной овладела печаль, и я хотел знать, кто же на этот раз».

«Но не было никаких предположений, — настаивал Кемп, — как вас могут убить, или каких-то мыслей по поводу того, как здесь внезапно, без предупреждения, появился Ниджан?»

«Ничего подобного», — одновременно ответили все трое.

Тут вмешалась третья мысль Бакстера: «Нэт, нам бы лучше вернуться к компьютеру».

По пути Бакстер принял еще одно, более далеко идущее решение.

Закодировав сообщение специальным личным кодом для экстренных ситуаций, известным не более чем 6000 людей и Шелки, он передал сигнал общей тревоги «всем Шелки и Избранным Людям».

В предупреждении Бакстер обрисовал опасность появления Ниджанов и решение, принятое для Шелки, — превращаться в Ниджана и разбегаться.

Передав свое сообщение, Бакстер представил Кемпа, который передал для Шелки образ Ниджана.

Вскоре после этого Бакстер и Кемп добрались до компьютера, который сказал:

— Хотя эти новые данные не дают ключа к разгадке метода, с помощью которого Ниджаны управляют пространством, мы можем проследить природу битв, в результате которых нация Шелки была постепенно уничтожена. Для этого они использовали осторожный, не вызывающий тревоги способ уничтожения всех по одиночке.

Компьютер нашел интересным тот факт, что даже Н'Йата, самка Ниджанов, стоящая на более высокой ступени развития, чем самцы, не сделала серьезной попытки убить Кемпа, когда тот был в обличье Ниджана.

Кемп слушал, погруженный в глубокое раздумье. Сейчас было ясно, что его спасли молекула Глиса и уровневая логика.

— Космос, — продолжал компьютер, — это древнее нейтральное пространство, где энергия и материя взаимодействуют, подчиняясь огромному, но ограниченному количеству правил. Пространство так огромно, что жизнь может возникать в бесчисленном количестве вариантов на большом числе планет, где, как полагают, случайно возникли подходящие условия.

Определение углубило раздумья Кемпа. Все это было так. И если это так, то каким образом Ниджаны могли покрывать такие расстояния, практически не затрачивая на это времени?

Кемп сказал:

— Нам не надо забывать, что мы имеем дело с развившейся Вселенной. Возможно, что в начале своего развития пространство было меньше. Возникает вопрос: а как выглядел этот неупорядоченный космос?

— Сейчас это возможно выяснить, применив уровневую логику.

— Да? — поразился Бакстер. — Уровневая логика будет здесь работать? Но как?

— Подумайте! — сказал компьютер. — Команда по управлению областью, отвечающей за контроль пространства, поступит из главного центра мозга Ниджана. Наша проблема заключается в том, что мы не знаем, какая это команда, но она ведь, в свою очередь, вызывается какой-то мыслью. И как только команда активизирована, имеет место элементарная реакция ответного действия. Кому-то надо пойти на опасный контакт, чтобы спровоцировать этот цикл.

Кемп быстро спросил:

— Ты думаешь, что то, что мы собираемся привести в действие, больше, чем то, что случилось с Глисом, и более первично?

— Абсолютно точно.

— Но что может быть больше, чем сравнительно небольшой объект, как Глис, превратившийся в самое большое солнце в исследованной Вселенной?

— Вот это ты и выяснишь: я полагаю, что это будешь именно ты.

Кемп, который об этом еще не думал, тоже посчитал так.

Размышляя об этом, он трансформировался в Шелки. Он ожидал, что далекое воздействие сразу же будет ощутимо после этого. Но ничего не произошло. В нем не было никого намека на удаленный кусочек пространства. Все его тело было в норме, в состоянии равновесия с самим собой и окружающим пространством.

Кемп доложил о ситуации Бакстеру и осторожно перешел в человеческое состояние. Но и в этом состоянии никакого воздействия не ощущалось.

Через несколько минут компьютер сообщил о том, что уже было очевидно: — Никаких шансов они не дают... Они всегда были в состоянии вражды с Шелки. Вам надо их найти, или они истребят вас по одиночке, тем более когда они знают, где вас искать.

Во время этого анализа Кемп краем глаза наблюдал за Бакстером. На лице Бакстера было странное выражение — что-то вроде гипнотического — обращенное внутрь себя.

Кемп действовал быстро. Он схватил Чарли и закричал:

— Что это за мысль? Какую команду передают?

Бакстер слабо пошевелился в железных объятиях, потом прекратил сопротивляться и прошептал:

— Сообщение, которое я получаю, абсолютно нелепо. Я отказываюсь...

28

Мелодично прозвенел дверной звонок. Он прервал Джоанн Кемп, которая была занята на кухне. Ей в голову пришла мысль: «Пришло время открыться. Ночь беспамятства прошла».

Эта мысль пришла сама собой, и, не обратив на нее внимания, Джоанн пошла к двери. В этот момент она поняла две вещи. Обе поразили ее с такой силой, какой она не переживала за всю свою жизнь. Ночь беспамятства!.. Открыться!.. Но это же сумасшествие! Откуда у меня могли взяться такие мысли?

Вдруг она поняла, что эти мысли пришли не от того, кто стоял за дверью.

Ее пробрала дрожь. Она могла читать мысли даже лучше, чем ее муж — Шелки, используя метод прямой телепатии. Но никаких мыслей от человека за дверью она не получала. Ее уникальная способность сейчас ей не помогла — она не чувствовала ничьего присутствия за дверью. Ни звука, ни мысли, никакого признака другого существа.

Джоанн бросилась в свою спальню и достала оружие. Это был, конечно, слабенький способ защиты против того, кто мог прийти, она подозревала, что это второй визит Шелки-женщины, и в этом случае она бы не молчала.

Она приняла мысль: «Звонок прозвенел издалека, с расстояния многих световых лет отсюда, чтобы дать тебе знать, что кто-то придет. Ты выполнила свою задачу. Вновь заработает лаборатория превращения Ниджанов в людей... К сожалению, Ниджаны не умеют естественно превращаться в других существ. Но, изменив твою форму таким трудным способом, мы получили то, что хотели: ты вышла замуж за земного Шелки. Сделав это, ты сумела понять его. И сейчас, когда космические Шелки раскрыли свое существование, мы наконец можем решить, что делать с этой опасной расой. И то, что ты и другие Избранные Люди сделали, определит судьбу тех, кто представляет опасность для всей Вселенной».

Получив сообщение, Джоанн нахмурилась, но не ответила ничего. Она просто стояла молча, встревоженная. Что за срунда!

Канал продолжал работать: «Несомненно, ты настроена скептически, но скоро это будет доказано, а сейчас можешь задавать столько вопросов, сколько сама пожелаешь».

Шло время, сердце бешено колотилось, Джоанн думала, вспоминала, решала, но отказывалась отвечать.

Она расценивала сообщение как ловушку, ложь, попытку определить ее местонахождение, в случае если она ответит. В сущности, даже если это и правда, это не имело значения. Она была предана Земле всем своим существом. Она подумала про себя: «Это последнее столкновение Шелки с Ниджанами. И все говорят о том, что Ниджаны сумасшедшие».

Ей необязательно было принимать такое решение, даже если она ниджанского происхождения, — это не имело значения.

Все эти напряженные моменты Джоанн держала свои мысли в стороне от телепатического канала. Страх закрался в нее. Она поняла, что это или похожее сообщение также получили

еще 4700 Избранных Людей Земли. Она боялась, что из такого числа кто-нибудь поддастся на уловку и ответит. Любой ответ будет означать беду для всех, потому что все Избранные без исключения знали так много важного о Шелки.

Ее беспокойство подтвердилось. Несколько человек действительно ответили. Джоани уловила тончайшие нюансы их ответов:

«Но многие Избранные умерли за последние две сотни лет».

«Поэтому они не могут быть бессмертными Ниджанами».

«Если сказанное вами правда, то это доказывает, что Шелки и Ниджаны могут жить вместе».

«На этот раз вы, глупые убийцы, столкнулись с тем, чего вам не одолеть».

И пятый ответ на ловушку Ниджанов: «Не знаю, что вы желаете получить этой ложью, но я ее отвергаю».

Такими были ответы пяти обреченных. Затем последовали следующие события. Далекие Ниджаны по ответам засекли местонахождение отвечавших, тут же появились — в доме, на улице, где бы то ни было — и забрали всех пятерых.

В момент захвата лишь одна женщина издала мысленный крик, остальные четверо молча отправились навстречу своей судьбе.

События, предшествующие этим, были таковы: как только космический Шелки Оу-Дан оставил корабль с Кемпом и телом Лан Джедда, он увидел быстрое движение позади себя. Это все, что он успел заметить. В следующее мгновение он почувствовал давление внутри себя, против которого у него не было защиты. Это могло стать его смертным часом, поскольку он был растерян и беспомощен. Но Ниджан Г'Тоно, которому дважды не удалось поразить Кемпа, хотел заполучить пленника, а не мертвеца. Пока что.

Мгновение спустя Оу-Дан в бессознательном состоянии был на его планете.

Ниджаны, собравшиеся издалека, чтобы посмотреть на него, были разочарованы результатами, полученными при исследовании Шелки. В памяти Оу-Дана не было ничего, что бы объясняло, как Кемпу удалось избежать гибели при столкновении с Г'Тоно.

Они быстро выяснили разницу между космическими и земными Шелки и что Кемп был земным Шелки. Ниджаны также догадались, что, так как космические Шелки считались ненадежными, им не выдавали секрета особой техники, которой владел Кемп.

Исследование Оу-Дана Ниджанами затянулось на долгое время из-за странного фона, который он излучал. Оу-Дан так рьяно отвергал возможность взаимоотношений Шелки с людьми, что эта эмоция образовала внутренний барьер. Таким образом, Ниджаны в нужное время не заметили, что Избранные Люди принадлежали к уникальной группе человечества.

За этот жизненно важный промежуток времени Бакстер сумел передать информацию о Ниджанах Избранным Людям, вместе с Кемпом они посетили космических Шелки и провели диалог с компьютером. Поэтому к тому времени, когда были захвачены в плен пятеро Избранных, Земля была готова, как никогда.

Ниджаны смогли получить от пленников всю самую важную информацию. И скоро знания об уровневой логике уже передавались по многомиллионной линии планет Ниджанов.

29

На планете Г'Тоно была высокая гора, поднимавшаяся на тысячи футов над землей. На вершине горы стоял дворец Г'Тоно.

Внутри тронного зала бегали и сустились люди с восьмью ногами. Отчасти эта активность была связана с ритуалом, отчасти — с присутствием во дворце пленников.

Пятерка Избранных Людей начала чувствовать себя уже несколько свободнее.

У них пропала уверенность в том, что их сразу же убьют. Оу-Дан, у которого были серьезные повреждения, нанесенные исследованием, лежал без сознания в углу, охраняемый несколькими часовыми.

На другом конце зала на расстоянии более сотни ярдов стоял большой сверкающий трон. На троне восседал во всем своем серебристом блеске сам Г'Тоно.

Около дюжины восьминогих лежали перед ним на мраморном полу лицами вниз. Их нежные, изливающие свет лица были прижаты к жесткому полу. Это была бесценная привилегия, и каждые полчаса группы перед троном сменялись.

Г'Тоно не обращал никакого внимания на слуг. Он был погружен в мысленную беседу с Н'Йатой, находившейся на расстоянии 2400 световых лет. Они обсуждали судьбу пленников.

Г'Тоно полагал, что все пленники сослужили свою службу и их надо убить, следуя «фактору предательства». Н'Йата счи-

тала, что окончательное решение необходимо принять только после того, как ситуация с земными Шелки окончательно прояснится, а это случится только тогда, когда все они будут уничтожены.

Она отметила, что идея предательства применима только в купе с системой управления. А над людьми контроля еще нет и не будет, пока какой-нибудь Ниджан этим не займется и не сделает Землю своим доминионом.

Г'Тоно ощутил свое превосходство по отношению к Н'Йате, потому что уловил в ее ответе нотки слабой, любящей женщины. Прочь осторожность сейчас, когда проблема Шелки и людей решена. Он чувствовал, что обладание секретом уровневой логики ликвидирует опасность.

— Ты думаешь, что что-то может случиться не так? — протестовал он.

— Давай подождем, — ответила Н'Йата.

Г'Тоно едко заметил, что, в конце концов, у Ниджанов есть разум, проверенный долгим опытом. Совсем не обязательно ждать, когда все закончится, раз уж все логически проверено.

Он перечислил ей все причины, по которым Шелки должны проиграть. Атаки Ниджанов будут проводиться таким образом, что ни у одного Шелки не возникнет возможности спастись, как это случилось у Кемпа. И более того, большая часть Ниджанов, хотя и усвоила информацию об уровневой логике, к счастью, отказалась принимать участие собственно в боях. Г'Тоно пояснил это:

— Вопреки нашему первоначальному раздражению по поводу их отказа, то, что они сделали, или, точнее, не будут делать, в действительности поможет нам. Сколько у нас помощников?

— Ты большинство из них видел, — ответила Н'Йата, — около сотни.

Такое небольшое количество заставило Г'Тоно задуматься. То, что у Ниджанов были проблемы во взаимоотношениях между собой, было правдой. Так много личностей, каждая со своей собственной планетой, на которой он или она были полными властителями, королем или королевой, имели эгоистическую тенденцию теряться из виду.

Временами, конечно, королева вступала в переговоры с королем, как сейчас, например, Н'Йата с ним. И Г'Тоно сейчас был больше чем уверен, что все, кто откликнулся на призыв Н'Йаты, были мужского пола.

Но эта отчужденность в то же время была признаком небедимости расы. Рассредоточенные по всей Вселенной, не поддерживая контактов друг с другом, Ниджаны не могли быть выслежены все, даже если найдется существо, способное убить Ниджана. Но таких не было.

— А сейчас, когда у нас есть секрет единственного опасного оружия Шелки — уровневой логики, — наша позиция непоколебима, — сказал Г'Тоно.

Н'Йата на это ответила, что она все еще изучает уровневую логику и ее не беспокоят те ошибки, которые Ниджаны могут допустить в будущем. Вопрос в том, смогут ли они — она и Г'Тоно — справиться с ошибками, которые они уже допустили.

Г'Тоно был изумлен. — Единственная ошибка, которая может иметь значение, это если мы дадим шанс этому Шелки Кемпу заставить нас доставить его сюда, применив систему управления пространством. Хотя я, — продолжал он презрительно, — хотел бы быть первым, кто узнает о методе, который заставит нас сделать это. И мне интересно, посмеет ли он прийти? И что он может сделать в открытой схватке со мной, кто по природе своей значительно превосходит по силе любого Шелки.

Он продолжал: — Один из путей изучения им нашей уязвимости лежит через использование этих пленников. Поэтому, я думаю, ты согласишься, что немедленное их уничтожение — это мера безопасности, если не больше. Не пытайся вмешаться!

Он не стал дожидаться ее ответа и направил на всех пленников высокоэнергетический заряд. Все шестеро буквально распались на составляющие элементы, так мгновенно наступила смерть.

Сделав это, Г'Тоно продолжал перечислять преимущества Ниджанов: — В конце концов, не умея управлять пространством, Шелки прикованы к Земле или в лучшем случае могут совершать обычные передвижения в космосе на низких скоростях. Возможно, что недели через три я и могу ожидать корабль с Земли. И откровенно, что они могут сделать? Они даже увидеть нас не могут. Ниджан может преодолеть невообразимое расстояние за какие-то доли секунды.

Он сделал паузу, вдруг почувствовав головокружение.

Н'Йата быстро спросила:

— Что случилось?

— Я... — запнувшись, произнес Г'Тоно.

Больше он ни о чем не успел подумать. Головокружение перешло в сумасшествие, полностью охватившее его. Он упал с трона на мраморный пол — упал тяжело, перевернулся на спину и остался лежать как мертвый.

Ниджаны солгали — вот что больше всего волновало Кемпа.

Быстрая проверка данных компьютера дала огромное количество подробнейшей документации и показала, что Избранные Люди не могли быть Ниджанами.

Трудно было поверить, что Ниджаны открыли один из способов для ответной атаки. Но похоже, что так оно и было.

Кемп поделился своим анализом с Чарли Бакстером и увидел, что он пришел в возбуждение. Этот тонкий человек сказал: — Ты прав, Нэт. Ложь — это абсолютное несчастье в мире, где люди понимают, что энергия всюду и может их контролировать, подобно Шелки.

...Потому что существующий объект есть воплощение правды. Он есть (каким бы он ни был) и существует без противоположности.

Его не может не быть. Или, по крайней мере, не может быть, чтобы его не было раньше; если он был материей и был обращен в энергию или наоборот, он все равно существует в какой-нибудь форме своего вечного существования.

Ложь о таком объекте означает сознательную попытку изменить его существование. Изначально усилие, заключенное в неправде, есть попытка создать дихотомию там, где ее не может быть.

Следовательно, дихотомия пробуждается в чем-нибудь сознании, и тут же начинается неразбериха.

Возможность неудачи была слишком большой.

Излагая свой план Бакстеру, Кемп заметил:

— Вам придется отправить за мной корабль.

— Тебе не кажется, что ты можешь покинуть Ниджанов тем же способом, каким туда пойдешь? — неуверенно спросил Бакстер.

— Нет, они заметят.

— Кораблю потребуется три недели, чтобы добраться туда, — возразил Бакстер.

Кемп не мог тратить время на обдумывание этого. Скорость сражения была слишком большой. С момента начала битвы между ним и Г'Тона враг тратил время лишь для быстрого изучения новой информации перед следующим ударом.

— В конце концов, — сказал Кемп, — я не могу быть уверенным в успехе. Я думаю, что найду того, кто говорит

неправду, но это не решит проблемы. И устрою так, что, тот, кто ему поможет, будет тоже обречен. Но такая цепная реакция может продолжаться лишь до тех пор, пока кто-нибудь не поумнеет.

Бакстер снова заговорил:

— Теперь, когда эти существа владеют уровневой логикой, они в состоянии использовать ее против тебя, так же как ты используешь ее против них. Ты об этом подумал?

Поскольку против уровневой логики не было защиты, Кемп даже не обратил внимания на это. Не было смысла об этом думать. Он превратился в Ниджана и отправил мысль: «Я хочу, чтобы ты вспомнил тот момент, когда пришло ложное сообщение, говорящее, что ты — Ниджан».

Таким экспертам, как он и Бакстер, понадобилось меньше минуты, чтобы изучить типы волн и измерить едва уловимые нюансы ниджанского варианта телепатической полосы частот Избранных Людей — и наложить на эту полосу конкретную вариацию всех 278 дихотомных пар, которые были известны как самые запутанные вербальные оппозиции и приводили в тупик умы людей с момента возникновения языка.

Правильно-неправильно... хорошо-плохо... справедливо-несправедливо — мозг, принимающий в первый раз такое безумие, мог бы через несколько секунд прийти в состояние полного расстройства.

В ключевых точках этой цепи слов Кемп разместил мощную команду гипнотического типа, которая должна была воздействовать на принимающий информацию мозг Ниджана во время его расстройства, чтобы, во-первых, использовать прежний опыт Кемпа для перемещения его через космос и, во-вторых, воздействовать на мозг Ниджана уровневой логикой. Кемп переместился в точку — это было частью его гипнотической команды Г'Тоно — за пределами атмосферы планеты Г'Тоно. Когда он опускался на поверхность планеты, он увидел под собой большой город и огромный океан возле него.

Он опустился на пустынный берег океана, гром прибоя которого и запах морской воды чуть не соблазнили его. Преодолев неожиданное желание оказаться в воде, он направился к городу. На окраине города он смело вошел в одно из жилищ странной формы — странной тем, что дверные проходы жилищ были низкими и широкими. Когда он вошел внутрь, ему пришлось пригнуть голову, потому что комната была ниже шести футов высотой. Внутри было три коренастых спрутообразных существа. Он их видел, а они его нет. Кемп воздействовал на их галлюцинаторный центр, и они восприняли его как

себе подобного. Изучив их мозг, Кемп осторожно вышел на улицу, забрался на крышу и стал наблюдать за проходящими мимо спрутообразными существами.

Как Кемп и думал, эти существа были неопасны для него, и они явно не собирались себя защищать. Прочитав мысли нескольких сот из них, Кемп не обнаружил ни одной подозрительной мысли. Это толкнуло его к следующему шагу.

Через несколько минут он предстал перед ведущими членами правительства, вызвав у них галлюцинацию, что он человек, и направил им мысль: «Где тот, кто может предать?»

Существа не понимали значительности вопроса, потому что отвечали, что до Ниджанов никто никого никогда не предавал.

Ответ развеселил Кемпа. Это означало, что, как он и подозревал, на всей планете действует лишь один предательский цикл — настоящий Ниджан в качестве предателя, и все эти существа в качестве поддержки.

Он снова спросил:

— Эта планета всегда называлась Ниджа?

Они знали только одно другое название. Антропологические исследования показали, что во время существования обычного языка, много тысячелетий назад, планета называлась Тэла, что означает Дом Смелых. Ниджа же означает на их языке Дом Чистых.

— Я понял, — сказал Кемп.

И он действительно понял.

Он задал еще один вопрос:

— Где я могу найти того, кто требует чистоты?

— О, ты можешь увидеть его только через полицию.

«Где же еще?» — саркастически подумал про себя Кемп.

В тот момент Г'Тоно как раз пришло время проснуться. Он направил мысль на телепатической полосе частот Избранных Людей. «Я — тот Шелки, который противостоял тебе, после того как ты убил моего товарища Шелки, и я уверен, что это именно ты убил его. Как я сейчас понимаю, эта планета объясняет, что ты имел в виду, когда заявил, что у Ниджанов нет родной планеты в буквальном смысле слова. Все планеты, контролируемые Ниджаном, — часть его системы, ближайшего места, другими словами, куда может быть помещен управляющий Ниджан. Правильно?»

Вместе с посланием Кемп передал мысль, которая должна была запустить цикл уровневой логики, который он раньше направил на мозг Г'Тоно. Сделав это, он снова заговорил:

— Тебе лучше поговорить со мной, пока не поздно.

Через несколько секунд он ощутил определенное чувство в своей трансформационной системе — Н'Иата, подумал он. Он вспомнил опасение Бакстера, что его тоже могут подвергнуть атаке...

Кемп сожалел о Джоанн. Он предположил, что он умрет и ее жизнь отныне будет протекать без него. А что касается того, что может произойти с Ниджанами... Кемп почувствовал холод, когда вспомнил, что предсказал компьютер, — что уровневая логика Ниджанов это больше, чем то, что случилось с Глисом.

И снова он подумал: «Что может быть больше, чем это?»

Затем у него не стало времени думать о чем-либо, кроме того, что с ним происходило.

30

Перед Кемпом прошел калейдоскопический ряд зрительных образов.

Он видел тела и лица Ниджанов — если верхнюю часть пирамидальной формы можно назвать лицом. Образы пролетали мимо.

Сам Кемп, казалось, плыл в бесконечной пустоте, потому что каждая мысль Ниджана приходила к нему в отдельности и очень четко:

«Как он это сделал?»

«Что происходит?»

«Почему бы не убить его и затем не решить проблему самим?»

«Потому что мы не знаем, какая именно часть мозга Ниджана подверглась атаке. Кроме того, у нас пока нет еще доказательств, что мы можем его убить. В этом Шелки уровневая логика, похоже, является временным феноменом. У нас же это, конечно, феномен пространства».

Когда эти мысли и подобные им пронеслись мимо Кемпа, он почувствовал нарастающее движение далеко у пределов мира Ниджанов. Другие умы, сначала несколько, потом много, а затем тысячи, в изумлении обратили на него внимание, и у них были свои мысли...

Подобно развороченному муравейнику, ниджанская система начала раздражаться, отвечая бесчисленным количеством реакций. То, чего они боялись, заинтересовало Кемпа — два тела не могли занимать одного и того же пространства, и одно тело не могло занимать двух пространств.

Была опасность, что именно это сейчас произойдет.

Чтобы выжить, Ниджанам нужна была пространственно-временная протяженность — такой была мысль. И если Ниджан будет слишком возбужден, космос может среагировать.

Так был убит Лан Джедд, — Ниджан, сознательно перевозбудив себя, каким-то образом вызвал реакцию в пространстве, занимасмом телом Лана.

Толкни Вселенную, пространство. Это может подействовать на Ниджана. Толкни Ниджана, космос ответит реакцией.

Что они имеют в виду? Что они говорят?

Между Вселенной и Ниджанами — симбиозная связь. Если нестабилен один член этой связи, то нестабилен и другой. А Ниджаны становились нестабильными.

Когда Кемп подумал об этом, он почувствовал, как встревоженные умы Ниджанов пришли к соглашению. В этот момент Н'Йата телепатировала Кемпу:

— Я говорю от имени Ниджи. Мы сейчас в состоянии разрушения в результате цепной реакции. Есть ли что-нибудь, что мы можем сделать, чтобы спастись? Можем ли прийти к какому-нибудь соглашению?

— В нас, — продолжала Н'Йата, — не притупилась связь жизни со всеми атомами Вселенной. Каким-то образом, в те давние времена начала всего, мы выработали способ поддержания сознания без постоянного риска для себя. Другие формы жизни были вынуждены смягчать или прекращать свой контакт с космосом и его составляющими. Поэтому мы, Ниджаны, можем быть уничтожены, если нас упорядочить, вырвать из состояния хаоса, и ты это сейчас сделал.

— Вы — банда лгунов, — презрительно сказал он, — я не могу верить ни одному вашему обещанию.

Последовала пауза, короткая, но значительная. Затем Н'Йата сказала:

— Интересно, что раса, которой мы больше всего боялись — Шелки, сейчас так удачно нас атаковала. Из-за гордости бесчисленных самонадеянных Ниджанов мы практически уязвлены. Каждого Ниджана захватил круг уровневой логики, и мы не можем ни о чем предупредить его раньше времени.

— То, что ты говоришь, означает, что ты не будешь слушать никаких аргументов.

Между этими двумя расами не может быть быстрого поворота к сотрудничеству. Даже если от этого будет зависеть судьба Вселенной. Слишком безжалостным было истребление Шелки Ниджанами. Но к тому же он действительно не мог ничего сделать. Уровневую логику невозможно прервать,

если она запущена. Круг замкнется на них, и все пойдет так, как того требует логика.

Части этой системы были заложены много веков назад, и другого пути быть не могло.

Затем, почти одновременно, случились две вещи.

До него долетела эмоция Н'Иаты.

— О, это началось, — сказала она.

— Что началось? — прокричал мозг Кемпа.

Ответа не было. В этот момент он почувствовал странное сильное ощущение внутри себя.

Это было вторым событием. Он — на Земле с Джоанн. Это было в начале их брака, она была перед ним, и оба они были реальны. Ярко светило солнце.

Неожиданно стемнело.

Это было раньше, осознал он. За сто лет до того, как он родился. Это время меняется во мне, подумал Кемп. Уровневая логика действует, каким-то образом переместив меня назад во времени, что-то вроде путешествия в генетической памяти.

Ночь. С небес медленно слетает Шелки... Кемп осознал с содроганием, что это первый Шелки, спустившийся на землю, — тот, который якобы был создан в лаборатории.

Затем вид города в метеорите Глиса. Космические Шелки и он среди них — по крайней мере так казалось. Возможно, это был его предок, с его трансформированными клетками — память ДНК—РНК о прежних телах.

Затем снова космос. Бело-голубое Солнце вдали. Другие Шелки вокруг него в темноте. Все они счастливы.

У Кемпа было ощущение, что это было давно, двадцать или более земных тысячелетий назад, до контакта с Ниджанами.

Затем последовала более примитивная картина. По его впечатлению — миллионы лет назад. Что-то — он, но другой, меньше, менее разумный, какое-то существо — прилипло к небольшому камню в космосе. Темнота.

Биллионы лет. Но не темнота, а яркий свет. Где? Невозможно поверить. В Солнце? Видимо, да.

Было слишком жарко. Он брошен в огромном извержении материи в далекую темноту.

Брошен раньше.

Когда он углубился в еще более давнее время, Кемп почувствовал себя каким-то образом связанным с Г'Тоно и другими Ниджанами чем-то, что бы он назвал умственной связью. Из-

за этой тонкой взаимосвязи он мог чувствовать бедствие Ниджанов с безопасного расстояния во времени.

Тогда возможно, что он был единственным живым существом, которое было свидетелем разрушения Вселенной диаметром в восемь биллионов световых лет.

31

Начало было очень похоже на то время, когда цикл системы предательства был смещен к максимуму во время их второй схватки с Г'Тоно.

Быстро наступил момент, когда все связанные тела Ниджанов достигли границы между сверхмалым и сверхбольшим. Но к этому времени у жертв не было выбора. Это был круг уровневой логики в его максимальном значении, действующий через бесчисленное количество индивидуумов, каждый из которых был потенциалом этого предельного состояния.

В каждом камне содержится история Вселенной; каждая форма жизни — часть единого целого. Дотронься до источника этой эволюции в живом создании или в камне — и оно будет вспоминать.

Для миллионов Ниджанов это был конец. Процесс, который происходил, не поддерживал тождества.

Сначала каждый Ниджан был отдельным объектом, живым существом, с местом расположения и массой; затем центральный мозг Ниджанов, который имел способность перемещать отдельного Ниджана в пространстве, попытался переместить его одновременно во все пространства. Тут же вся нация Ниджанов была разбросана на составляющие атомы. В момент, когда все Ниджаны стали величиной с Вселенную, Вселенная перевернулась, перешла в состояние стабильности, совершенного порядка, который присущ точке величиной с атом, на которую не влияют другие атомы.

Это не был феномен сокращения. Лучшая аналогия — выворачивание наизнанку.

Кемп сам почувствовал, как его мысль увеличивается вместе с Ниджанами до размеров Вселенной.

Мысленно став больше пространства и времени, Кемп огляделся. Он тут же что-то увидел в темноте. Он отвлекся и забыл о точке, которая была Вселенной. И она исчезла.

Крошечное пятнышко света, Вселенная, мигнуло и исчезло.

Кемп осознавал исчезновение частью своего ума, но он просто не мог сразу отвлечься от того, что видел.

Он смотрел на «дерево».

Он был в такой отдаленной точке, в такой бесконечности по отношению ко всему, что видел золотое дерево.

Он постарался заставить себя оторваться от него.

Когда Кемп наконец был в состоянии еще раз подумать об исчезновении Вселенной, его заинтересовало, как долго это происходило? Тысячу, миллион, триллион лет, или это вообще не заняло никакого времени?

Может быть, в будущем, когда он достигнет этой точки не искусственным перемещением, а ростом, он сможет сосчитать время протекания этого феномена.

Он все еще думал об этом, когда вдруг почувствовал нестабильность своего положения. Он подумал: «О, я снова инвертируюсь».

Первым подтверждением его нестабильности было то, что дерево исчезло. К нему пришло осознание того, что, возможно, у него лишь секунды, чтобы найти Вселенную. Как искать Вселенную?

Как потом Кемп понял, это не было большой проблемой. Всеобщий смысл уровневой логики основывался на уверенности, что все жизненные формы знают источник происхождения вещей и сама природа их структуры уравнивает их с другими предметами.

Нет такого момента, с которым не взаимодействовали бы камень, мельчайшее насекомое, растение, крупинка песка.

Когда Кемп вспомнил свою Вселенную, она начала взаимодействовать с ним, превращаясь в сущность, в которую, он знал, она должна была превратиться. И вдруг она появилась — точка золотого, яркого света.

Кемп чувствовал по взаимодействию, что она все еще изменяется внутри себя, отвечая на его вселенскую память. К нему пришла мысль: «До того как она возвратится в изначальное состояние, почему бы мне не изменить ее?»

Времени на обдумывание не было. Сейчас или никогда. Навсегда.

Ниджаны?

До какой-то степени он мог понять, что они считали необходимым защищать себя и пространственно-временную протяженность, уничтожая расы, которые были способны противостоять их гегемонии. Так что они были не так виновны, как он думал раньше. Но вселенной не нужна раса, которая может разрушить ее.

Он отказался вспоминать о Ниджанах.

А как насчет людей, Избранных Людей и космических Шелки?

Кемп мгновенно решил: в его Вселенной они все становятся земными Шелки со способностью изменяться в любые формы и готовые вести благотворительную политику всюду в космосе.

И все без исключения они поймут метод контроля пространства Ниджанами, но их возможность взаимодействовать с космосом практически не нужна для транспортиции. Ни один Шелки не становится субъектом уровневой логики. И еще — Шелки бессмертны.

И вновь Земля и Солнце над ней.

Хорошо ли это? Не было никого, кто бы мог сказать ему «да» или «нет».

Вспышка, совершенный порядок — свет в темноте. В этот момент другая цветная точка достигла состояния инверсии.

Для Кемпа это было возвращением к малым размерам. Что-то, чему невозможно было сопротивляться, захватило и вытолкнуло его.

Когда он снова мог воспринимать, вокруг него была покрытая звездами Вселенная.

Он ощутил, что он где-то в космосе, его ниджанское тело невреждено. Для этой сверхчувствительной формы, понял он теперь, ориентация в космосе была инстинктом. Он понял, где он, Земля — там. Кемп проделал операции Ниджанов по контролю пространства и начал взаимодействовать с другим пространством, удаленным на много световых лет от него, но он чувствовал его существование. Кемп проделал вместе с этим пространством процесс инверсии, превратился в точку, превратился в себя, превратился в точку... во что-то, что являлось ничем по отношению к чему-то.

И он шагнул через восемьдесят тысяч световых лет, оказался перед Чарли Бакстером и сказал ему:

— Не посылайте корабль за мной. Он мне не понадобится. Бакстер смотрел на него, глаза его блестели.

— Нэт, — тихо сказал он, — ты сделал это. Ты победил.

Кемп не ответил сразу. Его мучил вопрос. Поскольку Вселенная была разрушена и вновь восстановлена, то означало ли это, что он был свидетелем и участником формирования второй протяженности?

Или первой?

Он почувствовал, что это вопрос, на который он никогда не узнает ответа.

Кроме того... может, это все было фантазией, родившейся в его мозгу, пока он был без сознания, странным сном?

Справа от него было большое окно, смотревшее на балкон, на который могли садиться Шелки. Кемп вышел на балкон.

Была ночь. Древняя луна плыла по черному небу, и над головой светили созвездия, расположение которых он так хорошо знал.

Стоя здесь, Кемп почувствовал возбуждение, сознание окончательности своей победы.

— Я собираюсь к Джоанн, — сказал он Чарли Бакстеру, который вышел за ним.

Когда Кемп оказался в знакомой Вселенной, приближаясь к Земле, он подумал, что у него есть много что рассказать своей любимой.

БИБЛИЯ ПТА

Глава 1. ВОЗВРАЩЕНИЕ ПТА

Он был ПТА.

Не то чтобы он думал, что это его имя. Просто это было в нем, частью его, как тело и руки, как ноги и земля, по которой они ходили. Нет, последнее неправильно. Земля не была частью его. Несомненно, связь была, но весьма неясная и запутанная. Он был Пта, и он шел по земле, направляясь к Пта, возвращаясь в столицу Пта, в столицу его империи Гонволан после долгого отсутствия.

То немного, что было ясным, с чем можно было согласиться, долго не размышляя, было очень важным. Он чувствовал необходимость этого пути, который он покрывал ровным быстрым шагом, чтобы увидеть следующий изгиб реки и повернуть на запад.

На западе простиралось огромное пространство, поросшее травой, изредка деревьями, и вдали, подернутые дымкой тумана, высились горные пики — его конечная цель.

С досадой он смотрел на реку, которая, все время петляя, преграждала ему путь, отнимая у него силы и время. Всеми своими силами и смутным знанием он жаждал добратся к тем горам, смеяться, кричать, прыгать от счастья, когда достигнет их.

Тут же он поймал себя на том, что не до конца уверен в себе.

Он — Пта, возвращающийся к своему народу. Но на кого похож его народ? Как выглядит Гонволан?

Этого он не мог вспомнить. Он изо всех сил старался дать ответ на эти вопросы, но это было вне его знания.

Сейчас он должен пересечь эту реку, которую знал. Дважды он ступал уже на мелкий морской песок вблизи берега и каждый раз отступал назад, ошарашенный чуждостью. Неожиданно пришла боль от осознания, что он что-то знал прежде, до того, как вышел из темноты. В замешательстве он смотрел на горы, которые лежали у самого горизонта на юге, востоке и севере. Они выглядели так же, как горы на

западе, с одним лишь существенным отличием: его они не интересовали.

Он опять глядел на западные горы. Ему нужно идти к ним, мешает река или нет. Ничто не может остановить его. Через реку, вперед... Величественный мир манил.

Он ступил в воду, опять отступил на мгновение, затем вошел в темное, крутящееся течение. Река охватила его, казалось, что она живая. Она тоже двигалась по земле и не была ни частицей его, ни частью земли.

Его размышления закончились, когда он провалился в глубокую яму. Вода жадно взметнулась вверх, втекая в уши, рот, нос. Перехватило дыхание. Он присел и резко оттолкнулся руками и ногами от дна, стремясь выбраться на более мелкое место. После нескольких судорожных попыток это ему удалось.

Он не испугался, просто почувствовал некоторое неудобство. Он хотел идти к горам, а река пыталась остановить его. Но он не позволял ей задержать себя. Если кому-то и будет больно — то ей. Он смело шел вперед.

Он не обращал внимания на спазмы в горле и шел прямо через тьму воды, которая сдерживала его. И наконец его надежды оправдались, боль ушла. Вода поддерживала его и омывала, ноги погружались в мягкое дно, и каждый раз, когда он выныривал, то видел, что значительно продвинулся вперед.

Резкая волна боли вновь охватила его, когда он уже почти достиг берега. Вода попала ему в рот, он судорожно закашлялся и, выйдя на берег, упал на травянистый участок земли.

Когда приступ закончился, он встал и некоторое время смотрел в темноту крутящегося потока. Когда он отвернулся, то знал очередную вещь: он не любил воду.

Дорога озадачила его, едва он ступил на нее. Почти прямой линией она уходила на запад. Совершенно очевидно, что у нее есть цель, но она ему непонятна. Он начал думать о реке, которая бурлила, вращалась, но в то же время создавалось впечатление, что она никуда не течет. Тут он почувствовал, что разбираться в этом не имеет смысла, нужно идти дальше. И когда он остановился на этом решении, откуда-то пришел посторонний звук.

Он прислушался. Звук приближался; он шел с севера, откуда тянулась дорога, скрывавшаяся за поросшим деревьями холмом. Вначале он ничего не увидел, затем источник звука оказался у него на виду. Часть его имела тело, подобное ему.

У этой части были руки и ноги, тело и голова, точь-в-точь как у него. Однако лицо было светлым, а все остальное болес

темного цвета. Но на этом сходство и заканчивалось. Ниже была непонятная штукавина из дерева, ограниченная по краям большими кругами, а впереди всего этого возвышалось большое алое существо, четырехногое, с большим рогом, торчащим из лба.

Пта двинулся прямо навстречу этому зверю: глаза широко раскрыты, а мозг цепко фиксирует все детали. Он услышал, как верхняя часть этого странного сооружения что-то пронзительно крикнула ему, и затем морда, с возвышающимся над ней рогом, ткнулась ему в грудь. Животное остановилось.

Пта почувствовал растущее в нем раздражение. Человеческая часть сооружения все еще орала на него; и он понимал. Наконец до него дошло, что это сооружение не является единым целым. Оно состояло из *частей*. И он ясно понял, что оно говорит ему:

— Что с тобой? Лезешь прямо под повозку! Ты болен? Что за идиотская мысль расхаживать нагишом? Хочешь, чтобы солдаты богини увидели тебя в таком виде?

Слишком много смысла было заложено в том, о чем он говорил, слишком много слов громоздились одно на другое. Он с трудом улавливал их смысл. Его злость увяла от неимоверного усилия связать набор слов в одно целое.

— Повозка? — повторил он наконец. — Болен?

Человек насмешливо уставился на него.

— Ты — болен, — медленно повторил он. — Тебе следует отправиться со мной в Линн, в замок. Это в пяти канбах отсюда. Там тебя накормят и окажут медицинскую помощь. Иди сюда, я тебе помогу.

Когда повозка двинулась, человек сказал:

— А где твоя одежда?

— Одежда? — смешно переспросил Пта.

— Определенно, — сказал человек, вглядываясь в него, — ты хочешь сказать, что не знаешь, что раздет? Посмотри на меня.

Пта тяжело повернулся. В тоне, каким было сказано последнее, чувствовался особый смысл, который ему не нравился, а именно предположение, что с ним что-то не в порядке.

— Раздет? Одежда?

— Не волнуйся, — заторопился путник. — Присмотрись... одежда... как вот эта!

Он ухватил собственный грубый пиджак и потянул его от себя.

Ярость ушла из Пта окончательно. Он всматривался в человека, пытавшегося объяснить, что он вовсе не темный ниже

головы, просто что-то темное покрывало его тело. Он снял пиджак и повернул его во все стороны, давая возможность лучше рассмотреть его. Этот кусок одежды издавал шуршащий звук и свободно мялся в пальцах Пта. Он усмехнулся.

Тут человек закричал:

— Эй, ты что это?..

Пта озадаченно глянул на него. Ему пришло в голову, что это создание, такое шумное и крикливое, остановило его, чтобы показать свою одежду. Внезапно, инстинктивно, он тронул дыру на спине, плохо прикрываемую заплатой, и широко улыбнулся.

Глаза человека сузились, губы сжались, он прошипел:

— А ты знаешь, что такое одежда. Ты вовсе не болен. Ты дурачишь меня...

На лице его отразилось созревшее решение. Неожиданно он хлестнул пиджаком животное, и то с места рванулось вперед. Повозка подпрыгнула на кочке, и Пта, не готовый к этому, вылетел из нее.

Он лежал на дороге, а тележка быстро уносилась на запад. Все дальше и дальше она уносилась на запад, а возникший стол-ял прямо, непрестанно нахлестывая быстро несущееся животное.

Пта пошел по дороге, думая об экипаже и животном. Перемещаться на них довольно приятно, со злостью подумал он.

Прошло достаточно много времени, прежде чем на дороге, впереди, появились огромные звери. Он следил за ними с нарастающим интересом, особенно когда заметил, что сверху на них сидят люди. Сидя на животных, всадники передвигались очень быстро, покрыв уже значительное расстояние. Он ждал, подрагивая от нетерпения. Полностью он рассмотрел их лишь тогда, когда четверо животных приблизились достаточно близко.

Они были значительно крупнее, чем он ожидал. Они возвышались над ним, будучи почти вдвое выше его и гораздо массивнее.

Их шеи были длинными и заканчивались маленькими, злобными на вид, трехголовыми лошадиными мордами. Их ярко-желтые шеи резко контрастировали с зелеными телами и пышными, длинными, причудливого фиолетового цвета хвостами.

Они нетерпеливо перебирали ногами и все время крутились, осаждаемые своими седоками. Несмотря на свои большие размеры и массу, они двигались легко и быстро в клубах пыли, взбитой ими же.

— Это он, — сказал один из седоков. — Фермер его так и описал.

— Малый прекрасно выглядит, — добавил второй. — Точно так, как и нужно, чтобы мы могли его задержать.

Третий нахмурился.

— Где-то я его видел! Наверняка! Не могу только вспомнить где.

Они пришли за ним потому, что им его описали. Безусловно, этот человек в повозке был его враг. Почему-то это было вне его понимания, но это только усилило его догадку. Длинный волоочащийся хвост представлял прекрасную возможность взобраться на зверя, но, очевидно, это прекрасно понимали всадники. И все же воспользоваться животным, которое несло одного из наездников, было бы неплохо.

Он сказал:

— Не поможете ли вы мне? До Линна пять канб. В замке меня накормят и окажут медицинскую помощь. Спуститесь и помогите мне взобраться наверх. Я болен и раздет.

Это показалось убедительным даже ему. Он ждал, наблюдая за их реакцией на его слова, изучая каждое ответное слово и жест, отмечая фразы, чтобы в будущем все это использовать. Всадник посмотрел на другого, затем улыбнулся. Наконец терпеливо сказал:

— Будь спокоен, парень, мы понимаем тебя. Для этого мы и здесь.

Другой добавил:

— Ты только немного напутал, незнакомец. Линн в трех канбах, а не в пяти, — усмехнулся он. — Твое счастье, что ты безобиден... Мы думали, что ты — мятежник. Вот тебе одежда... Дальярд!

На траву у дороги упал сверток. Пта недоуменно смотрел на части одежды, рассыпавшиеся на траве, в то же время краем глаза изучая, как одеты стражники. Но, к несчастью, их одежда отличалась от той, которая была рассыпана перед ним.

— Ты тупоголовый идиот! — грубо сказал один из всадников. — Не знать ничего об одежде! Вон то — верхняя одежда, а это — белье. Его надевай первым.

Пта соображал теперь быстрее. Теперь у него было больше фактов, которые он мог связать воедино. Подгоняемый сердитыми понуканиями, он через несколько минут оделся, подошел к одному животному и протянул руку солдату, тому самому Дальярду, который бросил ему одежду.

— Подняться, — попросил он. — Помоги мне подняться.

Предположение, что ему помогут, оправдалось.

— Держись за мою руку и взбирайся в седло.

Это было легко, очень легко. Пта помогал себе мускулами одной руки, держась другой за предложенную ему руку. Как только он очутился в седле, тут же вышвырнул своего помощника оттуда. И тот, пролетев по длинной трасктории, ударился о землю. С громкими проклятиями он стал подниматься на ноги, а Пта, нахлестывая своего скакуна вожжами, направился на запад. Он двигался в том направлении, куда уехал его обидчик в повозке.

Быстрая езда привела его в восторг. Не было ни тряски, ни раскачивания, ни подпрыгивания вверх-вниз, как в повозке. Это был медленный, плавный и убаюкивающий ритм. Таким образом он, несомненно, пропутешествует весь оставшийся ему маршрут. Он с интересом поглядывал то на галопирующие ноги животного, то на его колышущийся в воздухе хвост, который, казалось, разгонял клубы пыли, повисшие сзади.

Так продолжалось до тех пор, пока он случайно не заметил часть дороги за ним. По ней неслись три животных; он успел отметить, что на последнем два седока.

Это было красивое зрелище — скачки наперегонки на бешеной скорости. Но постепенно преследователи, даже на последнем животном, стали неотвратно настигать беглеца. Они приближались все ближе и ближе, и он почувствовал, что сделал ошибку и вряд ли успеет нагнать человека в повозке. Их крики уже были ясно слышны.

Они были как раз за его спиной. С нарастающим раздражением он следил, как звери окружают его. Возможно, его животное было не очень резвым, а может быть, его преследователи знали способ увеличить их прыть. Два животных вытянули свои длинные шеи и уже почти касались его своими мордами.

Внезапно его животное стало на дыбы, да так, что он чуть не вылетел из седла, и замерло на месте.

Пта сидел сердитый и неподвижный, ожидая, когда преследователи вернутся. Ситуация для него была абсолютно странной и новой. Беспомощному, ему оставалось лишь думать о предстоящих решительных действиях, когда эти люди постараются что-то предпринять, чтобы стащить его с животного.

Один из них сказал:

— Ну, мы его поймали. Что дальше?

— Дайте мне отплатить ему, — заверещал Дальярд. — Я превращу его смазливую физиономию в кровавое месиво.

Пта уставился на него. Он не был уверен, что правильно понял его слова, но его мускулы напряглись, и он подобрался, ожидая чего-то необычного. Смутный план зародился у него в голове. Он вышибет их всех из седел, направляя свое животное им всем в бок. Он увидел, как один из стражников вытянул из продолговатого кожаного чехла, который лежал поперек седла за ним, характерную длинную вещь. Когда он поднял ее вверх, ее конец вспыхнул ярким светом на солнце.

— Слазь! — закричал он. — Слазь на дорогу, или я нанижу твою бестолковую голову на копьё!

— Почему бы не проткнуть его? — настаивал Дальярд. — Научи его не перечить стражникам.

Мозг Пта захлестнул гнев, постепенно перешедший в ярость, и это увеличивало его возможности. Он увидел вариант, который мог бы использовать. Прежде всего он был направлен против Дальярда и человека, с которым он делил седло.

Животное, на котором они сидели, можно было легко достать рукой. Ухватить его пальцами, сбить ударами ног седоков и... Затем ему следует напасть на человека с копьем и уже после него расправиться с оставшимися; но ясно, что это будет потом. А вначале ему нужно управиться с этими двумя...

Удар кулаком пришелся ему прямо в лицо.

Это было неприятно, не потому что больно, ему не было больно, просто это было необычно для него, но в то же время это вынудило его к решительным действиям. Ногой он ударил в лицо человека позади Дальярда.

Хрустнули кости, брызнула кровь. Человек с диким криком откинулся назад и вывалился из седла на землю. Тот же эффектный способ Пта применил и по отношению к Дальярду. Тот вывалился из седла, грохнулся о землю и стал кататься по ней и кричать:

— Проткни его, Бир, проткни! Он убил Сэна!

Пта резко отклонился в сторону в седле. Он ожидал боли, но ничего не произошло. Человек с копьем был уже далеко впереди по дороге. Пта подстегнул свое животное и попробовал догнать беглецов, но когда он достиг большой лощины, куда умчался преследуемый, то увидел, что его силуэт мелькнул меж деревьями на другом конце лощины.

На выходе из лощины дорога плавно поворачивала вправо. Поблизости в поле работали люди — пропалывали грядки.

Изумленный, Пта остановил свое животное. Перед ним было явно ненормальное зрелище. Дорога раздваивалась, и

обе были совершенно одинакового размера. Этот абсурд привел его в недоумение.

Его напряжение отступило перед этим неожиданном фактом, он расслабился. Только что здесь была одна дорога. Теперь же она разделялась. Одна ее часть плавно шла направо, а другая вела на запад, к огромной равнине.

Наконец он опомнился и направился к своей цели. Он уже далеко проскакал по западной дороге, когда в небе послышался звук.

Над ним пронесся летящий зверь, едва не задев. Его огромные серо-голубые крылья резко вздымались, длинная, треугольной формы голова свешивалась вниз, всматриваясь в него яростными, огненными глазами. Пта заметил также, что на его спине двое людей и один из них — Бир. Пта застыл на месте.

Его очередной враг на необычном летающем чудовище, ничего не опасаясь, снова будет надоедать ему. Это упорное преследование становится невыносимым. Пта потряс кулаком и закричал, что их ожидает то же, что и всадников на длинношисих животных.

Летающий зверь сделал еще один круг, затем поднялся выше и медленно полетел в западном направлении. Вот он стал точкой в небе, а затем и вообще исчез.

Пта продолжал скачку. Внезапно солнце, которое он едва замечал, так как оно было уже над горизонтом, и вовсе исчезло в облаке пыли. Пыль приближалась, пока наконец не превратилась в длинную лаву животных, таких же как у него, и на каждом был наездник. Над скачущими животными парило множество серо-голубых существ.

Огромная толпа неслась прямо на него; сплошная волна животных окружила его. Что-то длинное и тонкое, похожее на очень длинные вожжи, захлестнуло его.

Рывок — и он слетел с животного на землю. Он упал на руки и колени; в тот момент его смятение было полным. Звери крутились вокруг него; стоял крик, шум, гам, даже при желании трудно было сделать такой бедлам.

Наконец, оправившись, он встал.

Затем Пта ухватил лассо руками и скинул его с себя. Освободившись, он понял, что его спешили и что весь «процесс» приобретения верхового животного придется повторить снова.

Пта стал присматриваться, стараясь увидеть среди всадников Бира. Его не было видно — это хорошо. Значит, они еще не знают его уловки. Он задумался на мгновение, находя подходящие слова, затем сказал:

— Спуститесь и помогите мне взобраться. До Линна всего три канба. Там меня накормят и окажут медицинскую помощь. Я...

Он остановился, его взгляд упал на... не мужчину. Это создание походило на остальных, но вместо шорт на нем было длинное темное платье, и вместо того, чтобы сидеть в седле, оно размещалось в небольшом ящике, закрепленном на спине животного. Перед ящиком сидел человек, который управлял животным. Женщина заговорила звучным контральто.

— Мой лорд, — сказала она, — что за странная речь? Он сумасшедший?

Высокий мужчина с волосами серо-стального цвета ответил:

— Думаю, да. Хочу тебе сказать, дочь, что повстречавший нас стражник предупредил, что этот парень — убийца. Капитан, передайте принцессе донесение.

Пта с интересом прислушивался к объяснению. В нем было много интересного для него. Слова, которые он не мог ни с чем связать, ни с каким образом, и сквозь которые проскальзывала угроза.

Тот факт, что, начиная с человека в повозке, его все время пытались задержать, раздражал его, но это было уже столько раз, что ему не следует обращать на это внимания. Он пойдет дальше. Решение принято, он повернулся и, пройдя мимо зеленой туши животного, пошел по дороге дальше.

Дул прохладный ветерок, который немного освежал его. Пта не успел далеко отойти, как вдруг что-то пронеслось мимо него и он отлетел в траву, сбитый животным. Снова он был окружен животными.

Женщина сказала мягко:

— Даже для сумасшедшего его логика необычна. Что ты намерен делать с ним, мой лорд?

Человек пожал плечами.

— Казню. Убийца есть убийца. — Он кивнул капитану: — Выдели шесть человек. Оттащите его в поле и заройте там. Трех футов будет достаточно для могилы.

Пта насмешливо смотрел, как шестеро спешиваются. Для него слова «мой лорд» наконец приобрели какой-то смысл, но все же в словах было заложено столько информации, что он еще не увязал их в единую картину. А серьезный тон и некоторос понимание указывали ему, что положение угрожающее.

Действительность оказалась для него неожиданной, когда двое наездников, не замеченных им, подошли к нему сзади

и схватили за локти. Действие было ему неприятным и оскорбительным, так что он молниеносно расшвырял их в стороны и они полетели в грязь. Пта раздраженно повернулся, и в этот момент третий нырнул к его коленям. Когда одно его плечо опустилось и рука коснулась ноги Пта, тот яростно ударил его сжатыми в кулак руками по голове. Бедолага рухнул на землю и остался неподвижно лежать.

Пта наступил одной ногой на грудь поверженного врага и в этот момент был схвачен двумя всадниками, которые обхватили его туловище, третий упал в ноги и обхватил их. Они повалили его на землю, это уже совсем было невыносимо. Пта напрягся, высвободил одну ногу и пнул ею солдата, державшего его ноги. Затем разорвал объятия двух других, встал на ноги и, ухватив обоих, стукнул их друг об друга головами, после чего отшвырнул их прочь.

Он посмотрел на лорда и перевел взгляд на женщину, потом опять на лорда. Так Пта переводил свой яростный взгляд с одного на другую, как бы примеряясь к расстоянию, разделявшему их. Все молчали, потрясенные таким концом, молчал и он, переводя дыхание.

Наконец женщина сказала:

— Кажется, я его прежде видела. Незнакомец, как тебя звать?

Вопрос обездорожил его. «Его имя? Ну, Пта, конечно. Пта из Гонволана, Трижды Величайший Пта». Он почувствовал изумление от этого вопроса, нетерпеливо потряс головой и произнес это, но из-за крика, который подняли товарищи пострадавших воинов, ничего не было слышно. Лорд кричал о каких-то стрелах, он яростно жестикулировал руками; и тут же внезапная боль пронзила левую часть груди Пта.

Он опустил голову и увидел, что в его груди торчит тонкая деревяшка. Недоуменно посмотрев на нее, Пта выдернул ее и выбросил. Вторая стрела пригвоздила его руку к телу. Он выдернул и ее и развернулся к человеку, который доставлял ему такое беспокойство.

Он услышал, как женщина закричала:

— Мой лорд, останови их! Останови их! Неужели ты не слышал, что он сказал? Разве ты не видишь?

— А? — мужчина повернулся к ней.

Пта в бешенстве выдернул третью стрелу. Он услышал в ее голосе озадачившую его нотку.

— Разве ты не видишь? — ответила женщина. — Он тот, «чья» сила неисчерпаема, кто не ведаст усталости, не знает страха...

Голос мужчины хлестнул:

— Что за дурацкая болтовня? Этот миф мы поддерживаем для толпы. Мы же с тобой говорили тысячу раз, что богиня Инезия использует имя Пта для пропаганды. — И он добавил: — Ну и наконец, это невозможно.

Она вскрикнула:

— Останови их! Он вернулся после веков отсутствия к расе. Присмотрись! Его лицо! Похоже на статую в замке.

— Или похоже на принца Инезио, любовника богини, — сказал мужчина. — Не вмешивайся! Дай закончить.

Истерика отразилась на лице женщины, ее глаза сузились.

— Не здесь, — сказала она быстро. — Доставь его в замок.

Лорд отдал команду своим людям, а затем сказал Пта:

— Ты пойдешь с нами в замок Линн. Мы накормим и вылечим тебя, а затем мы дадим тебе летающего скрира, который доставит тебя, куда пожелаешь.

Глава 2. БОГИНЯ В ЦЕПЯХ

В глубине большого дворца-крепости в городе Пта темноволосая величественная женщина мрачно вздыхала. Каменный пол, на котором она лежала съевшись, был сырым и холодным. За все века своего заключения она еще ни разу не простудилась, хотя на ней и были огромные цепи.

С того места, где она лежала, было видно кресло, в котором сидела золотоволосая красавица с улыбкой торжества на лице; она могла хорошо слышать ее мягкий звенящий смех, который закончился, когда женщина сказала приятным чистым голосом:

— Ты все еще сомневаешься в моих способностях, дорогая Лоони? Это ведь старая история. Помнишь время, когда ты не верила, что я смогу заточить тебя в темницу? И вот ты здесь...

...А помнишь, когда я впервые спустилась сюда сказать тебе, что намерена уничтожить могущество Пта, и как ты напомнила мне, что только двое нас могут отбросить его в прошлое, что я должна тебя использовать как полюс Власти и что для этого требуется твое согласие. Возможно, наконец, ты начинаешь понимать, что, пока ты с простодушной надеждой ожидаешь своего Пта, проживающего миллиарды человеческих жизней, я изучала потенциальные пределы божественной силы, которую он предоставил в ваше распоряжение.

Брюнетка шевельнулась. Она произнесла на одном выдохе:

— Ты изменница, Инезия!

В полумраке на губах другой женщины заиграла улыбка.

— Какая же ты наивная, — сказала она нежно. — И каждое твоё слово показывает, что я не могу потерпеть поражение. Эти колючие слова в действительности будут казаться пустыми, когда Пта — мертв и ты — мертва, навсегда.

Брюнетка приподнялась. Что-то усилилось в её духе, что было видно по страстности, с которой она говорила.

— Никто из нас ещё не умер. А то, что ты говоришь сейчас, означает, что ты чем-то встревожена. А, Инезия? Динамическая сущность Пта, несмотря на то что ты его отправила в прошлое Гонволана, даже если ты лишила его власти, совершила полнейшее насилие над его личностью, должна, — тут в её голосе послышалась сардоническая нотка, — должна несомненно вселить в тебя некоторые сомнения.

После паузы она продолжала:

— И не забывай, дорогая Инезия, не забывай о чарах: в течение долгих лет он оберегался от опасности, которой ты сейчас его подвергаешь. Семь защит прикрывают его, Инезия, ни больше, ни меньше. Но снять их без вреда может только он.

Закончила она насмешливо:

— Я могу проиллюстрировать твою попытку использовать неприручаемую сущность порывистого и неукротимого волевого Пта делать то, что ты хочешь. Пта, который раз от разу становится более искусным и ежечасно растёт в умственном отношении. Время проходит, Инезия, драгоценное, необратимое время.

В тот момент, когда она закончила, в небольшой каменной темнице зазвучал её издевательский смех.

Звук угас. Внезапное осознание, что она зря тратит свои силы, заставило Лоони вернуться в прежнее положение.

Выражение лица Инезии изменилось.

На детском личике Инезии была написана радость животного, которое преуспело в провоцировании мятежа со стороны практически беспомощной жертвы.

— Как странно, — сожалела Инезия, — на все твои догадки у меня есть ответы. Я играла бы с огнем, если бы позволила Пта свободно развиваться и изучать все обычным образом, — как Пта. Возможно, ты забыла, что у него много человеческих личностей. Последнюю из них я перенесу по-

ближе, сюда, и буду господствовать над ней, запутывать, лишать воли...

Ох уж эти наивные чары, как легко они будут разрушены! Ты знаешь, что во дворце Нушира Нуширванского есть божественный трон. Чтобы достигнуть его, Пта следует завоевать Нуширван. Я лишу его человеческую личность изобретательности, окружу его огромными армиями. У меня несколько альтернативных планов. До тех пор, пока этот трон существует, я не могу обладать абсолютной властью в Гонволане. А это — скрытый признак его главенства!..

Я должна убедить его или заставить пересечь реку кипящей грязи, которая все эти годы мешала мне в достижении трона. Должна тебе сказать, что, когда я доберусь до трона, мне понадобится несколько часов, чтобы уничтожить его.

Чарами я сплету для него великий узор. Он должен полюбить меня, признать мою божественность. Испытывая могущественную волну молитвенного экстаза, он лишит себя гарантий от смерти, пройдет через царские тьмы и, как я уже сказала, пересечет реку кипящей грязи...

А теперь, дорогая Лоони, я вынуждена оставить тебя. Часть сказанного мною исполнилось. Процессия, сопровождающая Пта, приближается к замку. Мне нужно подчинить мозг принцессы и быть там, в гуще событий, управляя их сменой...

Лоони проследила, как Инезия удобнее устроилась в кресле и закрыла глаза. Давление присутствия ее личности ослабло. В подземной тюрьме постепенно сгущались сумерки. Два тела, сидящей Инезии и лежащей прикованной Лоони, казалось, молчаливо изучали тьму в помещении.

Опускалась ночь. День заканчивался.

Глава 3. ЧЕЛОВЕК ИЗ 1944 ГОДА НАШЕЙ ЭРЫ

Замок был угрюмым местом, с низкими потолками и ограниченным обзором изнутри. Встревоженный сознанием близости стен и давлением на него потолка, Пта смотрел на пищу, лежавшую на столе.

От нее исходил пар, тепло и острейший аромат, который приятно щекотал его ноздри. В дальнем конце стола послышался голос «моего лорда», который предложил ему сесть. Озадаченный, Пта подчинился.

Он ничего не упускал в течение этого рейда в замок Линн. Его чувства, отточенные тяжелым опытом, обогащенные но-

выми мыслями, зафиксировали все. Замок был высоким, выложенным из белого камня, который приобрел со временем грязно-серый цвет, и окружен небольшими посадками деревьев, которые, в свою очередь, были окружены городскими зданиями. Замок давно не ремонтировался и производил неприятное впечатление.

Он увидел других людей, сидящих за столом. Среди них присутствовали лорд и принцесса, чьи волосы сверкали, как вода, которая причинила ему боль, отличие было лишь в том, что он не чувствовал ни малейшего неудобства.

Он отметил также несколько мужчин, сидящих в глубине комнаты. Это были безмянные существа, которые бесшумно сидели на своих местах. Они с бесстрастными лицами следили за ним одинаковыми черными глазами.

— Все в порядке... — сказала женщина, — он никогда прежде не видел пищу.

Пта быстро взглянул на нее. Что-то в тоне, которым она произнесла это, ему не понравилось. В ответ он получил такую ослепительную улыбку, что его раздражение отступило.

Лорд сказал:

— Осторожно! Давай есть; поглядим, будет ли он подражать нам.

— Я уверена, — ответила женщина, — что нет необходимости шептаться между собой. Назад он вернулся без памяти. Он же ничего не знает!

Это был первый вкус, который он испытал. Пта поглощал пищу бездумно, не обращая внимания на остальных. Она была хорошей и теплой. Каждый кусок волновал его язык. Он даже не заметил приборов у тарелки. Наконец, закончив, Пта отставил тарелку в сторону.

— Где скрип? — спросил он. — Теперь я полечу к Пта.

Женщина улыбнулась:

— Вон там...

Лорд положил сй на плечо руку.

— А ты уверена...

— Мы можем лишь потерять свои головы, — быстро ответила она. — Если же нам повезет, то наградой будет превращение нашего замка в королевский, в столицу огромной империи. Кроме того, заверяю тебя, я знаю, что делаю.

Принцесса улыбнулась Пта, который следил за ними, не совсем понимая.

— Сюда! — сказала она; ее голос был таким сильным и взволнованным, что ему больше не захотелось спрашивать.

— Скрир ждет тебя внизу, у входа. Нужно спуститься по ступенькам!

Ее улыбка привлекла его. Он нравился ей, но причина ему не была ясна. Пта согласился. Он уже почувствовал себя летящим по воздуху, как это делал Бир. Воображаемый образ был очень ярким. Ступеньки вели их ниже, это ему запомнилось, чем когда они входили сюда, но наконец они закончились на этаже с грубым каменным полом. Через равные интервалы из стены торчали горящие факелы вдоль широкого коридора, кроме них в нем было много закрытых дверей. Женщина остановилась перед открытой дверью.

— Иди, — улыбнулась она и мягко прикоснулась к нему ладонью. Ее тело было мягким и теплым. Это заставило его сущность забыть о расположении к ней.

Пта переступил через дверной проем и оказался в крохотной комнатке с низким потолком. Кроме факела, в комнатке ничего не было. Трах! Звук раздался за спиной. Пта повернулся и увидел, что дверь закрыта. Он стоял там, глядя, как небольшое отверстие в двери открывается. В нем появилось женское лицо.

— Не беспокойся, Пта, — сказала она. — Мы изменили свое решение. Мы послали за твоей женой, величественной Инезией. Она придет и заберет тебя в великую столицу.

— К Аккадистрану! — раздался в коридоре голос лорда. — Уж не надеешься ли ты, что он останется так спокойно...

Окошко мгновенно захлопнулось. Голос прервался на середине высказывания. Внезапно потух свет. Наступило молчание. И темнота.

Пта неуверенно стоял в темноте. Он надеялся, что дверь откроется и объявят о прибытии величественной Инезии, имя, которое назвала принцесса — он помнил каждое слово ее высказывания, — она придет, чтобы забрать его в Пта.

Время шло. Нетерпение нарастало в нем, убеждая, что он давно уже мог бы достигнуть Пта, если бы отправился пешком. Мысль о путешествии сменилась мыслью о необходимости сесть. Пол был холодным и жестким, но он сел и ждал. И ждал.

Миазмы как дым проходили через его мозг. Мысленные образы поступали непрерывно — беспорядочные, странные, незаконченные, не имеющие смысла, и одна невероятная ясность: это безумие.

Что-то было неверным. Он должен что-то делать. Ему потребовалось много, очень много времени, чтобы решиться на это. Но наконец он встал, необыкновенная злость охвати-

ла его. Он попробовал выломать дверь, налегая на нее со всей своей ужасной силой. Но она не поддавалась. Она даже не шелохнулась под напором его тела.

Удивленный, он опять сел на пол... удивленный потому, что он не помнил, что когда-то сидел так.

Время шло. Темнота и тишина разделялись, неведомые силы раздирали его тело надвое, несмотря на сопротивление его воли, и принесли очередные мысли.

— Не останавливай танк. Следи за двигателем... Мы почти... Мы почти у... у... Осторожнее... Пикировщик... он над нами...

Чернота.

В течение веков тело Холройда боролось против тьмы, в которой не было ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, а только доспехи из сырого камня, которые сжимали его тело и давили слепо, беспощадно. Неумолимая сила против его плоти. Медленно, но уверенно безжалостный холод тьмы высасывал из него тепло.

Холройд очнулся. Он ощутил усталость послекошмарного сна. Словно он вовсе и не спал. Его пальцы нащупали грубый каменный пол, которого он не видел, окруженный темнотой этого помещения.

Он попытался сесть. Это не получилось, так как разум отказывался признать эту черноту и реальность этого помещения. Наконец он окончательно пришел в себя и, оторвавшись от пола, сел.

Внезапно волна ярости начала подниматься в нем. Он пришел в бешенство от того, что находится здесь.

— Черт бы его побрал! — повторил он.

Поначалу у него не было слов, но они всплывали из темноты его сознания, и он разразился тирадой:

— Почему здесь ничего не напоминает Америку? Или часть Германии, где мы дрались? Может, Северная Африка?.. Нет!

Здесь безумие, которое заключено в замках, мыслях, действиях. Его мозг не выключался ночью. Неопределенные, несвязные мысленные образы теснились в его мозгу. Это была смесь из воспоминаний о событиях, названий мест, знакомых и незнакомых языков. Наиболее часто возникали слова — Америка, Германия, Северная Африка, — которые, как тяжелый, всепогрушающий молот, били в его мозг.

— Отзовись, ты, который зовет себя Пта! — это был мужской голос, глубокий и мелодичный, раздавшийся в темноте. Это обращались к нему.

Холройд резко повернулся. Но холод обволакивал его, словно он был заморожен в глыбу. Мозг лихорадочно подбирал слова. Губы дрогнули, и он пробормотал:

— Холройд Пта! Нет, неправильно. Должен быть Пта Холройд. Нет, Холройд — американец. Питер Холройд, капитан, 29-я танковая бригада... но кто же Пта?

Вопрос был ключом, открывшим дверь памяти. Пришло воспоминание. Удивленный, он громко сказал:

— Я — сумасшедший?

Пта, трижды великий бог Гонволана, чье последнее человеческое воплощение было Питером Холройдом, капитаном танковых войск США, всплыл из глубин подсознания под действием умственного стресса.

— Черт побери! — сказал он. — Я — Холройд. И я...

Холройд остановился, потрясенный глубоким ужасом, непередаваемым страхом перед своей неизвестной половиной.

«Это безумие! — дико подумал он. — Безумие!»

Но через минуту успокоился; темная комната, другой мозг, осознание того, что он жив, хотя попал под прямое попадание бомбы в танк. И более неясное знание чего-то еще, напоминающее голос, который говорил ему, что он — Пта.

Нет, это неправильно. Голос не называл его Пта. Голос сказал: «Ты, который зовет себя Пта!»

В этом было неувловимое отличие, которое Холройд тем не менее уловил. Он лежал на полу и спокойно обдумывал все увиденное Пта по пути в замок. Все его существо начало дрожать от удивления. Ужас рвался в его мозг. Через несколько секунд к нему пришло спокойствие и сознание двойного существования, которое было внутри него.

Физически это не затрагивало его. Это было частью его, или, скорее, он был частью этого. Но по какой-то причине он господствовал — его мысли, его личность, он... сам. Он почувствовал себя лучше. Его могучие мускулы расслабились.

Тишина нарушалась лишь порывистым дыханием.

— Где же свет? Должно быть, в углу... Ага!

Вспыхнул белый свет, осветив небольшую комнату с простым каменным полом. Не совсем простым. Возле дверей находилась небольшая каменная плита. Очевидно, это был вход в туннель.

Медленно, с усилием, повернулся Холройд к источнику света. Низенький человечек как раз стоял перед плитой,

всматриваясь в нее. Он был в шортах, навывпуск рубашка. Блестящие глаза на округлом, добродушном лице обежали комнату и остановились на Холройте.

— Вижу, — сказал он, — вы паршиво выглядите. Я не знал, куда вас поместили, а то бы пришел раньше... Ждал, пока принесут еду? — он сжал губы. — Прекрасно. Не принесли. Ну что ж, не беспокойся! У меня есть суп, он тебе понравится. — Он развернулся и нырнул в дыру. Через какое-то время вынырнул. — Он тебя подкрепит.

Суп был горячим и живительным. Он щекотал язык и огнем растекался по всему телу. Он облегчил, успокоил ужасное чувство голода и принёс успокоение его плоти. Насытившись, Холройд стал прислушиваться к нагромождению слов, изливаемых на него.

— Меня зовут Тар, я представляю всех узников в замке Линн, добро пожаловать в наши ряды. Наша организация объединилась с мятежниками, и предательство у нас карается смертью. Это тебе следует знать. Конечно, мы все знаем о тебе, — сказал человек. — Ты требуешь, чтобы тебя считали Пта... Это хорошая линия поведения. Это ново. Никто прежде не додумывался до этого. Возможно, что мятежники и смогут использовать тебя, если ты подтвердишь свои претензии. Но скорее всего, у тебя потеря памяти, как уже говорил фермер.

Длительное время, переваривая пищу и упиваясь состоянием сытой удовлетворенности, Холройд не слушал слов незнакомца. Но внезапно к нему вторглось знание странной и ужасной вещи. Что-то внутри него... что-то... слушало посредством его мозга то, что произносил Тар. Слушало внимательно, с пониманием всего того, что было сказано. После долгого, незаполненного момента он понял, что это «что-то» было им самим.

Холройд ощутил холод камня, на который он опирался. А все вокруг, поблизости, было темной и определенно угрожающей тюрьмой.

Знание того, что его сейчас окружало, было более острым, чем когда-либо с момента его изначального осознания этого, и все это было затемнено мрачным фактом, что другой, более великий, некоторым образом близко слился с его личностью. Двое стали одним целым и в то же время двумя одновременно.

Холройд глубоко вздохнул; так что это было похоже на потерю памяти... когда ты помнишь другую половину. Он сосредоточился на проблеме распутывания, раскрытия идентичности личности, которых требовала другая его половина, и на воспоминании о вещах.

Принцесса сказала, что она послала за кем-то, кого называли богиней Инезией. До этого мгновения имя было погребено в его памяти как обычное воспоминание. Но теперь мозг замер. Послали за кем?

Появилась новая тема для размышления — богиня Инезия!

Титул ревел в уме. Он перекачивался из одного его уголка в другой, и тут любопытная маленькая догадка пронзила его сущность, как остро заточенный нож пронзает плоть.

Он должен выбраться отсюда.

Не важно, кем был Пта; Питер Холройд не мог влиять на ситуацию, подобную этой. Он должен выбраться... Если еще не слишком поздно.

Его глаза широко раскрылись. От страха его начало лихорадить. Каждый мускул напрягся, он свирепо вглядывался в человека.

— Сколько времени, — его голос эхом отозвался в собственных ушах, — я нахожусь здесь?

Когда он произнес это, то понял, что прервал говорившего, но увидел, что Тар уже готов отвечать.

— Вот что я скажу... вам. Говорят, что вы сильны, как гримб, и уже семь дней ничего не едите и не пьете... Я не склонен оспаривать это утверждение.

Он говорил еще что-то, но Холройд не слышал.

«Семь дней, — размышлял он. — В течение семи дней бог Пта лежал здесь как безумный, и наконец потрясение стало так велико, что он вернулся в свое последнее воплощение. Мозг сильно запротестовал, потому что... сильно истощен... через семь дней? Невозможно».

Прошло более семи лет или даже семьсот лет. Пта, который не имел представления о времени, поскольку лежал во вневременной темноте, мог испытать время быстрее, чем его окружающие. Было возможно только такое объяснение этого грандиозного окончательного результата. Но снова мысль Пта была насильно прервана. Он сел, удивленно прислушиваясь к себе, удивленный тем, что у него было такое объяснение. Что за безумие нахлынуло на него? Семьсот лет за семь дней? Он облизнул губы и сосредоточился на семи днях.

— Сколько займет, — сказал он громко, — займет времени... — его мозг двадцатого столетия запнулся перед словом, затем, с усилием, он произнес: — ...путь на летающем скрире в Пта и обратно?

Яркие глаза Тара внимательно изучали его.

— Ты парень с юмором, — сказал он наконец. — Говорят, что ты шел в Пта. Но это только доказывает, что ты совсем плох, когда тебя поместили сюда...

Он покачал головой, и Холройд внезапно почувствовал, что Тар расстроился. У него появилось желание схватить собеседника и силой вытрясти из него необходимый ему ответ. Мозг боролся с этим диким желанием. Наконец он определил, что в нем разгорается совершенно не характерная для Холройда дикая ярость. Сдерживая себя, он угрожающим тоном сказал:

— Сколько времени... сколько времени уйдет на это?

— Вы не понимаете, — ответил человечек. — Это бессмысленный вопрос. Нет такого скрира, который мог бы долететь из Линна в Пта по прямой. Это слишком далеко. Принцесса была уже там. Вначале она летела до прибрежного города Тамардин, затем в Лаписар и великолепный Гей и так вдоль побережья. И тем не менее путешествие заняло два месяца. Хотя, — продолжал Тар, — существуют действительно очень быстрые птицы. Рассказывают, что некоторые из посланцев богини на специально обученных птицах долетают в другой конец Гонвола за восемь дней без остановки. А до Пта за шесть дней. Но послушай...

Холройд вздохнул.

«Шесть дней туда, шесть обратно. Богиня уже знает, и знает целый день. Через пять дней она будет здесь».

У него только пять дней в запасе, чтобы сбежать отсюда.

Глава 4. ЧЕРЕЗ 200 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ В БУДУЩЕМ

Какое-то время он вовсе не чувствовал себя угнетенным. Холройд не чувствовал необходимости двигаться или думать, пока Тар не принес ему еще супа. Его удивил запах супа и другой пищи, которую ему давал Тар. Наконец знание, которое пришло к нему, испугало его.

Одна его часть не беспокоилась. Она ожидала прибытия богини. Холодная и полная решимости, она ждала, неприрученная сила неизвестных возможностей, включающая знание сознания Холройда в такой же мере, в какой уже подсказывала его личности его возможности.

Чувство было сильным и жгуче безошибочным. Сидя там, Холройд не сомневался ни в чем. Пта, дитяподобный бог Гон-

волана, и Питер Холройд были заключены в одно и то же тело, и бог считал Холройда одним из сегментов своей сути, которой он был. Холройд вздрогнул, а затем испытал собственную дикуую ярость.

— Ты — идиот! — закричал он. — Не ты ли определил, что беспорядок, который смешал нас вместе, создал ты, позволив хорошему улыбающемуся личику заманить нас в эту темницу? Самому распоследнему олуху достаточно было взглянуть один раз на эту тираническую систему с удельными замковыми принцами, королями, императорами и какой-то богиней на вершине этой иерархии, чтобы понять, что твое прибытие все равно что чистая взрывчатка под ее основанием. Ты не можешь...

Он остановился.

Его голос отражался в узком пространстве от потолка. В наступившей тишине Холройд подумал с кривой миной: «Что за взрыв безнадежности: как безумец, криком помогаю себе?» Но от этого он почувствовал себя лучше, более того, внезапно он осознал, что его водворили в собственное тело; его мозг мыслит, управляет вокальными струнами.

Это было доверие божественной основы Пта, там не было боли. Не было боли и во время перелома, когда он узнал, что является лишь частью себя. Не было сомнения в собственных способностях, чтобы жить с уверенностью во всех своих правах. Это вовсе не было больно — чувствовать себя бессмертным.

Во второй раз пришел Тар, принеся еще супа и больших, зеленого цвета фруктов, цитрусовых. Они были на удивление сочными и сладкими, приятными на вкус и не напоминали ничего, что Холройд пробовал прежде. Пробуя фрукты, он поймал себя на вопросе, который до этого у него ни разу не возникал, даже в зачаточном состоянии. Где находился Гонволан? Где располагалась земля с городами под названием Пта, и Тамардин, и Лапизар, и Гэй? Прекрасный Гэй, сказал Тар. Холройд попробовал представить его себе — и не смог. Для него они не значили ничего; картина, вставшая у него перед глазами, отображала города, виденные им в 1944 году на Земле, с их трущобами, с их пустыми улицами, с их угасающей коммерческой жизнью. Он громко, нараспев, повторил их названия: Гонволан, Пта... — в них был ритм, странная сладость звука, подобного музыке.

Желание узнать больше становилось сильнее. В нетерпеливом возбуждении он повернулся, чтобы спросить Тара, и увидел, что он — один. Камень находился на месте.

Холройд пролежал длительное время, когда наконец камень сдвинулся и вышел Тар. Он нес еще фруктов, немного хлеба, мягкого белого хлеба, только недавно испеченного. Холройд схватил драгоценную знакомую пищу, и слезы застлали его глаза. Он почувствовал изумление в конце действия, короткий стыд. Но чувство стыда исчезло. Было неплохо узнать, что где-то в Гонволане, может быть, поступают бесконечные потоки хлеба... Он представил себе, что и в прошлом, и сейчас огромные поля Земли заняты под хлебные нивы на многие тысячи миль, которые кормят огромное количество людей. Он открыл было рот, но первым заговорил Тар.

— Удивительна для меня, — констатировал факт маленький человечек, — эта амнезия. Вы выглядите внешне крепким, как стальная цепь, но что с вашим мозгом? Если бы вы могли читать, это помогло бы решить многие проблемы.

— Читать? — эхом отозвался Холройд. И страшно удивился. Ему даже в голову не приходила мысль о существовании книг в Гонволане.

— Несомненно... смотри! — и Тар резко выдернул брошюру из внутреннего кармана своей одежды. Холройд взял шелковисто-гладкую, еще не согнутую бумагу и вгляделся в слова, которые были точь-в-точь как в коммунистических манифестах.

ВОЗМОЖНОСТЬ НАПАДЕНИЯ НА АККАДИСТРАН

«...Грязная акция Зард Аккадистрана в использовании отложившегося Нуширвана для похищения граждан Гонволана требует мстительной войны на самом крупном уровне. Правительство богини Инезии должно ответить ударом на эту подлость.

Наши усилия должны быть сконцентрированы на том, чтобы помочь людям изменить их обетам, которые представляют угрозу божественной власти богини. Люди должны...»

— Отлично, вы уместе читать, — маленький человечек отвел руки Холройда, державшие листок. — Я вижу, как вы двигаете губами. У меня найдется здесь несколько книг.

Он нырнул в дыру. Вернулся он очень быстро, неся под мышкой две совершенно обычно выглядевшие книги.

— Я буду приносить вам их после завтрака, поэтому читайте, пока не уснете. Может быть, они и не дадут вам ничего, но стоит воспользоваться любым шансом. Дайте мне кожуру фруктов.

Минутой позже Холройд рассматривал, перелистывая дрожащими пальцами, оба тома. Первый он просто перелистал. Он чувствовал такое горячее нетерпение увидеть что-нибудь,

что только бросал жадные взгляды на страницы с рисунками после страниц с текстом. Это был печатный текст, отчетливые черные чернила, напечатанные на белом фоне. Бумага была негнушающаяся, но и не слишком глянцевая, и страницы были связаны вместе чем-то, напоминавшим клей.

Все рисунки были цветными фотографиями или же рисунками с таким четким различением деталей, что производили впечатление фотографии. Впечатление осталось даже после тщательного изучения их.

Книга была озаглавлена: «История Гонволана с древнейших времен».

Чисто механически Холройд перевернул страницу и прочитал: «Вначале был Сияющий Единственный Пта, бог Земли, моря и пространства, которые были смешаны, и бесчисленные верующие уже миллионы лет верят, что он вернется, чтобы слиться с народом, который бы сделал для величия его людей и для развития его духа. О Дайан, о Колла и божественный Рэд».

Холройд вглядывался в слова, ничего не понимая, затем перечитал вновь то место, где был намек на миллионы лет. Наконец он медленно усмехнулся. Автор слишком тонко, цинично иронизировал. Второй параграф подтверждал его вывод.

«Земля — древняя планета, издавна заселенная человеческими существами. Континенты и моря претерпели многочисленные катаклизмы, наименьшим из которых является разделение древнего материка Гондваны и равномерное распространение его частей в разные стороны...»

Холройд прочитал весь том от начала и до конца на одном дыхании, затем отложил его в сторону и взялся за другой с неослабевающим вниманием. Заголовок гласил:

«ИСТОРИЯ МИРА В КАРТАХ С ПОЯСНИТЕЛЬНЫМ ТЕКСТОМ»

Картографы показали Землю с отдаленнейших времен, но искусные, отделанные рисунки континентов в древнейшие эпохи имели неправдоподобное качество, на котором он не мог сконцентрироваться. В конце был изображен современный Гонволан. Это был длинный и широко вытянутый континент, который занимал почти половину Южного полушария, грандиозно вытянувшийся по направлению на север и оканчивающийся в точке на востоке, в которой более чем сто миллионов лет назад, следуя тексту, располагалась древняя Австралия.

Гонволан протянулся на одиннадцать тысяч канб в длину и пять тысяч канб в ширину и был ограничен на севере расположенным через узкий, всего лишь в тысячу канб шириной,

гористый перешеек Нуширваном. После несложных подсчетов Холройд пришел к выводу, что один канб равен миле с четвертью. Затем он снова вернулся к страннице.

Земля к северу от Нуширванского перешейка, где находились когда-то огромные древние континенты Америга и Бретония, был озаглавлен Аккадистран. Только группа крупных озер находилась в том месте, где был Атлантический океан. Водное пространство между Аккадистраном и Гонволаном носило название море Тета.

Население Гонволана составляло пятьдесят четыре миллиарда человек, Аккадистрана — девятнадцать миллиардов человек, а Нуширвана — пять миллиардов человек. Нуширван был наиболее молодым государственным образованием планеты, вынырнувшим из моря всего лишь около тридцати миллионов лет назад.

Замковый город Линн, как определил Холройд, находился на крайнем востоке огромной южной части континента. Город Пта отделялся от него восьмьюдесятью тремя сотнями канб к северо-западу, если лететь на скрире. Могучий Пта находился в бухте Большой скалы моря Тета, в двенадцати сотнях канб от ближайшего выступа Нуширвана.

Удивление росло и росло. Холройд вскочил на ноги и стал расхаживать по камере, держа в руках книгу, пораженный узанным. Он перечитал все части истории, с описанием империи, управляемой богиней, такой огромной, что его мозг содрогался от картины, представшей перед ним.

Но медленно убеждение формировалось, заполняло его мозг, что не было солдата из 1944 победного года, который был бы в таком положении, как это.

Он был мертв. За исключением этого, воскресшего в теле бога, он лежал в сожженном танке на поле боя, так долго забытый, что душа, воспоминания, мысль об этом казались уже смешной и немыслимой историей.

Его размышления были нарушены звуком. Камень двигался. Медленно, рывками. Холройд подошел, нагнулся и без усилия сдвинул камень. Его мозг был холоден и готов к действиям. У него был настолько простой план, насколько только это было возможно.

Голова Тара просунулась в отверстие.

— Благодарю, — пропыхтел он. — Это дерганье дается мне нелегко. У меня для вас завтрак.

— У тебя для меня... что? — воскликнул Холройд. Вся его воля сконцентрировалась только на плане. Он не спал! Он читал всю ночь, даже не вспомнив о сне. Он глубоко вздох-

нул. Причина была, конечно, очевидной. Ноги не спят, или по крайней мере, они не нуждаются в сне. Возможно, он мог бы уснуть, если бы устал. Он увидел, что Тар смотрит на него с удивлением.

— В чем дело? — спросил Тар.

Холройд потряс головой.

— Ничего. Я не разобрал... Спал слишком долго.

Маленький человечек усмехнулся.

— Это хороший признак. Вы выглядите значительно лучше. Тогда я оставлю пока вам завтрак. Мне бы хотелось поговорить с вами потом.

— Мне тоже, — сказал Холройд.

Тар нырнул обратно в туннель и, остановившись, обернулся к Холройду. Он взгляделся в него. Какое-то время он пристально изучал его, а затем сказал:

— Для человека, который еще вчера был почти мертв, вы проявляете слишком большой интерес к жизни. Что у вас на уме?

— Я отвечу тебе после еды, — насмешливо сказал Холройд. — Это связано с тем, о чем ты уже упоминал.

— Я упоминал только одно, — с удивительным отчуждением сказал Тар, — в чем вы особенно заинтересованы, учитывая ваше положение: я сказал, что восставшие могут найти вас и использовать то, что вы выдаете себя за Пта. Не так ли?

Холройд молчал. Он не думал о пудинге, принесенном маленьким полнеющим человечком, он был действительно поражен. Одно время он удивлялся, что Тар был в заключении. Ему следует более тщательно все обдумать. Тар был связан с внешним миром.

— Что еще? — спросил Холройд.

Тар вздрогнул.

— Извините, что я упомянул это впервые. Потому что этому есть причина. Они не заинтересовались. Они не знают, как это можно использовать в практических целях, и для вас было бы слишком просто исчезнуть потом. Я совершенно искренен.

— Но они могут освободить меня?

Человечек окаменел, словно узнал смерть в словах, которые только что были произнесены. Его глаза настороженно изучали Пта. Наконец он неохотно кивнул.

— Ладно, — сказал Холройд. — Скажи им, чтобы они меня забрали этой ночью.

Тар рассмеялся. Смех разрушил тягостную тишину. Он нырнул в дыру, напоследок вновь обернувшись к Холройду. Его глаза были сощурены, а губы стали тонкими, словно прорезанные ножом. Стоя там, он казался большим животным, готовым к действию.

Колючим тоном он сказал:

— Прекрасный способ рассказать потом, каким образом наша организация спасла тебе жизнь.

Справедливость слов жалила. Но Холройд знал совершенно точно, что мораль у них здесь не пользуется особой популярностью. Это было отличием. Пта, Трижды Величайший, превосходит любую ограниченную этику.

— Послушай, — сказал он, — вожди восставших отказали слепо, без рассмотрения моего характера или моей личности, которая, согласно их суждению, страдающему недостатком воображения, кажется заявлением невменяемого и, следовательно, ничего не стоит.

Он перевел дыхание и продолжал:

— Передай им, что я могу играть роль Пта на высшем уровне, что, если они достаточно сильны, чтобы захватить замок, я сделаю его своей штаб-квартирой. Передай им, что у них никогда не будет армии, которая стала бы столь могущественной, как та, что сплотится вокруг меня. Солдаты будут идти в бой, как мои последователи. Я знаю достаточно, чтобы одурачить всех, включая...

Он остановился. Он уже собирался сказать «включая богиню». Но такое экстремистское заявление не имело бы веса.

— ...включая людей самого высокого интеллекта.

— Это пустая болтовня, — холодно произнес Тар, — человека, который в опасности.

— Я был болен, — сказал Холройд. — Очень болен.

Тар нахмурился и сказал:

— Я постараюсь связаться с ними. На это может уйти неделя.

Холройд отрицательно покачал головой. Перспектива вражды между ним и Таром была для него нежелательна. Но нельзя было избежать этого положения. Было бы безумием затягивать срок его бегства, когда вот-вот должна была прибыть богиня.

Она прибывает. Он был уверен в этом. Она могла приехать еще раньше.

— Этой ночью, — непреклонно сказал он. — Это должно произойти этой ночью. — Его взгляд остановился на туннеле. — А что, если через него?

Ответа не было. Тар исчез в дыре. Как только он исчез из виду, Холройд нагнулся, исследуя камень, затем выпрямился, мрачно улыбаясь. Мгновением позже Тар выставил немного фруктов, стакан воды и хлеб.

— Помоги мне опустить камень, — сказал он спокойно. — Я погляжу, что смогу сделать для тебя.

Удивленный, Холройд улыбнулся.

— Извини, — сказал он спокойно, — но я заметил, что там есть зубцы для ускоренного опускания его вниз. Я буду чувствовать себя безопаснее, если камень останется на прежнем месте.

Ответа не последовало. Тар бросил на него долгий пристальный взгляд и ушел. Но он вернулся. Он приходил назад с обедом, ужином, но он игнорировал действия Холройда с тупым молчанием, которое не оставляло никакого выхода, кроме действия.

Глава 5. СЕКРЕТЫ ЗАМКА

Туннель был узкой формой темноты и света. Крохотные факелы торчали у потолка, который был таким низким, что Холройду приходилось сгибаться почти вдвое, когда он шел. По сторонам были проходы — темные дыры, недостаточно большие даже для человеческого тела. Холройд игнорировал их. Обращать на них внимание не следовало, чтобы не потерять направление движения в лабиринте дорог. Он должен придерживаться лишь этого, главного коридора.

Озадаченный, Холройд изучил первый факел. Как и другие, он был изготовлен из дерева. Он был холодным. Чтобы проверить это, Холройд слегка его коснулся. В ответ он мигнул, как будто повернули выключатель. К потолку факел был прикреплен деревянным шарниром. Но свет не лился до тех пор, пока он не повернул палку в исходное положение. Должно быть, сила, заставлявшая его работать, шла из земли.

Холройд уже собирался пройти мимо, когда заметил табличку, прикрепленную к шарниру.

На ней было написано:

«Камера 17. Заключенный: случай амнезии. Отметки: никаких».

Таблица на другом светильнике гласила:

«Камера 16. Имя: Нрад. Пытался напасть сзади на стражника».

Помрачнев, Холройд изучал лаконичное описание. Ошибка Нрада была единственной, которую он мог оценить.

В конце линии светильников, в темноте, за камерой номер 1, была крутая лестница. Холройд крался через тускло освещенные коридоры, но мысленный образ, который беспокоил его, был картиной его самого в этом подземном мире замка, который высился в темно-голубом небе Земли, отделенный от его дня рождения двумя сотнями миллионов лет. Запутавшееся время ничего не значило и было более враждебно, чем смерть. Забавно, когда прошлое не значит ничего. Оставалось только вскарабкаться по потайной полуосвещенной лестнице, красться через... десять, одиннадцать, двенадцать этажей.

Он достиг двенадцатого и последнего, попробовал отыскать выход, который мог вывести его отсюда, и, ничего не обнаружив, осторожно двинулся в проход. Потолок здесь был достаточно высок, чтобы он смог выпрямиться. Но здесь, как и на опасном этаже, были ответвляющиеся туннели, на которые он не обращал внимания, следуя установке, что, если он будет придерживаться прямых коридоров, то не заблудится.

«Садра, кухарка, сочувствующая мятежникам, один из ее любовников — младший сержант Гэн. Смотровая щель, входа нет».

Это была стереотипная надпись. Каждая комната была заселена служанками разного рода: большинство из них имели любовников, все были сочувствующими восставшим — и все спали, как отметил Холройд.

Одиннадцатый этаж был занят слугами, тоже спящими. Беззвучно Холройд спустился по узкой лестнице.

Общественный зос занимал восьмой этаж, общественный фезос — седьмой. Темные одежды, которые сложены на стульях и краях кроватей, позволили определить их: монахи и монахини! Четвертый этаж занимал удельный князь и прямо напротив него, как гласила таблица (четыре со штрихом), — его дочь Гия, замковая принцесса.

Надутая Гия, свирепо думал Холройд, коварная, опасная, изворотливая, алчущая власти Гия. Со стиснутыми зубами он всматривался в глазок, который приоткрыл часть ее апартаментов. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы запечатлеть открывшуюся картину. Большая, убранная коврами комната была заставлена креслами, столами, тумбами. Открытая в дальнем конце дверь вела в спальную, и то, что там происходило, было по-настоящему интересным.

В конце кровати и длинного, узкого полированного стола с привинченным зеркалом стояло кресло, которое отражалось

в зеркале. В кресле, находившемся ближе к правой стороне двери, сидела принцесса. Ее губы двигались.

Холройд приложил ухо к отверстию и прислушался. Бессмысленные слова потянулись к нему как невнятные, в едином мелодичном, но монотонном звуке. После минутного вслушивания Холройд оставил это занятие. Кто бы она ни была, говоря, что не может помочь ему отыскать проход к пернатым скрирам, ему нужно улстеть во что бы то ни стало из этой темной вселенной в Гонволан.

Какое-то время он крался вдоль прохода, не будучи абсолютно уверен, что не сбился с пути. Двумя часами позже, когда он обнаружил, что вновь оказался на четвертом этаже, принцесса все еще говорила. Приятно озадаченный, Холройд пошел вдоль коридора, который привел его к ее спальне. Он глядел на нее с изумлением. Она была одна. Ее губы шевелились, артикулируя, и голос доносился ясно и четко.

— ...Сделай, чтобы его минуты стали днями, часы — годами, дни — столетиями. Дай ему узнать бесконечность времени, пока он лежит в темноте... его минуты, дни... его часы... годы...

На слова падали ударения, и вначале Холройд подумал, что это молитва, одна из тех, которые повторяются без конца, бессмысленные модели, которые заучены накрепко.

Затем первое впечатление улеглось. Холройд почувствовал головокружение, удивление ужаса, понимание всеобъемлющего и такого же смертоносного, как сталь, вонзенная в плоть. Что она говорит? *Что она говорит?* «Пусть дни его будут столетиями». Они уже были ими... для Пта.

Слишком поздно Холройд определил, что его собственный ум перестал контролировать тело и управление захватил другой ум, не ведающий ошибок и страха. Когда же он осознал, что его руки возятся с тайным входом в комнату, дело было уже сделано — и он стал действовать. Он вошел через отверстие, однако наделал достаточно шума, потому что женщина вскочила и повернулась с тигриной быстротой и нечеловеческой легкостью в движениях.

«Смешная у нее наружность», — подумал Пта-Холройд. Он не видел ее тела в глазок. И потом, он не подозревал того, свидетелем чего он стал. Трудно вообразить точно, когда имело место преобразование. Это, должно быть, произошло в пути, гармония прозвучала в мыслях от узнавания бога Пта принцессой. Вспышка узнавания должна была пронестись через восемь тысяч триста канб к городу Пта и мгновенно принести богиню, ведавшую телом принцессы.

Но когда это произошло — теперь уже точно не представлялось возможным узнать. Он предал Тара и тайну подземных переходов. Он почувствовал ярость по отношению к дикой силе внутри себя, что использовала его понимание и знание с таким холодным пренебрежением к опасности и последствиям. Злость ушла.

Оставалась только богиня Инезия.

Она стояла там и она отличалась от той, которую память Питера Холройда рисовала по первой встрече. Из этого воспоминания он вынес мысль о божественной уступке женщине, что первой улыбнулась ему. Ему уже было известно, что Пта не так-то просто поразить каким-либо очаровательным человеческим существом, и в то же время у него не было четкого знания о тех, кто поразил его своснравный мозг.

Женщина пылала жизнью. Как бы удивился повелитель замка, если бы увидел такую перемену в дочери. Ее глаза были кругами пламенеподобной интенсивности; ее тело теряло свои очертания в ауре такой сильной, что затмила бы пламенеющий огонь. Лишь голос, который раздался в комнате, был мягким, хотя и необычно звучащим, со странной страстью и гордостью, которые не имели связи ни с чем действительным.

— Питер Холройд, — пылала она. — О, Пта, это величайший момент в нашей жизни. Не бойся того, что я узнала твою личность. Знай только, что мы одержали победу. Мы одержали победу, хотя еще не исключено, что богиня Инезия уничтожит тебя.

Они притянули тебя из параллельного мира для того, чтобы убить тебя по-настоящему. Без звания, лишенный могущества, ты был бы материализован в крепостном дворце и уничтожен.

— Подожди! Не говори! — ее голос стал внезапно сильным и звонким, как натянутая струна. Холройд, открывший было рот, чтобы выразить свое удивление, вновь закрыл его.

«Не богиня», — подумал он. Это была не богиня. Нажимая на слова, женщина произнесла скороговоркой:

— Все эти первоначальные планы я расстроила. Используя свой тщательно накопленный остаток божественной силы, о которой она не знала ничего, я поместила себя в эту отдаленную точку Гонволана, захватив тело принцессы и поместив твой основной мозг в глубины под постоянным напряжением от давления личности твоего последнего воплощения. Это было с успехом осуществлено. И поэтому, Питер Холройд, — ее голос гремел как колокол, — начинается и твоя борьба за жизнь. Действуй, как будто ты на враждебной территории.

Будь сверхподозрительным, но держись подальше от всех своих прежних концепций, что бы ты ни намеревался предпринять.

А делать ты должен вот что. Ты должен завоевать Нуширван любыми средствами, которые только доступны тебе. Думай о том, что ты летишь в Пта этой ночью. Твоему мозгу понадобится мало времени, чтобы понять необходимость этого нападения.

А теперь, — она подарила ему необычайно печальную улыбку, — это все, что я могла сказать тебе. Кроме того, мои губы запечатаны такой же паутиной, которая держит мое тело в темнице крепостного дворца вот уже многие века, которые я даже не способна пересчитать. Пта... Питер Холройд... твоя вторая жена, давно уже забытая Лоони, попытается сделать для тебя больше, чем защитить от происшествий. Но теперь поторопись через мой балкон во двор, к пернатым скрирам, и...

Ее голос дрогнул. Глаза расширились и глядели через плечо Холройда. Он повернулся и увидел голову Тара, выглядывающего из узкого хода и сверлящего взглядом женскую грудь. Мгновенно женщина стала жестче, хотя и улыбалась Холройду мягкой и нежной улыбкой. Холройд схватил ее, и она шепнула:

— Хорошо, что это тело умрет. Иначе оно запомнит... слишком много... Удачи!

Сзади Тар закричал:

— Поторопись, парень! Бери одежду. Мы уносим ноги.

В отдалении послышались другие крики.

Как он определил, она была достаточно пухлой молодой женщиной, которую пламя жизни покинуло. Лежала она очень спокойно на коврике комнаты. Это понимание оставалось с ним до тех пор, пока он не вскочил на спину замершему скриру по примеру, запомнившемуся ему из прошлого.

Молотообразные удары, словно ветряная мельница крыльев, разнесли ветер, когда птица взмыла в ночное небо. Этот образ отложился у него в мозгу. А затем...

Это был воющий крик погонщика скрира, который уносил Холройда.

— В меня попали! — вскрикнул человек. Он покачнулся в седле и подался вперед по спине птицы. Когда Холройд добрался вперед, где сидел человек, в его седле уже было пусто. А внизу разносился оглушительный крик...

Он был один на неуправляемом скрире в странном фантастическом мире.

Глава 6. ПОЛЕТ СКВОЗЬ НОЧЬ

Луна выглянула из-за необычных облаков. Эта огромная Лунная сфера была несравненно больше, чем та, что видел когда-либо Холройд. Она была очень близко, как будто Земля и ее сверкающая серебристая дочь сближались друг с другом с того, такого далекого, двадцатого века. Снизившийся шар выглядел десяти футов в диаметре. Он сочил сквозь ночь свое сияние. В этом свете Холройд последний раз взглянул на Линн.

Замковый город мягко светился в лунном свете, который омывал его. Сам замок возвышался белый и чистый, как колонна. От него тянулись деревья парка, темного и необычного. Первый круг зданий начинался за парком. Постепенно сцена терялась из-за расстояния. Город становился нереальной тенью на огромной, с неясными очертаниями земле. Эта картина осталась с Холройдом — крошечность города, сливающегося с землей.

Он перестал думать о городе. Его внимание опять сосредоточено на прошлом, в котором осталась та женщина. Он почувствовал печаль, сильную меланхолию. Она схватила его с такой силой, что все эти минуты он боролся сам с собой, выбрасывая из своей памяти изображение человеческого тела, распростертого на коврике, внизу в ночи.

Он был гораздо больше потрясен, чем признавался себе. Смерть приятелей и врагов, которых он повидал на своем вку не мало, не вызвала такого ощущения, потому что, даже отправив врага в ад, он знал, что лично он не ответствен за это.

Но это был друг, хотя лично и не известный. Даже более чем друг — освободитель, который отдал свою жизнь в благородном акте. «Еще одно тело, — мрачно думал Холройд, — еще одна разбитая на куски плоть нашла свой традиционный и ужасный союз с земным прахом. Как много людей падало столь же неохотно с высот на землю в таком же неестественном сиянии? Сколько же за двести миллионов лет?»

Мысль отступила перед мчащимся ветром, разгоняемым мускулистыми крыльями. Ночь, которая казалась бесконечной. Ярость возникла к темноте.

«Черт бы тебя побрал, Пта, ты что же пытаешься делать... балансировать семьсот лет в темноте?»

«Кажется, это вызвало свет, — равнодушно подумал Пта-Холройд. — Почему население замка заснуло?» Ведь он бе-

жал оттуда на огромном летательном аппарате — птице — уже многие часы. Но ночь продолжалась. Что-то было неправильным, определенно неверным в его немыслимом полете сквозь эту бесконечную ночь.

В огромной несущейся темноте Холройд тяжело ворочался в седле. Лоони, кем бы она ни была, обещала ему еще помогать. Был ли какой-нибудь подвох в той помощи? Это казалось маловероятным. Потому что она также говорила ему, что он должен напасть на Нуширван и уничтожить отколовшихся предателей.

С горечью, напряженно мозг Холройда обдумывал все это. Он должен напасть на Нуширван, с его населением в пять миллиардов человек, бесконечными горами, могучими и коварными бойцами. Он насмешливо ухмыльнулся. Резкий звук его смеха сорвался с губ на ветру и унесся в огромную бесконечную ночь. Но мысль оставалась; и через мгновение он знал, что она подразумевала и почему это было возможным.

Во все века несколько человек с железной волей, способностью править и принимали решения, на основе которых массы строили свою жизнь. Все очень просто, совершенно логично, полубог Пта-Холройд должен идти к границе Нуширвана, захватить там управление над всеми армиями и разгромить Нуширван прежде, чем богиня Инезия узнает, что случилось.

Холройд задышал глубже. Он должен войти в соприкосновение с группой мятежных офицеров — это несомненно. И узнать, что означает фраза из памфлета Тара, что верующие всегда были источником божественной силы богини. Потому что, если все это правда, тогда где же скрыл свою силу Пта?

Он почувствовал необъятность того, что было здесь скрыто. Возбуждение от этого поднялось у него внутри.

«Мозг 1944 года, — подумал он, дрожа, — доминирует в теле бога Гонволана».

Его знание всплыло, подавив удивление от этого, все его существо пылало этой сенсационной мыслью. А странная долгая ночь все еще продолжалась.

Рассвет пришел с тропической быстротой. Солнце вздыбилось из-за горизонта и забрызгало своим светом деревни, фермы, посадки, которые напоминали по своей застроенности джунгли.

Эта земля была зеленой и плодородной. Далеко на севере сверкало темное море, а впереди был город. Город был очень далеко, в стороне, и так смутно виден, что угасал уже почти на середине расстояния. За ним, казалось, возвышался чудовищный, башнеобразный утес. Утес? Холройд нахмурился. Пта

был городом огромного утеса, и не существовало скрира, способного преодолеть расстояние в семь дней полета за одну ночь.

Даже когда пришла отрицательная мысль, Холройд остался при своем первом впечатлении. Бесконечность этой ночи подсказала ему верный ответ. Кто-то подтолкнул его к Пта. Может быть, Лоони?

Приблизительно он знал, что не может даже придумать, как ему использовать представившийся шанс. Он должен посадить зверя на землю. Здесь. Сейчас. В эту же минуту. Он заколебался. В следующее же мгновение, похожий на необычного гигантского ястреба, скрир рухнул вниз, по направлению к краю джунглей.

Земля внизу казалась необитаемой. В последний момент Холройд разглядел маленький, с красной крышей под зеленой защитой распростертых ветвей деревьев, напоминающих пальмы, домик. Затем массивная птица спланировала и оказалась за линией джунглей. Она опустилась легко, немного помогая себе ударами крыльев. Когда скрир окончательно остановился, Холройд увидел вначале хохолки перьев на ее рубчатой, кожаной шее.

Зрелище потрясло его и глубоко изумило тем, что предок скрира из двадцатого века. Но развитие плоти и кости было слишком радикальным. Физическое строение требовало более детального научного изучения. Но только не его, потому что он никогда не был в состоянии различить по внешним признакам более чем дюжину птиц. Задумчивое лицемерие было прервано серебристым смехом, прозвучавшим за его спиной.

— Было бы более разумным, Питер Пта-Холройд, слезать вниз.

Холройд заерзал в своем седле. Девушка стояла на узкой тропинке футах в двадцати пяти от него. В ее темных глазах светилась уверенность, а лицо смуглого оттенка несло печаль и огонь личности, которую он распознал безошибочно.

— Быстрее! — произнес голос этой новой Лоони. — Летящий скрир не имеет привычки долго задерживаться в одном месте. Будь осторожен и не оказывайся прямо перед ним. Он без колебаний заклюет тебя. Кроме того, — закончила она быстро, — мы, ты и я, Пта, имеем в своем распоряжении только час. Не стоит попусту терять время.

Когда Холройд очутился на земле, он почувствовал некоторое затруднение. Трудно было определить однозначно это необыкновенное чувство, но через мгновение он понял, что она полностью воспринимает его как Пта, без постыдного субъекта Холройда, который господствовал теперь над телом Пта. Это

господство было таким совершенным, что он не чувствовал каких-либо неудобств. Пта был Холройдом. Возможно, это был Холройд, который взял от настоящего хозяина чуть больше, чем следовало. Холройд, который мог быть на пути в гонволанскую разновидность сумасшедшего дома, если он действительно был в своем собственном теле.

Но за исключением того, что слияние бога и человека внутри человека было таким, что божественная память стала весьма туманной. Это было превосходством его личности, которое обеспечило женскую интимность, принявшую его смущение, которое он ощутил, когда медленно подходил к ней. Она оставалась недвижимой. Ее темные глаза светились. Черные волосы волнами спадали за спину. Они были небрежно расчесаны. Ее лицо было лицом обычной сельской девушки. Хорошо сложенное тело полно юности. Холройд видел, как она наблюдает за тем, как он изучает ее, со слабой загадочной улыбкой на устах.

— Не обращай внимания на эту форму, Холройд, — сказала она наконец. — Это крестьянская девушка по имени Мура, которая живет поблизости, с отцом и матерью, в четверти канбы отсюда.

Не обращать на нее внимания — легче было сказать, чем сделать. Она пылала жизнью. Когда она повернулась, чтобы пойти по тропинке, ее движения были наполнены такой весенней молодостью, такой грацией, что Холройд стоял очарованный. Затем, поспешив, он пристроился за ней, несколько минут двигаясь молча. Наконец он сказал:

— Куда мы идем? Что делать со скриром?

Она не ответила. Они вошли глубже в лес. Тропа вилась среди деревьев. И такой густой была лиственная крона над ними, что длинные, косые лучи утреннего солнца не проникали во мрак. Это был молитвенный, полуосвещенный мир.

— Каким образом случилось, — спросил Холройд, — что я достиг города Пта за один ночной перелет?

— Погоди с расспросами, — последовал ответ. — А что касается скрира, то он тебе уже не нужен.

Она продолжала идти. Холройд думал о том, как долго тянулась ночь. Его ощущение опасности усиливалось; знание того, что каждая проходящая минута может принести невероятный сюрприз, росло. Был ли он тем, кого завлекли в западню, кто следовал за женщиной, заманившей его в ловушку?

— Послушай... — начал было Холройд и тут же оборвал себя. Тропинка, которая была так узка, расширилась. Открылось свободное пространство и там, справа от Холройда, был

маленький домик, который он видел сверху во время полета. И никаких признаков жизни. Сплошная тишина разносилась вокруг.

Молчание исходило от дома. Это была простая, приятная на вид постройка из тесаного дерева. Она выглядела опрятно, как будто здесь жили аккуратные люди. Жили. Эффект запустения усиливался ковриком. Стоя на пороге, Холройд заглянул внутрь, в жилую комнату: там он увидел склонившуюся девушку.

— Я рада, — нетерпеливо сказала она, — что ты колеблешься перед входом. Но рассуди! Было необходимо, чтобы я заманила Пта внутрь замковой темницы, в надежде, что Холройд переродится. Что касается остального, будь уверен, что я уйду первой туда, куда попрошу идти тебя.

«Действительно, — сказал себе Холройд, — она не ошиблась, все так и было. Но зачем я попал сюда?»

Он непонимающе потряс головой. Затем сосредоточил свое внимание на том, что его окружало.

Жилая комната была обставлена скудно. В ней находились кресла, ковер, сундук, стол. Деревянный светильник-факел свисал с потолка, и в одном углу на помосте сверкал металлический стержень. Он торчал из центра помоста и сиял тусклым фиолетовым свечением. Холройд увидел, что глаза девушки поймали его взгляд.

— Молитвенный жезл! — сказала она.

Молитвенный жезл. Он был источником божественного могущества богини Инезии. Холройд подошел к помосту. Как с ним обращаться? Как заставить его действовать? Он растерянно повернулся к девушке и понял, что она все еще продолжает говорить:

— Родители Муры отсутствуют, и мы одни, Пта. Ты и я, одни впервые...

Она заколсбалась, потом вздохнула.

— Время, — продолжала она утомленно, — не имеет значения. Уже столько веков прошло, что я умираю сто миллионов раз ради тебя.

Ее голос, теперь более страстно, продолжал:

— Еще раз я стану всеми женщинами для тебя. Сегодня ты можешь претендовать на меня, как на крестьянскую девушку по имени Мура, завтра я буду прелестной девушкой из серебряного города Тринано, которую ты повстречаешь на улице; днем позже изысканная придворная леди будет лежать в твоих объятиях, и все это в действительности буду я, твоя счастливейшая жена. И это будет так же, как и в старые

времена, это повторится вновь. Если только не помешает эта негодяйка Инезия.

Холройд с трудом разобрал последнее высказывание. То, что она сказала. Слова вошли в его мозг, значение каждого из них было ему малопонятно, как и знаки в нише. Пришла тяжелая мысль, которая овладевает солдатом в подобной ситуации.

— Послушай, — услышал он свой голос, — ты хочешь сказать, что и в самом деле используешь возможности другой женщины...

Он не мог продолжать. Он видел, что девушка пристально вглядывается в него. Гримаса разочарования скривила ее губы.

— О, Пта, — рассердилась она, — неужели ты изменился настолько, что считаешь неправильным то, чем мы занимались прежде? Ты всегда был волокитой. Я же не противилась твоим желаниям. Как ты хотел, так я и исполняла твою волю всегда.

Он молчал, потому что ничего не мог произнести в ответ. Справедливость отповеди была только превзойдена необычной уступчивостью характера, обнаруженной признанием.

Женщина, которая выполняла любую, даже ненормальную прихоть своего супруга. «Лоони, — думал Холройд. — Лоони, которая считает своей чужую плоть. Неудивительно, что твое настоящее тело лежит закованное в дворцовой темнице. Заключение, которая не чуждается получить хотя бы немного удовольствия».

— Послушай, — медленно произнес Холройд, — а не принесла ли ты меня сюда для того, чтобы мы здесь занимались любовью? Мне бы хотелось узнать, как ты это сделала, чтобы скрип летел прямо сюда, где в одиночестве ожидает крестьянская девушка? И кроме того, — с нажимом сказал он, — несчастный случай с погонщиком, свалившимся со скрира. Был ли он на самом деле несчастным случаем?

— Постой! — ее голос стал неожиданно сильным. Он уловил, что свечение на помосте усилилось.

— Молитвенный жезл! Как им пользоваться? Выглядит, во всяком случае, как стальной. И кроме того, самое смешное, что это первый металл, который я вижу с момента прихода в Гонволан, — закончил он. — Ну?

Выражение его лица было спокойным. Тень улыбки коснулась ее глаз и исчезла. Но Холройд не пропустил слабого изумления. «Нужно быть внимательнее, — сказал он себе. — Женский характер неизмеримо сложнее, чем может пока-

заться после поверхностного взгляда». Какую-то минуту она не отвечала. Она изучала его, и в ее глазах было неуловимо-насмешливое выражение. Словно она изучала его реакцию на что-то, что было у нее на уме. Неожиданно она вскочила на помост, из которого торчал молитвенный жезл. Она подозвала Холройда, и в ее голосе слышались командные нотки:

— Возьми мою руку, я покажу тебе, как молятся крестьяне. Это очень важно, чтобы ты научился делать это, потому что из миллиардов подобных жезлов это тот, что устанавливает наличие божественной силы.

Холройд кивнул. Ему не было смысла делать прямой вывод. Воля, знание выросли в нем, и теперь он знал, что не сделал другого шага вперед, который вовлек бы его в связь с кем-то, и не принял на веру ничьих заявлений. Он стремительно направился вперед. Прежде всего ему нужно было несколько дней, чтобы сориентироваться и спланировать свои будущие действия. Он осознал, что Лоони должна определить причину его нежелания. Она поспешила к нему.

— Не будь дураком, — нетерпеливо сказала она. — Нет времени ждать. Промедление любого рода может быть фатальным.

К этому нечего было добавить. Ошибка увеличивала опасность. Это не способствовало делу. Было просто не в его натуре продолжать изменяться дальше в неизвестно что. Его молчание было истолковано как колебание. Девушка нетерпеливо ухватила его за руку и тянула к себе.

— Подойди, — принуждала она. — Дело не в том, что тебе нужно делать. Ты должен научиться этому.

Сила ее была удивительной, но Холройд сдерживал себя.

— Я думаю, — сказал он, — что оплачу визит к городу Пта прежде, чем совершу что-то еще.

Он повернулся и, не говоря ни слова, не ожидая ее, вышел через прихожую из дома. Дважды по пути он обернулся, но сзади не было ни движения, ни следа жизни. Тишина, как в жилище дьявола, стояла в свете утреннего солнца, которое исчезло, как только он скрылся под кроной зелени.

Глава 7. КОРОЛЕВСТВО ТЬМЫ

В джунглях было тепло и душно, и это заставляло непрерывно идти на запад, чтобы выбраться из них. Холройд делал короткие остановки. Он вышел на открытый холм, и

длинная линия таких же холмов предстала перед ним, препятствуя любой попытке разглядеть город Пта. На севере было темное, поблескивающее море. Но он едва различал его.

Его внимание привлекла долина внизу. Там размещался военный лагерь, кишаший мужчинами и животными... и женщинами. Женское присутствие привело его в замешательство. Но через какое-то мгновение это удивление улеглось. Ну конечно! Это же постоянное поселение, с удобствами для женатых мужчин.

Маневры, всевозможного вида тренировки проходили тут же, неподалеку. Он внимательно вглядывался в непривычные действия. Все было пропитано чем-то необыкновенно трогательным. Слоноподобная кавалерия галопировала как-то буднично-равнодушно; всадники, держащие длинные деревянные пики, отклоняли строй своих животных к группе женщин, чтобы перекинуться одной-двумя фразами, а затем возвращались к основному отряду. С расстояния это выглядело возмутительно, хотя наездников можно было понять.

Как мог видеть Холройд, в другом конце долины были солдаты и их казармы, отсвечивающие на солнце белым. Ничего не оставалось, как только пересечь эту долину. Если он прибегнет к привычной тактике Пта, он может пройти никем не замеченным. Он оценил все расстояние в пять миль — где-то на полтора часа ходу.

Он прошел уже треть пути мимо группы мужчин и женщин, когда раздался гром тяжелых ног. Длинная линия гримбов взревела в десяти футах от него. Всадники с насмешкой глядели на него. Но один из них, высокий, красиво одетый, с цветными перьями на шляпе, глядел на него в немом изумлении, затем он выехал на своем огромном звере из строя. Он склонился в своем седле.

— Принц Инезио! — крикнул он. — Ваш беспрецедентный удивительный визит взволнует армию. Я тотчас проинформирую маршала.

Он умчался прочь от группы мужчин и женщин, оставив Холройда с воспоминанием, что Пта похож не только на статую во дворце, но и на человека по имени Инезио. Принца Инезио. Но до этого момента это упоминание сулило угрозу.

Холройд изучал положение, прищурив глаза. Долина была миром движущихся животных и людей. Кроме того, здесь были здания и солдаты, выстроившиеся по обе стороны от них. А поблизости от него толпились офицеры и их женщины.

Пути, чтобы вырваться отсюда, не было. Ничего не оставалось, как и дальше разыгрывать роль принца Инезио. Он мог детально изучить армию, управление ею, а затем — прямо на Нуширван! Он почувствовал внезапное нетерпение, одновременно со страхом и предостережением, и жгучее возбуждение. Детали перевоплощения были не важны. Почти наверняка его голос не отличался от голоса Инезио, и дело не в этом. Он был Пта, Трижды Величайший Пта; ПТА Гонволана. Отождествление лязгнуло у него в уме. С дикой смелостью он следил за группой офицеров и леди, достигших его и ждавших приказаний.

Холройд огласил громко:

— Я здесь буду наблюдать за маневрами и подготовкой к войне. «Продолжайте! Это было сделано превосходно». Это сказал не Холройд, а Пта. Даже не совсем Пта. Это была мысль личности Пта, которая принесла высокомерный ответ. Пта становился более опытным, более ценным с каждым часом.

Он видел, что группа, узнав его, оставалась непринужденной. Женщины были молодыми и хорошенькими; одна глядела на него с нескрываемым интересом. Один из офицеров, с десятью белыми и пятью красными перьями на шляпе, шел впереди. Он был средних лет, с волевым лицом, и спокойно сказал:

— Мы польщены, повелитель. Вы не помните, наверное, нашей встречи во дворце, когда меня представили вам. Я — маршал Нанд, командующий 9430 усиленными корпусами, которые вскоре будут отправлены на границу с Нуширваном.

Его голос продолжал звучать, но, несмотря на желание Холройда, слушать он не мог. Всплеск личности Пта начал угасать. Его мозг был подобен пробке в крутящемся водовороте, которая была однажды захвачена и втянута им. Девять тысяч четыреста тридцать армейских корпусов. В его время армейский корпус состоял из сорока — девяноста тысяч человек. На его взгляд, в этой зеленой, сочной долине было больше. Но и это была явно небольшая цифра. Сорок тысяч человек в одном корпусе из имеющихся девяти тысяч четырехсот тридцати в грубом приближении означало — четыреста миллионов человек.

Потрясение проходило. Действительно, это была небольшая армия для страны с населением в пятьдесят четыре миллиарда человек. Один Нуширван с пятью миллиардами населения был способен выставить на поле боя один миллиард бойцов. Холройд сдержал бурное дыхание. Он был восхищен

как солдат военными возможностями таких огромных и ужасных армий. Он думал: они могут изучить тактику блицкрига, со скрирами вместо аэропланов и гримбами вместо танков.

Каждую минуту необъятность этой огромной земли становилась все более очевидной — если возможно остаться живым и жить, действительно он должен жить здесь. Холройд-Пта, божественный правитель Гонволана...

— И если вы пожелаете пойти сюда, ваша светлость, — говорил маршал, — я проведу перестроение типовой единицы для вашего удовольствия. Из трехсот пятидесяти тысяч офицеров и солдат...

— Из чего? — спросил Холройд. Он произнес это не слишком громко. Знание буквально придавило его на один уровень с маршалом, его мозг был выбит из привычной колеи мышления. Его расчеты следовало умножить еще в девять раз. Три и шесть десятых миллиарда солдат входило в эту армию. Солдат здесь было едва ли не вдвое больше, чем человеческих существ на Земле в 1944 году, — величайшая армия на величайшей земле, которая когда-либо была. Его армия, его земля, если бы он смог захватить ее, расстроить планы богини, ее амбиции, и взять то, что принадлежало ему по праву.

Мягкий женский голос произнес из-за спины:

— Я здесь, Пта, в новом теле, чтобы помогать... советовать... тебе.

Женские слова имели странный эффект. Они принесли внезапное изменение, чувство вызвало нездоровые мысли. Питер Холройд, американец, владелец мира — чертовски недемократичная бессмыслица! Но мог ли он надеяться разгромить сильную и мельчайшую часть его, которая имела такие устремления? Сомнение сделало его холодным, он уставился сердитым взглядом в новое тело Лоони. Он медленно успокоился. Ее новая форма была пухлой, среднего возраста женщиной и заинтересовала его. Перед тем как он что-то сказал, Лоони снова прошептала:

— Я — жена маршала Нанда. Его любовница слева от тебя. Пта, армия должна быть преобразована и реорганизована. Пта, женщинам не разрешали находиться в армии, пока Инезия не решила уничтожить тебя. Она хотела, чтобы армия была не в состоянии атаковать Нуширван, и довела ее до такого положения. Но недовольные офицеры сопротивлялись этому и поэтому поддерживают ее в лучшем состоянии, чем думает богиня.

— Моя дорогая, — раздался голос маршала, — ты не должна шептать его высочеству.

— Я говорю кое-что весьма важное, — недовольно скривилась женщина. — Правда, принц Инезио?

Улыбнувшись, Холройд кивнул. Он вдруг почувствовал себя несравненно лучше. Удачный ответ женщины удовлетворил его. Это была жизнь, открывающаяся ему момент за моментом. В характере Лоони было много такого, что ему не нравилось, но она *пыталась* помочь ему. Он попробовал обрисовать все, что бы это значило. Она сказала, что ее настоящее тело заключено в темницу. Было смешно представлять себе это. Он должен был рисковать из-за нее. Все это было весьма смутно понятно ему, так же как и его нападение на Нуширван. Он даже не знал, где она заточена. А она не могла сказать ему. Действительно, нападение на Нуширван не было близким. Но оно было возможным. Теперь дорога казалась открытой на длительном отрезке времени. Возможно, простое противостояние могло находиться в уважении к телу Лоони.

— Пта! — это снова была Лоони. — Ты не должен оставаться здесь дольше. Ты увидел все, что важно. Ты знаешь главные недостатки армии. Слабая дисциплина, сильно страдающая из-за присутствия любовницы в каждой солдатской хижине, и положение ухудшается стремлением богини уничтожить тебя. Теперь ты знаешь эту основную истину. Ты не можешь тратить время здесь, с одной тысячной армии, которая должна быть изменена. Я клянусь тебе, что каждый час, каждая минута жизненно важны.

Помни, Пта, мое тело лежит во мраке темницы все это время. Если она найдет мою плоть без души, она может уничтожить его — и тогда только ты в своем полном могуществе сможешь снова вернуть мне все мои способности. Пта, для моего спасения, так же как и для твоего собственного, позволь мне взять тебя в следующую фазу, которую ты должен изучить в своей борьбе за спасение наших жизней. Позволь, Пта, провести тебя через область тьмы.

Холройд слушал ее напряженно, почти с раздражением, наполовину уверенный в том, что он сам видел главные недостатки армии и был несогласен лишь с деталями. Теперь он глядел на нее с изумлением.

— Область тьмы? — эхом отозвался он.

Она сделала нетерпеливый жест.

— Просто способ отъезда из этой долины. То, что ты открыл сегодня, ты мог бы узнать еще вчера. Пта, это утро началось, и большая часть дня ждет твоего открытия двух фактов: недостатков в армии и того, что у Инезии есть субъект, необыкновенно похожий на тебя, даже звуком своего голоса.

Я не могла рассказать тебе об обоих фактах за две минуты. Пта, останься в это утро со мной, выслушай то, что я должна сказать. Выслушай, чему я должна научить тебя. А затем иди своим собственным путем. Пта, скажи, что ты будешь делать, проходя через область тьмы? Ты должен сказать это. Я слишком слаба, чтобы принудить тебя; иначе бы я сделала это немедленно.

Холройд заколебался, заинтересованный. Она была права. Из всех его проблем с момента прибытия в Гонволан самой большой была нехватка информации. Его собственное нежелание продолжать тур не исключало проведения утра в вопросах и ответах. Возможно, он поспешил, оставив ее таким невежливым образом. Маршал Нанд, стоявший за ним, произнес:

— Мы здесь, принц. Назовите подразделение, которое вы хотели бы увидеть в действии.

Назвать подразделение! Холройд грубо ухмыльнулся. Да, вперед, назвать его! Дать технически правильное название, чтобы сразу выяснилось его полное невежество. Он обернулся к женщине и поспешно прошептал:

— Я согласен пройти через область тьмы. Что теперь?

Ответом стала действительность.

Во-первых, была сплошная темнота. Она была густой и непроницаемой. А еще через мгновение он знал, что Лоони рядом с ним. Его знание увеличилось. Тени, подумал он, он и женщина были тенями в ночи.

Как далеко?

Слова коснулись его мозга, хотя они были беззвучными и не адресовались ему. Он не мог понять сути, точно так же как не мог понять, как вообще ухватил ее мысль. Все было очень ясно, хотя бы то, что он был. Его мозг был восприимчив превыше всех человеческих возможностей; и он ждал, напрягшись как струна, ее ответа.

Ответ пришел с расстояния. Все пространство и время вздохнули той отвечающей мыслью, отзвуки пресытили черный водоворот, погружаясь во всех направлениях быстрее, чем затемненная тень мужчины и женщины.

Дальше, раб!!

Но годы всегда длинны.

Они будут длиннее.

Ночь времени углублялась. Века растворились в темноте, и к Холройду пришло бездонное чувство, что вечность так же близка, как и эта всеокружающая ночь. Он видел, как часть мозга женщины пугающе возросла.

Это было его первое знание, что ее сознание было в двух отчетливых секциях. Одна часть корчилась в бессильной ярости, заставляя тело подчиниться; другая часть была рабской, не сопротивляющейся, зависящей от приказов хозяина.

Лишенная светлого пятна, вселенная качалась в страхе, который горел в подчиненной части ее мозга: что все было потеряно, что надежда должна умереть в этом черном нигде; и эта мысль пришла резче, отчетливее.

Как далеко?

Дальше, дурак!

Но мы шли сто миллионов лет.

Дальше, о, гораздо дальше.

В то же время, когда, поработанный женским, ум чувствовал лучше, спокойнее, более доверчиво, тогда длинная ночь закончилась.

Это была странная греза темноты. Холройд балансировал на теневом краю сознания, приведенный в замешательство знанием, которое было в нем. Что случилось? Он слабо толкнул что-то, стряхивая непостоянное чувство необычности; толкнул сильнее, в ночь, которая омывала его. Наконец он открыл глаза.

Он вовсе не лежал, как ему показалось, а стоял на полу, и оттуда, где он стоял, он мог видеть крестьянскую девушку Муру, стоявшую лицом к нему. Он окинул взглядом ее, она стояла все в той же знакомой позе, в домике среди джунглей, как он и оставил ее несколько часов назад. Мозг Холройда окунулся в воспоминания. Назад, сюда. Она перенесла его назад — через область тьмы. Но каким образом?

Он спросил растерянно:

— Я сплю?

— Это было воспоминание, — сказала девушка.

Казалось, это не имеет никакого смысла. Холройд тщательно изучал ее, но девичье лицо было бесстрастным. Через мгновение она добавила:

— Это было воспоминание, как Пта был впервые перенесен в Гонволан. Только с твоего разрешения и в течение короткого периода времени могу я показать тебе, что случилось. Ты ведь согласишься, что это ценное знание?

Холройд выждал, перебирая воспоминания.

— Но ты была в нем! — сказал он наконец, и на мгновение у него появилось огромное, почти совиное убеждение, что он пробил фатальную брешь во всей истории. — Факт в том, что ты одна перенесла меня.

Он сделал паузу, припоминая, как одна часть ее мозга работила другую часть, корчущаяся в боли, в неистовом мятеже против команд, которые отдавал хозяйский голос. Он услышал, как девушка мягко произнесла:

— Да, я была в нем, но не по своей воле. Возможно, теперь ты имеешь более четкое представление о могуществе, которое противостоит тебе...

Холройд кивнул, и первая неприятная дрожь медленно пробежала по его нервам. Но объяснение сходилась с тем, что он уже знал, но то, какова реализация, было забыто.

Женщина, существо оттуда, из пространства, которое приписывало. Богиня Инезия! Это было совершенно точно. Впервые Холройд понял, что он дрался за свою жизнь.

Вынужденно Холройд подошел к помосту, из которого торчал молитвенный жезл. Достигнув его, он вопросительно оглянулся на девушку. Затем он на несколько шагов приблизился к жезлу. Она кивнула и вышла вперед. Ее быстрая реакция заставила Холройда внутренне усмехнуться. Возможно, он извиняется за свое поспешное бегство от нее. Очень уж она стремилась продемонстрировать этот молитвенный жезл с особой божественной властью в действии. Ничего не зная об обстоятельствах его бегства, она решила, что он намерен извиниться. Существовал определенный риск, но он едва просматривался, её добрая воля была доказана тем, что она сделала. Очувшившись возле него, девушка сказала:

— Молитвенный жезл важен. Но прежде всего мне хотелось бы объяснить тебе настоятельную необходимость твоего пребывания в Гонволане. Ты можешь, конечно, удивиться, — продолжала она, — отчего это для тебя так жизненно важно завоевание Нуширвана. Это важно из-за Великого Трона Власти. Раньше кресло было в крепостном дворце, но — и заметь, что это к лучшему, — его перевезли, потому что в тот момент, когда ты сядешь в кресло, ты возвратишь все свое могущество.

Оно было перевезено Инезией в столицу Нуширвана по разрешению Нушира. Она верит, что сможет уничтожить тебя раньше, чем ты достигнешь его и овладеешь им. Пта, это мое мнение, без каких бы то ни было консультаций, что только вторжением, используя величайшую, самую могущественную армию, можно достигнуть таинственной и безымянной столицы Нуширвана и претендовать на божественный трон Пта.

Девушка умолкла, как будто задохнулась под тяжестью слов, затем с возросшим воодушевлением продолжала:

— Пришло время для более решительных действий. Это нужно делать, мы должны быть более инициативными. Как только я продемонстрирую тебе действие молитвенного жезла, я объясню, что ты должен делать в дальнейшем. Теперь возьми меня за руку.

Холройд осторожно взял ее за руку. Она была теплая, пульсирующая, живая, словно жизненная сила билась в ней электрическим, колеблющимся огнем. Пришла неожиданная мысль, а что, если поцеловать женщину, которая была такой живой! Он резко глянул на девушку. Было ли это тонко замаскированное внушение, переданное из ее мозга через его руку? Он решил, что вряд ли. Он и сам был в состоянии подумать об этом.

С интересом он следил, как свободной рукой девушка коснулась молитвенного жезла. Только прикоснувшись к нему, она на мгновение застыла и полубернулась.

— Мне бы хотелось напомнить тебе, что ты должен быть более уверенным, у тебя большое сходство с принцем Инезио, даже оттенок голоса тот же.

— Что, — спросил Холройд, — делать с...

Он застыл. Он замер потому, что в настоящем неотвратимом движении пальцы девушки достигли металлической подставки. В какие-то мгновения у него возникло чувство, будто он держит не руку девушки, а живую проволоку.

Холройд корчился в молчаливой агонии. Он попытался высвободиться, но его усилие не имело настоящей силы. Всю силу поглотила энергия, переливающаяся в его тело.

У него хватило времени сообразить, что его обманули...

Глава 8. ЛООНИ НА УТЕСЕ

С тюремного пола дворца, где она лежала, Лоони могла видеть богиню Инезию. Полуосвещенное тело Инезии покоилось в огромном кресле, которое она приказала принести сюда несколько дней назад. Небольшое, прекрасно очерченное тело Инезии выглядело неподвижным. Золотые кудри, которые венчали ее голову, слабо сияли. Она слегка нагнулась, голова бессильно опущена, руки неподвижно свисают — ее сущность покинула тело.

Когда Лоони смотрела на это безвольное тело, стало нарастать напряжение, словно внезапный ветер подул в огромной ночи. Он нарастал. Могущество пронеслось по помещению. Стало светлее, уже отчетливо можно было разглядеть челове-

ческое тело на цементном полу. Тело прикикло к земле с мягким стуком. Она открыла глаза и заулыбалась.

Раздался звонкий голос, довольно музыкальный. Инезия глянула себе под ноги и остановила взор на темноволосой женщине. Ее голос был наполнен триумфом.

— А, милая Лоони, мой план осуществляется. Он думает, что я — это ты, и он позволил мне взять себя в область тьмы. Таким образом, важные чары, необходимые для показа, как его перенесли в Гонволан, устранены. Вдобавок ко всему Пта узнал могущество молитвенного жезла не так, как ему следовало бы узнать его — посредством прямого течения, а отфильтрованное моим телом, лишенное двух разновидностей энергии, которые были созданы, чтобы оживлять его память.

Ее смех зазвучал громче, пока не угас. И, намеренно громко, она сказала:

— Я собираюсь нарушить его умственное равновесие. Три и даже больше уровней его чар разрушено. Но это уже не важно. Я могу заставить его снять их еще до нападения на Нуширван. Так будет и с седьмым, когда я положу руку на кресло. Не думаю, что Пта придется сесть в него...

Она закончила:

— Я почти забыла, дорогая Лоони. Я включила твое имя в большой список людей, которые будут казнены. Этот список он подпишет. У списка другое назначение: обеспечить еще одну причину, из-за которой он будет вынужден напасть на Нуширван.

Лоони насмешливо вглядывалась в свою мучительницу. Детское личико выражало бесконечное торжество, глаза Инезии расширились, губы вытянулись в тонкую нить. Увлеченность передавалась в каждой черточке ее лица, хотя она и пыталась придать ему маску безразличия и силы.

Лоони сухо заметила: две защиты сломаны. Две из семи. Она могла себе представить, насколько это искусно было сделано. Инезия, выступая как Лоони, привлекла Пта признанием, каким образом она разрушила одну за другой чары, спасая его от смерти.

Лоони заставила говорить себя, как и прежде, насмешливо, с сарказмом в голосе:

— Так ты хочешь стать мною? Бедная Инезия! Какая это, должно быть, трудная роль! И он уже любил тебя, Инезия? Можешь ли ты разрушить эту чару Пта?

Светловолосая женщина потрянула своей головкой.

— Я не собираюсь скрывать от тебя свою неудачу. Этот идиот — моралист.

— Но ведь таким и был Пта. Неужели ты не помнишь? — голос Лоони стал богаче, слегка наигранным. — Он никогда не пользовался украденными тобой чужими женскими телами.

В глазах у Инезии загорелся огонь. Она тяжело дышала. Огонь ее глаз излучал голубое пламя гнева.

Затем она рассмеялась, звонким и грубым смехом.

— Ты, кажется, не понимаешь, Лоони, что Пта здесь, во времени Гонволана, где он нормально умирает. Больше того, он управляется человеческим умом, сильным умом, будь уверена, но таким, который не сможет приспособиться к Гонволану вовремя, чтобы вмешаться в мои планы...

Он проснется завтра с мыслью, что я велю ему быть моим любовником, принцем Инезио, и что ты изменила приказ, чтобы показать ему настоятельную необходимость нападения на Нуширван. Долго сопротивляться психологическому нажиму, который я приберегла для него, он не будет. Что касается упомянутых тобой чар, чтобы Пта узнал мои права, он переспит со мной... — Ее смех стал прерывистым и доверчивым. В нем была грустная нотка, с небольшим юмором.

— Ты думаешь, что он будет сопротивляться мне, мне, когда мы одни, в моих апартаментах? Он будет думать, что единственная его надежда, пока он во дворце, называется принцем Инезио.

Возможно, теперь ты начинаешь понимать, почему я баловала этого идиота Инезио все эти годы, даже позволила ему зваться моим именем. Его сходство с Пта до мельчайших черточек сослужило хорошую службу. А теперь, Лоони, я должна идти. Я забираю его в апартаменты принца Инезио. Там он некоторое время будет приходить в себя, до завтра. Мне это нравится даже больше, но меня беспокоит материал времени и необходимость бороться за равновесие.

Она повернулась: каменная дверь открылась и вошли четверо мужчин. Они упали на колени, затем встали и подняли тело Холройда. Богиня последовала за ними к двери, затем остановилась и повернулась.

— Я хочу предостеречь тебя, — сказала она мягко. — Я вынуждена использовать тебя как круг власти, и в результате этого, впервые за многие века, ты обладаешь небольшой властью. Не оставляй свое тело. Время от времени я буду возвращаться, и, если найду тебя отсутствующей, я уничтожу твою оболочку. Не буду говорить, насколько это будет фатально для тебя. В этом случае ты будешь зависеть от силы, которую ты имела и которая постепенно ослабнет. И в конце

концов у тебя не останется сил, чтобы оставить любое тело, в которое ты войдешь, поэтому тебе придется умереть с ним после длительного периода агонии. Как ты понимаешь, ты не сможешь вселиться ни в чье тело во дворце без того, чтобы я этого не узнала...

— И еще! — улыбка Инезии была насмешливо-обещающей. — Я знаю, что ты тешишь себя призрачной надеждой, что Пта приведет в порядок свои чары, с тем чтобы поймать меня в западню. Если я обнаружу такую ловушку где-нибудь вдоль линии — а я уверяю тебя, что узнаю об этом немедленно, — я тотчас уничтожу настоящее тело Пта и попытаю успеха вновь, в его следующем перевоплощении. Но я не потерплю неудачи. Я буду единственным и вечным правителем Гонволана. Я оставляю тебя наедине с этой приятной мыслью.

Последние слова она бросила, уже выйдя за дверь. Помещение вновь погрузилось во тьму.

В течение длительного времени бронетка лежала почти без сознания на полу, ощущая только сырой камень и гнетущую тяжесть цепей. Наконец сформировалась мысль: хвастливая дура Инезия! Так он в апартаментах принца Инезио. Да, Инезия, ты права. Сейчас у меня появилась небольшая сила. Достаточная, чтобы убить его сейчас, с тем чтобы он мог родиться снова.

Тяжело было выходить из тела, тяжелее, чем она надеялась. Усилие сберечь свою человеческую оболочку поглотило слишком много сил из ее истощенных ресурсов. В тюрьме было слишком холодно. Каждая минута жизни, каждый градус тепла должен был оплачиваться.

Но она вышла, и знание того, что ее тело лежит внизу, в непроглядной темнице, охватило ее. В этом мраке бесполезны были глаза, уши, даже прикосновения, только то великолепное, полное жизненной радости могущество, которое было самой сердцевиной ее сущности.

Было время, очень давно, когда ее тело оставалось контролируемым на расстоянии, когда она выходила из него. Но сила, дававшая ей такую возможность, покинула ее. Пройти сквозь стены было достаточно легко. Дорогу она узнала. Как часто в далеком прошлом она выплывала через ту глубину утеса, вонзаясь в воду, которая подхватывала самоубийц и благополучно опускала их на скалистый берег, вынося из моря на высоком приливе...

Теперь медленнее! Чувство воды было теперь ближе и сильнее. Слишком сильным. Она должна быть дальше. Вот и бере-

говая линия; вода тянула ее дальше в море, а потом к берегу. Дважды происходило еще что-то, чувство отличалось. Но каждый раз оно было таким слабым, смерть наступила слишком давно.

И затем... у нее появилось тело. Невозможно было сказать, как долго девушка была мертвой, но аура жизни, которая истекала из ее бесчисленных клеток, была сильной, почти грубой, по сравнению с мягким давлением моря и суши... Лоо-ни парила невидимо, и затем она оказалась внутри, ее существо растекалось по мертвым нервам. Тело облегалo ее, сопротивляясь жизни всей силой вялого механизма. Это было похоже на движение в растекающемся песке. Смерть для человеческого существа была окончательной и завершенной.

Как долго она лежала там, в безвременной ночи, она не могла определить. Не было времени, только это бедное, истерзанное тело и успокаивающая определенность смерти.

Сознание жизни пришло впервые в неровное пульсирование воды, разбивающейся о скалистый берег. Затем появилась пульсация, которая была более болезненной, так как она поддерживала ее своим сознанием и ждала. Медленно, постепенно она чувствовала гальку, камни и песок, давящие на ее новое тело. Затем пришло движение. Ноги подтянулись под действием сокращения мышц, руки напряглись.

Последним вернулось зрение. Она видела ночь, искажающую заполненное облаками небо, и возвышающийся утес. Риф удерживал ее тело между утесом и бушующей бездной, которой являлось море; были там и другие формы тел. А через залив горели огни города. Она справилась с ностальгией, которую навесил вид города и усиливающееся действие ее сопротивляющихся членов. А пока она оставалась качаться, прижимаясь к утесу, который возвышался над ней. Пришла мысль, что не существует человеческих мышц, которые были бы способны взобраться вверх из этой фантастической пропасти.

Но избежать этого подъема было невозможно. Она должна убить, чтобы спастись. Она нашла оружие на месте, где скрывала его в течение всех этих вынужденных меланхолических экскурсий, когда ей надоедала темница и она гуляла вдоль этого скалистого берега, где так много утонувших людей делали вынужденную остановку для бездумного отдыха, прежде чем быть поглощенными древним океаном. Как давно она вот так гуляла!

Она проверила свои приспособления и начала взбираться. Ночь продолжалась. Облака дрейфовали над морем на северо-запад. Звезды светили ей среди них, помогая взбираться

по гигантского размера утесу. Внезапно дико закружился ветер. Облака повернули вспять, став теперь темными, словно, собрав дождя сколько могли, они вернулись, чтобы помучить ее. Дождь тяжело обрушился вниз. Он омыл ее лицо и сделал холодными и мокрыми ее тело и руки. Когда он наконец закончился, начало светать.

Солнце пришло в блестящих красных лучах, появившихся из-за горизонта. Она преодолела уже большое расстояние, но еще огромный отрезок пути ей предстояло преодолеть, напрягая все силы утомленного тела. Смерть для человека — только надежда. Долгий, долгий путь, казалось, заканчивался наконец.

Глава 9. КРЕПОСТНОЙ ДВОРЕЦ

Время для Холройда не двигалось. Немедленно он начал бороться против энергии, которая текла с такой пугающей силой через его тело из рук девушки. Следующим пришло знание того, что он лежит на полу большой комнаты — необычной, залитой солнцем комнаты.

Она была шириной в сто футов и длиной по крайней мере в двести, но через мгновение он уже не ощущал величин. Только подчеркнутая изысканность, истекающее великолепие, которое смешивалось с потоками ослепительного солнечного света, льющегося через проем окна. Мебель пылала, пламя играло розовым отблеском на креслах, шкафах и столиках превосходной работы, замечательных тканях. Отделанные панелями стены сияли мягким голубым цветом ценных пород дерева. В дальнем конце этой потрясающей комнаты было несколько напоминающих драгоценности дверей со стеклянными проемами. Свет струился и через эти проемы, создавая иллюзию деревьев за ними, иллюзию, потому что стеклянные двери не давали на расстоянии четкой видимости...

Восхищенный, Холройд глядел в том направлении, затем медленно осел назад, ошеломленный видом движения, которое попало в его поле зрения. Тот, кто подходил к нему, оказался самым замечательным в этой комнате — юной золотоволосой женщиной. У него не осталось времени обозреть комнату, его привлекла женщина, поразили голубые глаза и совершенное тело, облаченное в плотно облегающее снежно-белос платье; а затем донесся голос, сладко-настоятельный и тревожный.

— Инезио! — сказала она. — Что случилось? Ты рухнул, как ошеломленный врил.

Она стояла, ожидая ответа, а Холройд получил время сосредоточиться на серии сведений. Инезио! Его мозг ухватился за имя. В агонии, он думал: «Она доставила меня во дворец, подменив мной принца Инезио».

Пришло воспоминание о том, что Лоони сказала о необходимости решительных действий. Понимание раздуло пламя мужества. Какое-то время он был растерян, затем к нему вернулось самообладание. Он сказал:

— Я отключился. Извини.

Он встал. Молодая женщина, пальцы которой были мягкими и белыми, помогла ему. Она была сильной. «Как тигрица», — подумал Холройд, следя за ее походкой, когда она пошла в сторону одной из дверей. Она задержалась в дверном проеме на фоне мраморного зала и сказала:

— Этим утром Бекар собирается принести тебе список подлежащих казни. Я надеюсь, что ты подпишешь его, — ее глаза сверкнули. — Я хочу, чтобы мы наконец покончили с этими так называемыми патриотами, которые толкают Гонволан к войне с Нуширваном, а затем и с Аккадистраном. Я вернусь, чтобы позже обсудить этот вопрос.

Она ушла. Холройд опустил руки вниз, словно любое действие могло вернуть ее назад, как будто это движение способно было растолковать ему то, что она сказала: списки подлежащих казни. Долгое время он еще не понимал. Лоони перенесла его во дворец, подменяя им принца Инезио. Для чего? Чтобы предотвратить казнь? Или чтобы дать понять ему, насколько важным было балансирование на грани жизнь — смерть? Одно он только знал точно. Он сам, собственной персоной, был в крепостном дворце.

Холройд вышагивал по устланному ковром полу. Его основным теперешним поведением должна быть, очевидно, покорность. Он должен выяснить все что следует, узнать о положении, прежде чем составить свой план действий. Хождение по комнате привело его к дальнему концу комнаты. Он выглянул через дверь.

Разноцветное стекло смягчало сияние солнечных лучей, которые лились со стороны террасы, с цветами, травой, деревьями и возвышающимися над ними очертаниями города.

Холройд открыл одну из дверей и вышел. Ветерок дул с террасы. Он ласкал его лицо и вносил аромат сада в легкие, в этом аромате чувствовался привкус соленой воды. Но то, что привлекло его внимание, было городом. Часть его, которую он

мог видеть, лежала вдоль берега зелено-голубого океана. Все сверкало, глаз выделял в изменяющемся плетении конструкции, частично сплетающиеся с зеленой кроной деревьев.

Он внезапно остановился у небольшого ручейка, который был коротким. Вода просто булькала, стекая с каменистого края, и исчезала. Он двинулся осторожно вперед, спотыкаясь о камни. За садом был камень фута в три высотой, а ниже... бездна.

Пропасть начиналась за барьером из камня и падала ниже, ниже, ниже... Холройд не мог видеть путь ручья, как он изливался в потрясающую бездну, по крайней мере, в полмили глубиной.

Никогда не существовало пучины, которой бы более точно подошло название Великий Утес. В его отдаленном днище был усеянный скалами язык моря. Ничего пригодного для гавани там не было, только потрясающий рев хлещущей воды бил в уши. Вода сбегала пенящейся массой меж двух скалистых уступов из огромного океана за ними и образовала залив. Он был две на три мили площадью, и на его противоположном берегу начинался город.

Море и утес, который принимал на себя его ярость, запечатлелись в виде ярчайшего образа в его памяти. Но до какого-то момента главным среди них был город. Он был белым, и голубым, и зеленым, и красным, и желтым, и еще невообразимо разноцветным. Под лучами солнца он сверкал, как драгоценный камень, хотя, может быть, и не совсем так. Он был огромным, со своими колокольными купелями, сводами, шпилями, уходившими за горизонт. Он изгибался вдоль берега, повторяя форму воды, казался ее проекцией, искаженной расстоянием.

За ним маячили смутные очертания леса; где-то там, должно быть, находился домик в джунглях, откуда его перенесли.

Холройд коротко хмыкнул. Ему следует остерегаться этой женщины, Лоони. Дважды она подвергала его опасности.

В камень возле него ударилась стрела, на какое-то время как бы прилипла к нему, а потом медленно, но со все возрастающей скоростью полетела вниз, в бездну, из которой она прилетела. Холройд глянул туда. На какое-то мгновение он был ошарашен.

Немного ниже его, футах в пятидесяти, вверх по краю пропасти ползла небольшая фигурка. Вторая стрела должна была попасть ему в голову, но он вовремя укрылся за камнем. Затем опять высунулся. С первого же взгляда он определил, что нападавшей была высокая, худощавая молодая женщина.

Когда потрясение прошло, тревога Холройда улеглась. С любопытством он разлегся на камне и стал ее внимательно рассматривать. Он увидел, что женщина цепляется за различные темные корни, которые тянулись перпендикулярно из стены утеса. Лук, который только что звенел, был перекинут через ее плечо. Ремень, опоясывающий ее, поддерживал саблю в ножнах. Как он заметил, ее пальцы искали новые точки для опоры, и таким напряженным был момент и так велика была опасность для нее, что Холройд инстинктивно напряг свои мышцы и потянулся к ней.

Он позвал:

— Кто ты? Что тебе надо?

Ответом ему был хриплый, карабкающийся шум и тяжелое дыхание, с которыми фут за футом женщина подбиралась к нему. Внезапно Холройд почувствовал себя изолированным. У него появилось тяжелое чувство одиночества человека в этом чужом мире. Город, на фоне смутно вырисовывающегося залива, казался отдаленным и чужим.

Непроизвольно он оглянулся назад, на дворец. Он мог видеть только часть его, просвечивающуюся через зеленую крону сада: длинное, приземистое здание белого цвета. Нигде не было никакого движения. Ни звука не исходило оттуда, никаких признаков жизни. Словно старый и безжизненный реликт забытых веков, возвышался он над неуспокаивающимся морем. Старый и мертвый. И только он с этой женщиной, пытавшейся убить его, были реальными и живыми.

Он увидел, что женщина отдыхает, придерживаясь одной рукой за выступ. Она изучала его, ее лицо, вырисовывающееся не более чем в шестнадцати футах от него, выглядело таким враждебным, что Холройд поморщился.

Женщина обратилась к нему резким тоном:

— Не удивляйся моему появлению. Я устала от долгого подъема. И пожалуйста, прими мои извинения. Я не узнала тебя. Я думала, что меня обнаружил стражник.

Губы Холройда тронула улыбка. Физически бессмертный Пта не боится стрел. Проблема заключалась в том, почему эта женщина хотела убить принца Инезио и к чему ей вообще извиняться. Он наблюдал за ней, она изучала его. Она была в десяти футах — грязное, исцарапанное, неприглядно выглядевшее создание. Ее взъерошенные волосы были испачканы, ее серые шорты и блузка измазаны грязью и тиной, покрывавшими скалы, кроме того, все было мокрым от воды, стекавшей вниз. Общее впечатление было таково, что силы ее на пределе. Холройд нахмурился.

Что он намерен делать с ней? Он не мог не учитывать того риска, которому подвергался, если она опять начнет стрелять в него. Тело Пта неуничтожимо, но оно испытывает боль. Когда женщина достигла нижнего края каменной стены, он спокойно сказал:

— Лучше будет, если ты забросишь свое оружие сюда, на утес. Я не сумею тебя вытащить вместе с ним. Давай быстрее, и я помогу тебе.

Женщина отрицательно покачала головой. Ее голос звучал с большой экспрессией, когда она ответила:

— Саблю я не отдам. Лучше прыгну со скалы, чем попаду живой в лапы дворцовой охраны. Я дам тебе лук и стрелы, и тогда ты будешь в безопасности от меня на расстоянии. Но саблю я оставляю...

Он не мог перечить такой решительности. Взял ее лук и стрелы, и через минуту странная женщина была возле него.

Вряд ли существовало животное более быстрое, чем она, или более проворное. Она подалась в направлении тропинки, но это действие было уловкой, прикрывшей вытягивание клинка и стремительное движение в его направлении. Холройд отпрыгнул назад и в удивлении уронил лук и рассыпал стрелы. Она подхватила их и швырнула себе за спину, на скалу. Они полетели вниз, в бездну. А затем она оказалась на нем. Ее худое тело извивалось, когда она вонзала свое оружие. Удар не удался, она промахнулась, потому что Холройд отвел его в сторону. Он хорошо управлял своими ногами. Но, к его удивлению, она оказалась еще быстрее, чем он. Она проскочила мимо его расставленных рук. Даже тогда, когда она промахнулась, Холройд уже знал удивительный факт. Ее сабля была сделана из полированного дерева. *Дерева!*

И это знание, что оружие не металлическое, замедлило его реакцию. Острие вонзилось в его правый бок. Боль была незначительной. Она была инстинктивной, а не настоящей, поэтому заставила Холройда схватиться за лезвие. Он перехватил его на полпути и обыкновенным толчком вырвал его из ее пальцев. Он понял, что женщина дико вглядывается в оружие. В смущении она пробормотала:

— Магический прокол... он не повредил тебя.

— *Какой?* — спросил Холройд. Затем он понял, что она имела в виду. Лезвие сабли пульсировало в его пальцах. Оно было живым, со своеобразным внутренним движением. Оно вибрировало, как машинная сенокосилка. Оно теплело, затем жгло его пальцы с пульсациями. Он почувствовал точно то, правда в значительно меньшей степени, что он уже чувство-

вал через руку Лоони, передававшую ему что-то от молитвенного жезла.

Холройд выдернул лезвие, когда почувствовал жар угля. После того как он отбросил его, женщина подняла саблю и выбросила ее в пропасть. Она взглядела в его лицо.

— Слушай внимательно, — сказала она. — Прокол мог бы убить тебя. Тот факт, что этого не произошло, свидетельствует, что некоторые женщины там, — она указала своей рукой на далекий горизонт на юго-востоке, — молятся у своих молитвенных жезлов. Незначительное количество, но, — ее интонация стала задумчивой, — рассматривая огромное время, которое прошло с того момента, когда женщины впервые перестали молиться за своих мужей, это вселяет надежду. Пта, ты должен думать об этом. Ты должен...

— Пта! — повторил Холройд. До этого момента он считал, что женщина принимает его за принца Инезио. Он был озадачен: как принц Инезио должен принять эти слова? Ее опознание, кажется, разнеслось по всему саду.

Незнакомка знала его секрет, и внезапно это оказалось настолько катастрофичным, что потрясло его до глубины души.

Он угрюмо взгляделся в женщину, и уж очень, наверное, неестественным стало его лицо, так как она быстро сказала:

— Не будь дураком! Убив меня, ты ничего не добьешься. Приди в себя и слушай. Я могла бы... помочь... тебе. Не здесь и не теперь. Я должна оставить дворец. Поэтому, если ты дашь мне документы на перьях скрира... — она закончила: — Бланки документов в твоих апартаментах. Только следуй за мной.

Холройд последовал. У него было чувство, что это сон. Эта женщина, пытавшаяся убить его, знает его, и знает совершенно точно, что он должен делать. Она заставила его безоговорочно подчиниться ей.

Он смотрел, как женщина совершенно свободно прошла через двери в знакомую ему комнату. Она быстро вышла оттуда с листком жесткой, украшенной гербами бумаги, смешной стеклянной ручкой и массивным металлическим кольцом.

— Лучше надень вот это, — сказала она, протягивая ему кольцо. — Это большая печать принца Инезио, и оно дает ему вторую власть после самой Инезии.

Холройд импульсивно попытался узнать ее по твердому предположению, что он, без всяких сомнений, не принц Инезио. Было слишком поздно отрицать. Он взял кольцо. Педантично он отметил, что она назвала богиню просто по имени.

Он думал:

«Кто она?» Не Лоони. Ее личность была слишком человеческой, гораздо менее драматичной и совершенно не укладывалась в привычные схемы Лоони.

Женщина закончила писать.

— Поставь свою печать здесь, — спокойно сказала она.

Холройд подчинился без слов. Он думал об опасности, которая была здесь. Женщина знала его секрет. Он будет в огромной опасности, если ее подослали. Он был совершенно твердо уверен, что не даст ей уйти, пока не узнает, кто она. Он протянул документ, держа его подальше от ее пальцев. Он уже хотел задать вопрос, когда раздался шум открывающейся двери.

Когда Холройд начал оборачиваться, он почувствовал, что документ вырвали у него из рук. Он сделал резкий протестующий жест. Но женщина быстро побежала к другой двери. Та была открытой. Холройд огляделся, а женщина остановилась, полуобернувшись. Она стояла в проходе — высокая, худая, одетая в изорванные шорты и рубашку, с голыми, грязными ногами.

Она сказала:

— Извини, Пта, что я могу сказать тебе так мало. Мои губы опечатаны, так опечатаны, что... что... — казалось, что она почти запнулась, не в силах справиться со своим голосом. Затем она продолжила, правда, более поспешно: — Пта, она более опасна, чем любое действие ее или слово может показаться. Будь осторожен!

Пта или кто ты там есть, ты определишь свою личность, свое я, если сможешь открыть всю мощь своей божественности. Пта, это будет твоя собственная мощь. Ты сможешь с ней делать то, что хочешь. Но что ты должен сделать в первую очередь — это открыть могущество первым. Думай...

Казалось, снова ее заклинило. Она потрясла головой, слегка улыбнулась виновато.

— Видишь, — закончила она, — что я не могу помочь тебе... здесь. Удачи, Пта, — дверь закрылась за ней.

Холройд снова услышал стук в другую дверь. Нетерпение поднялось в нем, раздражение от того, что его отвлекают ради мелочных дел. Какая разница, кто стучит в дверь. Он — Пта.

Впервые с момента его прихода во дворец, впервые за все это время, знание принесло ему его собственный путь. Холройд был Пта. Любая победа ради Пта была *его победой*. Он должен победить. У него внезапно пробежала нервная дрожь

от той грандиозной судьбы; от неожиданного стука в дверь она прекратилась.

— Войдите, — сказал он.

Вошла высокая плотная женщина с копьем. Она отдала честь копьем и, шелкнув пятками своих сандалий, произнесла:

— Торговец Миров, великий Инезио, заявил, что богиня послала его к вам. Пригласить его?

Холройд стоял холодный, становясь таким холодным, как сталь. Его безразличие становилось почти реальной физической силой. Торговец. Посылая его сюда, Лоони должна была знать, что будут Мировы. Она должно быть имела в виду, что он встретит их и научится чему-то у них. Он будет учиться.

Глава 10. КНИГА СМЕРТИ

Приход Мирова начался со звука, напоминавшего сопение неисправного сопла. Звук исходил из некой, невидимой Холройду зоны, становясь все ближе и ближе, и издавался тучным мужчиной, страдающим одышкой. Человек переполз через дверь, подполз ближе со слоновьей грацией и услужливо сказал:

— Принц Инезио...

Холройд холодно глядел на него.

— Ну?

Изменение, которое свершилось с этим созданием, было поразительным. Вежливость слетела с него, как маска, как будто он получил разрешение обнаружить личность, что скрывалась за этой маской. Он прикрыл дверь, через которую пришел, а затем, как какой-то огромный лентяй, он бочком приблизился к Инезио и стал жалобно бормотать:

— Мой повелитель Инезио, вы твердый человек, что касается обещаний. За три дня я имел здесь почести Зард. Только сейчас я встретил богиню в коридоре. Ее божественность сказала, что вы уделите мне внимание сегодня. Могу ли я рассчитывать на это?

— Да, — сказал Холройд.

Он чувствовал одиночество и безразличие. Его мало касалось, что это за дело и почему он должен заниматься им. Он не успел разобраться во многих деталях, чтобы добавить весу любому решению. Он увидел, что грушеобразный субъект улыбается. Толстяк сказал:

— Если бы вы ввели меня в ТОРГОВУЮ ПАЛАТУ и поставили свою печать на передаточном свитке, как вы обычно делаете...

В коридоре стояли женщины-воины, охраняя двери, а в огромной белой комнате мужчины носили мешки к огромным каменным весам. Возле весов стоял человек с длинным носом, полуприкрытыми глазами и подхалимскими манерами, который сказал:

— Сюда, Ваша Светлость.

Мужчины начали складывать различный хлам перед ним: грубые куски темно-коричневой металлической субстанции, которая была, как он видел, сырым железом. Интерес вернулся к Холройду.

Железо — ценность. Значит, его наблюдение имело смысл. В Гонволане был металлический голод. Металл использовали для религиозных целей, для жизненно необходимых молитвенных жезлов, которые поддерживали власть богини. За двести миллионов лет расточительный человек исчерпал рудные залежи планеты.

Он спросил Миров:

— Где свиток, о котором ты говорил?

Его принес человек, напоминавший стервятника. Он передал его со словами:

— О, высокочтимый лорд Инезио, он должен быть перенесен в одно из мест в ваших покоях, если следовать заведенным порядкам. Я вижу, что мы получим полную стоимость нашего железа.

Миров надосдливо преследовал его до самой двери.

— Я пошлю посыльного передать Зард, что вы обещали... Ах, здесь Бенар, военный министр. Он будет доволен не меньше Зард. Мои наилучшие пожелания, Бенар.

Холройд кивнул старику, который склонился перед ним. Частичка его мозга отметила: «Один из тысяч таких, как Миров, уже принят осознанно».

У старика были обиженно сжаты губы, щеки обвисли, а под глазами темные пятна. Встретил он его так же сухо, как и Миров с его помощниками. Только вязкая мысль отложилась в памяти Холройда после встречи с Мировым: Зард Аккадистранская будет довольна... его обещанием.

Он нахмурился, когда старик заговорил резким пронзительным фальцетом. Угроза со стороны Зард Аккадистранской, которая, если верить мятежному памфлету Тара, который он читал, была ответственна за незаконные похищения людей. Угроза возвращения за обещание...

Голос Бенара становился все более резким и неприятным.

— Я рад, что вы согласились. Истребить шайку — это единственный способ.

— А? — произнес Холройд резко. — О чем ты?

Старик глянул на него, а потом напыщенно произнес:

— Хирургическая операция, которая необходима. Список уже готов. Каждый офицер, который когда-либо дважды публично высказывался о нападении на Нуширван, внесен в него. Это сотрет с нас все обвинения. Это всего лишь эффектный путь выполнения наших обещаний. Наши войска не будут вовлечены в это дело, когда нанятые Зард войска захватят изменников вместе с их семьями.

Безразличие Холройда как ветром сдуло. У него появилась цель, хотя и не ясная еще. В действительности она была столь неопределенная, что больше походила на сильное беспокойство, желание действовать у человека, который в абсолютном мраке выступил против невидимой стены, через которую можно пройти, лишь разрушив ее.

Он направился в большую комнату. На стенах висели карты. Он узнал их: Гонволан, Нуширван, Аккадистран — все это было неизмеримо больше, чем было показано в книгах. Но он бросил в их сторону беглый взгляд.

Он сел и взглянул на книгу размером с большой конторский грессбук, которая лежала на столе передним. Он посидел, чтобы мысленно взвесить все, — Зард, которая прислала ценный подарок в обмен на похищенных граждан Гонволана, — чтобы не развязывать военный конфликт и смягчить предательство богиней людей, которыми она правила. Ему стало холодно и страшно без какой-либо опасности. Это было то, что подразумевала Лоони. Она думала, что он не понял важности нападения на Нуширван. И это было верно. Он не понимал. Бенар говорил:

— Как вы видите, большой список. Мы не пропустили никого...

Напоминание, заподозрил Холройд, было рассчитано на ответный комплимент. Список, который предложил военный министр, был огромных размеров. Человек выглядел самодовольным. Его глаза изучающе следили за Холройдом.

Холройд раскрыл книгу приблизительно на середине. Обнаруженная таким образом страница была покрыта почти микроскопическими письменами — семь, восемь, девять, десять колонок имен. Он подсчитал одну колонку со всей тщательностью — сорок имен в каждом ряду. Это означало четыреста человек на странице. Он повернул страницу и вздохнул.

Другая сторона тоже была исписана, точно так же тщательно, со столбцами, заполненными многочисленными именами. Это не важно. При массовом убийстве, предлагаемом здесь, невозможно точно подсчитать численность. Тем не менее он спросил.

— Восемнадцать сотен страниц, — ответил старик. — Заверяю вас, сэр, мы были тщательны. Мы вытопчем эту нелояльность самым решительным образом.

«Четыреста умножить на тысячу восемьсот, — с болью думал Холройд. — Четыреста умножить...»

Ответ не приходил. Тысяча восемьсот на четыреста... нет, нет, невозможно измерить это. Шестнадцать дюймов на десять дюймов и на четыре. Шестьсот сорок кубических дюймов мертвецов.

Холройд подался вперед и поднял том. Тяжелый, около восьми фунтов. Эта тяжесть книги в руках принесла идею. Он сказал:

— Я возьму книгу с собой. — Он чувствовал, что это произошло совершенно случайно. — Там есть несколько имен, как вы знаете, которые не должны оказаться здесь. Проверка не займет много времени.

Он повернулся и уже собирался уйти, в твердой уверенности, что все уже улажено, когда голос мужчины остановил его:

— Я уверяю вас, сэр, список был самым тщательным образом проверен относительно имен офицеров, которые были вхожи в высшие круги или удостоены вашего внимания. Лишь такие имена, как генерал Маарик, полковник Дилин, были введены в список.

— Тем не менее, — ледяным голосом произнес Холройд. — Я возьму книгу в свои апартаменты. Я буду изучать ее у себя.

Он развернулся и ушел через коридор в свои покои. Он уже закрыл двери за собой, когда прямо впереди увидел золотоволосую богиню.

Она сидела у маленького столика, расположенного у огромных раскрытых окон. Стол был заставлен яствами. Богиня сказала:

— Садись, Инезио. Я хочу поговорить с тобой о наказании. Министр полиции недавно сделал предложение, которое восхищает меня. Поэтому я думаю послать тебя на Нуширванский фронт, чтобы начать там ложное нападение для удовлетворения всех недовольных. Посиди, мой дорогой, мы обсудим кампанию за чашечкой нира...

Глава 11. КРУГ ВЛАСТИ

Холройд понадобилось какое-то время, чтобы прислушаться к предложению богини, к ее словам. Его сознание состояло из сплошной пустоты, но затем оно вернулось.

Видение ее теперь было иным. Прежде всего он был ошеломлен грубой манерой, в которой он обнаружил ее присутствие. И ее собственное быстрое отступление оставило у него только мимолетное впечатление.

Оглядываясь назад, его прибытие во дворец казалось похожим на набросок, где постепенно нужные детали в точности дополняли нужную картину. Детское лицо, маленькое, красивой формы тело, голубые глаза — всего было много, как он помнил. Во дворце из белого мрамора богиня носила волочащуюся по полу мантию глубокого голубого цвета, который сочетался с цветом ее глаз. Но самым большим отличием было то, что прежде она была нереальной фигурой. Теперь же она была реальна. Здесь она была живой, богиня Инезия.

Голос ее прозвучал мягко:

— Садись, Инезио. Ты очень необычен этим утром, глядишь на меня так задумчиво.

— Я обдумывал то, что ты сказала, — услышал свой голос Холройд. Действительно, он не понял еще ее слов. Но ответ прозвучал правильно. В высшей степени осторожно он присел и видел, что она рассматривает его глазами, которые в своей глубине несли загадочный, отнюдь не детский смысл. Это ее кажущееся изменение проявлялось неуловимо. Он поймал себя на том, что напряженно пытается определить, в чем же заключается это новое отличие. И не мог.

Понимание пришло чуть позже, когда он взгляделся в нее снова. Он подумал: «Осторожней! Ты несусветный идиот!» Это не просто женщина. Но он был жестко охвачен, следуя за своим замешательством, за исключением... Осторожней! Предостерегающая мысль принесла смутную дрожь волнения, знание того, что он не может не соглашаться на «необычный» и что долго он не должен оставаться безответным.

— Поэтому ты хочешь отправить меня для ложного нападения на Нуширван? — он не мог продолжать. Впервые он разобрался в том, что она сказала. Он сделал большой шаг вперед. Он почти мог чувствовать, как поглощает возможности. Наконец он подумал: «Это могло быть так легко».

Богиня говорила звенящим голосом:

— Я подошла к наемников, чтобы они объявили, что ты и твой штаб отправляются завтра на фронт. Всем замкам будет приказано поддержать тебя своими силами, призвать и вооружить ополченцев. Огромный централизованный запас пищи и снаряжения начнет перемещаться всеми доступными средствами к фронту. Важной вещью в предполагаемом наступлении является убедить всех, что начинается огромная война, и в то же время увериться, что все выявленные бунтовщики назначены на левый фланг, где они будут уничтожены противником или погибнут вовремя маршей по вулканам и горам, которые занимают сотни и сотни квадратных канб в том районе. Через минуту я покажу тебе, что я имела ввиду...

Холройд слышал каждое слово, но не совсем ясно понимал. Он находился в мягком, туманящем дурмане. В нем была радость и неприязнь такая бурная, что причиняла боль его мозгу. В нем была ледяная ярость, и было удовлетворение.

Удовлетворение пришло позднее, поскольку остальные эмоции обещали быть более насыщенными, они не были соединены в интенсивную дьявольскую радость, которая выросла из предложения, сделанного ею: ложное нападение на Нуширван. О Дайан, О Колла, О чудесный Рэд! Нападение на Нуширван под руководством богини, необходимые приготовления нужно сделать без пробуждения чьих-то подозрений.

Мысль застыла. Стройная белая рука с указывающим пальцем протянулась через стол в направлении его головы.

— Пошли со мной, — ласкал голос богини, — и я покажу тебе.

Палец парил над его лбом.

— Держи голову прямо и иди со мной.

Первым его порывом было дернуться назад от того, что он не знал. Но он не осмелился. У него оставалось время сообразить то, что он уже знал: что это богиня, божественная мощь которой так велика, что даже Лоони, способная искривлять материю времени, боялась ее. Палец коснулся его лба.

— *Иди со мной!*

Все оставалось без изменений. Богиня глядела на него, твердая, кремовая плоть вокруг ее глаз собралась в морщинки.

— Странно, — сказала она. — Я чувствую сопроти...

Она оборвала фразу со сдавленным вскриком. Затем села и в удивлении уставилась на него.

Холройд услышал свой голос.

— Что случилось?

— Ничего, ничего, — нетерпеливо покачала она головой. Это было сказано так, словно она пыталась убедить в этом саму себя.

Холройд ждал. Случившееся, то, на что она намекала, для него не было понятным. Но объяснение того, почему оно не было понятно, было таково: туман мог быть могуществом Пта, вдавленным теперь в личность Питера Холройда, но с этой непонятной комбинацией человека и бога нельзя было обращаться как с обыкновенным человеком.

Что бы она ни подразумевала, приказывая ему идти с ней, что бы она ни желала, по отношению к Пта и к Инезии это должны были быть различные вещи, запутавшие различные применения ее божественной силы. Он был на грани разоблачения. Он почувствовал жар, затем холод и спадающее напряжение.

— Инезию, что ты делал с тех пор, когда я тебя видела в последний раз?

Слова были сказаны резко. Ее глаза вперились в него с искрящейся интенсивностью, как танцующая голубая вода, смешанная с переплетением солнечных лучей. Было тяжело смотреть на нее. Ее лицо, казалось, теряется в бликах света, света, который пульсировал и прыгал. Казалось, у него нет источника, просто он растет из воздуха вокруг нее.

— С тех пор как ты в последний раз видела меня?! — эхом отозвался Холройд, и его тон был таким холодным, что он почувствовал дрожь. — Дай мне подумать! Во-первых, — начал он, — я выходил в сад. Вернувшись, я застал Мирову, ждавшего меня. Я вышел с ним проверить сокровища Зард, затем...

Он остановился. Ее глаза снова изменились. Они были круглыми, свинцовыми дисками, как море под небом, затянутым тучами, но с электрически-голубыми искрами в их глубинах. И эти глаза вглядывались, но не в его лицо, а в его руку. Его левую руку.

— Кто дал тебе это... кольцо? — спросила она гневно.

— Кольцо? — повторил Холройд. Он вглядывался в простую форму, слишком удивленный, чтобы сказать большее. Он вцепился в ускользающую мысль. Он начал:

— Почему это...

Его оборвал смех. Это был звенящий звук, и прекрасное женское тело с удивительно юным лицом оживилось и выглядело более тепло от этого восхитительного смеха. Одно лишь было странно: цвет глаз ее вновь поменялся. Они еще оставались голубыми, но теперь они были огненно-голубыми.

Они сверкали нечеловеческой, адской яростью. И ее голос в этом неистово штормящем море хлестал дьявольскими меняющимися интонациями.

Она пронзительно закричала:

— Кто дал его тебе? Кто? Кто?

— Зачем тебе, Инезия? — мягко сказал Холройд. Он почувствовал потрясение, но сверх этого он понимал, что владеет положением. Он глядел на нее насмешливо, искренне заинтересованный. — Все действительно очень просто, — продолжал он, и уже твердо знал, что один Холройд не мог бы быть таким спокойным перед лицом фантастически серьезного демонического взрыва негодования.

— Я продолжу с момента встречи с Мировым, — объяснил он, — когда он спросил у меня, почему у меня нет моего перстня-печатки. В спешке я, видно, перепутал. — Это прозвучало малоубедительно. Кольцо должно быть там, в комнате, из которой худая женщина получила бланки приказов. Хотя зачем такое опасное кольцо было поручать заботе принца Инезио — это было уже другое дело.

Он видел, что незабываемое выражение глаз снова сменилось. Все еще голубые, теперь они были спокойными. Такими же ненормально спокойными, как и он сам. Ее голос также был мягким и спокойным.

— Я должна просить тебя извинить меня, Инезио. Действовали те силы, о которых я не говорила тебе, и они мне недавно расстроили важное предприятие. Сними кольцо, а потом я тебя возьму в путешествие умов. Впоследствии... — она улыбнулась удивительно нежной улыбкой и ласково произнесла: — Впоследствии я скажу тебе «до свидания» так, как прощаются любовники. Ну а пока положи кольцо назад... где ты его взял.

Холройд медленно пошел в комнату, откуда худая женщина принесла кольцо. Переступив порог, он закрыл за собой дверь и почувствовал желание выбежать в другой коридор. Он узнал чувство. Оно было таким, как тогда, в маленьком домике в джунглях, как будто его кто-то стукнул. Слишком многие вещи торопили его. Он должен взять тайм-аут и оценить положение. Но только не теперь. Позднее.

Принятое решение помогло ему. Но он все еще испытывал неуверенность. Путешествие умов и любовь, которая следует за ним. Холройд подумал, что это нелегко. Последнее было, конечно, невозможным.

До прихода в Гонволан ему было тридцать три года, и если составить список мужчин, которые оставались чисты, как ан-

гелы, то имя Холройда явно отсутствовало бы в нем. Нет, любовная часть его не страшила, вопрос тела и женщин не мог его волновать. Обеспокоило его путешествие умов. Что бы это могло быть?

Инезия говорила, что бунтарей поглотят марши по вулканам и горам Нуширвана. И потом она сказала... Что она сказала? Он точно не помнил. Он должен вспомнить, что же это было. Но времени обдумать это, когда множество других вещей работало ему на пользу, не было. Удовлетворенный, он положил кольцо за маленькую прозрачную ячейку в стене кабинета сразу за письменным столом и медленно пошел назад, в комнату с огромными окнами.

Глава 12. ВЫДРАННАЯ СТРАНИЦА

Богиня сидела спиной к нему, когда Холройд шел к ней через комнату по покрытому толстым ковром полу. Он мог изучать ее с большей объективностью в отличие от того случая, когда они смотрели друг на друга. Она была маленькой, ростом не более пяти футов. Ее волосы придавали ей королевское величие, венчая словно короной. И она несла ее, как школьница, их спадающие завитки мерцали мягким, шелковисто-зеленым блеском. Сидя там, она выглядела, как ребенок.

Ощущение мгновенно улетучилось, когда он увидел, что она держит у себя на коленях огромную книгу, содержащую имена тех, чьих смертей она недавно желала.

Холройд болезненно усмехнулся, проходя рядом, и сел в свое кресло. Богиня взглянула на него, ее глаза были задумчивы.

— Я вижу, что ты не подписал это, Инезио.

Прежде чем Холройд успел ответить что-либо в свое оправдание, богиня продолжила жалобным тоном:

— Ты никогда не понимал важности подобных действий против таких людей. Все наше молодое поколение крайне нерелигиозно, ничему не верит и склонно к индивидуализму сверх всякой меры. Разгром их, с уничтожением главных вождей, необходим. А когда их руководители будут ликвидированы, наша военная тактика будет заключаться в следующем: сорвать их планы, не оставить им ни одной психологической лазейки. Искусно используя представившуюся возможность, мы можем провозгласить, что всему виной их пренебрежение молитвой, и поэтому вернем миллионы ослабевших духом назад к их молитвенным жезлам. После этого все беспокойства

будут позади. Я определила, что эти мятежные отступники никогда не продержатся больше нескольких поколений. Детали я предоставляю тебе.

Холройд сидел спокойно, потом взял свой кубок. Нир был еще горячим, и это оказалось приятным. Но через минуту, после первого глотка, он не мог понять, что у него за вкус.

Своим мысленным взором он мог видеть картину — мужчины, женщины, их души, раздавленные катастрофой, отброшены назад в старые времена, в мрачные могилы, без надежды выбраться оттуда, пока золотоволосая бессмертная богиня продолжает жить, пока замки и их принцы с императорами продолжают осуществлять свое железное правление людьми, безнадежно поработченными, что это было похоже... похоже на АД!

Почти физически, яростно, как лошадь, напрягаемая в узде, которая была слишком тугой, его мозг боролся за определение, которого не было; его просто не могло быть.

Богиня снова продолжила:

— Для большей части, как ты можешь видеть, наказания теперь невозможны. Но, — ее голубые глаза изучали его, — здесь есть страница, Инезио, которую я хочу, чтобы ты подписал. Каждое имя на ней означает законченного убийцу. Пока они живы, закон попирается, мое правительство презирают. Ты подпишешь ее, не так ли?

Она заторопилась.

— Инезио, ты меня хочешь разъярить? Ты же прекрасно знаешь, что это мое решение — разрешить тебе и другим людям управлять правительством. Я заинтересована только в крупных решениях, и это одно из них. Ты должен подписать этот список.

Холройд взглянул в нее. Длинная, хотя и прерывистая речь дала ему возможность подготовить свой ответ. Он говорил медленно:

— А не думаешь ли ты, что наказание такого рода возбуждает подозрения у большей части людей, чьи умы ты хочешь успокоить?

Ее ответ испугал его. Ручка лежала на столе. Она схватила ее и злобно ткнула через книгу, раскрытую на странице, которую она хотела, чтобы он подписал. При этом она указала на пустое пространство внизу. Вцепившись в страницу, она рывком выдрала ее и, сунув поближе к нему, сказала:

— Там. — И, яростно сверкнув глазами, добавила: — Это отсрочка всем заключенным на шесть месяцев.

Держа в руке ручку, она еще ближе подвинула листок. Ее глаза буквально сжигали его.

Ни говоря ни слова, Холройд взял ручку. Он прочитал предложение, которое она написала, затем подписался простым именем Инезио и молча вернул листок назад. Через шесть месяцев он будет сидеть в божественном кресле. Через шесть месяцев он может быть Пта, а может быть мертвым. Ничего не подписано, кроме одной страницы из тысячи восьмисот. Он не мог выпутаться из такой ситуации более легким способом.

Палец коснулся его лба. Голос богини ласкал его уши.

— Пошли со мной.

Глава 13. ПУТЕШЕСТВИЕ УМОВ

Резкое движение! Это было первым впечатлением Холройда. Он пил, ожидая боль. Но ее не было. Текли секунды, чувство движения на громадной скорости увеличивалось, затем грубая остановка, сбившая дыханис. Теперь он глядел с высоты, обозревая горы. Горы, горы... и вулканы!

Насколько мог охватить взгляд с огромной высоты, тянулись пики гор и дым вулканов, извергающих его в туманное небо. Сотни пиков, сотни вулканов предстали взору и огромные долины, которые не мог охватить взгляд. Пар клубился из темных трещин в покрове угрюмой, истерзанной земли.

«Нуширван, — подумал Холройд... и почувствовал свою первую боль от ужасной ошибки. — Тебе не следовало посылать туда человеческие существа».

Но через мгновение его знание улучшилось. Горы можно было захватить армиями, вулканическая стена была лучше, чем выглядела сначала. В действительности эта земля была очень богата, потому что виноградники и фруктовые сады простирались настолько, насколько охватывал взор. Очарованный, он начал искать взглядом поселения. И нашел их. Дома притаились у основания вершин, гнездились в долинах, примыкая к бурным потокам. А вдалеке, где долина уходила почти прямо за горизонт, он мог видеть шпили и башни города. Он подумал, загоревшись: «Идем туда. Давай побываем там».

— Нет, — пришел ответ. — Это невозможно. Я не могу пересечь реку кипящей грязи.

— Но почему?

Ответа на это не последовало, и Холройд почувствовал острый укол нетерпения. И затем... Река кипящей грязи! Имя вызвало картину, захватив его воображение. Он всмотрелся

вниз. Змееподобная темно-серая масса простиралась внизу. Она тянулась через огромную долину. В среднем около четверти мили в ширину, ее слабый поток протекал через эту поверхность.

Армии, придя с плоскогорий Гонволана, должны пересечь его. Снова шок удивления потряс Холройда, как удар: можно ли посылать людей в такой ад? И снова пришло знание, что они смогут пройти через него и должны пройти. Он мог даже зрительно представить тип понтонного моста, который можно было бы использовать для переправы, и достаточно тяжелый, чтобы выдержать тяжелые танки... или гримбов. Какой солдат или офицер, воевавший во второй мировой войне, не пересекал сотни подобных мостов, часто под огнем.

А путешествие умов все продолжалось, исследуя широкую реку из грязи в западном направлении. Холройд сумел оценить скорость передвижения, которая составляла приблизительно четыреста миль в час. Это было достаточно быстро, чтобы сохранить его интерес к высоким пятнам.

Его мозг работал на основе своей острой наблюдательности, в то время как все его существо было пылким и бдительным. Однажды он охватил взглядом город, наполовину скрытый на расстоянии. Но то, что лежало за рской кипящей грязью, непреодолимо по какой-то причине этим наиболее совершенным из всех существующих способов разведки.

После того как они пересекли второй город, река резко повернула на север. Холройд почувствовал тайну. Легко было понять важность реки, которая противостояла Гонволану. Но зачем было следовать извивающемуся руслу горячего грязевого рва, который, казалось, окружаст сердцевину Нуширвана? После часа пути он убедился, что именно это они и делали. Постепенно этот удивительный канал сворачивал на восток, затем, после долгого пути... он казался странным сейчас потому, что проснулся военный интерес — он переместился за много часов на юг.

Солнце, которое находилось высоко в небесах, прильнуло к самому краю горизонта на западе. Его лучи бежали вдоль теней этой странной, ужасной горной страны Нуширван, когда последовал резкий, неожиданный рывок в скорости, точно такой же, как и в начале путешествия, и он вернулся во дворец. Путешествие умов, несобъяснимое из-за странного курса, закончилось.

В комнате было значительно темнее. Ее огромные окна выходили на все еще освещенный восток, но сумрачный свет теперь обычно приходит рано, по мере того как солнце погру-

жается на запад. Холройд почувствовал, что он грохнулся в кресло, он понял, что богиня рассматривает его со слабой забавной улыбкой на губах. Ее глаза были безмятежными. Она глядела на него легко, удобно устроившись, удовлетворенная собой. Прежде чем Холройд смог говорить, она сказала:

— Я показала тебе дальнюю часть Нуширвана, примыкающую к Аккадистрану, так как я уверена, что знания о ней помогут тебе в нападении.

Холройд совершенно не представлял, каким образом. Он попробовал сказать это, но изменил свое решение. Так как он ничего не знал о прошлых разговорах Инезио и богини, он мог задавать много лишних вопросов помимо тех, которые он уже задал. Он сказал:

— Эта река кипящей грязи... Почему мы не можем пересечь ее?

Женщина покачала головой. Движение, произведенное ее волосами, вызвало сноп света. В нем был очаровательный блеск золота, как огонь, вернувшийся к жизни. Голос ее звучал нежно, казалось, он вытекал из мрака.

— Есть вещи, Инезио, о которых даже ты не должен спрашивать, они лежат за пределами моих возможностей.

Она встала. Обошла вокруг стола, и ее теплые мягкие руки обвились вокруг его шеи, когда она прогнулась назад. Сначала ее губы были прохладными, потом все более требовательными. Нелегкие вопросы, которые все еще мучили мозг Холройда, начали угасать. «Позднее, — подумал он растерянно. — Я обдумываю все это потом...»

Холройд взял ручку и написал:

«Величайшим могуществом в Гонволане обладает богиня Инезия. Перед тем как Пта был убит, она принесла его сюда. Как это было сделано, мне показали».

Он взгляделся в этот параграф с удовлетворением. Только возможность видеть написанное заставила его почувствовать себя лучше. Весь день вчера он пытался прочувствовать это. Новое утро всегда замедляло темп его жизни. Здесь он сидел у письменного стола один, обдумывая свои проблемы в привычной для него манере.

В результате всего, казалось, общая картина прояснилась. Лоони послали против ее воли вернуть его назад в Гонволан, и она сделала это. Так все началось. Выписанное все на бумаге

позволило ему связать некоторые кусочки и сделать важные заключения. Холройд макнул свою ручку, затем снова написал:

«Вторым величайшим могуществом в Гонволане, но теперь уже существенно ограниченным, обладает Лоони. Она сорвала попытку богини Инезии захватить Пта во дворце. Как этот захват был совершен, мне показали и...»

Холройд остановился. Он отложил ручку и вглядывался в предложенис. Оно было неправильным. Ему не показали. Он тихо присвистнул, затем очень медленно начал писать. Через полчаса больше не было ни одной ошибки. Он записал свои выводы:

«Женщина, которую я принимал за Лоони, конечно же, была Инезией. Соответственно, все то, что мне говорили замковая принцесса, Мура — крестьянская девушка — и жена маршала Нанда, является искаженной версией, если не полной противоположностью правде. Худая женщина, которая пыталась убить меня, давшая мне кольцо и разговаривавшая с таким трудом, должно быть, настоящая Лоони».

Холройд откинулся назад и вгляделся в написанные слова. Он был потрясен, удивлен, и тысячи новых вопросов теснились в его голове, приводя его в полнейшее изумление. «Зачем, зачем она сделала так, как она сделала?»

На это не могло быть однозначного ответа. Инезия не желала дать ему ключ. Все это она делала потому, что должна была делать. Пта, совершивший свои приготовления для слияния с расой, не был абсолютным идиотом. Он оставил защиты. Холройд стал перечислять их одну за другой на листке бумаги:

«Первое — вызов прежней личности, предположительно разумной. Личности, возвращенной, чтобы быть Питером Холройдом, — он сделал паузу, потом добавил: — Это кажется невероятным, чтобы Пта желал такого постыдного вызова. Но вызвать его — первая защита.

Второе — область тьмы должна быть показана. Третье — молитвенный жезл в действии. Четвертое — путешествие умов с его смешным открытием, что богиня не может проникнуть в Нуширван через реку кипящей грязи, которая окружает густо заселенную часть штата, как ров. Пятос...»

Холройд остановился на пятом. Так как оно было наименее ясным. Но нельзя было ошибиться, так как Инезия требовала этого, как жизненно важного. В маленьком коттедже она пыталась соблазнить его крестьянской девушкой Мурой.

Холройд нахмурился, но вынужден был согласиться, что он поддался этому неосознанно, но это понятно.

Секс был великой основой. В мире, где было сделано странное и ужасное открытие, что, когда мужчина обожал женщину в определенной строгой церемонии — или женщина мужчину, — женщина становилась богиней в действительности, так же как и по имени, а мужчина — богом. В таком мире секса должна быть близкая связь с несобъятной великой ограниченной силой, которая поработала нацию в четыре, пять, десять миллиардов душ. Ужасная мужская склонность превращать воздаяние почестей героям, королям и несуществующим богам имела, наконец, сотворенное божество.

«Шестая защита, — писал Холройд, — должна относиться каким-то образом к странице с людьми, подлежащими истреблению. Она никогда бы не настаивала на моей подписи, если бы она не была связана с этим».

Он задумчиво нахмурился. Озарение пришло внезапно, световой молнией понимания. Как безумец, он вскочил на ноги и заметался по огромной комнате. Книга была все еще там, на столе. Он раскрыл ее и перелистал до «Л». И нашел обрыв. Последнее имя перед вырванной страницей было «Линра», имя, с которого начиналась следующая страница, было Лотибар.

Ошибки не могло быть, он подписал полномочие на смерть Лоони. Он стоял мрачный и растерянный, оценивая последствия своего поступка, и что было особенно важным — надежда, которая оставалась.

«Слава богу, — подумал он, — что его сопротивление заставило Инезию оттянуть дату исполнения на шесть месяцев».

Медленно пришло понимание, что есть и другие надежды. Он не сел в божественное кресло; и должна существовать какая-то связь с рекой кипящей грязи, которая не подчиняется Инезии. А что с нападением на Нуширван?

Стук в одну из дверей оборвал ход его рассуждений. Вошла женщина-гвардеец, которая сказала:

— Маршал Гора посылает свои приветствия и желает сообщить вам, что генеральный штаб готов отправиться на Нуширванский фронт.

Холройд прогремел речью, которую он приготовил заранее, конструкция которой позволяла избежать конфуза при следовании через лабиринты необычных коридоров.

Он сказал:

— Обеспечьте эскорт для моего отъезда из дворца. Я сейчас отправляюсь.

Он поспешно вернулся в комнату, где он писал, собрал свои заметки, затем застыл, пораженный мыслью, которая ему пришла в голову.

Медленно, но его мозг становился холоднее, тверже. Он прошел в кабинет за столом, извлек кольцо, которое по требованию Инезии было им оставлено там, и вышел в гостиную, где взял огромный том со списком бунтарей. Книга могла ему пригодиться.

Из его определения вырастал смертоноситель. Старый Пта не мог быть таким дураком, чтобы не расставить западню для заговорщиков. Следовательно, нужно подождать до того, как появится лучший план.

Нападение на Нуширван, захват так называемого божественного кресла и, если даже нет необходимости, садиться в него, хотя можно и сесть, если не будет другого выхода. Времени было мало, а осторожность никогда не выигрывает сражения. Кроме этого, что еще можно было сделать?

Глава 14. ТРИУМФ ЗОЛОТОЙ БОГИНИ

Ручей струился и пенился. Лоони сидела в траве за ним и собирала свои волосы. Она сняла одежду, и длинная, худая форма однажды умершего тела сверкала коричневым и белым на солнце. Лоони выждала теперь и склонилась над краем воды, всматриваясь в свое отражение. И рассмеялась, не совсем разочарованная.

Тело, которое она заняла, после недели тщательного выставления под теплые лучи солнца начинало выдавать самостоятельную жизнь. Волосы, так щедро вычищенные и приглаженные гребнем, сверкали темным сиянием. Зеленые глаза оглядывали их крепнувшим взглядом, вода отражала их, как будто два изумруда сияли там мягким светом. Лицо... Лоони вздохнула. Она сделает его получше, но этого недостаточно. Оно было скуластым и очень простым.

Она все еще вглядывалась в него, как вдруг неожиданно почувствовала приближающееся *присутствие*. Она подняла голову. В десяти футах от нее над водой мелькнула голубизна, крутящаяся тень света и цвета, и тень, пришедшая из ниоткуда, приняла жизненную форму богини Инезии. Маленькое, подтянутое, обнаженное тело, казалось, у равнове-

шивается на мгновение, а затем, как проявлялся весь процесс материализации, это полупадение, полупрыжок в воду.

Без спешки Инезия вышла из круга от мели. Так как Лоони смотрела насмешливо, Инезия вскарабкалась на берег и села в траве в двух ярдах от нее. Инезия сказала презрительно:

— Ты думаешь, что поступила очень умно, не так ли, дав ему кольцо власти?

Лоони пожала плечами. Она уже решила ответить, но внезапно переменяла свое намерение. Большинство из заявлений Инезии были риторическими, и были направлены на то, чтобы вызвать ответы. Она изучила безмятежное лицо богини. Было что-то в нем такое, что говорило о торжестве. Лоони сказала мягко:

— Так он подписал приказ о моей смерти. Я знала момент, когда ты материализуешься. Как долго же мне жить, Инезия, дорогая?

Безмятежность богини рассыпалась в звонком смехе.

— Не думаешь ли ты, что я скажу тебе это?

— Тогда, — сказала Лоони, — я буду продолжать, словно этого никогда не будет.

Наблюдать за исчезновением выражения самодовольства на изнеженном лице Инезии было крохотной победой. Поэтому сочный голос огрызнулся:

— По крайней мере, я могу уничтожить твоё истинное тело, если пожелаю.

Чувство победы угасло. Лоони задохнулась.

— Ты хочешь сказать, что еще не уничтожила сго?

Она заставила себя остановиться. Она дрожала, похолодев от ужаса. Ее истинное тело! Глупо было даже думать об этом теперь, когда она не свободна оставить это, но она не могла помочь ему. Веря, что оно уже уничтожено, она отбросила все сомнения и руководствовалась действительностью.

Но теперь то, что ее тело, представляющее огромную красоту, которая привлекала и удерживала могучего Пта и было полюсом божественного могущества, — все это требовало захватить его, если она успеет ударить достаточно быстро. Она сказала хмуро:

— Ты умнее, чем я предполагала, Инезия, но недостаточно умна. Я живу или умираю с Пта.

— Это будет смерть... скоро, — холодно сказала другая женщина. — Пять чар из семи уже разрушены. Я думаю, что его подозрительность пробудилась, но это уже не имеет значения.

Моя сеть накинута на него; и даже шестая защита уже готова пасть. Для этого я разработала великолепный маленький план, аннулирующий любую независимую мысль, которую он захочет реализовать. Новый план... в действительности очень старый, он сформировался у меня в уме давно и будет осуществлен через день или два. Я полагаю, — закончила Инезия, — что таким образом я положу конец любой твоей надежде перестроиться на основе вернувшейся силы и свободы.

Лоони устало села. «Тет-а-тет» был путем для интервью, в котором принимала участие Инезия, путем к победе. Она позволила молчанию продлиться, пока не почувствовала себя лучше. Потому что ее победа не была настолько большой, насколько это могло показаться. За неделю, в течение которой она ждала прихода Инезии, вынужденно придерживаясь воды, потому что прийти оттуда легче, она измоталась. Характер золотоволосой богини был до смешного, тщеславный.

Собственная жизнь Лоони была бы невыносимой, если бы ее не скрашивали периодические посещения, во время которых Инезия рассказывала о своих победах.

Лоони сказала спокойно:

— По правде говоря, я не верю, что он сможет организовать успешное вторжение в этих вулканических горах. После всех мучений ты семь раз попытаешься достигнуть кресла Пта, и семь раз армия потерпит неудачу.

Инезия сделала нетерпеливый жест. Ее горло издало звук, нарушивший тишину этого места. Сначала Лоони прислушивалась к нему, только смутно догадываясь. В тоне было что-то другое, констатация достижения, которое уже свершилось, и имело сейчас кульминацию, с видимым триумфом.

Через один или два дня, сказала Инезия, ее план работает. Истиной должен быть один или два дня, *назад*. Или, возможно, это происходит сейчас, в это время, пока она говорит. Что она сказала?

— ...Он прочитал лекцию на следующий день после прибытия на фронт десяти тысячам маршалов и их женам. Я была одной из жен. Все, что он говорил, совпадает с моими собственными мыслями относительно военной стратегии: возможность усилить существующую пропорцию между числом грузовых скриров и гримбов. Это особенно интересно потому...

Инезия запнулась. Она заулыбалась. Затем произнесла сладчайшим голосом:

— Только ты, моя дорогая Лоони, знаешь об *этом*. А твой язык опечатан, не так ли, милая? Но ты узнаешь, что я имела в виду, когда сказала тебе, что ключевое слово —

АККАДИСТРАН.

В невыносимой ненависти Лоони сказала:

— Дьяволица! Ты немыслимая убийца!

Чудесный мелодичный смех прозвучал в ответ на ее слова. Смех персерос в грубый саркастический хохот, который не оставлял сомнения, что его обладательница имеет безжалостный ум и душу. Холодно Инезия сказала:

— Какие мы сентиментальные! Что мы можем поделать, если человеческое существо умирает за несколько лет до своего естественного конца.

Она лежала, откинувшись спиной на траву. Ее совершенное тело мерцало белым светом в лучах утреннего солнца. Но глаза напоминали голубые льдинки, когда она глядела вдоль ручья и долины, что простиралась до северных холмов.

Она, казалось, углубилась в созерцание скрира Лоони, который стоял, как какая-то огромная ловящая рыбу птица, раз за разом погружая свою длинную шею в поток и каждый раз извлекая оттуда серебристо-белую рыбу.

Лоони показалось, что она может прочесть мысли, которые были у Инезии, глядевший на птицу. Но было очевидно, что золотая богиня решала что-то более сложное, чем попытка нарушить управление животным.

Инезия вздохнула и сказала:

— Слишком плохо, что Пта сделал свой доклад после того, как назначил на высшие посты мятежных офицеров. Я чувствую уверенность в его нетерпеливой манере, его огромную уверенность, и сущность его слов рассеяла даже их подозрения. Я должна сказать, что была удивлена смелостью того, как он отдает приказы такой огромной армии, — задумчиво глядя, сказала она. — Я сомневаюсь, что человек Холройд определил, что только полу-Пта мог захватить такую власть, какую он уже имеет. Конечно, теперь это не имеет значения, так как мятежники падут благодаря моему небольшому трюку.

Она улыбнулась с таким весельем, когда взгляд Лоони коснулся ее. Несмотря на то, что торжество неискреннее, по мнению Лоони, она все же почувствовала отчаяние.

— Трюк? — эхом отозвалась она.

Богатый голос Инезии продолжал:

— Вчера он отправился вместе с мятежными офицерами и художниками на скрирах на аэроскогносцировку. Этим утром, вместе с другой группой на гримбах, он будет изучать ту же территорию и уточнять наброски, сделанные вчера.

— Но я не вижу... — начала Лоони.

— Увидишь, моя дорогая, — тщательно проговорила богиня, — когда я скажу, что два дня назад я позволила попасть в руки генерала мятежников — теперь маршала — Маарика документам, будто бы направленным от принца Инезио ко мне, в которых вторжение раскрывается как трюк, направленный на уничтожение мятежников.

Она лениво встала, ее волосы пылали на солнце за счет движения.

— Мятежники предпримут ответные действия этим утром. В результате моей контракции... разрушится шестая защита — это произойдет сегодня. К вечеру божественное кресло будет в моей власти.

Ее улыбка предназначалась Лоони.

— Ты будешь счастлива узнать, что спешка, из-за которой я так действую, необходима для того, чтобы устранить любое препятствие с твоей стороны, которое ты можешь поставить, поскольку обладаешь определенной властью, вынужденно предоставленной мной. Прощай, дорогая.

Она ступила в воду и скрылась.

Долгое время Лоони смотрела в точку, в которой исчезла Инезия. Неделью она дала себе, неделю, которая позволит этому полуживому телу приблизиться к жизни, — эта неделя оказалась слишком долгой.

Она начала медленно одеваться. Трудно было сообразить, что же ей делать. Она подсчитала, что для нападения на Нуширван потребуется время на подготовку. Теперь ее собственный неопределенный план оказания помощи Пта в изучении истины, с которой он столкнулся, — этот ограниченный план должен быть ускорен, приспособлен к новой ситуации. Ее немедленная цель была очевидна. Она должна найти Пта. Где бы он ни был, она должна отыскать его. Его штабы могут быть на центральных холмах, противостоящих городу Три Нуширвана. Где-то в той безграничности долин и холмов с огромным количеством людей и животных был Пта... И он был в опасности. Она завязала свои сандалии, заставила скрира подойти к себе и через минуту взмыла в направлении севера.

Глава 15. РЕКА КИПЯЩЕЙ ГРЯЗИ

Отложившиеся из Нуширвана! — услышал Холройд крик. — А? — резко сказал Холройд. Он развернулся в своем седле назад. Вглядевшись, он увидел длинную линию всадников,двигающихся через зеленую долину. Глаза его сузились.

Противник здесь, за армейскими позициями, после всех предосторожностей, которые он принял. Мягкий голос за его спиной сказал:

— Около пяти сотен. Это два к одному. Что чувствует великий лорд Инезио, когда вместо спокойного и методичного ограбления Нуширвана он столкнулся с реальной опасностью, не предусмотренной планами ложного нападения?

Холройд пораженно взглянул на говорившего.

Мужчина был невысоким, одетым в форму полковника, но в его манере говорить была дерзость. Воздух разорвал приказ, который показывал, что в другой организации он занимает несравненно более важную должность.

Холройд вздохнул. Он настолько погрузился в свои собственные планы, что возможность подозрений со стороны других людей, чьи дела были особенно стремительны, серьезно его не интересовали. Поэтому восставшие, получив в свои руки документ богини, сделали вид, что они ничего не знают о предстоящем нападении. С мрачным юмором они договорились с нуширванцами взять в плен человека, которого они считали принцем Инезио.

Должно быть, ужас отразился у него на лице, потому что молодой полковник рассмеялся, затем стальным голосом громко произнес:

— За неделю, которую вы здесь были, вы не смогли придумать ничего более умного, как назначить на командные посты людей, которые давно лелеяли мысль о нападении на Нуширван. Важной вещью в этом трюке является то, что они теперь имеют посты. Общие приказы знают все офицеры. Глупить не в наших привычках, у нас есть настоящие письма, доказывающие, что собирается проверочный смотр. Атака состоится, но она не будет поддельной. Через месяц армии двинутся.

Первое потрясение прошло. Холройд, мрачный, сидел теперь спокойно. Они, казалось, не спешили, уверенные в своей добыче. До них было с полмили. Такое расстояние приносило неудобство. Бог Пта, с его нынешним могуществом, не мог справиться с таким положением.

И еще, он не должен попасть в плен. Дать этим болванам понять, что гонволанская армия не готова для нападения на такую горную крепость, как Нуширван?

Нужно по крайней мере три, четыре, пять месяцев для перегруппировки. И нужно время для накопления запасов. Но жизненно важным была организация транспорта, основанного на скрирах и гримбах, куда вошли бы два из трех гримбов и скриров, вступивших на этот огромный континент.

Скоростная и мобильная система явится ответом на ужасающие горы, жутко выглядящие вулканы, пузырящиеся темные зыбучие пески: все это образовывало необычайно труднопроходимый массив Нуширвана. Сухой смех вырвался у него. Кто среди этого огромного числа офицеров знает, что делать со ста миллионами животных и птиц?

Стоящий за Холройдом полковник сказал:

— Глупо даже помышлять о сопротивлении. Осмотритесь. Их на пятьсот человек больше. Вы не сможете вырваться из этой западни.

Холройд не повернулся. Краем глаза он увидел движение на краю крутого склона на правом фланге этой зеленой долины. Всадники. Они прошли по краю склона и зарысили вниз с неровной горы. Это было сделано до великолепия отчаянно. Быстрый взгляд через левое плечо показал, что другой фланг тоже перерезан всадниками, вынырнувшими из узкого ущелья. Кольцо было совершенным, с блеском осуществленным превосходящими воинскими силами.

Не спеша теперь, потому что изменить вряд ли что было возможно, Холройд проверил свою личную позицию. И определил, что существуют два варианта. Он заставил своего гримба развернуться к стройному офицеру, который следовал за приближающейся линией гримбов. Офицер заметил его приближение и следил за ним с серьезной улыбкой, которая положила конец первой надежде. Но Холройд не ждал. Он остановился и резко сказал:

— Маршал Уубриг, прикажите людям рассыпаться во всех направлениях с целью отвлечь противника, тогда появится возможность спастись для некоторых.

Он увидел, что остальные смотрят на него насмешливо.

— Я, сэр? — наконец выдавил офицер. Он продолжил вежливо: — Думаю, будет достаточно сложно приказать людям. Как вы знаете, это специальная группа. Каждый из них потерял сестру или брата, мать или отца у отложившихся. Они знают, что Нушир недоверчив. Они убеждены, что, пожертвовав собой, они доверия не заслужат, но если вы сдадитесь, то это будет ценным. Как вы думаете, мой великий принц Инезио, — маршал Уубриг закончил иронически, — что значит для людей с таким образом мышления исполнять мои приказания, если я скажу так, как вы распорядились?

Холройд молчал. Он пренебрег изучением мятежников в отложившемся штате. У себя в памяти он почти ничего не нашел, касающегося Нуширвана. Он не знал их взглядов. Они были напористы, как немцы после первых успехов.

Напади на Нуширван, сказала Лоони; и вызывающее трю-качество богини, ее неестественные попытки избежать такого нападения, укрепили его убеждение, что вторжение должно быть осуществлено. Теперь, конечно, оно оказалось обычным трюком, чтобы заставить его самого напасть на Нуширван.

Он видел, что ближайшие всадники всего лишь в трех сотнях ярдов отсюда. Он должен поторопиться и найти кого-то, кто поможет ему осуществить его второй план. Он развернул свос животное и открыл рот, чтобы выкрикнуть требование, а затем заколебался. Это было воспоминание, которое Пта помнил физически.

Всадники были уже в сотне ярдов от него.

— Есть здесь кто-нибудь, кто проткнет мое сердце стрелой? — крикнул Холройд.

Никто не ответил. Никто не двинулся. Блестяще одетые офицеры переглядывались между собой, затем смотрели в сторону врагов.

— Видите ли, — это был полковник, который снова оказался около него, — мы обещали передать вас живым. Наша надежда лишь в одном — выдать вас живым!

Сейчас уже у Холройда не было чувства безнадежности. Он почувствовал холод, собрался и решился. Ему нужно избежать этого радикального похищения. Другого выхода у него не было. Здесь должно быть смертельное давление, которое когда-то привело его в неистовую ярость.

Он видел, что полковник держит одну из тех превосходных тонких пик с каменным наконечником на основании из прочного дерева. Хотя офицер знал о его намерении, Холройд направил гримба к нему. Потом последовала короткая борьба за обладание оружием. Глаза офицера широко раскрылись, когда пика была вырвана из его рук, точно у маленького дитяти. С торжеством Холройд развернулся прочь. Он крутанул пикой вокруг и, поскольку ждать времени не было, воткнул ее острием в левую половину груди, сильно и глубоко. Приближение более чем полутора тысяч мятежников он осознал весьма смутно.

Какое-то мгновение боль была ужасной. Затем агония угасла. Холройд все еще чувствовал давление пики в его тело в том месте, где она вошла. Это был неприятный тяжелый вес, который он должен был терпеть столько, сколько мог.

Он позволил себе резко откинуться на круп животного и медленно сползать дальше, хотя кожаных стремян он не выпустил. Кто-то поблизости разразился отборной бранью, но язык был гонволанским.

— Так вот каким образом вы передали тело. Нушир оплатит за это. Не отпускайте их, грязных предателей.

Полковник воспротивился.

— Это не наша вина. Вы сами видели, как он вырвал у меня копье и закололся. Кто ожидал от этого изнеженного любовника Инезио, что он поступит подобным образом?

Холройд почувствовал симпатию к этому человеку. Эти недовольные заговорщики были в основном правы. Какая еще группировка могла бы выступить против бессмертной женщины и религиозного рабства, поддерживаемого могущественными замковыми владыками? Каждый, кто принимал участие в этом заговоре, знал, чем это для него может кончиться.

— Мертвого или нет, я забираю его тело! — проревел вождь нуширванцев. — А теперь давайте убираться отсюда. У вас нет времени ждать здесь.

Раздался звук тяжелых когтистых лап, царапающих землю; а затем движение перешло в бег. Они могли бы по крайней мере извлечь пику из тела. Оружие раздражало его. Он не мог представить себе, что оно может весь день торчать из его груди. Структура органов тела Пта должна быть радикальной.

Холройд полуоткрыл глаза и глядел вверх. Он продолжал занимать все то же неудобное положение и обозревать небо, покрытое едва видимыми облачками, когда что-то темное закрыло на мгновение солнце.

Приглядевшись, он увидел большого скрира с одиноким всадником, держащего курс на север. Холройд подумал:

«Если бы только этот глупец на птице понял, что случилось, было бы время послать предупреждение, чтобы перехватить отряд раньше, чем они достигнут границы Нуширвана», — но он молчаливо следил, как птица исчезла за холмом.

Чтобы избавиться от пики, Холройд начал медленно сдвигаться, словно мертвое тело перемещается во время движения. Это требовало осторожных манипуляций, но он преуспел в них, и наконец острие пики стало давить в незащищенное тело животного. Он начал давить сильнее, продавливая пику через свое тело. Хотя боль стала невероятной, он стиснул зубы и продолжал давить. От движения его тела конец пики раскачивался в воздухе, другим своим концом причиняя неудобство гримбу.

Краем глаза Холройд изучал положение. С обеих сторон скакали мятежники. «Ага, посматривает», — определил он действия соседнего всадника. Сквозь боль он услышал голос.

— Эй, стой! — раздалась команда поблизости. — Вытащи пику, она раскачивает труп. Еще немного, и он свалится! Чувство давления ушло. Холройд лежал спокойно. Он уже был готов праздновать победу. «Вечером, — свирепо думал он, — вечером под покровом тьмы и вулканического дыма, который прикроет бегство...»

Но тут раздался крик, а затем и слова:

— Эй, погляди, шеф! На пике нет крови. Что-то здесь не так.

В самом деле. Через минуту гримб Холройда стал. Грубые руки схватили его, стащили на землю и стали ощупывать. Затем удовлетворенный голос старшего сказал:

— Ран нет. Я думаю, это шутка любовника богини, который притворился мертвым. Лучше вставайте, принц Инезио.

Не говоря ни слова, Холройд поднялся на ноги и влез на своего гримба. Все нуширванцы были крупными и рослыми мужчинами. Многие носили усы и бороды. У всей этой компании неудача Холройда должна была вызвать улыбку. Но никто не смеялся. Они смотрели на него, но, когда Холройд оглядывался на глядевшего, он тут же отворачивался. Нуширванцы последовали тем же путем, которым и двигались. Было бы неплохо сделать их своими друзьями. Общая реакция казалась неестественной, даже когда он представил себе: человек с пикой в сердце сдет как ни в чем не бывало и движется.

Длинная колонна пересекла широкий холм, никто не оставался. Небольшая деревянная корзинка фруктов была передана Холройду одним из мятежников, но другие пленные, как заметил Холройд, не получили ничего.

С интересом он изучил содержимое корзинки. В ней было три вида фруктов, один из которых он прежде не видел. Плод был круглым, около трех дюймов в диаметре. Он был толстым, мягким, со шкурой красного цвета, снимавшейся, как у банана. По вкусу этот плод напоминал виноград. Пакет в корзинке не содержал ни хлеба, ни другой пищи, только фрукты.

Увидев, что к нему подъехал нуширванский офицер, Холройд протянул ему корзинку и сказал:

— Если хотите, можете съесть это. Я могу обходиться без пищи в течение... — он запнулся, как бы извиняясь улыбнулся, сетуя на плохую память, — в течение семисот лет.

Офицер выругался:

— Пошел ты... в Аккадистран!

Долгий вечер заканчивался, а Холройд все еще не съел фрукты. Они были пищей, более желанной голодному чело-

веку, чем идеалисту. Но он поделился фруктами со своим гримбом и обратился к другому офицеру — генералу Ситейлу. Холройд с трудом выговорил его имя.

— Генерал, — нетерпеливо сказал он, — не знаете ли вы, далеко ли отсюда река кипящей грязи?

Худошавый офицер с ястребиным носом, лет сорока, колебался, затем произнес:

— Мы достигнем ее раньше, чем стемнеет. — И от себя добавил: — Около двенадцати мостов ведут к городу Три, который лежит всего лишь в восьми канбах за рекой.

Холройд кивнул обеспокоенно. Он не должен пересечь эту реку. Невозможность для Инезии даже мысленно пересечь ее должна была что-то значить. Он должен это обдумать, и быстро. Он изучал профиль нуширванского офицера, но в нем не было больше ничего, кроме того, что этот человек на дальнейшие его расспросы отвечать не будет. Сопротивляться было бесполезно, это было только потерей времени, а время было единственной вещью, которой не хватало.

Наклонившись, Холройд вглядывался в горы. Теперь они были выше, чем в начале путешествия. И вблизи проглядывали новые шпили и выступы, прикрытые до этого густым смогом, извергаемым вулканами. Он мог чувствовать мир мглы, который был приближающимся Нуширваном. Он повернулся к офицеру.

— Эта еда, — сказал он настойчиво под топот тяжелых лап, — я клянусь, что не собираюсь ее есть. Если вы ее не хотите, то дайте кому-то, кто не знает, что она от меня. Пища, знаете ли, не представляет ни ненависти, ни идеологии.

На этот раз человек взял корзину и передал другому всаднику. Холройд не следил за дальнейшим путем пищи. Он сказал:

— Полагаю, что если бы я поклялся, что прибыл на Нуширванский фронт драться и завоевать Нуширван, это не изменило бы ваше отношение и других?

— Ни у кого, — прозвучало в ответ. — Принц Инезио — кукла в руках богини. Мы точно знаем, что он представляет из себя.

— Понимаю, — мрачно сказал Холройд. — Я скажу вам, что я не принц Инезио. Что я — Пта.

Офицер повернулся и глянул на него оценивающим взглядом. Наконец он рассмеялся.

— Это умно. Однако неверно. Никто не сможет убедить нас, что такая личность существовала, — он оборвал разго-

вор. — Кажется, я недооценил нашу скорость. Впереди река кипящей грязи. К вечеру мы будем в городе Три.

Это произошло вскоре. Приближался каменный мост, который перекинут через грязевую реку. Холройд наклонился с гримба и почувствовал тепло, исходящее из кипящего борта.

Через полчаса они пересекли поток. И углублялись все глубже и глубже в территорию Нуширвана.

Глава 16. ГОРОД ТРИ

Как только мост остался позади длинного каравана, в Холройде стало расти чувство радостного возбуждения — как у человека, подумал он, на пути к камере пыток. Но мрачное сравнение не задержалось у него в памяти. Это не годится. У него было чувство существа, стоявшего перед глобальными, великими событиями. Мог ли простой смертный желать большего, чем это: быть в двухсотмиллионном будущем полубогом в фантастической земле!

Пта! Могучий Пта! Если только он сможет вернуть великую власть, которая была здесь, он разрушит ненавистную замковую цивилизацию. Мысль трепетала. В нем росло знание интенсивного чувства, которого не существовало до тех пор, пока он не пересек мост.

Он уселся свободнее на широком крупе гримба и постарался расслабить свой мозг; все его существо успокаивалось. Он ждал, высматривая приближающийся знак, который мог означать новую и ужасную личную силу. Но существовало только непрерывное движение чудовищного животного.

Холройд затрясся во внезапной ярости. Он почувствовал изменение, более существенное, скорее нетерпеливое, чем сдержанное. Его взгляд упал на кольцо, что так мешало Инезии. На память пришли страшные истории из его детства. С кривой ухмылкой он взялся за кольцо, крутанул его три раза и сказал:

— Этим кольцом я требую, чтобы меня немедленно перенесли в штаб в Гонволане. — Его улыбка стала шире через несколько секунд, когда ничего не произошло. Он попробовал снова, его гнев остыл. Но опять ничего не произошло. Он знал, что так и будет. Божественная сила — это не просто фокус-покус. Она вырастает из глубочайших, наиболее устойчивых эмоциональных свойств человека. Этот импульс был старым-старым, который слушалась масса. И когда-то, давным-давно,

король по имени Пта раскрыл состояние гениальной божественности, которая стала возможной у ног первого первосвященника.

И, конечно, как только эта катастрофическая сила была открыта, другие люди меча узнали о ней, определили ее небожественное происхождение и с невообразимой страстью боролись за то, чтобы овладеть величием, которое может подчиниться удачливому. Однажды открытая, великая сила могла только трансформироваться, она была неуничтожимой. Новый божественный правитель занимал место свергнутого. Такая сила теперь никогда не исчезает из сферы деятельности людей. Даже Пта верил, что окончательное успокоение он найдет в своем непостижимом слиянии с расой.

Но почему Пта сделал такую глупость в первом дворце? Ответить на это можно легко, имея перед собой события, которые теперь происходили. Но ответ не приходил к Холроиду. Его мозг все так же оставался без ответа. Вопросы бесили его, и в конце их все тот же бег без гримба. Продолжая движение, конвой из тюремщиков и пленных подымался все выше и выше в горы.

Холройд видел свой первый замок. Он представлял собой строение из темного камня. Замок присел, как необычная шишкообразная ведьма, в центре раскинувшихся зданий на вершине укрепленного холма.

Вид заставил его задрожать, затем его охватило жгучее нетерпение и осознание военной тактики, которую следует применить против такого обстоятельного препятствия в мире, который не имеет осадной артиллерии. Посаженные на скрипов войска опускаются сверху большими массами в боевых порядках, которые разъединяют каждый защищающийся фронт. Если провести все это достаточно быстро, потери должны быть небольшими. Такие силы могут напасть на три дня раньше и парализовать коммуникации врага. Возможно, в семи атаках, упомянутых в исторических книгах, ничего подобного не было описано. Но слава богу, что он набросал свой план нескольким высшим маршалам.

Тени в долинах начинали удлиняться. Солнце пылало кроваво-красным, как бы погружаясь в жерло курящегося вулкана на западе. Там теперь были телеги, тащимые дотлами, поток которых полз по дороге и растекался среди фортов и зданий, которые усеяли каждый холм. Внезапно мощный крик разнесся над ними. Крик был подхвачен по всей линии.

— Нушир! Нушир летит из центрального форта. Нушир прибыл для допроса принца Инезио.

Минутой позже гримб Холройда взобрался на холм, и он увидел город Три, распростершийся перед ним. То, что весь Нуширван звал так группу зданий, было тайной — как говорил офицер несколько дней назад, — имя города было Уит, или Уир, или Уик. Но на всех гонволанских военных картах он был обозначен просто как Три. Только два города отложившегося Нуширвана были ближе к границе. И один из них был далеко на западе, а другой так же далеко на востоке.

Три стоял на необычном плато и вскарабкался на холмы, упираясь в них тылом; и в сумерках он был похож на город из легенд Эйм, темная, таинственно нездоровая мечта из древности. Ветер принес подчиняющее громохание города к Холройду, обдувая его и случайными запахами, в которых наряду с кухонными ароматами были перемешаны запахи навоза гримбов и помета скриров. Этот аромат был всепроникающим, и когда длинная линия всадников прокладывала себе путь вдоль пыльных улиц, он стал воздухом, которым они дышали, нормальным и — Холройд угрюмо усмехнулся — по всей видимости, здоровым.

— Принц, — раздался голос генерала Ситейла.

Холройд повернулся. Прежде чем тот сказал что-то, он уже знал, что скажет офицер с ястребиным носом.

— Я думаю о том, что вы сказали там! — Генерал сделал движение головой. — Если вы Пта, почему же вы не используете ваше могущество?

Холройд ответил не сразу. Он совершенно забыл о попытке победить этого человека. Забыл о том, что было сказано, когда они пересекали реку кипящей грязи. Он попытался сосредоточиться на генерале. Поняв, что ему необходимо объяснить ситуацию офицеру, он рассказал.

Мужчина оборвал его в удивлении:

— Вы хотите сказать, что, когда мы пересекали грязевую реку, разрушились чары, которые не пускали богиню в Нуширван?

— Я не знаю, каким образом это происходит, — сказал Холройд. — Я пытался обдумать это, несмотря на ухищрения, к которым она прибегала, чтобы сохранить все в тайне.

Стало совершенно темно, так что он не мог видеть своего собеседника. Улицы были освещены смутным светом факелов, которые посылали скупой свет через мгlistую тьму и туман, распростершийся над городом. Холод пришел с холмов, вея прохладой после жаркого дня, сплошная ночь показывала, что путешествие заканчивается. Холройд поспешно сказал:

— Генерал, что со мной будут делать в первом дворце?

Ответа не последовало, и через минуту Холройду стало неловко. Молчание уже становилось тягостным, когда генерал сказал:

— Надеюсь, как и остальных, вас пошлют в Аккадистран. Что Зард делает с похищенными?

На этот раз в словах слышалась сатирическая нотка. Затем генерал сказал:

— Зарду нужны колонисты. Но поскольку еще не было пленных, которые сумели бы бежать из подобной колонии, мы подозреваем худшее. Самые невероятные рассказы... Вот почему я говорил вам, что ваше утверждение о вашей идентичности с Пта может нас заинтересовать независимо от того, являетесь ли вы Пта или нет. Ваш рассказ о мятежнике Таре из замка Линн может быть проверен, вы знаете это. — Поспешно офицер закончил: — Как я уже сказал, я думаю об этом, и тогда я вспомнил наше положение. И пришел к выводу, что мы имеем предмет, — он мягко усмехнулся, — незаметно меняющийся. О, мы отстаем!

Это так и было. Прибытие было гладким, не резким, как было в начале путешествия. Огромные звери сами заняли свои места, для этого не понадобилось никакого принуждения или понукания. Они стояли неподвижно, давая возможность спешиться.

Люди окружили Холройда.

— Сюда, принц Инезио. Вас хочет видеть благородный Нушир.

Его ввели через большой мраморный коридор в огромную комнату, в дальнем конце которой сидели мужчина и две женщины.

Глава 17. НУШИР НУШИРВАНСКИЙ

Нушир Нуширванский был крупным, пухлым молодым мужчиной с голубыми глазами. Тронные кресла его жен стояли чуть сзади его огромного трона, и оба справа.

Когда Холройд вступил в зал, обе женщины автоматически переглянулись, зашептались, а затем в унисон закивали. Одна из них была стройной и темноволосой, а другая пухлой и белокурой, и их жесты были такими слаженными, словно они думали и говорили в полном согласии, поэтому-то Холройд не мог оторвать взгляда от них. Ему стоило большого усилия, чтобы отвести свое внимание и сконцентрировать на

том, что Нушир говорит. Смутно он понял, что стражники закрыли за ним дверь.

Пухлый мужчина произнес мягким голосом:

— Ты действительно принц Инезио?

В его словах слышалось очевидное нетерпение. Он сделал шаг вперед. Его глаза были бесцветными, с голубоватым налетом, что заставило Холройда насторожиться и кивнуть в ответ. Не было сомнения, что во всем этом наследный вождь мятежников вступил в сговор с недовольными офицерами, с тем чтобы захватить Инезио.

Холройд напряженно ждал, пока мужчина не сказал:

— И ты не желаешь нападать на мою страну?

Понимание пробежало по каждому нерву тела Холройда. Он взгляделся в своего излишне полного допросчика сузившимися глазами, оценивая собственные возможности в данном положении. Если им руководят справа, он может освободиться через десять минут.

Он набросал в уме картину, как это может произойти. Любое трепетание человеческого беспокойства было теперь понятно.

Бесцветно-голубые глаза излучали жар неприязни, большие пухлые руки сжимались и разжимались, точно они хватали и сжимали желаемый объект. Толстые губы обвисли, раскрыв рот, мягкие тяжелые ноздри порывисто расширились. Весь физический облик правителя выдавал его мысли. Нушир Нуширванский хотел знать правду о нападении. И, несмотря на неудачу последнего вторжения, он был встревожен этой новой угрозой. Холройд сдержал дыхание и сказал:

— Если вы предприняли оборонительные меры, то вам нечего бояться.

— Что ты имеешь в виду?

— Нападение, — холодно сказал Холройд, — собираются провести для умиротворения недовольных элементов. Довести его до конца не собираются. Захватив меня, вы сыграли на руку людям, которые хотят уничтожить вас.

— Он лжет.

Это говорила брюнетка. Ее голос был тонким и пронзительным. Она ухватила за руку своего хозяина.

— Он слишком долго колебался, прежде чем ответил, и, кроме того, его манера говорить скрывает что-то в себе. Прикажи пытать его. Мы должны все знать.

— Ага, — сказал Холройд. — Как я вижу, правительство в Нуширване такое же, как и в Гонволане.

Пустые голубые глаза пристально изучали его. В них была неуверенность и озадаченность. Наконец Нушир сказал:

— Объясни.

— Обе стороны управляются женщинами, — холодно произнес Холройд.

И обе женщины задохнулись от злости. Вновь они глянули друг на друга, почти автоматически, но обе выпрямились и выглядели расстроенными.

Нушир сидел неподвижно, абсолютно бесстрастный, он только нетерпеливо повернул голову, когда брюнетка попыталась прикоснуться к его руке. Казалось, она не поняла настроения своего хозяина, поэтому говорила наполовину ему, наполовину Холройду.

— В Нуширване только один правитель. Но мы его жены. Его интересы в нашем сердце. Мы светимся лишь как отражение его величия. Когда мы советуем ему, то лишь как инструменты его тела. В этом смысле мы только орудия, изобличившие тебя во лжи. Поэтому мы рекомендуем пытки...

Она почти прошипела последнее слово и вперилась в Холройда, который пытался сдержать свое дыхание. Его попытка внести разлад между мужем и женами была с трудом отбита. Потом пришло удивление. Что могут сделать пытки с таким телом, как у него? Размышления оборвались, когда он увидел выражение лица, которое изменилось — преобразилось лицо блондинки.

Казалось, она впервые поглядела на него доброжелательно; ее положение как второй за креслом Нушира указывало на нее как на младшую жену. Она все больше менялась. Она вытянулась физически и изменилась умственно. Ее глаза зажглись жизнью, краска прилила к щекам. Она уселась поудобнее, как будто обдумывая что-то, затем сказала звонким голосом:

— Послушай, Найа. Если принц говорит правду — следуя подтверждению из Гонволана его заявления, — тогда он наш союзник, а не враг, и, в соответствии с таким обстоятельством, завтра утром — завтрак. Я предлагаю, чтобы нашему гостю на ночь предоставили апартаменты и приставили угодать женщину.

Наступило молчание. Дважды Найа, брюнетка, пыталась начать говорить; дважды она поворачивалась к блондинке, но каждый раз ее удивление не давало возможности ей говорить или что-либо делать. Наконец она устала на своего господина и ждала.

Нушир задумчиво потирал свой гладкий подбородок.

Но наконец тряхнул головой и сказал:

— Действительно, так и будет, я тоже пришел к такому выводу. Ввиду высокого ранга моего гостя, он может выбрать одну из моих жен, присутствующих здесь. Утром мы поговорим, а затем, если все будет хорошо, эскорт скриров доставит лорда в его расположение. — Сделав паузу, он закончил: — Какую из двух моих жен ты выберешь, великий принц?

Об отказе нельзя было и помышлять. Это было все равно что подписать себе смертный приговор. А выбор не требовал долгих колебаний. Холройд сказал смело:

— Я выбираю ту, которую зовут Найа, и благодарю вас за эту честь для меня, великий Нушир. Вы не пожалеете об этом.

Он подумал:

«Какую бы глупость я сделал, если бы оставил эту склочную брюнетку на ночь с мужем, дав ей возможность настроить его против себя».

Нушир не мог скрыть удивления.

— Я думал, — произнес он заинтересованным тоном, — что, как и другие, кто удостоился подобной чести, ты выбираешь блондинку Калию, — он поперхнулся и рассмеялся. — Это будет интересный эксперимент для тебя, Найа.

Он дернул за шелковый шнур, свисавший вниз с потолка. Тотчас же в комнате зароились слуги. Через десять минут Холройд остался один на ночь с женой Нушира.

В дальнейшем конце главной комнаты было большое, украшенное орнаментом окно. С пристальным вниманием темно-волосая женщина наблюдала, как Холройд подошел к нему и выглянул наружу. Город Три распростерся перед ним. Его смутно освещенные факелами и световыми трубками улицы создавали общий эффект старого европейского города с приглушенным освещением.

Чувство возбуждения, которое пришло после того, как он пересек мост, становилось сильнее. Несмотря на все, щупальца удовлетворения обвили его мозг. Это была правда, что он потерпел поражение, преодолев реку кипящей грязи, но он так же отвоевал свою свободу, чтобы вернуться в Гонволан. Только что за баланс был между победой и поражением? Он, кто знал так мало, не мог надеяться на суд. Возможно, он в опасности, но свободен по крайней мере, чтобы иметь шанс все обдумать и подготовиться для следующей яростной атаки. Верно, здесь, сейчас, он должен провести черту и сказать: дальше ни шагу. Действие с этих пор должно основываться на информации и глубочайшем размышлении.

Холройд сухо рассмеялся. Одиноким человек в мире, о котором он не знает ничего, с большим желанием действовать, но который не в состоянии вовремя изучить важные вещи. И все же гораздо лучше чувствовать себя свободным!

Он выкинул из головы мысли и вспомнил Найю. Естественно, ему следует овладеть ею, поскольку она предложена. Любое пренебрежение с его стороны не останется без внимания, и о нем будет доложено, что будет рассмотрено как плохие манеры, — не стоит рисковать. Он отвернулся от окна и застыл в удивлении.

Брюнетка стояла, прижавшись одним ухом к двери, ведущей в коридор, и прислушивалась. Она округлила свои глаза, приложив палец к губам в древнем жесте, глядя на Холройда. Наконец плавным изящным движением она скользнула к нему.

— Нам следует действовать быстро, — прошипела она. — Ты сделал неумно, выбрав Найю вместо Калии, в чье тело я вселилась, чтобы заставить ее поддержать тебя. Теперь мне пришлось переключиться на эту, а блондинка помнит, пусть и не отчетливо, что ее принуждали говорить в твою пользу. Поэтому времени у нас мало, нужно спешить.

Она смолкла и Холройд сказал гневно:

— Что...

Он остановился и стал точно камень, его глаза стали будто две щели. Затем он продолжил, еще более грозно.

— Кто ты? — спросил он резко.

Женщина прошептала:

— Я та, кто вскарабкался по скале, кто пытался убить тебя и кто дал тебе кольцо Пта. Покопайся-ка у себя в голове: говорил ли ты кому-нибудь о том, что видел меня? Если нет, тогда ты должен знать, что я не Инезия.

Она жестом оборвала его попытку говорить.

— Мы не смеем медлить, клянусь. В этот самый момент Инезия в главном дворце Нушира пытается окончательно уничтожить божественное кресло Пта. Кресло последняя... — Ее голос умолк. Язык ее стал слишком большим для рта. Она попыталась говорить, но это давалось ей с трудом. Закончила она быстро.

— Без промедления мы должны идти туда. Час, даже минута промедления могут быть решающими. Пта, я поняла, что ты слишком явно поглупел. Но это не может оказать помощи.

Самое необычное было в том, что решение Холройда, которое казалось таким твердым, так глубоко обдуманное, чтобы

уступить перед одним словесным натиском, было поколеблено. Но в том, что она говорила, была правда.

Он не говорил никому о тощей женщине, и Инезия очень разъярилась, увидев кольцо. Инезия не знала, *не знала*, как эта женщина могла прийти к нему, даже если она догадывалась, кто дал ему кольцо. Несомненно, это была Лоони, заключенная в темницу, и если Лоони говорит сейчас, что не стоит терять зря времени, то его действительно не нужно терять.

Теперь, когда он думал об этом своем похищении, инспирированном Инезией, он понимал, что кульминация ее планов уже не за горами. Защитное сооружение, которое Пта построил много веков назад, было разрушено. Безумием было то, что, зная это, он оставался здесь. Но он ничего не мог поделать. Тяжесть его колебания и причины, вызвавшие его, были слишком важны, чтобы их игнорировать. Ему сказали, что он должен сесть в божественное кресло Пта и что таким образом он возвратит старую божественную силу Пта.

Это звучало нелепо, как детская игра. Но обе, и Инезия, и Лоони, говорили ему, что это так. Почему Инезия среди множества малой лжи сообщила ему одну великую правду? Зачем она вообще говорила ему о кресле? Она должна была сказать ему об этом в силу каких-то причин, которые являются следствием ее действий, направленных словом и делом на уничтожение его защиты. И кроме того, сказать ему психологически точно.

Это сконцентрировало его мозг на той отдаленной цели, пока она все приготовила. Но теперь она была на финишной прямой. И были необходимы самые отчаянные действия.

Он видел, что... Лоони... следила за ним широко раскрытыми глазами. Он оценил то, что она не прерывает его размышления, затем быстро сказал:

— Как можем мы там очутиться?

— Если ты пойдешь на прогулку со мной, — ответила она. — Верхняя одежда приготовлена в седельных сумках скриров Найей — женой вождя. Как Найа, я могу приказывать охране скриров в любое время дня и ночи без лишних расспросов. Пошли!

Холройд двинулся за ней к двери.

— Погоди! — сказал он. — Среди заключенных находится Ситейл. Нельзя ли его обеспечить скриром и позволить бежать? Думаю, он смог бы этим временем проделать в Гонволане ценную работу...

Лоони оборвала его:

— Это невозможно. Такие действия не свойственны ему. Пока же у нас вообще нет времени! Поторопись!

Через пятнадцать минут они взлетели.

Глава 18. СТРАНА ВУЛКАНОВ

Становилось очень холодно. Впереди выше маячили достижимые горы, темные, голые и дикие под чужими, близкими звездами. Но не все было темным в этом замерзшем мире, вулканические огни прыгали и пылали тысячами кратеров, делая ночь безобразной и ужасной, с красным пламенем и красно-черным дымом. Каждый конус огня, казалось, держит себя в отдельности, и ночь вокруг была темнее и страшнее. Скриры облетали вулканы там, где было прохладнее и не выделялись бледные испарения.

Холройд отчетливо чувствовал огромную борющуюся птицу-зверя, на которой находились они с Лоони, и нарастающую в ней медлительность и усталость. Дважды с беспокойством он видел, как другие скриры с всадниками пытались пресодолеть отвесные склоны гор.

Когда началось снижение, у него появилось неясное знание. Возможно, это произошло, когда его мозг начал инстинктивно тянуться вперед и стараться ознакомиться, чем закончится путешествие. Птицы стремительно спускались, воздух становился теплее. А город разбрызгал свои огни под ними. Сначала один, затем другой, а потом еще один. Даже земля между большими массами огоньков не была совсем темной, а озарялась редкими пятнышками одиноких белых точек.

Первые города гнездились в долинах между необычными вершинами, но скоро этот неровный барьер перешел в плоскогорье, затем в равнину. Воздух становился успокаивающим, а города нескончаемыми. Очередной был все время в виду до тех пор, пока они не видели смутных очертаний следующего.

Прошло часа полтора с того времени, как они оставили за собой плоскогорье, и тогда Лоони повернулась в седле и крикнула Холройду:

— Котахэй, столица!

Манера, которой она произнесла название, имела экзотическую, чарующую музыкальность в произношении. Но ночью город выглядел так же, как и прочие, разве что был больше других и протянулся между горами на севере и очертаниями широкой реки на востоке. Лоони снова заговорила:

— Я почти прилетела вчера в Котахей, вместо...

Название, которое она произнесла, унес ветер.

— После неудачной попытки найти тебя у любого из двенадцати мостов, пересекающих реку кипящей грязи, я была в панике. Раз за разом я пыталась преодолеть себя, и, когда мне это удалось, я узнала, что ты разрушил шестую линию защиты и что я пропустила тебя. Все что я знала — это то, что не смогу уследить за многочисленными перемещениями.

Я почувствовала, когда летела над городом, без сомнения, тебя. Определила направление на центральный форт и немедленно проникла в тело женщины-служанки. А уж из него легко было переправиться в тело Калии — белокурой жены Нушира.

Холройд внимательно прислушивался к ее объяснению. Картина, которую она обрисовала, осветила небольшие пробелы в его знании о продолжении ее жизненного потока с тех пор, как он последний раз видел ее. Но, вглядываясь теперь в приближающуюся столицу, он в своих размышлениях обратился к ней. Там была Инезия. И кресло Пта.

Ее тяжело было представить. Сильное, страстное создание, которое было златокудрой богиней, казалось нереальным здесь, в этой ночи, с воющим ветром, омывающим его тело, с большими, темными крыльями могучего животного, которое он оседлал, отдавшись буйному движению.

Божественное кресло не вызывало в нем никакого образа. Его мозг отказывался даже набросать мысленный поверхностный образ. Но оно должно существовать там, внизу! Лоони верит в это, и Инезия, планируя что-то, основывается на том, что кресло — реальность. Очень давно Пта, должно быть, рассказал о нем им. Хотя вполне возможно, что он ввел их в заблуждение, впрочем, убежденности у него не было.

«Если бы я был Пта...» — подумал Холройд, а затем улыбнулся со свирепым сознанием несоответствия. Он *был* Пта. По крайней мере, другого не было. «Если бы я был Пта, — повторил он, — и я не доверял бы одной из женщин — или обоим, — то для того, чтобы обеспечить безопасность, не оставил бы без единого шанса свою защиту. Дело не в том, что было сделано для этого. Я должен попытаться просчитать все... сконструировать потрясение или расстройство враждебного плана, какую-либо жизненную схему. Мне не стоит пренебрегать ничем, и в том числе сесть в кресло или сделать что-либо еще!»

Устремившиеся вниз скриры пронзительно завопили. Внизу замелькали огоньки; и в их свете открылся огромный двор.

Одна за другой птицы спускались вниз и садились с небольшими пробежками, точно лайнеры при посадке.

Люди внизу узнали лицо Найи, захлопали дверями, вынесли больше огня.

— Не нужно, — приказала Лоони-Найа, — будить дворец. Гость Нушира и я последуем без эскорта.

Вдоль весело мерцающего неровным светом коридора стояли солдаты-гвардейцы, которые оживились, завидя их, вытягивались по стойке «смирно», точно жерди, когда мужчина и женщина проходили мимо них. Холройд прошептал наконец:

— Ты знаешь, где она? Где кресло?

Он почувствовал напряжение и удивление, узнав переломную точку во всем, что происходило в нем.

Лоони прошептала:

— Я знаю точно, где оно. Найа знала... где... оно... дверь в конце этого коридора.

Это был большой, разукрашенный вход, и двери были закрыты. Холройд попробовал их на прочность. Тяжелый удар пришелся на прочное дерево, но дверь не шелохнулась.

— Погоди, — быстро сказала Лоони. — Конечно же, она внутри. Но у меня есть стражники, чтобы выломать дверь! — закончила она с удовлетворением. — На этот раз преимущество у нас. Во дворце нет тела, которое она могла бы занять и по этикету превзойти Найу. Я...

Она выпрямилась и тихо произнесла:

— Ах!

Дверь отворилась совершенно легко. Инезия стояла там, через порог. На черное вельветовое платье золотым потоком, словно шлейф, спадали ее волосы. Улыбаясь, она сказала:

— Входите. Я ожидала вас.

Глава 19. БИТВА БОГИНЬ

Голубые глаза богини Инезии искрились крошечными желтыми искорками, а ее улыбка была бледной и восковой, точно радость вошла в нее лучами струящегося счастья. Она снова повторила вариацию своих первых слов:

— Я следила за вами. Но, конечно, без воды невозможно повелевать духом, когда он в теле. Входите оба, я буду рада рассказать вам об этом.

Пта бросилось в глаза ее торжествующее настроение.

Угромо улыбаясь, он ступил прямо и остановился, продолжая стоять. Его вовсе не парализовал страх, просто он удив-

лялся, и прежнее чувство нереальности стало сильнее. Пришло трезвое убеждение, что он грезит. Через минуту он все еще стоял там, изучая это изнеженное лицо с мерцающей улыбкой. «Девушки-женщины выглядят непривлекательно, — мрачно думал он, — когда они злорадствуют».

Богиня снова произнесла:

— Какие мы мелодраматичные, Лоони. Конечно, что-то неправильно — неправильно поражение. Вот! Ты все еще колеблешься? Уверю тебя, нас не побеспокоят. Вы действительно должны посмотреть на кресло, которым овладели бы, если бы успели на шесть часов раньше.

«Паук сказал мухе, — подумал Холройд, — не будешь ли добра войти?» Ссылка на кресло едва ли задела его. Вместо этого его мозг сосредоточился на том, почему Инезия стала так уверена, что их не побеспокоят. Это было особенно сомнительно, потому что в уголках ее глаз он видел, что по коридору идут женщины. Пришла потрясающая мысль. Холройд уставился на Лоони.

— Меня совершенно потрясла ваша способность управлять человеческим телом. Можешь...

Лоони стояла, нахмурившись, словно она следила за чем-то, что старалось избежать ее. Теперь она взглянула на него.

— Только женщинами или самками животных. Существует физический закон, который...

Она остановилась и глядела, как Инезия опустилась на пол. Затем она вдруг заплакала:

— Пта, она ушла в чье-то тело.

Женщины теперь были в передней и приближались. У одной из них что-то топорщилось под платьем. Блеснул каменный нож с тонким лезвием, и Холройд, улыбаясь свирепой догадке, оттолкнул Лоони, а нож дернул к себе. Продолжая улыбаться, он отшвырнул его в сторону Инезии; богиня не показывала признаков жизни. Она все еще была одной из пяти женщин, и могла быть любой из них. Он чувствовал совершенное и возрастающее чувство опасности, которая была здесь.

— Быстрее, Лоони, — торопил он. — Прикажи женщинам уходить. Та, которая попытается убить Найу и попасть в более авторитетное тело, и будет Инезией. *Торопись!*

Она сообразила это быстрее, чем прозвучали его слова. Прозвучал резкий приказ. Покорно три женщины отправились назад, откуда они пришли. Одна из двух оставалась стоять неподвижно, но другая закричала:

— Вернитесь назад! Это не королева Найа, а самозванка! Как мы все знаем, королева с нашим хозяином Нуширом.

Говорившая была женщиной мощного телосложения, очевидно своего рода суперинтендант. В ответ на ее призыв одна из трех спросила дрожащим голосом:

— Если это так, то почему бы не позвать гвардейцев?

Лоони прошептала Холройду:

— Что делать? Звать стражу?

Холройд заколебался. Его мозг не успел сосредоточиться на немедленной угрозе. Он озарился знанием тех возможностей, которые видел. Он никогда не знал их раньше, но ужасная сила, которой обладали Инезия и Лоони, это возможность перемещаться из тела в тело. Они могли вступить куда угодно: во дворец, крепость, везде, где были женщины, убивать направо и налево. Смущение было абсолютно опустошающим. Никакой возможности сопротивляться таким демоническим личностям не было. Целые крепости должны падать без борьбы вследствие убийственного катаклизма внутри или загадочного убийства.

Ему стало ясно, что дни Нуширвана как независимого государства окончены. Его долгий иммунитет был утрачен после того, как Инезия пересекла реку кипящей грязи. Вот почему она не распространила свое влияние на колоссальную территорию Аккадистрана, который был, вероятно, незащитим и был тем местом, куда он теперь должен попасть!

То, что произошло, было совершенно ясным. Они с Лоони прибыли раньше, чем Инезия реализовала свои возможности.

Несмотря на все ее заявления, она не была способна в короткое время лишить могущества божественное кресло. Она, должно быть, испытала огромный страх, когда его тело с размаху врезалось в дверь. Но открыли дверь необычайно быстро. Она прибегла к варианту, по которому должна была занять тело какой-нибудь солидной женщины и послать по коридору других женщин. Затем вернуться в свое тело и, закрыв дверь, искусно использовать время. В результате пять женщин, которые, если ими соответственно руководить, могли уничтожить тело Лоони.

Вследствие этого, если бы они все кинулись, могли убить или вынудили бы убивать себя. Одна из них, которая осталась в живых, сказала бы, что Холройд убил Найу, потому что хотел попасть в комнату с божественным тронem. А тем временем Инезия осуществила бы свою цель.

Это была хорошая, хотя и упрощенная, схема. Безжалостная по отношению к своим подданным в Гонволане, богиня не поколебалась бы и здесь.

Холройд прошипел Лоони:

— Зови стражу. После всего мы сможем доказать, что ты — Найа, при помощи эскорта, который прибыл с нами.

Через минуту гвардейцы схватили женщин. Никто не пытался доказывать то, что Лоони не была Найей. Когда Холройд проанализировал ситуацию, то пришел к выводу, что весь ее план был принят сразу же под давлением неожиданных событий.

Лоони приказала:

— Заприте этих женщин в их комнатах, но утром освободите. Я потом найду случай наказать их за наглость.

Один из гвардейцев посмотрел на нож в руке Холройда, но тот глядел только на Инезию, которая подымалась на ноги.

Гвардеец спросил:

— А что с этой?

Лоони улыбнулась, но холодно сказала:

— Она потерпевшая. Оставь ее.

Через мгновение они остались втроем. Только Лоони улыбалась. Он прошел мимо женщин и вступил в комнату, ощущая, как пронизывающая интенсивность меняет его знание. Он сделал паузу, недоуменно переводя взгляд с одной женщины на другую. Лоони нарушила молчание. Неестественным голосом она произнесла:

— Н-у-у-у, дорогая Инезия, ты прыгнула выше головы, несмотря на все твои планы.

Улыбка ее угасла.

— Одну минутку, Пта, я осмотрю порог этой комнаты. Если он из защитного металла...

Она опустилась на колени и пощупала пальцами ковер. Когда она снова пошла к двери, Инезия бросилась вперед и мгновенным движением сбила ее на пол. Со свирепой улыбкой Лоони пнула ее ногой. Холройд бросился к Инезии и вежливо оттащил ее назад в комнату. Она встала и пошла к двери.

Инезия прошипела:

— Когда пройдет шесть месяцев, я сразу тебя уничтожу.

Лоони рассмеялась негромким смехом:

— Так у меня еще шесть месяцев, а? Благодарю, моя милая, что сказала мне, — все еще смеясь, она повернулась к Холройду.

— Насколько я могу видеть, нам ничто не мешает идти в комнату.

Она пошла, и ее смех заглох.

— О Пта, Пта, здесь победа, и все потому, что она испугалась моего бегства.

Удивление Холройда отразилось у него на лице, потому что она быстро объяснила:

— Ее настоящая цель была в том, чтобы ты напал на Нуширван и она переправилась через реку кипящей грязи. Чтобы преодолеть с армией эти горы, нужно недели две, возможно месяц, чтобы достигнуть дворца. И все это время она изучала бы кресло в этой комнате, и я уверена, что при таких обстоятельствах она могла бы его уничтожить.

Но это кольцо, которое я дала тебе, испугало ее. Это был всего лишь перстень-печатка Инезио, но когда я была в комнате, я влила в него часть своей силы. Она расценила это как объявление войны и дала мне достаточно времени, чтобы нанести ей ущерб, поэтому она действовала так, как ты уже знаешь.

Лоони рассмеялась снова, резким, но веселым смехом Найи. Инезия стояла недвижимо внутри тронного зала. Ее лицо было цвета мела, но глаза оставались голубыми и холодными, мертвенными, когда она сказала:

— Ты поняла, я надеюсь, что ты, по крайней мере, умрешь, Лоони. Любое могущество Пта не в состоянии извлечь из кресла полную силу. Сила приходит лишь от верующих, а я многие века делала все возможное, чтобы о нем забыли. И, в дальнейшем, он не будет долго связывать вас в темнице.

Она продолжала более воздушно.

— Он, может быть, будет иметь больше силы, чем ты теперь владеешь, — она рассмеялась доверительно и продолжила: — Сейчас я покоряюсь этому частичному поражению, остальное не так уж и важно. Снова я внушаю тебе ключевое слово.

Аккадистран.

— Ты дьявольская зверюга! — сказала Лоони.

Они все еще продолжали стоять, вглядываясь друг в друга, брUNETка и блондинка. И, глядя то на одну, то на другую, несмотря на то что он с трудом понимал то, о чем они говорят, Холройд внезапно почувствовал уверенность в том, что ему не следует быть здесь. Ему не стоит видеть обнаженные души обеих женщин.

Ему пришлось затратить определенное усилие, чтобы сбросить оцепенение. Он встряхнулся — это было не только физическим, но и умственным движением — и остановился у порога в большую комнату. Он знал, что Лоони следит за ним, а

Инезия обернулась, чтобы смотреть, что произойдет. Тогда он забыл о них обеих.

Глава 20. БОЖЕСТВЕННОЕ КРЕСЛО

Комната, в которой Холройд обнаружил себя, была, за исключением кресла, построена из камня: полы, стены, потолок — все было выложено из камня. Несмотря на тщательную обработку, камень был серым. Это был эффект великого, неслыханного века. Комната была *стара*.

Кресло занимало часть комнаты слева от Холройда. Оно светилось. Оно было таким ярким, что болели глаза. Это была необычно мистическая структура, нематериальная и мерцающая. Кристаллические прожилки светло блестели в нем: опаловый оттенок исполосован брызгами янтаря, а разводы из киновари переплетались с пятнами из бледной охры.

Оно блесло, как какой-то драгоценный камень, и форма его была совершенным кубом с ребром в пятнадцать футов. Оно висело над полом. Оно дразнило ложными надеждами, оно наступало, оно не имело связи с твердой реальностью. Холройд подошел к нему, остановился, в восхищении вглядываясь в него. Оно было *вверху*. Нижняя поверхность куба находилась по крайней мере в десяти футах над его головой.

Он понял, что оглядывается по сторонам, изучая, что же помешает ему взобраться и усестись в великом, пылающем «месте».

По мере разглядывания он обратил внимание, наконец, на две пары глаз, и каждая в огне собственного восхищения. Две пары глаз ожидали рождения бога.

Тяжело было разрушить их гипнотическую хватку, но Холройд покачал головой, и это было похоже на падение скалы на стеклянный круг, который являлся его мозгом. Расходящиеся круги ряби разрушали чары. Теперь он видел каменные ступеньки, выбитые в каменной стене слева от кресла. Они тянулись вверх, к потолку, и вдоль него. Заканчивались они точно над креслом. Вскрабавшись вверх, он мог раскачиваться от перекладины к перекладине и прыгнуть прямо в кресло. Спортивный ребенок мог бы сделать это без тени колебаний. Тот, Кто Владеет Силой, делает это без секундного размышления. Но это самое размышление, колебание, пришло уже тогда, когда он медленно шел по направлению к лестнице, вырезанной в камне.

Мысль ничего не сделала с его намерением сесть в кресло. Он собирался сидеть в нем. Выбора не было. Даже если он докажет, что богиня управляет им, то все равно он должен пройти через это, чтобы испытать тело Пта. Для него не оставалось вопроса, должен он или нет садиться в божественное кресло. Но теперь для него было совершенно ясно, что этого будет недостаточно. Теперь он знал, что божественная сила приходит от молитв и что одно кресло не в состоянии сделать из него Пта Трижды Величайшего.

Кресло скорее фитиль, детонатор. Или даже это был аккумулятор запасенной силы, которая может дать начало другой силе, позже она будет наполнена и увеличена из источника божественной силы самостоятельно молящимися миллиардами женщин. Молящиеся хитро подавлялись Инезией. И скорее всего, сила не возобновлялась в любом размере в течение невообразимого периода времени. Религиозные обычаи имели в своей структуре консерватизм, не знающий подобия в любом другом человеческом институте.

Он начал взбираться вверх по каменной лестнице, когда подумал: «Победа будет обеспечена обороной». Его собственная жизнь будет спасена, но Лоони умрет, и бездушная замковая цивилизация будет продолжать свое существование в веках.

Внезапно он почувствовал тщетность усилий. Через плечо он взглянул на двух женщин, стоявших там, глаза которых цепко впились в него. Трудно было представить, что они когда-то были его женами. Страстная и капризная золотоволосая женщина-ребенок Инезия, смуглая, крайне напряженная Лоони. Какой она была в настоящем своем обличье? Он не видел ее с момента своего изгнания из Гонволана. Это он знал.

Возможно, это было потому, что он качался, рука сменяла руку вдоль потолка, а кресло приближалось. Ближе... затем оно оказалось точно под ним. Оно светилось, как огромное зеркало, излучающее бриллиантовый свет. Через мгновение он будет богом.

Долго он висел там, глядя вниз. Затем он прыгнул. Тотчас же он сидел внизу. И начал тонуть в кубе... Он исчезал. Проходили долгие минуты. Его нога первой высунулась из днища. Он упал на пол, в шестнадцать футов внизу. Еще мгновение куб мерцал. Затем издал слабый хлопнувший звук и ушел, как бы взорвавшись мыльными пузырями. Холройд лежал на полу без движения, точно мертвец.

Молчание было нарушено звенящим смехом Инезии. Лоони резко обернулась, глядя на золотоволосую богиню. Ее глаза

расширились, когда она увидела неприкрытое веселье на детском лице. Со слабым вскриком она бросилась к телу, которое лежало на полу, полупадая-полуполетая к нему. Она дергала и тормошила мертвое тело Холройда, пока он лежал на спине. Положив пальцы на его веки, она открыла глаза. Они, подрагивая, закрылись, когда она отдернула свою трясущуюся руку. Смех Инезии маниакально гремел у нее в ушах, когда она пыталась пробудить к жизни его тело.

Цвет возвращался к его щекам.

— Он жив! — выдохнула она. И склонилась на коленях, изумляясь все больше и больше. Смех за спиной оборвался на визгливой ноте.

— Конечно, он еще жив, — сказала Инезия. — Я не смогла найти единственную смертоносную энергию во входной структуре кресла. Этот беднейший комплекс положительных сил представился, когда я пыталась найти какой-либо метод уничтожения его.

В тоне золотистой богини было самоудовлетворение, которое привело Лоони в состояние ужасного возбуждения.

В ярости она вскочила.

— Только не претендуй на то, что это твоих рук дело!

— Я ни на что не претендую, — холодно сказала Инезия. — Я удивлена не меньше тебя. Но, конечно, теперь, когда это произошло, совершенно очевидно, что имело место мое вмешательство.

Для Лоони это не было очевидным. Если бы она что-то подозревала, то наверняка бы предотвратила катастрофу. Она уже собиралась просить объяснения, но один вид этого алчного, изнеженного лица принес воспоминание, что Инезия никогда не отвечала на вопросы. Она хвастала. Это было несложно.

— Ясно, — сказала Инезия тем же тоном, — что Пта никогда не осмелился бы испытать силу кресла до того, как он войдет в свою полную молитвенную силу. Благодаря моей изоляции он временно перегорел. — Она нахмурилась: — Трудно найти сравнение, но меня крайне удивило бы, если бы он смог вновь стать в круг власти.

— Зачем ему кресло, если он надеется привлечь на свою сторону миллиарды верующих женщин? На это трудно ответить, но было бы неплохо вспомнить, что Пта всегда оставался более великим, чем любая возможная оппозиция против него.

Инезия грациозно пожала плечами. Глядя на нее, Лоони думала, что богиня-правительница имела собственные затруднения, отличные от ее. Главное из них заключалось в том,

чтобы не закричать от счастья. Женщина пылала. Она делала слабые быстрые движения своими пальцами, и даже ее тело казалось дрожащим, словно трепет, сравнимый с трепетом экстаза, охватил ее. Все ее существо было живым и охваченным радостью. Было даже удивительно, как ей удавалось сохранить свой голос таким тихим, каким она продолжала говорить:

— Естественно, если бы он прекратил опасаться меня, я лишилась бы всех шансов. Теперь я перевезу его в свою великую столицу Гадир, в Аккадистран, и дам ему пройти тропой гонволанцев, которые были похищены и увезены в Аккадистран.

Смех ее прозвенел, как звон металла о камень, так резок он был.

— Интересно было бы видеть, что случится, когда божественное тело расчленят на куски. После того, — издеваясь, она выждала, — как эти идиоты-бунтовщики начнут нападения на Нуширван, я прикажу своим небесным всадникам действовать.

Побелевшая Лоони уставилась в Инезию. Дважды она пыталась говорить, но каждый раз только глотала свой ужас. Инезия рассмеялась, потом сказала с дикой свирепостью:

— Не пытайся убеждать меня, что это не является необходимостью. Существует только один род союза, который Гонволан будет поддерживать с Аккадистраном, — союз сокрушительного разгрома.

Напоследок она добавила:

— Пока мои боевые летуны поблизости, я буду следить, чтобы каждый молитвенный жезл в Гонволане стал их добычей. Я не оставлю шансов. Я позволю молящимся аккадистранцам поддерживать мою силу до последней возможности, но верующих женщин в Гонволане искореню. Пта, конечно, к тому времени уже будет мертв.

Она умолкла, ее глаза были звездами, а лицо безмятежным, пока она наконец не выкрикнула:

— Я не решила еще о форме правительства, которое я поставлю, когда последний очаг сопротивления будет сокрушен. Замковая система имеет как слабости, так и свои сильные стороны. К недостаткам следует отнести большое количество бунтовщиков, взращиваемых ею. Эти наглые негодяи осмеляются противостоять мне!

Она опять умолкла, затем мрачно продолжила:

— Я не выношу, когда мне прекословят. Если бы не это и если бы у меня были способности старого Пта координировать

действия масс людей, я могла бы даже соблазниться возвращением нелепого типа правительства, которое он терпел. Я никогда до конца не понимала его внутреннего смысла, но оно было весьма впечатляющим в бытность Пта, но без него оказалось совершенно неуправляемым и нетерпимым. Помнишь, Лоони, дорогая, что было в первое время после того, когда я свергла тебя? Это было в результате нашей ссоры, в тот период, я поняла, что правление двух суверенных богинь является невыносимым парадоксом.

Смутно Лоони поняла, что Инезия подкрадывается ближе. Теперь она распознала намерение богини. Она повернулась, выпрямилась — слишком поздно. Инезия бросилась на тело Пта-Холройда. И цеплялась за него, пока Лоони грубо не оторвала ее.

— Смотри, дура, — яростно выдохнула Инезия, — или идем...

Она *немогла* предупредить что-либо. Она чувствовала перемену. Без воды это был медленный процесс, необычный, но через минуты началось движение сквозь тьму. Почти мгновенно она оказалась лежащей на жесткой поверхности; и это был день.

Глава 21. ЗАРД АККАДИСТРАНА

Она почувствовала ужас. Но не свой собственный. Он шел от рыдающих и стенающих женщин, кричащих детей, высоких надломленных голосов мужчин. Бесчисленные женщины и дети, мужчины кричали от страха и отвращения.

Лоони встала, поспешно изучая происходящее глазами, и вздохнула с надеждой. Инезии не было и следа. Но неподвижный Пта лежал на подстилке у ее коленей. Он выглядел мертвым. Он лежал совершенно неподвижно, без малейшего шевеления. Лоони еще раз внимательно огляделась вокруг.

Они с Пта были внутри окруженного стенами пространства. Загон был размером около квадратной канбы и забит людьми. Вдали, на большом расстоянии за одной из стен, она могла видеть обученных скриров Зард, которые маневрировали, улетая одно подразделение за другим, исчезая из виду. Она содрогнулась от отвращения. Здесь, в одной из тысячи тренировочных областей для скриров, был смертоносный исход для похищенных из Гонволана.

Она стала рассматривать территорию поблизости. Впервые она заметила, что подстилка с лежащим Пта находилась

внутри особой отгороженной площадки, и на каждой из подобных подстилок' растянулось одно человеческое существо или болсе. Отдельные люди подымались и, изумленные, скитались, но всегда находились другие, которые приходили и занимали освободившееся место...

Дети, женщины, мужчины...

Лоони сидела на краю подстилки Пта и ждала. Она думала в отчаянии: Инезия не станет медлить, особенно теперь. Она имсет Пта убитым в момент, когда можно было определить, сознает он что-то или нет. Прежде всего она вернула истинное тело Лоони назад, в столицу Пта, — она не могла рисковать этим в городе, где металл был особенно распространен. Затем она послала свою сущность назад, во дворец Гадира, войдя в тело женщины Зард Аккадистрана и отдавая необходимые приказы. И так быстро, как только позволяли лететь скриры и скакать гримбы, солдаты бросились исполнять их.

В паническом волнении она вцепилась в неподвижное тело и затрясла его.

— Очнись, Пта! — возбужденно кричала она приглушенным голосом. — Очнись!

Тело оставалось неподвижным. Оно лежало в смертоподобном трансе, безвольное, податливое, в цепких пальцах ее рук. Если бы он по-настоящему был безнадежен, она оставила бы его, оставила бы тело Найи и отправилась назад, в Нуширван. Была одна вещь, которую она не могла сделать, если даже немного могла бы предотвратить террор и смерть, которые Инезия замышляла. Она не могла оставаться здесь, когда континенты колебались на краю гибели. Тем не менее она не решалась.

Солнце, которое лежало низко на востоке, заняло характерное для середины утра положение. Пыль от полумиллиона не устających ног поднялась в воздух, как серый туман. День обещал быть жарким и душным. Двое мужчин тащились к ней, неся третьего. Один из них сказал:

— Здесь, кажется, не будет места для моего больного брата.

Другой наклонился к тому, который был без сознания. Он сказал устало:

— В чем дело? Он выбрал значительно лучший путь, по сравнению с нами.

— Я займу подстилку, — сказал первый из говоривших.

— Мой брат в очень плохом состоянии. Он...

Он увидел, что говорит, стоя спиной к женщине. Он оборвал себя, затем повернулся к Лоони.

— Я надеюсь, что вы не будете возражать, если я стащу его, — он указал на Холройда, — с постели. Мой брат без сознания.

Лоони посмотрела на него. Требование было таким вызывающим, что она подумала, что плохо расслышала. Она собралась ответить, но мужчина уже наклонился и стал стаскивать Холройда с подстилки.

Она схватила его за руки и оттолкнула. Его пальцы впились в ее кисти, и он опрокинулся назад, увлекая ее за собой. Он был сильным, и его воля была упорной и непреклонной. Ее желание оттолкнуть его было погребено под тяжестью мужского тела. Через мгновение тело любимой изнеженной жены Нушира было изрядно помято. Она уже истощилась в борьбе, когда его шепот достиг ее ушей.

— Отправляйся в Нуширван! — прошипел он. — Отправляйся в Нуширван! Я встречу тебя во дворце Котахэй... позже...

Лоони похолодела. Затем она стала трясти мужчину в неистовом удивлении, но он внезапно посмотрел на нее расширившимися глазами, в которых светился ужас. Он задохнулся в изумлении.

— Я, должно быть, обезумел. Не знаю, что это нашло на меня. Прошу прощения.

Она была слишком обессилена, чтобы чувствовать сожаление, откинулась назад на подстилку и тотчас же выпрямилась в испуге. Тело Пта исчезло.

После длительного времени потрясение от удивления ушло. Она узнала мужчину, который произнес те слова, о Нуширване. Пта обдумывал их все это время, пока Инезия могла услышать, находясь поблизости.

Он не хотел, чтобы Инезия знала, что он может перемещать себя из тела в тело. Он не хотел, чтобы Инезия заподозрила, что он — божественный Пта, и поэтому у него была причина организовать это происшествие и незаметно скрыться.

— Если вы не будете возражать, — сказал знакомый мужской голос, — я сейчас положу своего брата на эту постель.

Лоони пристально взглядела на усталое лицо. Но его лицо не выдавало никакого признака того, что она высматривала. Не было причины, из-за которой это могло бы произойти. Возможно, мужчина служил Пта. И у нее теперь были инструкции. *Отправляйся в Нуширван!* Тем не менее она все еще стояла, колеблясь, потому что Инезия должна убедиться, тщательно убедиться, что она невредима.

Мысль была подобна сверкнувшему кинжалу. Справа от нее, на высокой стене, что-то двинулось. Затем слева. Приставные лестницы с солдатами замельтешили вниз. Минут через пять они перетекли в «больничный» район, перекрыли ворота и выстроились вдоль «больничной» изгороди. Безжалостно они растаскивали со своего пути подстилки вместе с людьми, находившимися на них. В действие были приведены большие светлые пилы. Главная стена начала осыпаться. Не более чем через десять минут в ней была прорезана дыра шириной в пятнадцать футов и до самого верха. Через нее въехала женщина на чудовищном гримбе.

Женщина была высокой и стройной. Ее карие глаза были яркими, почти янтарными в своем сверкающем сиянии. Ее лицо было худощавым, тонко очерченным и спесивым. Это выражение непомерной гордости позволило Лоони узнать всличественное создание. Физически в выборе Инезии не было ничего удивительного. Зард Аккадистрана каждым дюймом своего тела давала понять, что она королева, полностью отвечающая своей задаче быть правительницей более чем двадцати миллиардов человек. Вопрос заключался лишь в том, была ли действительно Инезия в этом теле?

Гримб стал. Солдаты двинулись вперед, образуя кольцо, внутри которого грациозно двигалась Зард Аккадистрана, улыбаясь мужчине, лежащему на подстилке. Она взгляделась в лицо Лоони, а затем отшатнулась назад, ее глаза расширились в испуге.

Она попыталась говорить, потом сделала произвольный жест руками в сторону незнакомца, который лежал на подстилке, как будто она хотела изменить эти чужие черты на обличье, которое она желала бы видеть. С заметным усилием она сдержала себя, прожужжав низким, злым голосом:

— Где он, этот твой невероятный идиот? Где он? Несколько минут назад он еще был здесь.

Теперь, подумала Лоони, *теперь*, в эту минуту, она должна убедить обезумевшую правительницу, что ее собственные ложные выводы о том, что случилось с Пта, когда он побывал в божественном кресле, были верными. Дрожа, она произнесла те слова, которые доставили Инезии большое удовольствие, потому что впервые за все длительные годы заключения Лоони она наконец победила.

Грубо, коротко, насколько можно было сказать без какой-то подготовки, позволявшей легче разыграть позор, Лоони следовало ответить. Встряхнувшись, она сказала:

— Так ты столкнулась со своим старым затруднением, Инезия. Даже богиня не может быть в двух местах одновременно.

Это позволило ей легче сделать очередной шаг. Она продолжала утомленно:

— Ну, не в этом дело; я подумала, что предоставляю ему такой же шанс, как и у этих бедных негодяев. Я отправила его в толпу. Инезия...

Она умолкла. Ее лицо выражало явную внутреннюю борьбу. Она думала: ты самодовольная дура, это дело жизни или смерти. Тот факт, что Пта не хочет, чтобы Инезия знала, доказывает, что у него нет достаточного могущества, чтобы противодействовать ей. Он нуждается во времени для планирования своих действий, обдумывания их. Дело не в том, чего это будет стоить, она должна видеть, чего добьется. Она сказала натянутым, задышающим голосом:

— Инезия, благодарю тебя. Ты понимаешь, я благодарю тебя за то, что ты не начала эту ненужную войну. Ты победила. Если ты хочешь властвовать над Аккадистраном и Гонволаном, чтобы слить их в одну расу, ты можешь осуществить это десятком обычных способов, например смешанными браками, заставляя, если это будет необходимо, но только без массовых убийств. Пожалуйста, Инезия, пожалуйста, не начинай эту войну...

Она видела, что глаза женщины, подобные мерцающим дискам, изменились — изменение было таким ярким. Теперь эти глаза сардонически вглядывались в нее.

Донесся насмешливый голос Инезии-Зард:

— Бедная Лоони! Как всегда, ты не способна подняться над своей человечностью. В твоих словах видна плохо скрытая истеричность, приближающаяся к сентиментальности. Знай, моя дорогая, что богиня должна быть подобна ветру, который несет дьявольские запахи, такие нетерпеливые, как аромат полевых цветов. Уверяю тебя, я не своенравное грубое существо. Просто чуждые народности не поглощаются естественно, и я теперь заявляю, что дни отдельных народов сочтены. Это свершится.

Лоони сказала тускло:

— Это то, чего в прежние дни боялся Пта; он видел, что это росло вокруг него: жестокое отношение к человеческим слабостям, безжалостное пренебрежение расой, из которой мы, все трое, вышли. Это препятствовало тому, чтобы появился звероподобный бог, объединившийся с расой. Он...

Она умолкла, так как увидела, что женщина не слушает. Зард, чье тело заняла Инезия, повернулась, вглядываясь в

массу людей, которые распростерлись на огромном расстоянии. Инезия медленно сказала:

— Так он ушел? Ну, ему не удастся сбежать. Еще никто не бежал отсюда. Я покажу портрет Инезио стражникам, и, когда его вернут, меня предупредят. Я хочу лично увидеть его мертвым, — она оглядела Лоони, и улыбка скривила ее губы. — Ты будешь рада узнать, что этим утром я отдала приказ о нападении на Гонволян. Никто не в состоянии остановить те силы, которые я привела в движение, так они инертны. Даже я не могу остановить их. — Ее улыбка стала дикой. — А теперь мы посмотрим, что произойдет, когда один генерал в двух телах планирует стратегические операции обеих враждующих армий. Ну, прощай, Лоони, дорогая. Я сохраню твое тело для тебя. Я хочу уничтожить вас вместе.

Она повернулась и энергичными шагами пошла назад к гримбу. Через десять минут каменщики заделали дыру в ограждении.

Лоони не могла решить, что же ей делать. Она стояла вблизи ворот, борясь с желанием броситься к людям, заполнявшим внутреннее пространство. Конечно, это было бесполезно. Даже Инезия, со всем ее желанием найти Пта, только поглядела на то бескрайнее море людских голов и поняла тщетность попыток искать среди них одного человека. Она не должна заниматься глупостями. Она должна отправиться в Нуширван для того, чтобы выполнить то, что она запланировала, и ждать Пта. Невероятно важно дать знать ему об объявлении войны Инезией. Она не могла рассказать об этом Пта, пока они не встретятся в условленном месте. Что он будет делать, когда узнает правду, она понятия не имела. Нападение казалось окончательным решением, способным уничтожить даже молитвенную силу Пта, которую он сейчас не имел.

Волна безнадежности прокатилась через нее. События становились слишком тяжелыми для любого человека. Приказ о нападении был отдан, назревала кульминация злодейств богини. Ночью тренированные скриры-убийцы Зард перелетят через узкое древнее море Тета. Лоони выбросила эти мысли из головы и почувствовала жалость к Найе, которую должна была покинуть здесь. И послала себя к Нуширвану.

Глава 22. МЕЖ СТЕН СМЕРТИ

Несмотря на занятые подстилки, Холройд преодолел расстояние до ближайших ворот секунд за пять. Достигнув ворот, он втиснул себя с безжалостной силой в людскую массу, которая волновалась на краю «больничной» территории.

Он бросил назад последний взгляд. И видел, что Лоони все еще борется с человеком, который пытался положить своего брата на подстилку Холройда. Никто больше, особенно женщины, не двигались. Если Инезия была там, в каком-то больном женском теле, она не смогла бы увидеть, куда он делся.

Похоже, что он в безопасности. Он попробовал выйти на более открытую местность. Вместо одного человека на один квадратный фут поверхности здесь был один на каждые два квадратных фута. Разница была несущественной, тем не менее он двигался более свободно. Казалось, он движется в песке или море: не было силы, способной противостоять ему. Но отличие было. Оно преследовало его в течение двух фантастических часов, которые последовали за этим. Медленно, однако, созревало понимание тайного убежища, которое по плану ему следовало бы найти. Это должно было быть место, где бы он мог безопасно оставить свое тело. Бессмысленно это было делать здесь, в океане бесчисленных дрейфующих людей.

Пришла ночь. Часом позднее он все еще боролся между тем, оставаться ли ему у высокой главной стены, которая ограждала один из флангов «больницы», чтобы быть пинаемым и затоптанным толпой, или поискать что-то другое. Наверняка существовали входы и выходы, ведущие в лагерь, которые, естественно, охранялись, но не в этом дело. Он подошел наконец к мужчине, который выглядел скорее разумным, чем запуганным.

Холройд крикнул:

— Как нам отсюда выбраться? И куда?

Мужчина мельком глянул на него.

Десятки других людей бросили на него бездумные взгляды. Было похоже на то, что он бьется головой в массивную стену, стремясь доказать свою правоту. Он прекратил свое противостояние движению толпы. Он позволил себе двигаться в медленном течении круговыми движениями, оценивая свое местоположение.

Он должен найти место, где был бы уверен, что его тело не будут топтать. Физически он был захвачен этим людским по-

током, по крайней мере до тех пор, пока не найдет места, огражденного от внешнего воздействия. Свою сущность он мог сберечь, но телесная оболочка, если она достанется Инезии, не убедит уже в его власти. А сейчас он был захвачен... захвачен этой чудовищной массой людей. Должен был существовать какой-то выход, — должен был. Он снова вглядывался вперед, когда расслышал знакомый голос.

Потребовалось мгновение, чтобы запеленговать направление его источника. Но внезапно он увидел, что человек стоит на верху главной стены, футах в пятидесяти в стороне, и в руках у него мегафон, через который он говорил. Так как звук проносился над толпой, он слегка угас. Вдали он совершенно не был слышен, но Холройд смог разобрать, что человек говорит:

— Плотники... и люди, умеющие обращаться с боевыми скрирами, пусть подойдут к столярным ямам, за тем скатом.

Человек прошелся по стене, а затем повторил свой призыв.

Сосед Холройда сказал:

— Это уловка, чтобы заманить нас к крутому скату. Я останусь здесь.

«Трюк, — подумал Холройд, нажимая в направлении, указанном диктором, — был гораздо более остроумен, чем тот». Жертвы обдумывали способы, чтобы убить или защитить себя от скриров, потому что генеральный штаб Аккадистрана мог придумать тренировочные полеты для больших птиц в максимально приближенных к боевым условиям.

Плотничья яма могла быть идеальным местом, откуда ночью можно было отправить свою сущность в Нуширван. Между тем не мешает узнать кое-какие вещи о боевых скрирах на практике. Чтобы достигнуть дальней стены, ему потребовалось значительно меньше времени, чем он ожидал. Толпа была не такой уж густой на последней квадратной канбе. Россыпи более смелых мужчин и женщин слонялись поблизости от крутого ската, но конечный результат их храбрости был в том, что они ушли первыми. Рой мощных мужчин разбил их на группы по сто человек и повел каждую группу к норе в высящейся стене. Всегда это были сильные люди, те, которые выходили из-за этого ската. И если там в агонии визжали жертвы, звук их голосов был невнятным из-за гама будущих жертв.

Холройд мог видеть то, что казалось плотничьей ямой: пространство с высокими стенами, построенными напротив главной стены, которые протянулись через или над главной стеной на дальней стороне. Дважды, когда он глазел на них,

копыеносец пытался включить его в группу-сотню. Бесстыдно и с безрассудной скоростью он побежал, протискиваясь через редешую толпу. Прямо перед входом в яму стояла толпа, из-за которой донесся звук деревянных и каменных молотов. Негодование, проснувшееся в Холройте, бросило его к воротам. Донесся резкий крик:

— Назад, в линию! Жди своей очереди! Я продырявлю тебя!

Пришли удары и принуждения-подталкивания. Но его сила была сравнима с бульдозером. Через пять минут он уже был у ворот.

Там стояла дюжина мощных мужчин, половина из них была вооружена легкими пиками с каменными наконечниками, другая половина с луками и стрелами, готовыми слететь с жильных тетив. Они несли на голове украшения с перьями, знаки различия. Судя по наибольшему количеству перышек, один из них был офицером. Холройд педантично отметил, что перышек четыре.

Во вспышке напряжения, охватившего его, он направился в сторону офицера. Поначалу его встретило яростное сопротивление личности...

— Этот человек следующий! — крикнул он глубоким голосом и указал на свое собственное тело, которое стояло, высокое, худое, с загорелым лицом, зажатое между несколькими другими телами людей. Он подождал, пока два копыеносца схватят его тело, затем вернулся в него и оказался в плотничьей яме.

Плотничья яма была площадью около двух сотен квадратных ярдов. И, как он заметил, она протянулась под массивной главной стеной, спроектированной шириной на сто ярдов вокруг. Холройд сделал паузу, позволяя своему мозгу схватить общую картину. Там были скамейки, ряды из них, и у каждой скамейки были один-два человека, которые работали. Они, казалось, должны бесконечно заменять дерево и камень. Их было достаточно, даже если бы аккадистранская военная организация помогала. Их орудия состояли из горшков с клеем и светлых пил.

Холройд следил, очарованный, как человек на ближайшей скамье пилил один камень. Инструмент не оставлял никаких следов на пальцах, но проходил через камень, как горячий нож сквозь масло. Впервые он увидел отличие инструментов во вспомогательных подразделениях гонволанской армии. Тогда он не осмелился проявить особый интерес, теперь же у него не было времени.

Когда он повернулся, чтобы уйти, толстый мужчина зашел к нему.

— Ты новенький, а? — резко спросил мужчина. — Сюда, пожалуйста. Мы покажем тебе, над чем мы бьемся, и ты будешь работать. Это твой номер, триста сорок семь.

Номер был на ленте, которую человек быстро привязал на левую руку Холройда, под локтем. Нетерпеливо он продолжил:

— Не потеряй это. Не позволяй кому-нибудь другому соврать это. Любому человеку, который не хочет работать или которого застанут без номера, когда нас будут отбирать для жертвы, пойдет первым. В противном случае идут по очереди, — закончил он. — Нас здесь две сотни. И, за исключением боссов, мы совершаем оборот каждые два месяца. Отличие между нами и теми, другими, в том, что мы получаем пищу три раза в день, они же получают только утром, и они никогда не протягивают дольше, чем один месяц. Мы идем, запомни: нет, сто сорок седьмой был с последней партией. Вопросы есть?

Холройд понял, что пристально смотрит на номер этого парня — сто пятьдесят три. Он означал, что, возможно, это был последний день его жизни. Он глядел еще и еще, холодея, чувствуя жгучее нетерпение.

— Добрый человек, — сказал Холройд. — Я вижу, ты не трусишь даже перед лицом ада. Как тебя звать?

— Кред, сэр, — ответил мужчина.

Он разразился грубым смехом.

— Что бы я делал в Нуширване, зовя вас сэр! Идите прямо!

Тонко хохотнув, Холройд последовал за ним. Он не сделал ошибки, когда разыграл незнание могущества своего тела после того, когда оно побывало в божественном кресле. Он очнулся после длительного процесса напряженного познания, как зверь, с чувствами, заостренными в агонии. Только там не было и не могло быть никакой агонии. И не было зверя. Только Питер Холройд, капитан, танковый корпус США, приобретший необычную и специфическую возможность проецировать свою сущность куда бы то ни было.

Это было грандиозное могущество: его ранние анализы уязвимости Нуширвана убеждали Холройда в этом. Но его собственное могущество проекции отвечало необходимости справиться с управляемым Инезией правительством и с ее способностью послать собственное тело через пространство.

К тому же в этой первой настоятельности он определил, что его прежняя логика также была корректируемой. Кресло было

всего лишь источником запасенного могущества, которое, однажды использованное, могло пополняться лишь из источника божественной силы искренними молитвами женщин. Он сразу же определил, что должен практически удвоиться. Для того чтобы слышать беседу между Инезией и Лоони, оправдывающейся в своем обмане. Некогда запечатанные, губы Лоони не способны были сказать ему так много. Теперь у него вырисовывался смутный, достаточно мрачный план: так она намерена напасть? Если бы ему удалось предотвратить атаку, то Инезия была бы обречена на гибель.

Она могла оставаться колдуньей, но одну вещь о людях она забыла. Или презирала. Или, возможно, никогда не знала: человеческий характер уничтожит богиню Земли, если...

— Мы на месте, — сказал Кред.

Холройд видел, что высокий, сероглазый и седоволосый человек стоял у парапета.

Мужчина повернулся, когда Кред сказал:

— Командир, это — новенький. Я покажу ему.

— Да, — сказал старик равнодушно. — Покажи!

Глава 23. ПИЩА БОЕВЫХ СКРИРОВ

Поначалу Холройд видел только скриров, летающих взад и вперед над огромной ареной. Огромное пространство вокруг нее было заполнено людьми, следящими за спектаклем. Но это было только окружение, которое он мельком заметил. Рои скриров, стаи скриров. Через какое-то мгновение Холройд увидел кое-что еще.

Только одна из каждых десяти летающих чудовищных птиц несла на своей спине всадника, и они летели слаженно, как самолеты в строю. Внезапно, точно по сигналу, группа из десяти птиц метнулась вниз и упала на поверхность арены. И только сейчас Холройд заметил, что внизу под птицами были жертвы.

Сотни мужчин и женщин, в основном мужчин, но женщины там тоже были. Холод сжал его мозг, как металлический обруч. Его глаза были прикованы к безжалостному зрелищу. Холройд изучал драку внизу. Жертвы защищались. У них были грибообразные щиты, которые они держали над собой и из-за которых они тыкали в своих прожорливых врагов длинными пиками. Птицы уклонялись от пик с натренированным проворством, и как малиновки выдергивают червяков из земли, так и

они выхватывали мужественных защитников. Это продолжалось минуты четыре. Наконец, сотни детенышей скриров загрозились у их жилища справа, в высоком каменном доме, и приступили к трапезе.

— Они откармливают свой молодняк мясом? — спросил Холройд упавшим голосом. Казалось, командир не расслышал, но Кред взглянул на Холройда, решил ответить. Но прежде чем он успел что-то сказать, Холройд свирепо огрызнулся:

— Невероятно! Хотел бы я знать, что за дьявол выдумал эти грибообразные щиты?

Еще более удивленный, Кред открыл рот, чтобы возразить, но в это время седовласый человек, который стоял тут же, произнес угрюмо:

— А могу я спросить...

Он умолк. Повернувшись, он, казалось, увидел Холройда впервые. Его глаза расширились. Он покачал головой, словно потрясенный невероятностью увиденного, затем...

— Принц Инезио! — выдохнул он. — Принц... Инезио?

Он упал на колени. Слезы градом покатались по его лицу. Он схватил руку Холройда и начал ее целовать.

— Я знал это, — шептал он. — Я знал, что богиня рано или поздно кого-то пришлет. Я знал, что это бесчинство не может продолжаться долго. О, хвала богине, хвала богине!

Холройд заставил себя стоять спокойно. Это было очень тяжело, что казалось, его тело готово было разлететься вдребезги. До этого мгновения он держал себя таким же холодным, как ледяные вулканы Нуширвана — такие холодные снаружи и такие горячие внутри, колеблющиеся под действием двух ужасных противоположных сил. Теперь это равновесие было нарушено. Хвала богине! Что за чудовищное бесстыдство? Благодарить богиню! Гнусную, бесстыдную и похотливую ведьму! Негодную, распущенную и кровожадную дьяволицу! Безумная ярость угасла, погашенная пониманием того, что командир узнал в нем Инезио и его вера в богиню может оказать помощь в его собственном плане.

Он сказал мягко:

— Встаньте, маршал, и храните свою веру живой в течение предстоящих дней. Богиня действительно послала меня, — он произнес это без малейшего колебания, — и наделила огромным могуществом для борьбы с ужасным грехом здесь.

Он продолжал более быстро:

— Но неужели, маршал, вы не могли изготовить более хорошего оружия против этих птиц-убийц, чем деревянные зонтики?

Маршал выпрямился. Удивительно, как изменилось выражение его лица. На нем еще оставались слезы, но он решительно вытер их и звонким голосом сказал:

— Действительно есть, сэр. В самом деле есть. Я здесь с самого начала похищений граждан Гонволана, уже семь лет. И я уже собирался дать испытать этим, — он сделал жест рукой и в направлении арены, и копошащихся на ней птиц, — чтобы попробовать одну из моих неплохих идей в действии. Взгляните! Он быстро сбежал по ступенькам и вытащил шест с зазубренным наконечником.

— Это длинный, легкий и крепкий шест из обычного гандового дерева, имеет один конец в виде крюка. Защищающийся захватывает крюком шею скрира, когда тот мчится к нему, затем мгновенно втыкает конец шеста в землю. Летающий скрир очень любопытная птица, не слишком умная, с ограниченными способностями к усваиванию конструкций. Те, там, — офицер указал на небо, — тренируют уклоняться от ударов пик; если они ошибаются, то падают вниз, давя людей своими жесткими кожистыми панцирями и твердыми костями, которые защищают их.

Тех, кто захватит крюками скриров, раздавят их массой, но общий эффект заключается в том, что птицы окажутся на земле, и их будет гораздо легче поразить пикой или стрелой. Конечно, многие погибнут, но, как вы можете видеть, появится определенная возможность для обороны. Если вы желаете, со следующей сотней я пошлю несколько человек, вооруженных У-образными шестами.

— Пошлите двух, — сказал Холройд. — Они не смогут продержаться против миллионов скриров, но есть причина для предосторожности.

Не следует делать этого, думал он, чтобы богиня связывала изменение в тактике жертв-гладиаторов с его исчезновением в толпе. Губы растянулись в усмешке, обнажив зубы, когда он глядел, как вооруженные У-образными шестами бойцы убили четырех скриров, прежде чем были атакованы с различных направлений птицами и убиты.

Это было то, что нужно.

Через час он уже был уверен в этом. Пройдет много времени, прежде чем успеют сделать необходимые приготовления; и существовали другие вещи для изучения и приобретения командирского опыта. Но были и определенные ограничения. Этой ночью он должен бежать. Каждый лишний час в столь малом районе давал богине гораздо больше шансов обнару-

жить его, и это раскрытие будет фатальным! Ночью он должен бежать — этой ночью!

Глава 24. МОРЕ ТЕТА

Для его тела приготовили носилки. Предупрежденный Кред и командующий не выказали удивления и страха. Затем Холройд занял тело старшего офицера, командовавшего людьми, приносившими пищу, — это было только начало.

Спокойно офицер-Холройд приказал, чтобы подняли носилки. Двое солдат выполнили это распоряжение без колебаний, остальные тоже ничего не сказали.

Потом был коридор, затем ярко освещенное здание, в котором сильно пахло приготавливаемой пищей. Коридор делился приблизительно надвое — одна часть вела на сорок пять градусов вправо, другая — точно на такой же угол влево. Большинство людей шло в левый коридор, но Холройд направил несущих его тело вправо. Они подошли прямо к двери и уже начали спускаться по каменным, освещенным тусклым светом ступенькам, когда находившийся там офицер встал и взглянул на тело. Он попытался что-то сказать, когда существо Холройда перетекало в его мозг.

Офицер вступил в здание решительной походкой и возглавил процессию, двигаясь по коридору к открытой двери, которую Холройд заметил, когда он и двое его носильщиков проходили мимо. Внутри комнаты с открытой дверью сидели люди: они пили какую-то бледно-пурпурную жидкость, которая могла быть виноградным соком. Он оставил тело старшего офицера и перескочил в мозг другого. Человек, в которого он перескочил на этот раз, ждал на ступеньках, слишком напыщенный, чтобы управлять собой. Под руководством Холройда он заторопился за несущими носилки копыеносцами.

Они вышли на длинную, широкую и плохо освещенную улицу, которая ограничивалась с одной стороны огромной стеной.

Вид барьера привел его в нервную дрожь. Стена! Внешняя стена лагеря для людей. С удивлением он заметил, что сверху ее патрулируют солдаты. Один из них задержался и насмешливо глянул на неподвижную фигуру Пта.

— Вниз по этой улице! — приказал Холройд копыеносцам, которые ждали приказаний. — Там есть двуколка, которая подберет эту пададь.

Он шагал уверенно во главе двух солдат, изучая окружающую местность. Он находился на холме: здесь была необычная арена, а справа от него было открытое пространство. Слева виднелось много дорог, вдоль которых стояли дома. Дороги тянулись прямо к городу, за которым была гавань, заполненная кораблями. Город высился слева, но Холройд позволил себе бросить в ту сторону только один небрежный взгляд.

Гавань располагалась в части города, которая лежала прямо. Путь до нее займет много времени. Он может достичь берега, овладеть телом капитана и... Нет, подожди! Он почувствовал нетерпение. Черт побери! Он забыл о своем сверхъестественном могуществе, которое давало ему возможность проецировать свою сущность на других. В самом деле — овладеть кораблем! Достаточно захватить скрира, чтобы долететь до Гонволана за несколько часов. Нет времени для медлительных кораблей или любых других средств передвижения.

Его мысль оборвалась, когда он увидел, что стоит с копьеносцами-носильщиками у открытого пространства. Холройд указал на группу деревьев.

— Положите его там, внизу, — сказал он и отпустил солдат, которые ушли вверх по дороге с обычной для нижних чинов уверенностью, что они сделали все, как полагается, а иначе и быть не может.

Как только люди исчезли из виду, Холройд заставил офицера последовать за ними. Весь путь назад к стене и в здании он оставался с офицером, а затем вернулся назад, в тело Пта. Ухмыльнувшись про себя, он вскочил на ноги и начал спускаться вниз по холму. Становилось темнее; и здесь, на почти открытой местности, где не было факелов, это сулило большую удачу.

Он удивился тому, что офицер думал, выполняя приказы. Это должно быть странное ощущение, когда тобой управляют. Должно оставаться какое-то смутное воспоминание о совершенных действиях. Парень мог убедить себя, что его действия никем не направлялись. В глубине души Холройд надеялся на это.

Он свернул на ту дорогу, где вдали виднелись здания, похожие на фермы. Беглый взгляд на запад, и он понял, что через полчаса крошечная тьма распластается над землей. Одно за другим Холройд изучал здания, и в одном из небольших домов он увидел признаки жизни.

Холройд долго возился с замком загона для скриров, наконец открыл его и проскользнул внутрь. Пара пылающих глаз раскачивалась туда-сюда, глядя на него. Сдерживая нетерпе-

ние, Холройд подошел ближе. Птица не сопротивлялась, когда он оседлал ее и надел удила... понятное дело, это было домашнее животное, а не боевой убийца-скрир. Он вывел его наружу. После нескольких попыток он все-таки взобрался на нее. Необычная луна показалась над горизонтом, когда он взлетел, держа курс через море Тета.

Утро наступило, когда птица приближалась к поросшей лесом береговой полосе. Нескончаемые холмы и леса, или это только так казалось после двух часов полета на скорости, которая не могла быть меньшей, чем сто миль в час.

Если бы только, подумал Холройд, ему бы удалось найти какое-либо убежище, любое место, где бы он был уверен, что его не побеспокоят, пока он спроецирует себя в Нуширван! Уже полчаса прошло, а все еще ничего не было.

Внезапно необычная мысль пришла ему в голову. Холройд откинулся на хвост скрира. Обвив его лапы стремянами и развалившись на широкой спине, он мог находиться бы в безопасности. Через минуту после такого умозаключения его тело осталось уже далеко позади него.

Он летел сквозь тьму, покрывая огромные пространства в ночи, окружавшей его. После всего он знал, что это движение отличается от любого, и он знал, в чем это отличие.

Короткие путешествия были простыми, прямо сориентированными движениями через пространство в несколько ярдов. Это было отличием. У него было особое чувство, подталкивающее его вперед, жажда движения, которую приносило само движение.

Холройд сделал привал, уравновесился и исследовал окружающее пространство, ожидая впечатлений. Но вокруг не было света, звука или давления какого-либо рода. Вселенная состояла из черной, пустой тишины. Он был один в огромной пустоте.

Поколебавшись, он вернулся в собственное тело. Некоторое время он лежал спокойно, затем повернул голову в том направлении, где должен был быть Нуширван, и снова стал зондировать.

После долгого времени он удивился: что ему нужно? Откуда он это знает? Что сказала Инезия? Что невозможно почувствовать присутствие души, когда она была в теле. Но тогда она не была вне тела, изучая, как и он сейчас, зондированием непроницаемую ночь. Возможно, наконец подумал Холройд, он был слишком высоко в воздухе.

Он заставил себя поглядеть вниз. Было такое впечатление, что он падает, но он пересилил себя. Наконец он почувствовал

что-то. Давление? Оно было знакомым и становилось все сильнее и сильнее по мере того, как он опускал себя. «Вода?» — подумал он. Но не был в этом уверен. В первый момент пришло воспоминание, когда он входил или покидал тела, управляемые им. Это казалось неважным, и потом, это была значительно более глубокая сила. Это было грубо и неприятно; приглашение к контакту было недоброжелательным или насильственным в некотором роде. Это, должно быть, вода. Он все еще над морем Тета.

Холройд снова заспешил. Он должен быть очень близко от земли, потому что только несколько мгновений прошло после того, как он почувствовал отличие. Земля!

Нельзя было останавливаться, нужно было преодолеть горы, которые простирались еще на сотни миль между ним и великой столицей Котахэй. Он точно оценил расстояние, снизившись там, где клубок очень грубых, сильных давлений указывал на присутствие жизни. Он остановился на ближайшем давлении и получил потрясение, сходное с ударом электрическим током.

Женщина! Внимание, подумал Холройд. Он приблизился ко второму давлению более осторожно, но там не было чуждой ауры, не было сопротивления. Он вошел в тело и очутился в маленькой городской конторе. Холройду было достаточно незначительного изучения, чтобы понять, что он находится в двадцати пяти милях к северу от столицы.

Второе его тело оказалось солдатом, идущим по рыночной площади в пригороде Котахэя. У него появилось стесняющее чувство от разноцветных зданий и детских голосов, затем он поменял тело. Третье тело было во дворце Нушира. Это был один из секретарей Нушира, очень крупный усатый юноша, который знал, что в данный момент Нушир в комнате публичности со своей женой Калией.

Со своей женой Калией, улыбнулся Холройд, когда заставил юношу уйти по коридору. Через минуту он вглядывался в Калию глазами Нушира.

Она говорила:

— Важно навести в твоих крепостях и фортах такой порядок, когда женщин размещают отдельно и лишают всякого оружия. Немедленно пошли своих полномочных представителей к вождям мятежников: маршала Маарику, Дилину, Ларго, Сарату, Клауду и других. Предложи им вернуть всех похищенных и свободный проход через нашу страну. Объясни, что ты не в состоянии противостоять Зард Аккадистрана, которая одновременно является Инезией.

Холройд оборвал ее мягко:

— Лучше повремени с инструкциями, Лоони. Я могу оставаться здесь только для встречи с тобой. Здесь мы можем встретиться физически.

Сказав, он улыбнулся... и ждал.

Глава 25. СВИДАНИЕ В КОТАХЭЙ

Ответ Лоони задержался на долгое время. Глаза пухленькой Калии увлажнились. Руки ее задрожали. Она подалась в кресле вперед и, наконец, прошептала:

— Пта! — Она вскочила и бросилась к нему, схватила его за руку. — Пта! — наполовину выкрикнула она. — Пта, она приказала напасть. Ты понимаешь? Она уже приказала напасть.

— Хорошо! — сказал Холройд.

В голосе Нушира это прозвучало, по-видимому, несколько иначе, чем собирался сказать он сам. Блондинка отшатнулась назад и потрясенно глядела на него. Холройд смотрел на нес.

— Не будь душой! — угрюмо сказал он. — Сейчас мы ничего не можем сделать, чтобы помешать ей осуществить свои замыслы. Но, если мои выводы верны, то все это играет нам на руку. Мы можем чувствовать симпатию ко всем этим бедным дьяволятам, которые намерены погибнуть, но мы не должны ввязываться в опрометчивые действия. — Быстро он продолжал: — Поскольку Нушир теперь знает наш секрет, нужно точно установить, на чьей стороне он теперь стоит и будет стоять в будущем. Я надеюсь начать с того, что личность, которая может планировать дьявольское нападение Аккадистрана на Гонволан, не станет тратить времени и мыслей на Нушира Нуширванского.

А в конце я хочу сделать понятным, что ему предстоит жить до глубоких лет, хотя он должен провести определенные перемены в своем правительстве. Я имею в виду ограниченную монархию в течение его жизни. А потом я не знаю, я не могу спокойно видеть парламент, представляющий восемьдесят или восемьдесят пять миллиардов жителей, члены которого, неважно как много их было, слишком далеко отошли от своих выборщиков.

Местные правительства, кажется, в порядке. Я не вижу причины, почему бы потомкам Нушира не занять другую позицию. Он может принять это или отвергнуть. Я уверен, у него есть резон принять это предложение.

Холройд сделал паузу, поймав печальный взгляд Лоони на себе. Пришло также воспоминание, что его тело находится на спине гигантской птицы и что он вряд ли стал привязывать его, если бы знал, что эскадры летающих боевых скриров Зард выступили в поход. Он сказал поспешно:

— Главное то, чтобы нам соединиться физически. И чтобы это сделать, я должен определить, где точно находится мое тело, а для этого мне нужна твоя помощь.

Он объяснил, как он летел на юг с фермы, с которой похитил скрира, через море Тета и затем на запад, к несобитаемым берегам Гонволана. Лоони оборвала его.

— Ну, конечно. Там есть огромный лес Пта, оставленный на востоке от города Пта. Если ты последуешь своим прежним курсом, ты вскоре окажешься над заливом, где три реки встречаются и текут в древнее море. Земля у южного берега представляет собой четыре или пять островов. Жди меня там. Я приду в теле, в котором ты меня видел, когда я вскарабкалась на великий утес, — улыбнулась она. — Это единственное законное свободное тело, которое я теперь занимаю, — она замолкла, потом сказала: — Пта, — сказала она спокойно, — у тебя есть план? Я имею в виду... — Она сделала жест. — Настоящий план, один из тех, которые по-настоящему уничтожат или низвергнут Инезию?

— У меня есть теория, — медленно сказал Холройд, — и непоколебимая вера в человеческий характер. У меня есть оборонительное оружие, которое сбережет миллиарды жизней. У меня есть возможность проникать в мозг каждого человека где бы то ни было, включая удельных императоров. Но если Инезия ухитрится овладеть моим настоящим телом, прежде чем я буду готов к действиям, это будет ударом для нас обоих. Только этот ответ я могу тебе дать.

Он видел, что голубые глаза смотрели на него озабоченно, но пухлое лицо Нушира ничего не выражало, поэтому она спросила:

— Сколько времени пройдет, прежде чем ты начнешь действовать?

Холройд вздохнул. Ему бы хотелось, чтобы она не задавала этого вопроса. На него было слишком сложно ответить. Его первые расчеты относительно времени, которое должно было пройти, давали ему срок в четыре-пять месяцев. Если принять во внимание то, что он подписал полномочия на смерть Лоони, которые были отсрочены на шесть месяцев, и принять во внимание, что часть этого срока уже прошла, то оставалось не

более пяти месяцев. Даже мысль об этом заставила его вздрогнуть.

Через пять месяцев боевые скриры Зард учинят бойню на севере Гонволана. Мужчины, женщины, дети будут гибнуть сотнями миллионов. Города падут под пятой захватчиков, оставив ужасные руины, и это будет концом мира, и ужаснее этого трудно себе что-либо представить...

Но возможный размер бедствия можно предугадать. Для этого следует вернуться назад в 1944 год, где люди испытали подобный урок. Нужно убить страх, не поддаваться ему, и терпеливые приготовления осуществить за час до событий, когда с дьяволом можно было бы покончить одним решительным и сокрушительным ударом.

Холройд выбросил ужасные картины из своего мозга.

Быстро он сказал:

— Я увижу тебя в дельте и объясню все. А теперь до свидания.

Через десять минут он вернулся в свое тело и увидел серебряное сверкание трех рек, описанных Лоони. Двумя днями позже сама Лоони прибыла к нему туда.

Глава 26. ВТОРЖЕНИЕ В ГОНВОЛАН

Остров был зеленым идиллическим миром. Его холмы и прогалины жили своей тихой жизнью, в каждом кусочке джунглей зрели фрукты на деревьях. Здесь не было опасности для двоих: тощей загорелой женщины и высокого, темноволосого мужчины, скрывавшихся в джунглях. Они ждали, когда могущество потечет к Холройду, могущество, которое значило, что женщины молились и что победа возможна. Проходили дни и недели.

Время было нескончаемо. Они проецировали себя в чужие тела на всех континентах Земли, тела значительных людей, правителей, маршалов, высокопоставленных чиновников и чиновниц, удельных владык и мятежных командиров.

Это было медленное, кропотливое дело, похожее на копание траншей; континент был слишком велик, слишком много людей имели поработанные умы и придерживались консервативных взглядов. Слишком много людей в отдаленных гордоках яростно говорили:

— Но ведь богиня не объявила о войне с Аккадистраном. Где же свиток с Имперским указом? Ты говоришь неправду! *«Богиня не предупреждала нас!»*

Нет, она не предупреждала! Слухи просачивались подобно болезни: торговцы, чьи караваны гримбов и скриров возвращались с неудачей. Нелегко им было заткнуть рот и запретить рассказывать о том, что творится на границах страны.

Беженцы двигались на юг, разнося весть о терроре. Но от богини не было ни слова. Где-то, представил Холройд, она сидит и делает свои расчеты или хохочет, когда думают о ней.

Лоони и Холройд были в Пта.

Ночью мегаполис был жертвой. Они стояли на холме, с которого открывался вид на море и город, и занимали тела супружеской пары, читая афишу, уже виденную ими раньше:

«Этой ночью не должно быть света в городе из-за боевых скриров Зард. Бедствие обрушилось на наши земли в результате призывов безбожных мятежников и их бездумного нападения на Нуширван. Верьте в богиню! Верьте в богиню! О Колла! О Пта!»

Холройд сказал нетерпеливо:

— Удивительно, что она не поняла раньше, что темнота сыграет на руку захватчикам и затруднит оборону. Мы увидим многое из того нападения.

Лоони тянуло ближе к тени дверного прохода, но она ничего не сказала. Темнота сгустилась. Облака тянулись по небу. Город под ними был обжат тьмой. Передние смутные массивы зданий быстро росли в кромешной ночи. Но город в ней был уже невидимый, неосязаемый. Вечный Пта, Город света, древний дом Сверкающего, божественного короля веков.

Этом Пта в темноте! Впервые за всю его грандиозную историю в нем не было света. Пта растворился в ночи, стал бесформенным подобием холмов на западе.

Медленно из темноты вышла Лоони. Пятна звезд, которые пробивались через облака, делали странное, печальное выражение на ее еле различимом лице. Она прошептала:

— Можем ли мы сделать что-то? Должны ли мы оставаться простыми зрителями? Пта, девять золотых городов на западе пало. На востоке Лира, Гали, Ристерн, Танис и сорок три города на северо-востоке страны; и все на восточном побережье, и на севере, кроме величественного Калурна.

— А ночью и сам город Пта, — монотонно сказал Холройд. — Нет, Лоони, мы ничего не можем сделать. Даже в случае, если мы вмешаемся, мы будем действовать с минимальной пользой и...

Он остановился. Она увидела, что его тело напряглось. Его темный силуэт повернулся и, казалось, он пристально смотрит на север.

Он сказал:
— Слушай!

Лоони тоже прислушалась. Подобно тому, как громкий ветер предупреждает о циклоне, донесся звук, тем не менее не похожий на ветер. Ужасающий звук несся с черного неба на севере:

— С-к-р-р-и-и-и-р-р...

Первый звук был похож на сигнал. Грубый, чужой, ужасный крик огромных, прожорливых птиц разнесся по Вселенной. Сто тысяч, пятьсот тысяч, *десять миллионов* летающих скриров пронзительно вопили в полуночном небе. Ночь стала безумной бойней.

Позже, когда все осталось позади и они очутились на острове, Холройд неистовал:

— Я разорву ее на мелкие кусочки. Я...

Его ярость утихла. Потому что он и в самом деле знал, что он собирается сделать с Инезисей, дикой женщиной.

Это не было повсеместной картиной в битве за Гонволан. Большие и малые группы войск сражались при помощи У-образных шестов и копий... Подошла армия. Холройд следил за большими успехами на востоке, наблюдал, как некоторые подразделения летели на скрирах, чтобы защитить города от захватчиков. Иногда они побеждали, держались день, неделю, пока генеральный штаб нападавших не собирал превосходящие массы боевых скриров, которые подавляли любое сопротивление.

В истории войн, казалось Холройду, не было армии, которую удалось создать Гонволану. Ее снабжение пищей могло продолжаться не более чем несколько дней. Огромные массы людей обезумели от голода и ели своих гримбов и скриров, с подозрением поглядывая друг на друга. Дважды Холройд видел, как люди ели людей.

И все же ничего не оставалось делать, как ожидать и ожидать. Много раз они обговаривали свои планы и положение, женщина в мертвом теле и мужчина, чьи темные глаза пылали неистовством, увеличивающимся день ото дня по мере возрастания того ужаса, который он видел, и ужасное негодование росло в его душе.

— В действительности оно очень просто, это божественное могущество, — вздохнул Холройд однажды ночью, когда они сидели на траве, сплошь покрывающей остров. — Прежде всего ты можешь просцировать свою сущность; давай будем звать ее душой. Далес — это возможность перемещать свое тело через пространство. Мало что еще можно добавить к этому. Решаю-

щим дополнением является возможность перемещаться сквозь прошлое время, медленно, в непосредственное прошлое, но с помощью другого круга божественной власти быстро пересекать параллельные точки одной спирали времени к другой, прыжки через двести миллионов лет.

Можно добавить и такие виды могущества на расстоянии, как путешествие умов, в которое Инезия брала меня. Удивительно для меня то, что чары Пта не представляют ничего большего, чем гипноз, мысли, помещенные в обоих умах — твоим и Инезии, которые даже она, несмотря на все ее могущество, не была способна преодолеть.

Мягким голосом в темноте Лоони сказала:

— Старый Пта знал человеческий мозг. Он открыл, что нет мозга, который бы прочно удерживал более шести команд-вопросов в течение большого периода времени.

Холройд устало кивнул, но той ночью не сказал ничего больше. Через месяц он нарушил долгое молчание между ними.

— Твой прежний Пта, что он любил? И почему он сливался с расой? Из всех внешних проявлений, из всех результатов это была величайшая ошибка, которую он когда-либо делал.

Худая женщина покачала головой и громко сказала:

— Погляди на себя, Питер Холройд. Ты — Пта, я знаю, прежний Пта, великий, горячий, знающий Пта. Погляди на себя, говорю я, и ты увидишь его таким, каким он был, — добавила она тихим голосом, — и каким он будет. — Прежде чем Холройд смог что-либо сказать, она печально сказала: — Как будто слияние с расой означает бедствие. Но он говорил, что мог чувствовать в себе темные, чужие, бесчеловечные понукания, которые он должен отбросить возвращением источника благопристойности — жизненной силы людей. Если его страхи были справедливыми, если он становился более греховным, тогда то, что мы сейчас видим, — не бедствие, а перерождение надежды. Я могу сказать себе, что все, чего Пта желал, я могу теперь видеть в тебе. Подспудное знание, что есть правда, что грех не будет процветать, возможность приспособиться и ударить врага его собственным оружием и не потерять ничего, что будет добротой. Не терпеть порока, не уменьшать честных устремлений.

Почти не дыша, она ждала. Затем выдохнула один вопрос:

— Пта, ты чувствуешь себя сильнее? Ты чувствуешь *рост*?

И как всегда с мрачным удовлетворением, Холройд ответил:

— Да... да, я чувствую.

На стодвенадцатую ночь их ожидания произошло что-то реальное. Ежедневный тест сработал. Он мог перемещать свое тело через пространство. А на стотринадцатое утро он смог взять Лоони с собой без использования воды в качестве катализатора. После этого они поглядывали друг на друга с мрачными ухмылками. Наступило время действий.

Глава 27. ПАДЕНИЕ БОГИНИ

Подобно духам они материализовались в темнице, где было заковано настоящее тело Лоони.

Много времени ушло на то, чтобы расковать цепи. Пилы не могли перерезать металл.

Время уходило на то, чтобы заменить тело мертвой женщины, которую поместили на место Лоони, чтобы в скудном освещении казалось, что цепи удерживают ее.

— Не кажется ли тебе, — сказала Лоони, — что мое тело не так уж важно, чтобы с такими трудами освобождать его от оков? Ты сможешь сделать другое тело, которое я займу в круге власти. Но я уверена, она придет сюда, когда узнает, что ты жив. Она придет сюда, чтобы уничтожить меня.

— Не будь слишком смелой и малоосмотрительной, — стал бранить ее Холройд. — Твое тело играет важную роль, потому что мы будем подстергать ее сразу после нашего выступления против нее. Но теперь давай получим эту личную собственность, и наши тела поместим в соседнее помещение. Мы снова будем нуждаться в них, когда закончится наше путешествие. Оставлять наши тела где попало опасно, но...

Следующая остановка, думал он, тело высокопоставленного чиновника во дворце Гадира, в Аккадистране.

Человек стоял, выглядывая из окна, которое выходило на могучую столицу Аккадистрана, когда Холройд оказался в его теле. Перед ним простирался город. Холройду, который видел слишком много городов, он представлялся всего лишь одной из многих конструкций из бетона и мрамора. Он видел, что одна из женщин в комнате лениво сместила свои пальцы. Холройд повернулся от террасы и посмотрел на нее более пристально. Теперь ошибки не могло быть, ее пальцы подавали знаки «Лоони!» Они договорились, что оба должны делать при появлении.

Улыбаясь, Холройд подошел к Зард и, как только она узнала его, вонзил ей в сердце нож. Это был безжалостный и коварный удар, но он помнил о тех миллионах людей, кото-

рых разорвали на куски скриры. И знал, что неважно, как будет уничтожено это тело, занимаемое Инсзией, важно было сделать это!

Человек за ним закричал:

— Дельд, ты — убийца!

Холройд не сделал никакой попытки защитить тело, которое он занимал. Копья пронзили его, вызвав ужасную боль. Его мозг вибрировал от ужасных ран, нервы кричали о своей боли.

Ошеломленный, он переместился из умирающего тела в тело главного министра Зард, спешившего к месту действия и вскрикнувшего от изумления. На какое-то время Холройд воздерживался от слов, затем сделал заявление:

— Необходимо немедленно собрать кабинет. И, маршал, соберите генеральный штаб для обсуждения вопроса о выводе наших армий из Гонволана. Стража, убрать всех из помещения за исключением брата и сестры Зард; особенно уберите всех женщин.

Лоони была сестрой Зард.

Только одна из женщин оказала сопротивление. В ярости она прокричала:

— Слишком поздно, Лоони, ты слишком опоздала. Ты выжидала слишком долго. Через три месяца весь Гонволан будет оккупирован. И прямо сейчас я отправляюсь в крепостной дворец и уничтожу твое настоящее тело, дура!

«Женщина, — с удовлетворением подумал Холройд, — тебе даже не удалось определить, что за человек убил Зард, и что он не кукла в руках Лоони».

Для окружающих же он громко произнес:

— У нее, должно быть, истерика!

Лоони в теле сестры Зард подошла к нему и быстро прошептала:

— Я никогда не думала, что она не подозревает, что ты жив. Это упрощает дело. Она отправит свое тело в опечатанную комнату во дворце, затем пойдет в темницу. Мы должны оказаться там раньше ее. Этих людей можно оставить на время.

Проделано это было настолько быстро, насколько это вообще было возможно сделать. В своих собственных телах они ждали во тьме темницы. Ждали Инезию. Внезапно в комнате стало светлее. Когда кружащаяся тень материализовалась и успокоилась, она оказалась прямо перед ними.

— Как мило, дорогая Инезия, — сказала Лоони, — что ты не обманула наших надежд и пришла сюда.

Голубые глаза золотистой богини расширились. Она вгляделась в Лоони, затем в Холройда. Несообразный ужас отразился у нее на лице.

— И не пытайся покинуть свое тело и отправиться за помощью, — мрачно сказала Лоони. — Мы расставили во внутренних помещениях стражу и приказали не пропускать никого, кроме богини. Они все мужчины, — она оборвала себя. — Поторопись, Пта! Цепи! Она пытается растаять.

Мгновение казалось долгим. Безумие отразилось на лице Холройда, вслед за этим он вцепился в нее. Круг за кругом ее извивающееся тело обвивалось холодными неразрушимыми цепями. Тошнота подступила у него к горлу, когда Лоони поднесла раскаленное металлическое звено и он заклепал его на месте и остудил холодной водой, чтобы закалить. Это была неприятная работа, но не существовало человеческих мускулов, которые были бы в состоянии разорвать цепь.

Лоони сказала:

— Не будь слишком пугливой, дорогая. Ты будешь здесь в заточении до тех пор, пока Пта не станет достаточно сильным, чтобы уничтожить твою способность быть в круге власти. Смертной снова тебе будет разрешено жить так, как ты пожелаешь, в мире и удобстве. Могла ли ты надеяться на такое мягкое наказание?

— Идем отсюда, — пробормотал Холройд. — Мне плохо.

Но на выходе он вгляделся в пустые глаза создания в цепях.

— Ты забыла одну вещь, Инезия, — сказал он. — В случае великой опасности люди сами приходят к своей религии. Бессмысленны попытки твоих солдат лишить их молитвенных жезлов — их просто более тщательно прятали. Религия, как ты видишь, это не обожание бога или богини. Религия — это страх. Религия — это искра, которая высекается, когда мысль о смерти или опасности поражает человека. Она — мина. Она вырастает из тьмы и неуверенности.

В большом кризисе, который ты так безнравственно развязала, еще более естественно, что женщины молились за своих солдат, мужей и любимых. Они никогда не пожалеют об этом, я уверен.

Сказав, он повернулся и вышел за дверь, где его ожидала Лоони. Вместе они закрыли и опечатали дверь.

Вместе они вышли из темноты к свету.

СОДЕРЖАНИЕ

Слэн.....	5
Шелки.....	173
Библия Пта.....	311

Литературно-художественное издание

АЛЬФРЕД ВАН ВОГТ

СЛЭН

Ответственный за выпуск

И. Гусейнов

Редактор

Н. Бархатов

Корректор

Н. Суворова

Ван Вогт А.

**В 65 Слэн: Романы. Пер. с англ. — Ангарск:
Амбер, Лтд., 1993. — 448 с.
ISBN 5—88358—020—3**

Подписано в печать с оригинала-макета 20.05.93.
Формат 84x108 1/32. Бумага типографская. Печать высокая.
Усл.печ.л.23,52. Уч.-изд.л.25,82.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 581. С 21.

ТОО "Амбер, Лтд".
665830, г.Ангарск, кв. 76, д.9.

Книга выпущена при участии ТОО "Сигма-Пресс", г.Москва;
СП "Интерграф Сервис", г.Москва.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО "Детская книга"
Мининформпечати Российской Федерации.
127018, Москва, Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм
"Целлофот".

БИБЛИОГРАФИЯ Альфреда ВАН ВОГТА

1. Слэн. 1946. Slan.
2. Оружейники. 1947. The weapon makers.
3. Книга Пта. 1947. The book of Ptath.
4. Неаристотелев мир. 1948. The world of null-A.
5. Морская вещь(сб.). 1948. Out of the unknow.
6. Путешествие космического Биггля. 1950. The voyage of the space Beagle.
7. Дом, который остановился. 1950. The house that stood still.
8. Повелитель времени(сб.). 1950. Masters of time.
9. Оружейные магазины Ишера. 1951. The weapon shops of Isher.
10. Миссия к звездам. 1952. The mixed man.
11. Далеко прочь(сб.). 1952. Away and beyond.
12. Направление — Вселенная. 1952. Destination: Universe!
13. Создатель вселенной. 1953. The Universe maker.
14. (+Мэйн Халл)Планеты на продажу. 1954. Planets for sale.
15. Игроки неаристотелева мира. 1956. The players of null-A.
16. Империя атома. 1957. Empire of the atom.
17. Клетка разума. 1957. The mind cage.
18. Война против рулл. 1959. The war against rull.
19. Три ока зла. 1959. Siege of the unseen.
20. Неистовый человек. 1962. The violent man.
21. Волшебник Линна. 1962. The wizard of Linn.
22. Лунный зверь. 1963. Moonbeast.
23. Выющиеся люди(сб.). 1964. The twisted men.
24. Чудовища(сб.). 1965. Monsters.
25. Корабль-скиталец. 1965. Roque ship.
26. Крылатый человек. 1966. The winged man.
27. Дальние миры А. Ван Вогта. 1968. The far-out worlds of A. Van Vogt.
28. Шелки. 1969. The silkie.
29. Поиск будущего. 1970. Qucst for the future.
30. Завтрашние дети. 1970. Children of tomorrow.
31. Более чем сверхчеловек(сб.). 1971. More that superman.

32. Полноправный разум(сб.). The proxy intelligence and other stories.

33. М33 в Андромеде. 1971. M33 in Andromeda.

34. Бесконечная битва. 1971. The battle of forever.

35. Темнота в Диамондии. 1972. The darkness of Diamondia.

36. Утеряно 50 солнц(сб.). 1972. Lost: fifty suns.

37. Сияние грядущего. 1973. Future glitters.

38. Лучшее А. Ван Вогта. 1974. The best of A. Van Vogt.

39. Тайные галактики. 1974. The secret galactics.

40. Человек с тысячью имен. 1974. The man with a thousand names.

41. Лучшее А. Ван Вогта(сб.). 1976. The best A. Van Vogt.

42. Грюб(сб.). 1976. The Gryb.

43. Анахистический колосс. 1977. The anachistic colossus.

44. Сверхсознание. 1977. Supermind.

45. Маятник(сб.). 1978. Pendulum.

46. Ренессанс. 1979. Renaissance.

47. Космическая стычка. 1980. Cosmic encounter.

48. Глаз компьютера. 1983. Computer eye.

49. Неаристотелев мир-3. 1985. Null-A three.

